

ИСТОРИЯ
УЗБЕКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А. С. ПУШКИНА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1987

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В 2-Х ТОМАХ

*С древнейших времен
до Великой Октябрьской
социалистической революции*

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ I

*С древнейших
времен
до XVI в.*

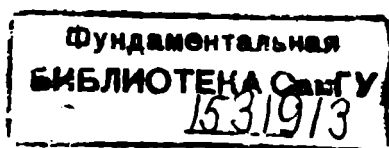
И-907

Настоящий том посвящен литературному наследию узбекского народа с древнейших времен по XVI в. Исследуются древнетюркские памятники, литература на арабском и персидском языках, созданная среднеазиатскими авторами X—XII вв. Дан идейно-художественный анализ творчества Махмуда Кашгари, Юсуфа Хас Хаджиба, Рабгузи, Дурбека, Хорезми, Лутфи, Атои, Гадои, выдающегося представителя узбекской литературы второй половины XV в. Алишера Навои, Бабура, Ходжи и др.

Для преподавателей, аспирантов, студентов филологических факультетов вузов, а также всех интересующихся историей узбекской литературы.

Ответственные редакторы:
доктора филологических наук А. Х. ХАЙИТМЕТОВ,
З. С. КЕДРИНА

Рецензенты:
доктор филологических наук С. ЭРКЙНОВ,
кандидат филологических наук М. ХАКИМОВ

И $\frac{46030100201-3574}{M.355(06)-87}$ 181-87

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1987 г.

От института

Изучению проблем истории литературы придается большое значение. Заслуживает этого и богатое литературное наследие узбекского народа. В 1977—1980 гг. Институтом была подготовлена и опубликована коллективная монография «История узбекской литературы» в пяти томах (на узбекском языке), охватывающая периоды с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции. Для разработки проблем истории узбекской литературы были привлечены специалисты других вузов республики.

В 80-е годы отдел узбекской литературы дооктябрьского периода института работал над созданием «Истории узбекской литературы» в двух томах на русском языке. Основой для данной работы служила упомянутая «История» в пяти томах на узбекском языке. Создание «Истории узбекской литературы» на русском языке — первый опыт в этом направлении, который позволит все-союзному читателю глубже и более разносторонне познакомиться с своеобразной и многовековой историей художественного творчества узбекского народа — одного из древних народов Средней Азии.

В написании разделов I тома участвовали следующие авторы: А. Х. Хайитметов — «Введение», «Жизненный путь Алишера Навои», «Пятерица», «Язык птиц», «Захириддин Мухаммад Бабур», «Заклучение»; А. П. Каюмов — «Древние легенды», «Древние повести», «Авеста», «Орхоно-енисейские памятники»; С. Эркинов — «Общественно-политическая мысль и культура Средней Азии X—XII вв.», «Литература на тюркском языке», «Литература на персидском языке», «Лутфи»; И. Абдуллаев — «Литература на арабском языке»; К. Каримов — «Юсуф Хас Хаджиб»; Т. Гафурджанова — «Общественно-политическая, культурная и литературная жизнь

Средней Азии в XIII—XIV вв.», «Рабгузи», «Дурбек» (в соавторстве с А. Хайитметовым); Я. Исхаков — «Жанр «наме» в узбекской литературе», «Хорезми», «Лирическое наследие Навои»; Т. Ахмедов — «Культурная и литературная жизнь Хорасана и Мавераннахра в I и II половине XV в.»; Э. Рустамов — «Мунозаре в узбекской литературе»; И. Хаккулов — «Атои», «Гадои»; С. Ганиева — «Прозаическое наследие Навои»; М. Мирзаахмедова — «Культурная и литературная жизнь XVI века», «Ходжа»; А. Ибрагимов — «Мухаммад Салих» и «Маджлиси». Разделы «Мунозаре в узбекской литературе», «Мухаммад Салих» и «Маджлиси» были подготовлены к изданию М. Мирзаахмедовой.

Подглавки, входящие в основные главы, написаны А. Каюмовым («Махмуд Кашгари»), Я. Исхаковым («Адиб Сабир Термези»), К. Махмудовым («Адиб Ахмад Югнаки»), С. Ганиевой («Хусейн Байкара»), А. Хайитметовым («Стихотворное послание Навои Сайиду Хасану Ардашери»).

Переводы статей данного тома «Истории» на русский язык осуществили Э. Каримов и Р. Сабирова. Литературное редактирование выполнено И. Я. Темкиной. Материалы к изданию данного тома «Истории узбекской литературы» подготовили Т. Гафурджанова и Г. Парлиева.

Введение

На протяжении семидесятилетнего развития нашей страны Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство руководствуются указаниями В. И. Ленина о том, что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которое человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹.

• На современном этапе коммунистического строительства советская литература и искусство творчески используют богатый опыт классического наследия литературы прошлого, сокровищницу ее изобразительных средств, развивая ее сюжетные мотивы, переосмысливая ее образы.

Однако советская культура и литература используют и развивают не все наследие прошлого в целом, а лишь его прогрессивные традиции, подходя к нему с классовых и партийных позиций. В известной статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»². «...Мы из каждой национальной культуры,— продолжает В. И. Ленин,— берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес бур-

¹ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304—305.

² Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120.

жуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации»³.

Эти указания вождя об изучении и правильной оценке наследия прошлого являются важной методологической основой для наших литературоведов. Действительно, если говорить об узбекской литературе прошлого, то следует отметить, что для современного поколения никакого значения не имеют огромные хвалебные касыды, авторы которых, выражая узко личные или классовые интересы, воспевают шахов, их приближенных, славят жестоких поборников феодальной власти. Закончила свою жизнь для современного читателя и религиозно-мистическая литература, на протяжении веков отравлявшая сознание народа и служившая интересам господствующего класса. Но мы высоко ценим, бережно и внимательно изучаем произведения художников слова, которые защищали народные интересы; обличали угнетателей, глубоко задумывались над будущим народа.

Настоящий двухтомный труд «История узбекской литературы» создан на основе успехов, достигнутых советским литературоведением в этой области. Советские ученые, исследуя историю узбекской литературы с позиций марксистско-ленинской методологии, учитывают ведущую роль классовой борьбы, противоречий между идеологией угнетенных трудящихся масс и господствующего класса. Возникнув в литературе еще на заре феодального строя, эти противоречия определяли ее историческое развитие, содержание и многие характерные особенности. В Средней Азии искусство и литература не всегда развивались равномерно и в соответствии с развитием производительных сил и производственных отношений. В этом состоит одна из особенностей развития искусства и литературы. Карл Маркс писал о древнегреческом искусстве: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не находятся ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир»⁴.

³ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу//Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве. Т. 1. М. 1957. С. 124.

Развитие литературы и искусства связано не только с объективными, но и субъективными факторами; в этот процесс вносили свой вклад представители всех социальных слоев. Таким образом, развитие литературы и искусства происходит не по обычной схеме, а весьма сложными противоречивыми путями. Поэтому всегда следует помнить о необходимости всестороннего подхода к явлениям искусства и литературы, о том, что творчество писателей — продукт сложных общественных отношений.

Обращаясь к истории узбекской литературы дореволюционного периода, можно увидеть постоянно продолжающуюся борьбу между противоположными литературными течениями, их ориентацию на различные социальные группы. В условиях господства феодальной идеологии в период средневековья художники слова, связанные с феодальной дворцовой средой, создавали феодально-дворцовую литературу, служили укреплению господствующего класса и его идеологии. В творчестве представителей этой литературы особое развитие получил жанр касыды, в котором воспевались властители, дворцовые чиновники, богатые феодалы.

В произведениях малых поэтических жанров (газель, рубай, туяг и др.) также выражались чувства и интересы этого класса. И в дастанах в центре изображения часто был «героизм» правителя и его эмиров, беков, войсковых начальников в кровопролитных битвах за феодальные интересы.

Будучи связанной и с религией, с идеологией господствующего в Средней Азии ислама, литература в основном защищала феодальный строй, его идеологические установки, призывала народные массы к покорности, к подчинению феодальной власти. В соответствии с этим в данной литературе сложились два направления, одно из которых представляло религиозную литературу, другое — литературу мистическую. Если представители религиозной литературы требовали безусловного и полного следования указаниям религии и ее главного источника «Корана», то приверженцы мистической литературы отвергали многие религиозные догмы, отрицали роль религиозных культов и признавали лишь бога. Мистическая литература, имевшая различные направления, нередко находилась в оппозиции к феодальным воззрениям и среде. Ряд крупных представителей персидско-таджикской, азербайджанской, узбекской мистических ли-

тератур в определенной степени сближались с трудящимися массами и, выражая их интересы, резко обличали феодальный гнет, вскрывали внутренние противоречия религии. Наиболее передовые представители этой литературы, такие как Имамеддин Насими, Бабарахим Машраб и другие, воспевали с пантеистических позиций человека, жизнь, природу, серьезно задумывались над развитием общества, высказывали новые глубокие философские идеи, за что часто подвергались жестоким наказаниям. Однако со временем мистическая литература идейно мельчала, отдалялась от народных масс, а впоследствии просто слилась с религиозной литературой.

Самым прогрессивным направлением в художественной литературе явилось то, которое было непосредственно связано с интересами народных масс, их мировоззрением, чувствами, стремлениями, эстетическими вкусами и потребностями, что выразилось прежде всего в ее светском характере, гуманистическом духе, а затем и в демократизации, росте ее народности, просветительском содержании. В начальный период своего развития это направление в некоторых аспектах (в частности в обличении феодально-дворцовой литературы и гнета, в борьбе за освобождение человека от власти религиозных догматов) смыкалось с оппозиционной мистической литературой. Ее главной целью было бескорыстное служение интересам народа и человека, создание таких художественных произведений, которые отвечали бы их общественно-политическим и эстетическим идеалам, духовным потребностям. Уже в XIV в. автор «Мухаббатнаме», противопоставляя свое творческое кредо установкам панегирической литературы, так характеризовал ее суть: «Я не возношу хвалу ради богатства!»

Великий поборник народных интересов и гуманист Алишер Навои так развил эту передовую идею:

О Навои, предпочитай нищету
И не склоняй головы перед шахами!

Мунис, выражает свою приверженность этому же принципу еще более открыто:

Проклятье тому поэту, который во имя корысти
Возносит хвалу подлым и бесчестным людям.

Некоторые представители этой литературы, происхождением и социальным положением связанные с феодально-дворцовой средой, тем не менее стояли на пози-

ции гуманизма и народности; никакие трудности не могли заставить их поступиться своими идеалами. Лучшие достижения узбекской литературы прошлого связаны с именами таких художников слова, как Лутфи, Навои, Машраб, Турди, Мунис, Гульхани, Мукими, Фуркат и др.

Поэтому при создании истории узбекской светской литературы прошлого необходимо не только стремиться выявить характер литературного процесса в целом, осмыслить борьбу литературных направлений, объективно осветить связь литературы с общественно-политической и культурной жизнью, но и уделить особое внимание изучению становления передовой литературы, жизни и творчества ее крупных представителей.

Исследуя историю узбекской литературы, мы, как уже было сказано, вовсе не игнорируем сложного, противоречивого характера ее развития. Мы видим внутренние диалектические противоречия и в творчестве отдельных поэтов и писателей, например, Хорезми, который писал: «Я не возношу хвалу ради богатства», и вместе с тем в своих стихах превозносил одного из владетелей своего времени — Мухаммадходжу и возлагал надежды на ханов Золотой Орды. Лутфи, стремившийся сохранить свою независимость, в некоторых произведениях придает особое значение мнению о себе некоторых тимуридов:

Улугбекхан осведомлен о достоинствах Лутфи,
О том, что его красочные стихи по мудрости не
уступают стихам Салмана.

Даже Алишер Навои — великий гуманист, беспощадно разоблачавший гнет и притеснение, феодальное невежество и отсталость, все же не мог открыто обличать произвол тимуридов, в частности шаха Султана Хусейна Байкары. Эти драматические моменты истории узбекской литературы, отразившиеся и в творчестве прогрессивных поэтов, требуют конкретно-исторического, диалектического подхода к их освещению.

Следует отметить и некоторые другие обстоятельства. Например, в развитие узбекской литературы, ее жанров, узбекского литературного языка существенный вклад внесли некоторые поэты из среды феодалов, творчество которых имело положительные тенденции. Ярким примером этого могут служить произведения Захирид-

дина Мухаммада Бабур. Мы не ошибемся, если скажем, что его «Бабурнаме» составляет важный этап в становлении и развитии узбекской прозы. Однако при этом не следует идеализировать их творчество, идеи и замыслы. Выражая в своем творчестве приверженность к общегуманистическим идеям, такие художники слова в реальной жизни, в практической деятельности в основном служили интересам своего класса, что, в свою очередь, серьезно ограничивало народность и гуманизм их произведений.

Разрабатывая историю узбекской литературы периода средневековья и отмечая наличие религиозно-мистических течений, следует учитывать, что господство религии и религиозного мировоззрения не могло не сказаться на духовной жизни общества, в том числе и на характере прогрессивной литературы. К тому же даже приверженцы самой прогрессивной культуры и литературы в эпоху средневековья все же в целом признавали религию, не могли подняться до атеистического понимания проблем общественной жизни. Их отношение к религии, ее догматам во многом носило традиционный характер. Поэтому определенное место в их творчестве занимают религиозные постулаты, легенды, образы. Такие художники слова порою пытались напугать некоторых жестоких и несправедливых правителей адскими муками, и в то же время надеялись на их добрую волю, ждали спасения от бога, связывали свои помыслы с потусторонним миром. Эти религиозно-мистические устремления художников слова, хотя и обусловленные историческими обстоятельствами, следует расценивать как слабые стороны их творческого наследия, проявление закономерной ограниченности.

Многие факты свидетельствуют о том, что в зарождении, формировании и развитии узбекской литературы участвовали представители всех социальных слоев общества. При этом следует остановиться на роли женщин, оказавшихся в условиях средневекового феодализма в особенно трудном положении угнетения и притеснения. В «Собрании избранных» Алишер Навои сообщает о трех поэтессах — Бедили, Мехри, Биби Мунаджиме. Однако до нас не дошло ни одного их произведения, дивана, кроме отдельных бейтов. Это также один из показателей отрицательного отношения феодальной среды к творчеству женщин.

•

Мы располагаем произведениями лишь некоторых узбекских поэтесс XIX — начала XX в., отличавшихся также незаурядным личным мужеством. Независимо от социальной принадлежности эти поэтессы стремились отразить в своих произведениях внутренний мир и все более нарастающее недовольство узбекских женщин, загнанных в ичкари, закрытых паранджой и чачваном. Это отчетливо выражено и в творчестве Надиры, поэтессы шахского двора, и в произведениях Увайси — представительницы трудящихся масс. В начале XX века эти мотивы обретают демократический дух в произведениях Анбар Атын. Творчество этих поэтесс всегда смыкалось с прогрессивными направлениями узбекской литературы, было созвучно им. Поэтому поэтическому наследию этих поэтесс должно быть отведено надлежащее место в истории узбекской литературы.

В прошлом, в условиях восточного средневековья, преобладали идеалистические воззрения на развитие общества, поэтому и в дореволюционной литературе многие проблемы решались с этих позиций. Обратимся, например, к проблеме героя и народных масс в художественном произведении. Ни один художник прошлого не мог последовательно изобразить созидательную роль народных масс в истории. Даже великий мыслитель Алишер Навои, признавая, что народ сильнее любого правителя-тирана и, восстав, может сместить его, все же в целом решал эту проблему идеалистически. Почти во всех поэмах и произведениях других жанров идеалы писателей претворяли в жизнь герои-одиночки. Яркими примерами этого могут служить Фархад и Искандер в произведениях Алишера Навои. Однако тот факт, что подобные герои — шахи или выходцы из знатных родов, несколько не снижает ни идейной, ни художественной ценности произведений. Они имели и имеют высокое эстетическое и воспитательное значение не только в прошлом, но и в наше время.

Основная цель изучения истории литературы состоит в углубленном раскрытии ее положительного опыта, всех прогрессивных сторон, тех ее особенностей, которые можно использовать для этико-эстетического воспитания современного поколения. Одна из самых прогрессивных сторон узбекской классической литературы — отсутствие национальной ограниченности. С древнейших времен

узбекская литература развивалась в тесной взаимосвязи с литературами братских и сопредельных народов, постоянно приобщаясь к великим образцам мировой литературы, осваивая ее передовые традиции. Пересечение территории Узбекистана важными торговыми путями, связывающими страны Востока и Запада с Севером и Югом, также способствовало развитию литературы в этом направлении.

Одним из замечательных результатов культурных и литературных связей явился перевод Кутбом еще в XIV и XV вв. на староузбекский язык поэмы «Хосров и Ширин» великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, Хайдаром Хорезми — поэмы «Сокровищница тайн» («Махзанул-асрор»), Сайфи Сарои — произведения «Гулистан», знаменитого персидско-таджикского поэта Шейха Саади.

Узбекские поэты и писатели, взаимодействуя с литераторами других народов, всегда стремились воспитывать своих читателей в духе уважения и любви к ним. Основными героями произведений Навои, Лутфи были представители различных народов, и эта традиция была продолжена и развита в последующие века. Поэтому лучшие произведения узбекской классической литературы с любовью читаются другими народами. Уже в прошлые века лучшие образцы были переведены на грузинский, армянский, персидский, турецкий и другие языки.

Именно поэтому одной из важных проблем истории литературы являются литературные связи, также сыгравшие важную роль в зарождении и развитии узбекской литературы. На протяжении всей своей истории она поддерживала активные связи с литературами соседних народов, творчески осваивала их передовые традиции, прогрессивные идеи и формы. В этом отношении особо выделяются ее связи с персидско-таджикской, азербайджанской, арабской, туркменской, татарской, каракалпакской литературами, что отразилось в произведениях ее многих представителей. В «Истории узбекской литературы» этим проблемам уделено самое серьезное внимание. Разработка данной проблемы имеет известную лингвистическую сложность, поскольку некоторые художники слова создавали свои произведения на двух языках, в частности на узбекском и фарси. Эти

творения считают своими и узбекский и таджикский народы, авторы их рассматриваются как представители литератур обоих братских народов, а свойственный им билингвизм изучается как характерная особенность их творчества.

Теоретические аспекты истории литературы всегда сложны. В прошлом развитие литературоведческих знаний было слабым, поэтому многие теоретические проблемы начали разрабатываться лишь в советское время. И все же и до настоящего времени многое в этой области изучено недостаточно. Некоторые аспекты теории затрагивались лишь при рассмотрении отдельных произведений того или иного художника-слова. При этом были сделаны выводы о связи творчества писателя с жизнью, о его классовом характере, народности, отношении к фольклору, традиции, о новаторстве, роли в развитии жанров, вкладе в развитие литературного языка, поэтическом мастерстве, творческом методе, стиле и т. д. Хотя многое в этих работах спорно, они все же побуждают читателей к размышлениям над этими проблемами.

Обратимся, например, к проблеме творческого метода, которой наши литературоведы стали активно заниматься лишь с конца 50 — начала 60-х годов. Конечно, к настоящему времени по этому вопросу есть определенная литература. Однако в ней еще окончательно не решена проблема творческого метода применительно ко всем периодам многовековой истории узбекской литературы. В предлагаемом труде она ставится в связи с творчеством некоторых крупных представителей узбекской классической литературы. В целом, несмотря на наличие в истории узбекской литературы ряда идейно-художественных течений, в творчестве передовых художников слова четко выделяется два основных способа изображения: 1) опирающийся на идеалистическое мировоззрение, связанный с утопическими идеалами, выражаемыми в отвлеченно-возвышенной форме, широко использующий метафорические и условные изобразительные средства, в типологическом отношении созвучный европейскому романтизму; 2) восходящий к зарождающимся реалистическим тенденциям (в его ренессанских формах) — попытка изобразить жизнь, «в формах самой жизни», в сочетании с элементами романтического видения и ощущения мира.

В условиях средневековья литература, разумеется, не могла подняться до уровня глубокого художественного анализа жизненных событий, соответствующего тому, что Энгельс определил как изображение типических характеров в типических обстоятельствах. Ее художественный метод был оригинален и соответствовал своему времени, исторически обусловленному этапу эстетического развития. Она изображала события, характеры крупным планом, не чуждаясь идеализации, служащей целям утверждения определенной социальной позиции, используя элементы фантастики и гиперболы. Поэты сознательно избегали изображения темных сторон жизни, считали более приемлемым изображение прошлого или будущего в соответствии с их идеалами и творческим воображением. Поэтому реализм в литературе того времени может быть назван таковым лишь условно, так как он не поднялся до уровня доминирующего творческого метода. Преобладал же метод, более близкий к романтизму, бывший прогрессивным для своего времени и во многом определявший развитие художественной литературы.

Одна из основных проблем истории литературы — ее периодизация. До настоящего времени в науке не выработана общепринятая периодизация почти 2000-летней узбекской литературы. Решительно отвергая буржуазные идеалистические толкования этой проблемы и не отрицая самобытных особенностей развития узбекской литературы, наши ученые выступают против осмысления периодов развития литературы в отрыве от периодизации общенсторического процесса, от общественно-исторических формаций. Как было указано выше, господство феодального строя в Средней Азии охватывает весьма длительный период — с VI до XX вв. Поэтому периоды истории узбекской литературы прошлого совпадают с основными стадиями этого строя — его зарождения, упрочения, развития, кризиса и застоя, относительного оживления и, наконец, окончательного упадка — и в определенной степени отражают их особенности. В то же время в каждом периоде литературного развития должны быть выявлены характерные черты и признаки, отличающие его от других периодов. В связи с этим в данной монографии развитие узбекской литературы до

X в. обозначается как древний период. Литературные памятники этого длительного периода включают в себя орхоно-енисейские письма, упомянутые в произведениях древних историков, сказания и легенды, литературно-поэтические отрывки из «Дивани лугатит турк» известного ученого XI века Махмуда Кашгари. Одни из них можно считать в полном смысле литературными произведениями, другие, например, многие стихотворные отрывки из произведений Махмуда Кашгари, можно расценивать как образцы устного народного творчества. Следует отметить, что эти произведения — достояние всех тюркоязычных народов. Период XI—XII вв. связан с зарождением и становлением письменной литературы тюркоязычных народов и совпадает с началом формирования узбекского, туркменского и других народов. Монгольское нашествие на Среднюю Азию отбросило назад многие народы в их историческом развитии и, в сущности, приостановило их культурную жизнь. В XIV—первой половине XV в. начал формироваться узбекский литературный язык, на нем создается богатая светская литература. Во второй половине XV в. на ее основе сложилось богатое литературное наследие, овеянное идеями гуманизма Алишера Навои. Он выступил основателем узбекской литературы и литературного языка, а его творчество во всех отношениях явилось новым высшим этапом развития дореволюционной узбекской литературы, оказало всестороннее, могучее влияние на все последующее развитие узбекской литературы.

Начиная с XV в. все большим становятся вклад и влияние на развитие узбекской литературы слоя городских ремесленников и кустарей. В связи с этим художественная литература прогрессивного направления все более выражает настроения и чаяния этих социальных кругов. В литературе, в частности в творчестве передовых поэтов, усиливаются тенденции демократизации и народности.

В обличии феодального гнета и невежества, в особенностях сюжета и языка художественных произведений, в разработке характеров главных героев поэты все чаще обращаются к различным жанрам устного народного творчества. Язык их произведений все более сближается с разговорным языком народных масс. Это привело во второй половине XIX в. к возникновению демок-

ратической литературы, а в начале XX в. — к формированию просветительского реализма.

История литературы народов Востока, в том числе узбекской, изучалась с давних времен, однако систематическая научная разработка ее началась лишь в советское время. Для создания истории узбекской литературы прежде всего необходимо было изучать и издавать ее тексты. Лишь с двадцатых годов начали публиковаться материалы по истории узбекской литературы, следовательно, произведения узбекских поэтов и писателей дошли до читательских масс во всей полноте лишь в советское время. В предлагаемый труд свой достойный вклад наряду с узбекскими литературоведами внесли и русские востоковеды, ученые братских республик. В конце 50 — начале 60-х годов был издан многотомный труд «Узбекская литература» и «История узбекской литературы» в трех книгах (автор первой книги — Н. Маллаев, второй — В. Абдуллаев, третьей — Г. Каримов), подготовленная как учебник для высших учебных заведений.

В настоящее время созрела необходимость создания академического труда по истории узбекской литературы, обобщения и критического использования многочисленных антологий, составленных на староузбекском и персидско-таджикском языках, а также первоначальных элементов литературоведения начиная с автобиографических отступлений, трактатов и кончая большими и малыми исследованиями узбекской литературы на узбекском, русском, таджикском, азербайджанском и других языках. В этом направлении важным шагом вперед стало издание средствами современной графики произведений многих узбекских поэтов (в частности Лутфи, Алишера Навои, Гадои, Бабура и др.). На базе всего этого в «Истории узбекской литературы» сделана попытка восполнить ряд пробелов, сохранившихся до наших дней.

В предлагаемой «Истории узбекской литературы» на русском языке постановка некоторых теоретических проблем, разработка периодизации, обзорная форма характеристики творчества некоторых деятелей литературы и представление других в форме литературного портрета обусловлены экспериментальным характером всего труда. Последующие исследования и обмен мнениями,

несомненно, будут способствовать еще более основательной разработке истории узбекской литературы, более четкому выявлению ее основных концепций и более полному охвату материала.

Создание полной истории узбекской литературы не только имеет большое литературное и историческое значение, но и способствует раскрытию роли классической традиции в современности. Бессмертные образцы литературы прошлого помогают воспитанию молодого поколения строителей коммунистического общества в духе высоких идеалов. Обобщение многовекового творческого опыта узбекской литературы, несомненно, будет содействовать дальнейшему развитию узбекской советской литературы, повышению мастерства ее современных художников.

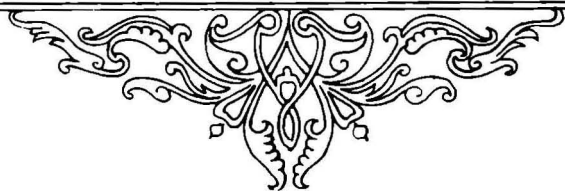
•

•

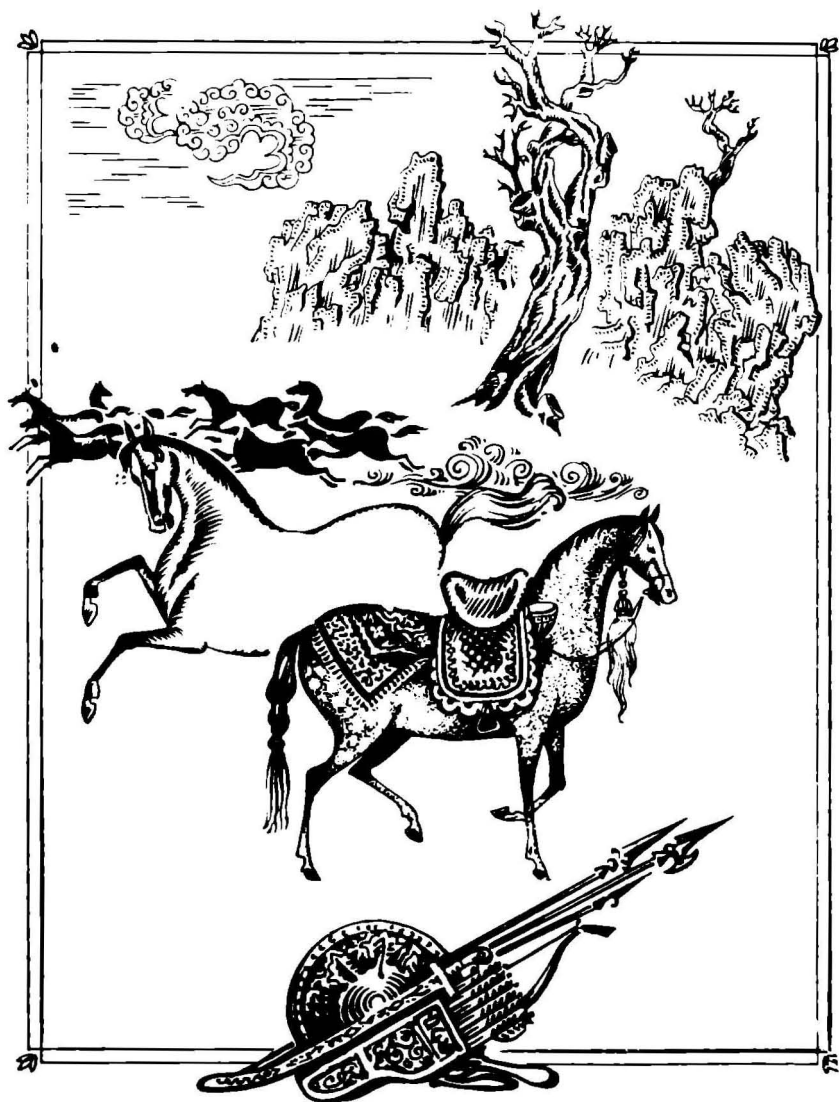
•

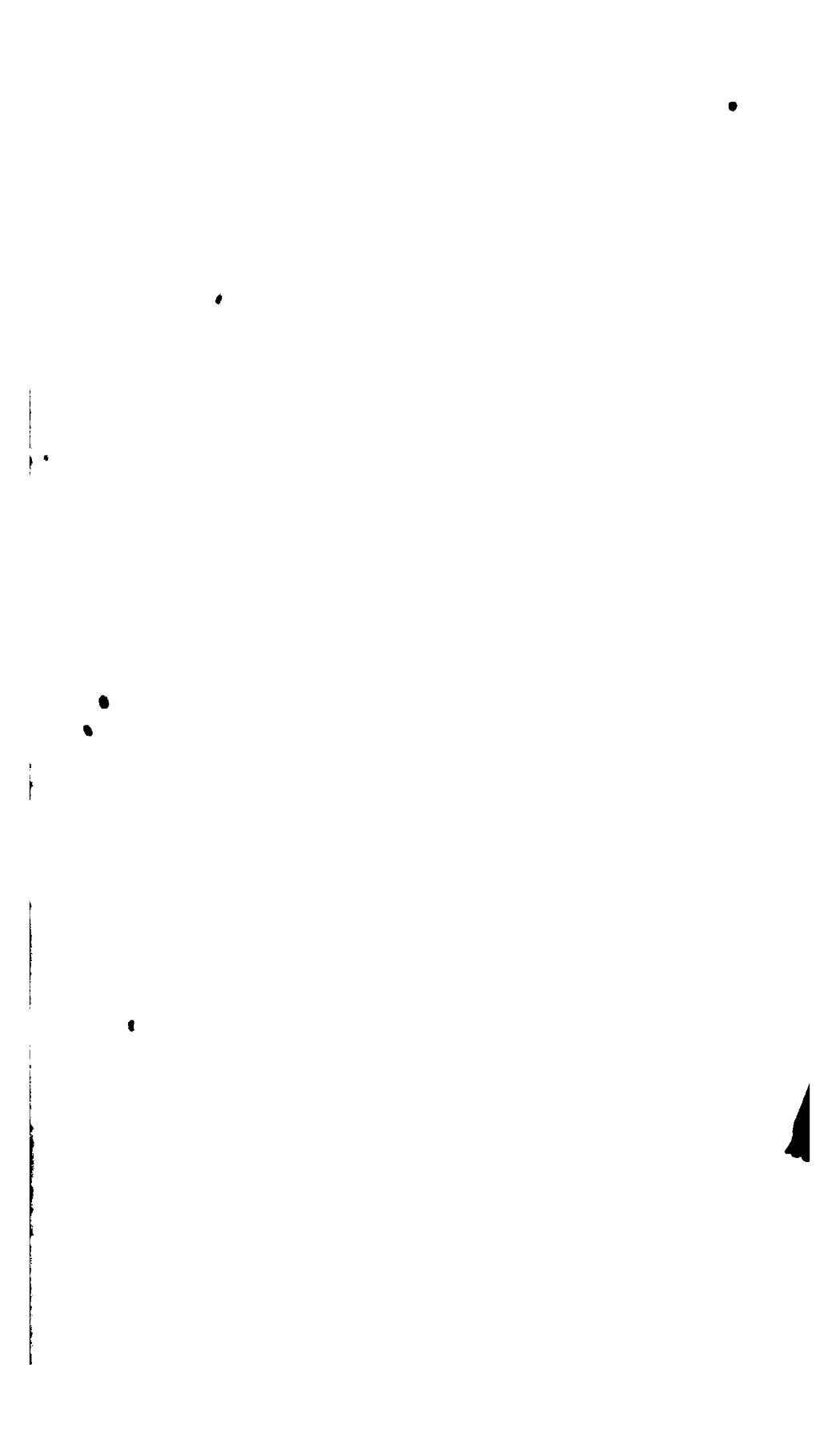
•

|

*Тюркские памятники с древнейших
времен до X века*

Происхождение легенд, мифов, как произведений коллективного творчества народа, часто связано с конкретными историческими событиями. Как чрезвычайно трудно определить время происхождения этих легенд, так нелегко установить и степень соответствия описываемых в них событий реальной действительности. Однако известно, что нередко они основываются на определенных обстоятельствах бытия; вымысел в них сочетается с преобразенными фантазией подлинными фактами истории.

Несомненно, легенды — продукт творчества, преследующего определенные цели и выражающего идеи, связанные с насущными потребностями общества. Мы обращаемся в основном к легендам и мифам, содержащимся в письменных источниках, поэтому их следует так или иначе связывать с письменной литературой. Вероятнее всего, они вошли в письменные источники непосредственно из устного народного сказа и могут рассматриваться одновременно и как образцы фольклора.

Миф о Каюмарсе. Одним из древнейших и широко распространенных мифов народов Средней Азии и Ирана является «Каюмарс», основным источником которого выступает «Авеста». Подробное изложение и сведения о различных версиях этого мифа содержат «История Табари» — «Тарихи Табарий» (X в.). В «Шахнаме» Фирдоуси мифу о Каюмарсе посвящена специальная глава. Краткое описание его дается в труде Алишера Навои «История аджамских царей» («Тарихи мулуки Ажам»). Различные версии этого мифа содержатся и в других научных произведениях и исторических источниках (например, в книге С. П. Толстова «По следам древне-

хорезмийской цивилизации» и Н. М. Маллаева «История узбекской литературы»).

Основываясь на наблюдениях К. В. Тревера об образе жизни и мышления древних народов Средней Азии, Толстов утверждает, что Гавомард означает человекобык, и что, согласно легенде, он жил на берегах Амударьи, причем одна половина тела пребывала на одном берегу, вторая — на другом. Таким образом, исследователь считает, что легенда о Гавомарде-Каюмарсе (человекобыке) связана с Хорезмом.

Автор «Гияс ул-лугат» также считает, что по значению слово Каюмарс соответствует Гавомарду (человекобыку). В книге «Энциклопедия имен» («Комус ул-аълום») приводится несколько версий мифа о Каюмарсе. Еще Алишер Навои в «Истории аджамских царей» упоминал о множестве версий мифа о Каюмарсе и даже об их сюжетной противоречивости. Навои пишет: «Историки сходятся в том, что (тогда) правил Каюмарс. Однако имеются значительные расхождения относительно его происхождения. Говорят, что он огнепоклонник. Одни считают, что это Адам (мир ему), другие говорят, что он из Ирана... Имеется еще много мнений. Однако они далеки от истины, и поэтому мною здесь не написаны»¹.

Далее Навои, основываясь на истории Джалали и Банокати, а также на произведении Имама Мухаммада Газзали, излагает приписываемые Каюмарсу деяния. В частности сообщается, что он построил города Давоманд и Истахр. Каюмарс первым создал законы шахского правления.

Автор «Истории Табари» Абу Джафар Мухаммад бин Джарир Табари считает, что Каюмарс был первым человеком, ставшим известным истории. В этом труде описано много версий мифа о Каюмарсе. По мнению некоторых авторов, он — человек, сотворенный из глины. Поэтому его иногда называют Гил-шахом (Глиняный шах). Слово Каюмарс якобы означает — живой. Это определение получило широкое распространение в Иране.

В книге Беруни «Памятники минувших поколений» («Ал-осор-ул-бокия ан-ал-карун-ул-холия») приводятся некоторые версии мифа о Каюмарсе и сообщаются ин-

¹ Алишер Навои. Асарлар. В 15 т. Т. 14. Ташкент. 1967. С. 194.

тересные хронологические сведения. Беруни пишет, что Каюмарса называли также «гиршахом («царем горы») и «гилшахом» (царем глины), а имя его переводится как «живой», «глаголющий». Ученый излагает и содержание легенды о Каюмарсе².

Несмотря на вариантность преданий о Каюмарсе, все они имеют определенную общность.

Можно считать, что миф о Каюмарсе — ранний образец народного творчества. Что касается самой легенды, то наиболее значительной и интересной нам представляется версия Табари. Согласно ей, Каюмарс был справедливым правителем, заботящимся о благоустройстве страны. Он объединил людей из стран, освобожденных им от дивов, и стал шахом. Каюмарс вел скромный образ жизни. Он научил людей ткать. Умер он в Балхе, прожив 700 лет. После него к власти пришел Шуханг.

В «Шахнаме» Фирдоуси кратко пересказывает эту версию. Однако он не упоминает места действия легенды. В отличие от Табари, называвшего сына Каюмарса Шухангом, Фирдоуси называет его Хушангом. Однако оба автора сходятся в том, что Каюмарс не был убит. Не упоминают они и о том, что их герой был получеловеком и полубыком. В их изображении Каюмарс выступает в качестве того, что современные исследователи мифологии называют «культурным героем» — он научил людей строить жилища, заботиться об одежде и т. д.; боролся против дивов, у него было много детей, он был умным и справедливым правителем.

Несмотря на существенные сюжетные расхождения вариантов мифа о Каюмарсе, приведенных Табари и Беруни, отмечаются общие черты. Это связано с изображением столкновения сил добра и зла и непримиримой борьбы между ними. Каюмарс представляет в мире силы жизни и добра; Ахриман (по Беруни) и дивы (по Табари) — силы зла.

В воссозданном Беруни варианте мифа о Каюмарсе эпоха, среда и события обозначены средствами легенды, не привязаны к конкретному историческому времени. Все совершающееся в мифе — результат борьбы проти-

² См.: Абу Райхон Беруни. Ал-осор-ул-боқия ан-ал-қарун-ул-халия. Ташкент. 1969.

воположных сил. Однако действуют лишь противоборствующие стороны (Каюмарс и Ахриман), все же остальное не наделено жизнью. Происхождение Мешы и Мешаны от растений — сюжетный мотив, распространенный в мифологии Запада и Востока. Таким образом, Беруни довольно строго соблюдает верность первоначальному мифологическому источнику.

В варианте Табари события приобретают более реалистическую трактовку. В них участвует не только сам Каюмарс, но и его сын. И вообще герой не предстает неким первозданным человеком: он лишь первый правитель. Многие детали до известной степени реалистичные, в частности, описание охоты Каюмарса в горах, убийство змей и освобождение курицы, эпизоды похорон сына и т. д. Вместе с тем и изображение перипетий жизни детей Каюмарса, их борьбы с дивами также не лишено аналогий со столкновениями, происходившими в реальной жизни. В варианте Табари весьма сильно драматическое начало, обуславливающее и силу его воздействия. Впечатляюще описаны отеческие чувства Каюмарса, его верность идеалам добра, деятельность во благо людям и беспощадная борьба с враждебными силами. Силы зла — дивы изображены как некие таинственные существа. Таким образом, победу Каюмарса можно истолковать как неизбежность победы добра над злом, победы жизненного начала над потусторонними силами. Одним из примеров тенденции Табари к воссозданию средствами мифа реальных событий является эпизод основания Каюмарсом города Балха и его благоустройство. Рождение Сиямака, победа Шуханга над дивами, долголетие Каюмарса — олицетворяют торжество жизни и человеческого начала над хаосом и злом. В данном случае в основе сюжета лежат реально-бытовые дела и стремления людей, размышления о них, а легенда становится сознательно избранной автором формой их выражения.

Легенда о Джамшиде. В древних легендах своеобразно отражаются различные стороны жизни человечества. В них сохраняется определенная последовательность в развитии событий, логическая мотивированность, находят выражение реальные жизненные противоречия, которые мы различаем даже сквозь фантастическую

форму легенд. Особенно ясно это проявляется в легенде о Джамшиде.

Легенда о Джамшиде, восходящая к «Авесте»³, приводится во многих источниках и используется в художественном творчестве. Джамшид выступает как персонаж произведений Фирдоуси, Табари, Беруни. Ему посвящена специальная глава в труде Алишера Навои «История аджамских царей». Навои отмечает, что Джамшид относится к династии Пешдадидов и перечисляет его положительные качества: «Он был обаятельным и красивым, обладал несравненным совершенством, сделал удивительные изобретения. С него началось изготовление оружия, строительство бань, ткачество, применение красок. Он расширил город Истахр, возвел грандиозное строение Чил-минор. День, когда Джамшид воссел на трон в этом дворце, стал называться Наврузом.

Его правление длилось 700 лет. Затем Джамшида пленил выступивший против него Заххак, распилил его пополам, изрубил его тело на куски.

Фирдоуси в «Шахнаме» сообщает, что правление Джамшида длилось 700 лет, подробно описывает его деяния, отмечает, что государство было им укреплено, а народ счастлив.

В его времена на земле был упрочен мир и радость.
От бога ему ниспосылались все новые и новые вести.
Так протекала жизнь.—
От шаха исходило лишь все благое.
Благодаря мне появились в мире все ремесла,
Царский трон не видел такого правителя, как я.
Я украсил мир благодеянием.
Какого бы ни возжелал богатства, я обладал им.

И затем:

Рассудок и душа в вашем теле — от меня,
Кто не поймет этого — тот Ахриман.
Знайте, что я сотворил все,
Меня должно считать творцом мира.

Никто из собравшихся не мог что-либо ответить на эту неожиданную речь. Люди с ропотом разошлись. Даже приближенные шаха покинули его. Возомнивший себя богом, Джамшид ушел в небытие.

³ См.: Бертельс Е. Э. История таджикско-персидской литературы. М. 1960.

Фирдоуси не говорит о том, кто убил Джемшида. Но, описывая гибель его государства и величия, он показывает, что причиной этого было чрезмерное самомнение и высокомерие Джемшида. Навои писал, что Джемшида убил Заххак. Кроме того, он отмечал, что у Табари убийство Джемшида приписывается Бюраспу. Однако в других исторических книгах указания на это нет. Следовательно, только у Табари указывается на то, что Джемшид был убит при народном восстании, возглавляемом Бюраспом. Приводимое в «Истории Табари» сказание о Джемшиде несколько отличается от версий Навои и Фирдоуси. В последних фигурирует и образ Иблиса, козни которого сбили с праведного пути Джемшида и погубили его.

Некоторые источники считают легендарного царя Тахмураспа братом Джемшида. Ему приписывается первое изготовление оружия, обучение людей окраске тканей, добыче жемчуга в морях. Он ввел обычай пользоваться благовониями, прокладывал дороги между городами и способствовал укреплению связей между ними. Джемшид разделил людей на четыре сословия: ученые, воины, земледельцы и ремесленники — и повелел каждому заниматься только своим делом. Он всегда был окружен учеными и ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ними.

Табари, описывая злодеяния Иблиса по отношению к Джемшиду, излагает события в духе легенды. Навои же и Фирдоуси связывают сказание о Джемшиде с определенными историческими событиями и делают из этого собственные философские и дидактические выводы. Они напоминают о том, к каким пагубным последствиям может привести чрезмерное вознесение одного человека, поклонение ему и решительно предостерегают от этого. Навои не случайно приводит подробности гибели Джемшида, ибо они весьма поучительны и звучат как напоминание о том, что возгордившегося и зазнавшегося человека всегда ждет возмездие.

Беруни же, не указывая на причину убийства Джемшида, называет его убийцей Бивараспа. Далее он приводит легенду о том, что у последнего из плеч вырастали змеи, питавшиеся человеческим мозгом (сказание о Заххаке в «Шахнаме» Фирдоуси). Чтобы научно обосновать возможность возникновения змей из человеческого

тела, он даже в качестве аргумента приводит факты зарождения червей в мясе. Не случайно Беруни, будучи весьма глубоким и объективным ученым, не дает почти никаких подробностей, связанных со смертью Джамшида.

Фирдоуси и Навои в своих произведениях имеют в виду прежде всего современных им правителей, а легенда о Джамшиде представляет большие возможности для художественных параллелей, скрытых намеков. Прежде всего она дает пример того, как самовозвеличение правителя, чрезмерная самонадеянность могут свести на нет все его благие свершения. Именно поэтому Фирдоуси и Навои обстоятельно описывали трагическую участь Джамшида. Его жизнь должна была стать уроком для последующих поколений.

Легенда о Сиявуше. Согласно истории династий древних иранских царей, после Пишдадидов последовало правление Каянидов. По сведениям Беруни, они пришли к власти через 2756—2370 лет после Каюмарса. В легенде о Сиявуше речь идет об отношениях между принцем Сиявушем и Туранским царем Афросиябом и вместе с тем об отношениях между двумя державами — Ираном и Тураном. Исторические корни легенды о Сиявуше уходят в «Авесту»⁴.

По сообщению С. П. Толстова, в XIII в. до н. э. Сиявуш основал государство Хорезм. Эти сведения он приводит, основываясь на данных Беруни. Краткое содержание легенды о Сиявуше таково.

Сиявуш — сын царя Кайкауса из династии Каянидов. Он родился от неизвестной красавицы, найденной на границе Турана. После рождения ребенка мать умерла. Сиявуш рос прекрасным юношей, красота которого вызвала любовь его мачехи. Однако он отвергает ее притязания. Оскорбленная мачеха клеветет на юношу, якобы домогавшегося ее взаимности. Чтобы доказать свою невиновность, Сиявуш должен верхом на черном коне с золоченой шапкой на голове перепрыгнуть через большой пылающий костер. Юноша успешно проходит испытание. Затем он выступает в поход против Туранского царя Афросияба. Выйдя победителем в этой войне, он женится на дочери Афросияба. Впоследствии Сия-

⁴ См.: Бертельс Е. Э. Указ. соч., с. 61.

вуш снова был оклеветан и убит подосланными тестем убийцами. Его сын Кайхусрав, мстя за отца, убивает своего деда Афросияба, берет власть в свои руки и основывает хорезмийскую династию⁵.

Наиболее полно легенда о Сиявуше излагается в «Истории Табари». В ней говорится, что земли к востоку от Ирана, составляющие Туран, находились во власти Афросияба. Иран же, а также лежащие к западу от него Хиджас и Емен, управлялись Кайкауcм. Граница между Ираном и Тураном пролегла по Амударье (Джейхун). У Кайкауса родился сын, которого назвали Сиявушем. Во всем мире не было ему равного по красоте. Мальчик был воспитан известным полководцем Рустамом. В двадцатилетнем возрасте Сиявуша привели к отцу, который остался доволен тем, что мальчик получил хорошее воспитание. Одна из жен Кайкауса, правителя Мазандарана, красивая и озорная, полюбила Сиявуша. Однако последний отверг ее любовь, заявив, что ему дорога честь отца. Разгневанная женщина пустила в ход хитрость, обман и клевету. В результате отец хотел предать сына смерти. Однако по просьбе наставника Сиявуша Рустама Кайкаус посылает Сиявуша во главе войска против Афросияба. Сиявуш вынудил Афросияба сдаться, а затем известил отца о заключении мира. Однако тот ответил, что он мира не желает. Сиявуш же заявил, что останется верным своему слову и не отступит от своего решения. Поэтому он не мог вернуться к отцу и вынужден был перейти к Афросиябу. Последний приветливо принял его и отдал ему в жены свою дочь. Войско Сиявуша вернулось в Иран. Мужество, воинская доблесть и благородство Сиявуша впоследствии вызвали опасения у Афросияба, и Сиявуш был умерщвлен, а его беременную жену (дочь Афросияба) хотели лишить ребенка при помощи лекарств. Визирь Афросияба по имени Пийран, по совету которого и был заключен мир между Сиявушем и Афросиябом, осудил это намерение: «Ведь принц доверился тебе,— сказал он Афросиябу,— служил тебе, так какое же он совершил преступление, что ты его казнил? Теперь Кайкаус и Рустам захотят отомстить за его кровь, и тебе не удастся избавиться от

⁵ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л. С. 85.

них. Они разорят Туран. Раз уж ты убил Сиявуша, то поручи мне свою дочь, если у нее родится сын, я пошлю его к Кайкаусу и Рустаму с тем, чтобы смягчить их гнев». Афросияб поручил свою дочь Пийрану, но в то же время приказал, если родится сын убить его. Пийран увез к себе шахскую дочь, у которой через месяц родился сын. Сын был очень похож на отца. Пийран не убил мальчика. Он назвал его Кайхусравом и стал тайно воспитывать.

Сообщив Афросиябу о рождении ребенка, он утаил его пол. Через некоторое время, когда Афросияб спросил кого родила его дочь, Пийран ответил: «Сына, но я не осмелился убить его». «Приведи его ко мне,— сказал Афросияб,— я хочу посмотреть на него». Пийран одел Кайхусрава в чистую одежду и привел его к деду. Увидев мальчика, тот расплакался и раскаялся в убийстве Сиявуша. Он посадил Кайхусрава рядом с собой и поцеловал, Пийрану же приказал, чтобы он поселил мальчика с пастухами, чтобы он не знал о своем происхождении. Кайхусрава отдали пастухам. Через семь лет Афросияб вызвал к себе Пийрана и сказал ему: «Сегодня я никак не могу заснуть, мне все время мерещится тот мальчик. Как может царский сын жить среди пастухов. Во что бы то ни стало приведи его ко мне». Пийран пришел к пастухам и увидел мальчика, который играл в чавган (конное поло). Пийран обнял мальчика, крепко поцеловал его и зарыдал. Кайхусрав попытался отстраниться от него: «О всадник,— сказал он,— разве тебе не стыдно обнимать сына пастуха?» Пийран был безмолвен, но затем он сказал: «Ты не сын пастуха, ты — принц». Посадив мальчика на коня, он тайно повез его к Афросиябу. По пути он объяснил мальчику, как следует отвечать деду, чтобы не вызвать его опасений. Они прибыли к Афросиябу, который был потрясен совершенством мальчика. Афросияб сказал Пийрану, чтобы он доставил мальчика к матери с тем, чтобы впредь они были неразлучны. Пийран исполнил приказание правителя.

А тем временем весть о гибели Сиявуша дошла до царя Кайкауса. Кайкаус был убит горем. Все оделись в траур. Прошло несколько лет и один из предводителей войска по имени Гударз увидел во сне, что какой-то человек приказывает ему отправить своего сына Гева в

Туран, чтобы привезти к деду Кайхусрава. Гударз оповестил об этом сне Кайкауса, который тут же приказал Геву отправиться в Туран. Гев семь лет пребывал в Туране, пока отыскал Кайхусрава. Захватив принца и его мать, он отправился с ними в Иран.

Узнав об этом, Афросияб послал в погоню за ними 300 мужественных и сильных юношей во главе с Пийраном. Гев вступил с ними в бой. Одних он убил, другие обрагались в бегство. Он пленил Пийрана и решил убить его, но Кайхусрав рассказал о том, что Пийран сделал для него много хорошего и просил пощадить его. Но Гев ответил, что поклялся пролить его кровь и должен убить Пийрана. Тогда Кайхусрав посоветовал Геву лишь слегка надрезать ухо Пийрану, чтобы не нарушить клятву. Гев последовал совету, надрезал ухо Пийрану и отпустил его восвояси. Гев и Кайхусрав отправились в Иран к Кайкаусу. По приказу царя Рустам во главе большого войска двинулся на Туран.

Он обратил в бегство войска Афросияба, подверг разорению его земли, взял пленных и большую добычу. Кайкаус прожил 150 лет. После его смерти на престол вступил Кайхусрав, сын Сийвуша. Едва надев корону, он собрал людей и объявил о походе на Афросияба и о своем желании отомстить деду. Он отобрал среди воинов сто тысяч человек и поручил полководцу Туси Навдару вести их на Туран. Получив весть об этом, Афросияб также собрал войско и поставил Пийрана во главе его. Войска встретились, и разгорелась жестокая битва. Победителями стали воины Турана. Иранские же войска потерпели поражение. И вновь Кайхусрав собрал войско Ирана и послал его против Турана.

Когда Кайхусрав узнал о том, что туранские войска возглавляет его наставник Пийран, он, не захотев погубить его, послал к нему послов и велел им сказать: «Я многим обязан тебе, ибо ты вместо отца и матери воспитывал меня. Ты мне сделал много хорошего, но теперь возвращайся и не вступай в битву с моим войском. Ведь если я одержу победу, как я оправдаюсь перед тобой». Пийран сохранил жизнь его людям и оставил послание у себя. Афросияб ценил Пийрана выше своих братьев и даже своих детей. Он намеревался оставить его правителем после себя. Но Пийран не принял предложения Кайхусрава, вступил в сражение и был убит. Братья

Афросияба, его приближенные и убийца Сиявуша Гаршиюз попали в плен. Убийце отрезали уши, выкололи глаза, поступив с ним так же, как в свое время он с Сиявушем, а затем его убили.

Афросияб снова собрал большое войско и, возглавив его, стал готовиться к новому сражению. Началась битва. Победенный Афросияб отступил и бежал из Турана. Всеми покинутый, он пытался спрятаться в озере. Однако его нашли и отвели к Кайхусраву. Кайхусрав повелел заковать деда и держать так три дня. На четвертый день он приказал привести к себе Афросияба и спросил: «Почему ты убил Сиявуша?» Афросияб ничего не мог на это ответить. Кайхусрав приговорил его к смерти. Его убили так же, как Сиявуша.

Затем Кайхусрав вернулся на родину, собрал народ, воинов и сказал им: «Я достиг всего, чего добивался. Теперь я отойду от мирских дел и покину страну. Выберите нового правителя». Его пытались отговорить, но он сказал: «Я чувствую приближение смерти. Поступайте так, словно я умер». Народ попросил Кайхусрава самого назвать своего преемника. Он указал рукой на принца Лухраспа. В ту же ночь Кайхусрав исчез. Говорят, он ушел в горы и там умер.

Иная версия предания о Сиявуше, Афросиябе и Кайхусраве содержится в книге Абу Бахри Мухаммад ибн Жафара Наршахи «История Бухары»⁶. Здесь события привязаны к селению (ныне Раметан) недалеко от Бухары, будто бы заложенному самим Афросиябом. Жители Бухары создали много песен о смерти Сиявуша под названием «Битва Сиявуша». Существовали и другие версии легенды о нем⁷.

Наиболее полный вариант мифа о Сиявуше содержится в «Истории Табары». В «Тарихи комил» («Полная история») лишь кратко излагается содержание, в «Тарихи Наршахи» («История Наршахи») более точно определено место действия.

Таким образом, содержащийся в «Тарихи Табары» вариант можно использовать в качестве основного для анализа легенды. У Наршахи указывается на то, что ле-

⁶ См.: Абу Бахр Мухаммад ибн Жафар Наршахи. Бухоро Тарихи. Тошкент. 1966. 23—24-бетлар.

⁷ См.: Ибн-ал-Асир. Тарихининг узбекча таржимаси. УзФАШИ. Рук. № 824. С. 59—60.

генда об Афросиябе оставила следы в народном художественном творчестве (марсия, песни, обычаи и т. д.). Однако этот фольклор еще недостаточно изучен.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в легенде о Сиявуше, в отличие от мифа о Каюмарсе, почти не встречаются потусторонние силы, фантастические эпизоды и картины: повествование ведется главным образом о конкретных исторических событиях и лицах. Поэтому, по нашему мнению, гипотезы некоторых исследователей о том, будто многие исторические моменты заимствованы из эпоса, неверны. Скорее эти реальные исторические события дали толчок к их осмыслению народом в мифологической, а позже — и в эпической форме.

Если миф о Каюмарсе — художественный вымысел, включающий в себя реальные детали, описания жизненных событий, то в повествовании о Сиявуше излагаются политические отношения между Ираном и Тураном, описывается конкретная деятельность их правителей.

С. П. Толстов указывает на то, что культ Сиявуша сохранился до нашего времени в Средней Азии, в частности, в Хорезме. И это не случайно. Сиявуш, как конкретная личность, играл определенную роль в истории этого региона и пользовался популярностью в народе. Именно поэтому его трагическая участь легла в основу произведений устного народного творчества.

Верность, прямота, честность, погубившие Сиявуша, высоко ценились народом как нравственные достоинства человека. На протяжении многих веков в сознании народа Сиявуш был образом идеального героя.

Сиявуш — олицетворение верности и благородства. Он с негодованием отвергает безнравственное предложение мачехи, выступает против нарушения договора с Афросиябом. Это и вынудило его перейти на сторону Афросияба. Однако правдивость, решительность, прямота и высокий ум Сиявуша вызывают опасения у Афросияба, и он отдает приказ убить его.

Благородство Сиявуша и Кайхусрава, их верность, бескорыстие — общие черты обоих героев. И хотя Сиявуш — жертва, а его сын Кайхусрав — победитель, но и он лишен властолюбия: восстановив справедливость, он отказывается от трона.

Правители Ирана и Турана Кайкаус и Афросияб противопоставлены этим героям, как отрицательные образы. Поверив клевете, Кайкаус обрекает на смерть своего сына и не признает заключенного им справедливого мира. Каждое решение Афросияба, выступающего как воплощение зла, предвещает чью-то гибель: он убивает своего невинного зятя, подвергает гонениям внука, посылает на смерть даже своих детей и, наконец, сам наказан смертью.

Основная мысль легенды о Сиявуше — утверждение торжества справедливости и обреченности зла. В этом и заключается оптимизм подлинно народного творчества.

Таким образом, легенду о Сиявуше и ее непосредственное продолжение — сказание о Кайхусраве и Афросиябе можно рассматривать как единое произведение, получившее в прошлом широкое распространение среди народов Туркестана и Ирана. Оно свидетельствует и о том, что в основе народного художественного творчества часто лежат определенные исторические события и деятельность конкретных личностей.

Гуманистическая направленность народного сказания о Сиявуше проходит через многие века и продолжает свое развитие в поэме Фирдоуси «Шахнаме». Здесь в стойкости принца Сиявуша перед соблазнами царского трона воплощено новое понимание жизненных проблем на новом уровне философии гуманизма. В поэме Фирдоуси «Сиявуш» возникает образ героя, проносающий через все произведение несокрушимую веру в торжество гуманизма, победу добра над злом. Несправедливо обвиненный в посягательстве на честь отчего дома, Сиявуш, не колеблясь, проходит испытание огнем, из которого выходит целым и невредимым. Можно сказать, что облик юноши, возникающий из пламени в сиянии, в не тронутых огнем одеждах, свидетельствует о чистоте его дел и помыслов, образно воплощая идею красоты и могущества добра над посрамленным злом.

* * *

Археологические раскопки, связанные с древним Хорезмом, дают общее представление о его жизни начиная с IV тысячелетия до нашей эры. Мы располагаем непосредственными сведениями об исторических периодах середины I тысячелетия до нашей эры. В это вре-

мя на территории Средней Азии уже сложилось самостоятельное и независимое Хорезмское государство. Наряду с ним существовали Согд, Бактрия, Чач и Паркан. Как утверждает «История Узбекской ССР», в VIII в. до н. э. Бактрия и Согд участвовали в установлении Мидийского государства, а в VII в. до н. э. вели борьбу против Мидии.

Таким образом, среднеазиатские государства, в той или иной степени зависимые от Ассирии (VIII в. до н. э.), затем добивались полной независимости. Это ярко проявляется в их отношениях с Мидией. В это время на землях Средней Азии жили дахи (Южная Туркмения), массагеты (Каракумы, побережье Амударьи), саки (восточный Туркестан, Фергана, Чач — Ташкент, Памир, Тянь-Шань). В середине VI века до н. э. (550 г.) Средняя Азия попадает под влияние иранских шахов, которое, однако, было ограниченным. В частности, свою независимость сохранил Хорезм. Другие народы только после длительных кровопролитных войн лишь внешне признавали господство Ирана. Это положение сохранялось почти два века, вплоть до того, как Средняя Азия была покорена Александром Македонским⁸.

В произведениях древнегреческих авторов упоминается ряд легенд, бытовавших среди народов Средней Азии и Ирана. В исторической литературе они известны как эпос саков, имеющий две разновидности. Героический эпос описывает борьбу народов Средней Азии против иноземных завоевателей. К нему относятся легенды о Томарис и Шираке, об Аморге и Спаретре, однако тема героизма тесно переплетается с темой любви и верности. Поэтому ее можно рассматривать и как героическую, и как любовную. Другие легенды более связаны с темой любви и верности.

ДРЕВНИЕ ПОВЕСТИ

Человечество всегда стремилось к добру. В народном миропонимании отразились чаяния, мечты о добре, стремление преодолеть зло, устоять перед таинственными явлениями природы, дать отпор насилию. Выразителями этих идей были герои эпоса. Несомненно, что в

⁸ См.: Узбекистон ССР тарихи, 1 т. Тошкент, 1970.

основу его легли мифы и легенды, герои которых представляли в сознании народов Средней Азии носителями добра и справедливости.

В мифологических произведениях и легендах силы добра были противопоставлены силам зла и одерживали над ними победу. В эпосе этот конфликт сохранялся, но в соответствии с новым временем и общественными условиями выражался в иных формах. В больших эпических произведениях и повестях вновь появлялись образы Митры (в древних представлениях народов Средней Азии — богиня солнца), Фархада (покровитель каменотесов), богини земли, воды и плодородия Ардвисуры. Подобно тому, как «Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил»⁹, образы многих мифических героев, созданные народами Средней Азии, претерпели длительную эволюцию, переходя из произведения в произведение.

Теперь вместо мотивов глобального столкновения различных таинственных сил — богов и героев — утвердились темы любви к родине, мужества в ее защите. Из разных источников до нас дошли десятки эпических сказаний подобного содержания. В частности, греческие историки Ктесий и Полисий излагают одно из них, посвященное сакскому царю Аморгу и его жене Спаретре.

Царь Ирана Кир вторгся в страну саков, которыми правил Аморг. Кир разбил войско Аморга и взял его в плен. Жена Аморга, Спаретра, объединила под своим началом всех саков: в ее войске было 300 000 мужчин и 200 000 женщин. Спаретра одержала победу над Киrom и освободила своего мужа¹⁰.

Подобные сказания можно встретить и в других источниках. В основе каждого из них лежит конкретное событие, действуют исторические лица, хотя и преобразованные народной фантазией.

Народ-созидатель отражает в своем творчестве те исторические лица и события, которые отвечают его эстетическому и нравственному идеалу. Спаретра — ге-

⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. 1950. С. 299.

¹⁰ См.: Узбекистон ССР тарихи, с. 86—87; Синявский Б. Я. Между Памиром и Каспием. М. 1966. С. 95—96.

роическая женщина, верная возлюбленная. Любовь к своему народу и верность любимому вдохновили ее на борьбу и помогли одержать победу. Равноправие мужчин и женщин в войске Спаретры — также отражение реалий жизни народа в ту эпоху.

Геронческие образы женщин, подобных Спаретре, встречаются и в других сказаниях, например, в сказании о Томарис. Томарис — правительница массагетов, которая в VI в. до н. э. вела мужественную борьбу против вторгшегося в Среднюю Азию иранского царя Кира. Об этой женщине сообщает древнегреческий историк Геродот (484—425) в своей книге «История» в разделе «Поход Кира против массагетов»¹¹.

В древние времена на побережье Амударьи обитали массагеты, которыми правила вдова покойного царя Томарис. Иранский царь Кир задумал жениться на ней, чтобы овладеть землями массагетов. Однако Томарис разгадала истинные цели сватовства и отказала Киру. Тогда он решил силой захватить ее престол и предпринял поход на массагетов.

Легенда насыщена элементами чудотворства, в ней упомянуты пророческие сны, ее героини попадают в различные перипетии. Сначала Кир одерживает победу и берет в плен принца Спарангиса, сына Томарис. Томарис требует освобождения сына, Кир отказывается, Спарангис кончает жизнь самоубийством. Происходит кровопролитное сражение, в котором побеждают массагеты. Томарис, мстя за смерть сына, приказывает отрубить Киру голову: «Я честно победила в бою, ты же хитростью лишил меня сына и поверг в печаль. Выполняя мою клятву, я досыта напоила тебя кровью». Геродот подчеркивает, что есть различные предания о смерти Кира. Однако наиболее достоверна данная версия. Повесть о Томарис, изображая мужественную борьбу народов Средней Азии против иноземных захватчиков, отражает и ту большую роль, которую играли женщины в общественной жизни.

Томарис предстает как мудрая и справедливая правительница, защитница спокойной и счастливой жизни

¹¹ См.: Латышков В. В. Древние писатели о Скифии и Кавказе/Цикл статей в «Вестнике древней истории». 1974; История Узбекской ССР: Маллаев Н. М. История узбекской литературы.

своего народа и страны. Пытаясь предотвратить несправедливую войну, она призывает Кира сохранить мир. Однако тот воспринимает это как проявление слабости. Эта легендарная повесть — образец творчества, утверждающего торжество добра и мира над злом и враждой. Именно поэтому она живет многие столетия и сохраняет свое эстетическое значение. Древняя легенда о мужественной защитнице Родины Томарис и по сей день вдохновляет поэтов. Она выступает, например, главной героиней исполненной блеска остроумия поэмы современного нам каракалпакского поэта Ибрагима Юсупова.

Столь же видное место в наследии древности занимает сказание о Шираке. Во время войны между Дарием и племенем саков к вождям саков — Сакесфару, Аморгу и Томарис — приходит пастух Ширак (или Сирак) и заявляет, что может хитростью погубить иранское войско, прося в случае гибели его самого позаботиться о его семье. Затем Ширак предлагает отрезать ему нос и уши и нанести другие раны. Израненным он является к иранским военачальникам и говорит, что пострадал от саков, бежал от них и хочет им отомстить, проведя иранские войска в тыл саков. Иранское войско, взяв с собой недельный запас продовольствия, двинулось в путь. Войско шло долго, до тех пор, пока не истощились запасы воды и продовольствия, а вокруг простиралась лишь безводная пустыня. Иранцы поняли, что они обмануты. На грозный вопрос их предводителя, зачем Ширак завел войско в безводную пустыню, пастух ответил: «Чтобы спасти свой народ и погубить вражье войско». Герой-пастух был убит, а иранцы с трудом добрались до берегов Амударьи¹².

Видное место в сокровищнице народного творчества принадлежит и повести о Зариадре и Одатиде. Герой повести младший брат царя Гистаспа Зариадр живет в стране, простиравшейся от Каспийского моря до Танаиса (Сырдарья). На противоположном берегу Танаиса правил царь по имени Аморг, у которого была прекрасная дочь Одатида.

Однажды Одатида увидела во сне Зариадра, полюбила его и дала знать об этом Зариадру, пославшего к Аморгу сватов, просить руки его дочери. Однако царь,

¹² Синявский Б. Я. Указ. соч., с. 99.

у которого не было других детей, не захотел отпускать Одатиду в чужую страну. Он решил выдать дочь за одного из своих приближенных. Сохраняя в тайне имя жениха, Аморг объявил о начале свадебного пира. В разгар пиршества он подозвал дочь и сказал ей: «Предложи золотой кубок с вином тому из сидящих, кто тебе по душе, и мы выдадим тебя за него замуж». Одатида оглядела всех собравшихся и, не увидев среди них своего возлюбленного Зариадра, заплакала. В это время появился Зариадр. Он увидел Одатиду, со слезами на глазах державшую в руке кубок, подошел к ней и сказал: «Одатида, это я, Зариадр. Я пришел по твоему зову». Девушка протянула ему кубок. Зариадр привел Одатиду к спрятанной на берегу лодке, в которой он приплыл, и они переправились в его владения. Харез Митиленский сообщает, что эта повесть получила широкое распространение среди народов Востока, так как в ней утверждается право молодых на свободный выбор любимого, верность истинной любви, мужество, стойкость влюбленных, которые помогают им преодолевать все преграды. Мотив любви, зародившейся во сне, часто встречается в народном творчестве и в древней письменной литературе.

Повесть «Зариадр и Одатида», посвященная чистоте и верности чувств,— интересный образец литературы древних народов Средней Азии.

А в повести о Стриангее и Заринее изображен трагический исход любви. Предки народов Средней Азии дали много художественных памятников, своими корнями глубоко уходящих в жизнь народа и связанных с конкретными лицами и событиями древних времен. Таким образом, в формах условных и фантастических осуществлялась неразрывная связь художественного творчества народа и его реального бытия.

Завоевание Средней Азии Александром Македонским оставило заметный след в жизни ее народов. Об Александре и его деятельности создано много рассказов, легенд и сказаний. В «Истории Табари» говорится о том, что на Востоке его называют Зулькарнайн, потому что на арабском языке место, где заходит и восходит солнце, называется «карн». Искандер (Александр), покоривший мир от края до края, назывался «Зулькарнайн», т. е. обладатель двух сторон света. В этой книге

содержится также краткое жизнеописание Искандера, которое приводится в «Истории ибн-аль-Асира», «Истории Банакати» (XIV в.) и др. О жизни Искандера рассказывается и в «Шахнаме» Фирдоуси, в книге «История аджамских царей» Алишера Навои. И, наконец, уже в XIX в. образ Искандера появляется в одноименной философской поэме классика казахской литературы Абая Кунанбаева (1845—1904).

В сказаниях и легендах об Искандере реальное переплетается с фантастическим, положительные оценки — с отрицательными, отражая сложность отношения народа к незаурядной личности завоевателя. В них также выразились и его философские представления о жизни и смерти, о значении человеческой деятельности.

Наиболее полным является сказание об Искандере в «Истории Табари», рассказывающее о жизни и деятельности Александра Македонского, его военных походах, победах и событиях, связанных со смертью завоевателя. Однако это не историческая хроника, а художественное произведение со своим сюжетом, выражающее оценку его автором личности героя.

В изображении летописца Искандер — выходец из простого народа, не имеющий отношения к знати. Ребенок, который плакал среди развалин на груди умершей матери, превратился в могущественного завоевателя, покорившего почти весь мир. Его воспитали справедливый человек по имени Файлакус и многие великие ученые и философы.

После смерти Файлакуса Искандер становится правителем и, благодаря полученному воспитанию, справедливо правит страной. Своим визирем он назначает великого ученого, мудреца Аристотеля и постоянно советуется с такими мыслителями, как Платон, Гиппократ и др.

Война Искандера с другими правителями — египетским султаном, предводителем зангов (негров) — описывается в духе острого драматизма. Сначала терпит поражение войско Искандера, однако в поединке с предводителем вражеских воинов Искандер побеждает, и разбитые враги запрашивают мира.

Отношения Искандера с Дарием даны в плане резкого столкновения характеров. Дарий изображен могущественным правителем, однако военные и политические:

успехи вскружили ему голову, и он высокомерно потребовал от Искандера полного повиновения. Искандер с большим тактом и мудростью отклонил это требование Дария. Его духовное превосходство над противником выражено автором при помощи ярких деталей. Личное мужество Искандера, его решительность раскрываются в острых ситуациях. Он сам участвует в переговорах с Дарием и ведет себя не как царь, а как простой воин. По отношению к побежденному Дарию он держится как мудрый и справедливый правитель. Он приказал отдать царские почести убитому Дарию и сурово наказать его убийц, а сам, согласно завещанию Дария, женился на его дочери Равшанак, благодаря чему приобрел законное наследственное право на его державу. Дальнейшие события повести представлены цепью победоносных походов Искандера.

Покорение им многих стран и народов оказалось возможным благодаря мощи его войска, личным качествам гениального полководца, ученым советам мудрых и опытных визирей.

Цельность характера Искандера ярко проявилась в его встрече с жителями одного из удивительных городов. Когда Искандер спросил у них, почему стада их без пастухов, сады — без оград, а город — без ворот, они дали обстоятельный ответ, из которого он понял, что здесь живут люди, достигшие высокого духовного совершенства. Искандер сказал: «Если бы я был таким, я не скитался бы по свету!». Таким образом, Искандер при встрече с жителями идеального города признал, что он лишен их достоинств. Он задался целью завоевать мир и достиг этого. Но его желание найти источник вечной жизни оказалось неосуществимым. Завоевание мира не принесло ему удовлетворения и покоя.

Хызр, испивший из живого источника, сказал Искандеру, что его желание может удовлетворить только земля. Говорящие деревья предрекли завоевателю смерть на чужбине. Когда он достиг Кандахара и Сиистана, какой-то таинственный голос приказал ему скорее возвращаться на родину. Однако завоеватель умер в походе.

В этой повести образ Искандера несколько статичен, лишен эволюции характера. Искандер сам признает бессмысленность своего стремления к завоеванию мира, завидуя полноте жизни людей идеального города. Тем не

менее деятельность Искандера отличалась от поведения властителей тем, что он стремился к справедливости и знаниям. В этом отношении весьма показательным противопоставлением Искандера Дарию.

Дарий — это типичный образ самовлюбленного самонадеянного правителя, пренебрегающего интересами народа. Судьба Дария показывает, к каким трагическим последствиям приводит такое правление. В легендах об Искандере отражены не только победы Искандера. Не раз он терпит и нравственное поражение. Так, держат над ним верх в словесных поединках и состязаниях в мудрости две женщины-правительницы — Нушаба и Кайдафа. Благодаря своему уму и такту, они сумели предотвратить захват и разорение своих стран.

Образы мудрых правительниц в повести об Искандере близки друг другу и воплощают разум и справедливость идеальных правителей. В древней литературе Востока Нушаба и Кайдафа упоминаются часто.

Особо следует отметить, что в повести большое внимание уделяется ученым-мудрецам из окружения Искандера, их влиянию на его деятельность и характер.

Повесть об Искандере отличает длительная история формирования, в процессе которой она получила различные толкования и интерпретации. Изложение одного из эпизодов этой повести в произведении «Дивони лугатит турк» свидетельствует о том, что она занимала достойное место и в тюркоязычной литературе. На основе этой повести разные художники слова создавали свои произведения, на которых воспитывался ряд поколений.

Легенды и повести, о которых говорилось выше, сохранились благодаря трудам историков: на Востоке — Табари, на Западе — Геродота. Первоисточники до нас не дошли. Передаваясь из поколения в поколение, они изменяли форму, подвергались художественному обновлению. В них отражались важные моменты жизни народа, утверждались идеи добра и его борьбы со злом, прославлялись верность, искренность, мужество. Дидактическая направленность повести определила многие черты ее сюжета, и акцент в ней сделан на положительных моментах деятельности Искандера.

Легенды и повести свидетельствуют о единстве исторических судеб народов Средней Азии и Ирана.

Поэтому эти повести следует считать результатом совместного творчества этих народов.

Помимо легенд и повестей, взятых нами из исторических источников, существовали и другие образцы их творчества. К сожалению, письменные тексты полностью до нас не дошли. Несмотря на то, что в соответствии со временем и условиями своего бытования эти легенды и повести подвергались различным изменениям, некоторые из них все же сохранились как цельные произведения.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

«Авеста» — общий памятник народов Средней Азии и Ирана, священная книга зороастризма. Основатель этого учения — Заратуштра, который, согласно легенде, сам создал основные части произведения — Таты.

Среди письменных памятников, содержащих сведения о Заратуштре, особое место занимают «Памятники минувших поколений» Беруни¹³ и «История Табари».

Табари пишет, что его [автора] звали «Зардуштом», сыном грека. Беруни же утверждает, что он был сыном азербайджанца Сафида Тумана, который, однако, принадлежал к роду иранского властителя Манучехра. Он же сообщает, что в «Книге рождения» Заратуштра пишет о своей учебе у Ильяса в Харране; после смерти ученика Пифагора Файлакуса, как утверждает Беруни, Заратуштра отправляется в Шри Ланку и там, живя в пещере, создает свою книгу. По Табари, Заратуштра был учеником некоего Азиза, рассорившись с которым он уехал в Индию. Через несколько лет он прибывает в Вавилон, где продолжает свое образование. Но спустя некоторое время уединяется в пещере, захватив годовой запас пищи, и пишет там две книги — «Занд» и «Авесту». В «Истории Табари» «Авеста» названа подробным комментарием к «Занду». Однако последние исследования показывают обратное — «Занд» был комментарием к «Авесте».

¹³ Русский перевод этого произведения (М. А. Салье) был издан в 1937 г., а узбекский (А. Расулов) — в 1968 г. издательством АН УзССР.

Завершив свои труды, Заратуштра приезжает в Балх и встречается там с царем Гуштаспом. Как пишет Беруни, шел тридцатый год правления Гуштаспа. Заратуштра опустился прямо на крышу дворца Гуштаспа, крепко держа в руке старые листы бумаги. При этом крыша раскрылась. Таким образом Заратуштра принес «Авесту» во дворец, положил ее перед Гуштаспом и обратился к богу: «Если действительно эта книга твоя и ты посылаешь ее царю через меня, то защити меня от меди». Затем по его просьбе принесли расплавленную медь и стали лить на грудь и живот Заратуштры. Медь стекала по его телу, не причиняя вреда. Гуштасп принял веру Заратуштры и приказал распространять ее в подчиненных странах.

Как пишет Табари, в это время Гуштасп платил дань правителю Турана Аржаспу. Заратуштра, в течение восьми лет остававшийся при дворе Гуштаспа в качестве советника, уговорил его не платить дань Аржаспу. Гуштасп последовал этому совету. Аржасп разгневался, узнав, что Гуштасп отказался от своей религии и принял учение Заратуштры. Он направил Гуштаспу послание, в котором советовал уничтожить «Занд» и «Авесту» и сжечь Заратуштру. Ответное письмо Гуштаспа не удовлетворило Аржаспа, и он выступил против него со своим войском. Войска обоих властителей вступили в битву, длившуюся четырнадцать дней. Оба войска понесли большие потери, Гуштасп потерял в ней десять сыновей, но победа досталась ему. Своему внуку Исфандияру он приказал распространять новую религию. Исфандияр побывал в Иране, Индии, Греции и в кипчакских землях, обращая их жителей в зороастризм. По просьбе правителей этих стран им были посланы списки «Занд».

Учение «Авесты» было порождено определенными общественно-историческими условиями, отражало реальную социальную и политическую борьбу и противоречия между различными общественными группами и целыми странами.

Заратуштра прожил еще 70 лет, по некоторым данным — сорок, пропагандируя свое учение в разных странах. По сведениям Е. Э. Бертельса, Заратуштра был убит Турой Братарвахшем во время проповеди. По преданию, уже после смерти Заратуштры у него

родилось три сына, которые положили начало сословиям духовенства, воинов и дехкан¹⁴.

В дальнейшем последователи Заратуштры умножились, а во главе их стал визирь Гуштаспа — Джомасп. Все персы приняли это учение, и даже христиане использовали его постулат о двух противоборствующих силах. В дальнейшем к нему обращались и руководители движений, в которых протест против господствующего строя был облачен в религиозную форму — Мани, Маздак и др. Муканна, возглавивший антиисламское движение в Мавераннахре, воспринял многие идеи Заратуштры через учение Маздака. Во времена правления Аббасидов близ Нишапура человек по имени Бехофарид выступил с учением, направленным против ислама.

«Авеста» была создана в IV в. до н. э. Всего было три рукописи «Авесты». Одну из них уничтожил Александр Македонский, приказав, правда, сначала перевести на греческий язык те ее части, которые были связаны с медициной и астрономией. Другую по его приказу отправили в Грецию, третий экземпляр сумели спрятать последователи зороастризма. В условиях преследований сохранить его было нелегко.

Впоследствии, во времена господства Сасанидов (III в. н. э.), зороастризм получил официальное признание. Были предприняты попытки восстановить и сохранить «Авесту». После восстановления были написаны комментарии к ней под названием «Занд», этим объясняется другое ее наименование, «Занд-Авеста».

Многие страницы «Авесты» не дошли до нас. Однако и имеющиеся ее части позволяют представить себе содержание и структуру произведения. Частями «Авесты» являются Ясна; Яшт, Виспарад, Вендидат. Ясна состоит из Гат, считающихся наиболее древними фрагментами «Авесты». Полагают, что их создал сам Заратуштра. В них певец обращается к Ахурамазде и жалуется на свою скитальческую беспокойную жизнь и бедность. Яшты представляют собой гимны, посвященные, в основном Ахурамазде, Земле, Солнцу, Месяцу, Митре и другим добрым силам. В Яштах содержатся легенды о Йиме (Джамшиде), Керсоспе

¹⁴ Бертельс Е. Э. История таджикско-персидской литературы, с. 40.

(Гершансе), Фраирасьяне (Афросиябе) и других легендарных личностях, издревле известных в Средней Азии и Иране.

Виспарады — это часть Яшт. В них описываются нормы поведения и этикет, устанавливаются наказания за их нарушение. Краткое содержание «Авесты» излагается в «Хурда Авесте» («Малая Авеста»).

Многие легенды, гимны и другие материалы Авесты были созданы народами Средней Азии и Ирана и распространялись в устной форме. Впоследствии они также вошли в «Авесту». Тексты ее написаны на согдийском и бактрийском языках, выполнены на своеобразном сочетании парфянской и греческой письменностей, созданном специально для «Авесты».

Многие ученые считают, что «Авеста» появилась в Средней Азии. В первой главе Вендидаты говорится о стране Аирьянем ваежо. В некоторых источниках указывается, что в этой стране был распространен язык «Авесты». Ахурамазда создал ее в числе первых. Указывается также, что она расположена в междуречье Оксуен (Амударья) и Яксарта (Сырдарья). В них поясняется, что Аирьянем ваежо обозначает древнее название Хорезма. В древнейшие времена в Иране и Средней Азии господствовало религиозное учение мадаизма. До настоящего времени неизвестно, где и когда оно возникло. Как указывают Е. Э. Бертельс и С. П. Соколов, в нем преобладало поклонение силам природы.

Был создан специальный термин, обозначающий порядок смены времен года, определенную последовательность становления мира. Этот порядок называли «ирта» и «аша». Сын Ахурамазды Атар (огонь) считался хранителем этого порядка. Его определяли как безбрежное пространство, в котором был заключен огонь. «Ахура» означало «превосходный правитель», «Мизда» — мудрый, ученый, высокий гений, «Ахурамазда» имело значение «мудрый, превосходный правитель». Ахурамазде и его силам противостоял бог зла — Ангра Манью, который со своими дивами всячески препятствовал добрым делам Ахурамазды, причинял людям зло.

Заратуштри реформировал и объединил различные верования, создав единое учение, которое стало называться зороастризмом. Учение зороастризма было ос-

новано на принципе последовательного дуализма. В мире происходит постоянная борьба между силами добра и зла. Во главе сил добра стоит Ахурамазда, у которого шесть помощников, так называемых «Амеша Сиэнша»: Воху-Манах — добродетельная мысль, Аша Вахишта — высокая истина, Хшатра Варья — достойная сила, власть, Сиэнта Армати — священная покорность, Харватат — здоровье, Амэрэтат — вечность.

В первоначальном зороастризме каждая из этих сил выполняла определенную функцию. В частности, Воху-Манах (Бахман) был владыкой и покровителем скота, Аша Вахишта (Ардибихишт) — огня, Хшатра Варья (Шахривор) — минералов, Сиэнта Армати (Исфандармад) — земли, Харватат (Хурдод) — воды, Амэрэтат (Мурдод) — растений.

Кроме этого, существовали язаты, подразделявшиеся на божественные и земные. Главным язатом, стоящим после Ахурамазды, был его сын Атар (огонь). Далее следовали Ап (вода), Хвар шатта Хуршид (солнце), Тштирая (звезда Сириус), Митра — бог истины, света и славы, Вртрагна — молния. За язатами следуют фре-ваши: они сопровождают каждого человека и защищают его. Согласно зороастризму, в мире существует множество добрых сил.

Возглавляющий силы зла Ангра Манью сужает небо, вызывает у людей злобу и обиду. Ближайшие его помощники — дивы (дайва). Все хитрости, уловки, коварство — дело их рук. Среди них выделяются: Ака мана — Злая мысль, Таурва — Увядание, Зарик — Смерть, Айшма — Злоба, гнев, война и др.; Араска — Зависть, Уда — Пустословие, Ака-таша — Возбудитель низменных инстинктов, Бушъяста — Лень, Куш — Жадность и др. Далее следуют дивоподобные парики (пари). Превращаясь в прекрасных женщин, они околдовывают людей и отвращают от Ахурамазды. Ангра Манью создал также различных чудищ, злых духов (аджи), ядовитых животных, муравьев.

Согласно зороастризму, мир существует двенадцать тысяч лет.

В период первых трех тысяч лет возник духовный мир, затем появился Ангра Манью, который не захотел жить согласно с духовным миром. Между Ахурамаздой и Ангра Манью началась борьба, длившаяся девятьсот лет и закончившаяся победой Ахурамазды. Ангра

Манью же был изгнан во тьму. Во вторые три тысячи лет Ахурамазда создает материальный мир: небо, землю, воду, мир растений и животных. Наконец, был создан человек. В это время Ангра Манью готовит своих помощников — дивов.

В следующие три тысячи лет Ангра Манью со своими дивами ведет борьбу с миром, созданным Ахурамаздой. Аджи (змея) убивает первого человека — Гаюмарса и его постоянного спутника — быка. Однако капли их семени упали на землю, и из них снова появились люди и животные. Борьба возобновилась. Однако силы добра победили и загнали под землю силы зла.

Четвертый трехтысячный период начинается с рождения Заратуштры, который вскоре начал проповедовать свое учение людям.

Через десять тысяч лет борьба между добром и злом возобновилась. Начался сильный пожар, все было охвачено огнем. Один из потомков Заратуштры Саоцьянт возродил погибший мир, оживил мертвых, и на земле началась вечная жизнь¹⁵.

Как уже указывалось выше, зороастризм был построен на принципе дуализма, однако в ряде случаев даже в древнейших текстах «Авесты» говорится о том, что Ахурамазда и Ангра Манью были близнецами. Таким образом, этот дуализм содержал зачатки монизма.

Согласно учению зороастризма, человек должен стать помощником Ахурамазды в его борьбе со злом. Следовательно, основная задача человека состоит в служении добру.

Духовенство, разработавшее догмы зороастризма, преследовало прежде всего свои интересы. Поэтому в последующие варианты «Авесты» были введены различные правила и сложный порядок религиозных отправлений, система наказаний и штрафов за их нарушения, служащие укреплению позиций духовенства и обеспечению его интересов.

Следует отметить, что в основном это вероучение представляло интересы крупных собственников, перешедших к оседлому образу жизни, и было направлено на защиту кочевников. Таким образом, учение зороаст-

¹⁵ Сведения о догматике зороастризма почерпнуты из статьи Е. Э. Бертельса «Авеста» (Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы, с. 36—40.

ризма было заключено в определенные политические и классовые рамки. Однако для нас «Авеста» представляет ценность как произведение народного творчества, как выражение определенного народного восприятия и образа мышления.

ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

В изучении жизни и литературного наследия народов Средней Азии накануне арабского завоевания велико значение письменных памятников, обнаруженных на побережье рек Орхон и Енисей. Это надписи, выбитые на камнях, относящиеся к VI—VIII вв. и представляющие собой образцы тюркско-рунической письменности.

Как известно, с последней четверти VII века Средняя Азия стала объектом экспансии арабов. До этого здесь господствовал тюркский каганат. Область объединяла около 10 местных феодальных провинций.

Особый интерес представляют надписи на надгробных, установленных над могилами представителей династии кагана Билке (ум. в 734 г. н. э.) и его брата Кул-Тегина (ум. в 732 г. н. э.) и составляющих лишь небольшую часть этих памятников¹⁶.

Один из образцов орхоно-енисейских памятников — надгробная надпись на могильном камне Кул-Тегина. Она состоит из двух частей — малого и большого текстов, содержащих важные сведения о событиях истории тюркских народов, в частности, в них обозначены границы каганата:

Вперед я провел войско до долины Шатунг,

Лишь немного не дойдя до моря.

С правой стороны я провел войска до «Тукуз арсана»

Лишь немного не дошел до Тибета.

Далее речь идет о столкновении между тюрками и табгачами, в результате которого погибло много тюр-

¹⁶ Орхоно-енисейские памятники были найдены в XVIII—XIX вв. Они были выполнены особым тюркским письмом, близким к древнему арамейскому и согдийскому. В их изучении и прочтении большую роль сыграли русские востоковеды В. В. Радлов, С. Я. Малов, И. В. Стеблева и др. По отдельным аспектам этих памятников ведутся исследования в Польше, Турции, Финляндии и других странах. Впервые их прочел датский востоковед В. Томсен.

ков. Он советует тюркам прочно обосноваться на своей родине — Отекене:

Если Отекен — твоя земля,
То посылай караван.
У тебя не будет бед и печали,
Если ты стоишь на земле Отекен.

Затем от лица человека, которому принадлежит надпись, говорится о его заслугах перед народом:

Став каганом, я возвысил
Бедный народ.
Я обогатил бедный народ,
Малочисленный народ я приумножил.

В большой надписи на могильном камне Кул-Тегина кратко описывается тюркский народ, рассказывается о его борьбе за независимость. Текст содержит идеализированный портрет реального человека Кул-Тегина, которому посвящена надпись. Брат кагана неустанно борется за независимость своего народа, проявляя мужество и героизм:

Кул-Тегин пешим бросился на врага,
Он пленил одетого в броню Тутука.
• Вместе с его людьми привел его к кагану.
Мы разбили его войско.

В надписях детально обрисована деятельность Кул-Тегина. Младший сын кагана, Кул-Тегин в семь лет остался сиротой. Во время правления своего дяди и брата он участвовал во многих сражениях. Кул-Тегин скончался в сорок семь лет. Автор выражает свою печаль по поводу смерти талантливого полководца:

Мои зоркие очи стали незрячими,
Мой сведущий ум лишился знаний.
Я опечалился,
Живет лишь всевышний бог,
Для человеческого родится, чтобы умереть.

Другая надпись, также содержащая ряд исторических сведений, выбита в честь смелого полководца Тонюкука. В остальных письменах говорится о тюркских народах, их образе жизни и выдающихся деятелях.

Орхоно-енисейские надписи — это не только исторические источники, но и литературные памятники. В них нашли яркое выражение картины междоусобной борьбы во времена каганата. Помимо тюркских народов, здесь упоминаются также табгачи, татаби, согдийцы, он-оки, тургеша, киргизы, таты, тибетцы, огузы, токизы,

огизы, киданы, карлуки, азы, изгимы, басмины, тонтры, тардуши, тангуты, указаны места их обитания.

Эти памятники можно рассматривать как образцы поэтического творчества тюркских народов VI—VIII вв. Этот вывод обоснован И. В. Стеблевой в книге «Поэзия тюрков VI—VIII вв.» В структуре содержащихся в памятниках двустийшей большую роль играют аллитерации. Каждое слово и строка расположены в определенном порядке. Среди этих торжественных, порою дидактических стихов особое место занимают поминальные оды и эпитафии. Авторы употребляют простые, но впечатляющие фразы, уместно используют разные средства художественного изображения.

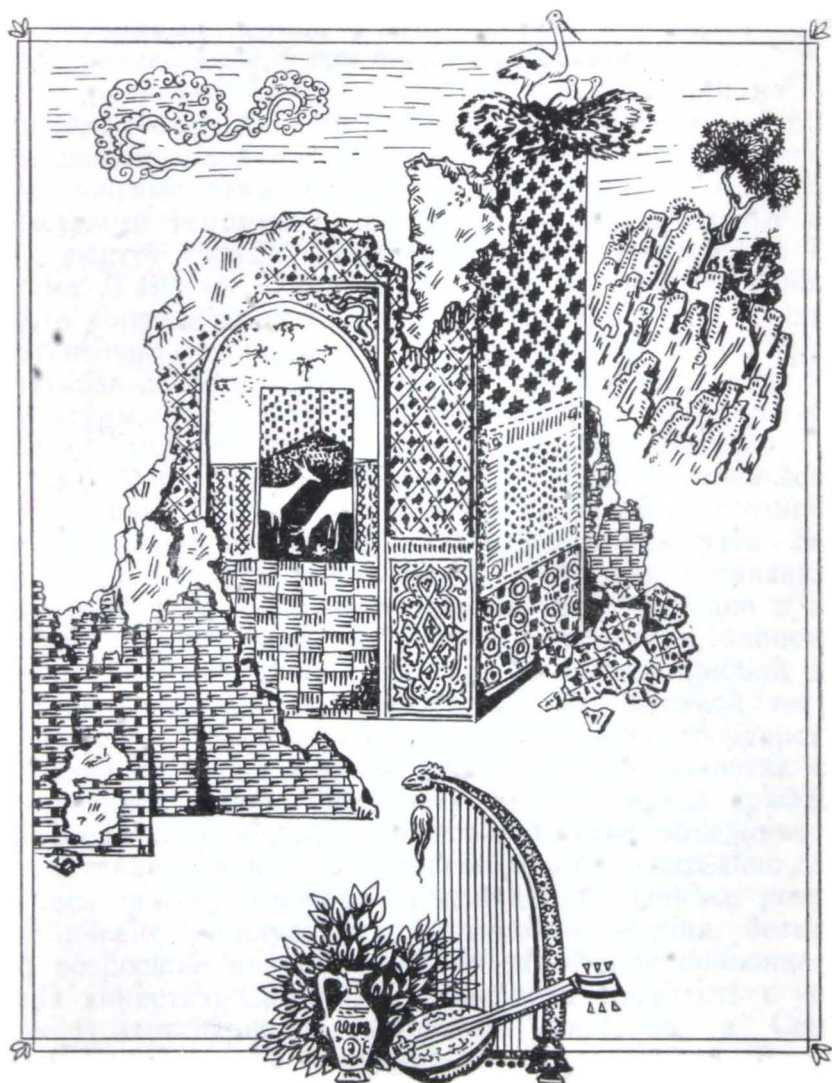
В целом орхоно-енисейские письменные памятники дают представление о политической и духовной жизни тюркских народов, уровне их интеллектуальной деятельности и художественного творчества. Немалый вклад внесли народы Средней Азии в формировании той культурной среды, которая породила эти замечательные памятники. Известно, что перед их завоеванием тюркским каганатом общекультурный уровень народов Средней Азии был весьма высок и это сыграло важную роль в становлении этой культурной среды.

Таким образом, уже в древние времена народы Средней Азии вместе с другими соседними народами Востока создавали образцы высокого художественного творчества, в которых выражались идеи добра, патриотизма, любви к народу, борьбы за независимость.

Начиная с VII века Средняя Азия подвергалась экспансии арабов, которые, насаждая ислам, уничтожали богатую древнюю культуру народов Средней Азии, убивали деятелей искусства, науки, знатоков прошлого, сжигали книги и алтари. Они отменили письменность местных народов и ввели арабскую графику. Религия ислама утверждалась методами насилия. В государственно-административных делах использовался лишь арабский язык. Целью захватчиков было уничтожение культуры среднеазиатских народов с тем, чтобы упрочить их порабощение. Однако история развивалась по своим объективным законам. На примере исторических судеб среднеазиатских народов можно заключить, что всегда побеждают борьба за правое дело, справедливость, высокая культура.

*Общественно-политическая
мысль и культура Средней Азии
в X—XII вв.*

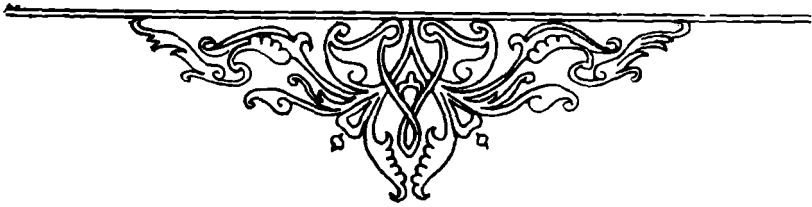
•

•

•

•

|

Указанный период — важный этап в истории народов Средней Азии, в том числе и узбекского.

В раннефеодальном обществе, сложившемся на обширной территории, которую издавна населяли оседлые согдийские племена, бактрийцы, хорезмийцы, ферганцы, кочевые саки, произошли структурные изменения. Быстрыми темпами развиваются производительные силы, растут города, совершенствуется оросительная система. В Бухаре, Самарканде, Чаче, Ургенче, Истравшане, в сопредельных с Афганистаном и Ираном городах интенсивно развиваются ремесла, горное дело; мировую известность приобретают достижения науки и культуры, укрепляются разносторонние связи между государствами Средней Азии и Среднего Востока.

Одним из главных факторов ускорения исторического развития Средней Азии IX—X веков следует считать освобождение от господства арабского халифата. Был положен конец захватнической политике, оставившей глубокий след в жизни среднеазиатских народов и нанесшей значительный урон их независимости, экономическому, культурному развитию. К власти пришла династия Саманидов, происходящая из местной знати. Тенденция к созданию самостоятельного государства определила существенные сдвиги во всех областях общественной жизни. Образовавшиеся в период арабского господства мелкие княжества начали объединяться в централизованные государства, что положительно сказалось на всех отраслях производства. Однако резкое увеличение эксплуатации местного населения, безмерно возросшие налоги ослабили ко второй половине X века династию Саманидов: она стала приходить в упадок. В этот период в восточном Туркестане, в Семиречье, возвысилось государство Караханидов. Вскоре

Бухара и Самарканд стали частью этого государства. В дальнейшем народы, жившие на огромной территории от границ Индии до Амударьи, были подчинены власти газневидов.

В период X—XII веков между этими государствами, возникшими на территории Средней Азии и в сопредельных странах, происходили непрерывные войны и конфликты. Мавераннахр и Хорасан неоднократно переходили из рук в руки. Между тем, на прибрежных землях Сырдарьи появились туркменские племена, возглавляемые сельджукидами. В начале XI века сельджукиды вступили в упорную борьбу с газневидами и овладели частью их территории. К этому же времени относится возрождение Хорезма в качестве развитого самостоятельного государства. К концу XI века стали терять свою самостоятельность сельджукиды, а затем и другие династии, о которых говорилось выше, и вся территория от низовьев Сырдарьи до Ирака вошла в состав Хорезма.

Политика хорезмшахов, направленная на расширение своего государства, приносила все новые тяготы трудящимся массам. Население городов и кишлаков, переходивших в ходе непрерывных войн из рук в руки и подвергавшихся грабежу и разрушениям, все решительнее выступало против феодального произвола и сложной налоговой системы.

Вследствие сложившегося положения в разных городах, в том числе Самарканде, сформировалось крупное народное движение. Однако на него повлияла предательская политика местных феодалов. «Ранее, еще до народных восстаний, местные феодалы перехватили власть у арабов и попытались ее использовать для самостоятельного управления. Затем, опасаясь, что эти выступления выльются в борьбу против всей местной системы эксплуатации, они сразу же после их подавления стали укреплять свое положение в политической жизни Средней Азии»¹.

Междоусобная борьба и соперничество среднеазиатских государств имели трагические последствия для жизни всего региона. Однако период относительно самостоятельного развития государственности породил у передовых ученых и поэтов веру в возрождение. Они

¹ История Узбекской ССР. Т. 1. 1967. С. 110.

хорошо помнили то время, когда при арабском господстве приходили в упадок города, превращались в руины крепости, разорялись кишлаки, уничтожались материально-культурные ценности. Поэтому они придавали особое значение развитию производства, возрождению архитектурных, научных, культурных традиций.

В период правления Саманидов стали возводиться замечательные архитектурные сооружения, создавались самобытные художественные ценности. Как важное следствие этого процесса, ранее господствовавший арабский язык стал уступать свои права персидскому (древний дари). Современному читателю «Шахнаме» великого Фирдоуси известно, что он использовал в своем произведении древние пахлевийские наречия.

В период XI—XII веков тюркские народы в своей общественно-экономической жизни вступили в раннефеодальную стадию развития. В Самарканде, Бухаре, Чаче, Ургенче, Фергане, Кашгаре, других городах и местностях, переживших господство караханидов, газневидов и хорезмшахов, передовые слои общества и дехкан развернули большие созидательные работы. «Наши сведения,— писал в свое время В. В. Бартольд,— о жизни Туркестана при Саманидах отличаются исключительной полнотой не только в сравнении с предшествующими, но и в сравнении с последующими эпохами»².

Говоря об общественно-политической жизни, городском строительстве, архитектурных памятниках, особо следует остановиться на Хорезме. В начале XI века число городов здесь достигло сорока. Значительно возвысились города Фергана, Термез. В Бухаре и Вабкенте поднялись высокие минареты. С. П. Толстов так характеризует картину жизни Хорезма этого периода: «Исследуя их (археологические памятники.— С. Э.), мы как бы ощущаем дошедшие до нас кости скелета этой грандиозной феодальной монархии. Перед нами проходят огромные ирригационные работы, вновь ожившие сотни тысяч гектаров плодородных земель, строительство пограничных крепостей на краю пустыни, укрепление стратегических и торговых путей в Хорасан, Мавераннахр, в глубь степей Дашт Кипчака, новый расцвет городской жизни, ремесел, торговли, пышное и богатое

² Бартольд В. В. История Туркестана. Ташкент. 1922. С. 11—12.

развитие искусства «Хорезмского ренессанса», оказавшего мощное воздействие на всю дальнейшую историю художественной культуры Средней Азии, Ирана, Поволжья»³.

Развитие науки и литературы в X—XII веках обусловлено многими причинами. В этот период жили и творили ученые, поэты, которые, усвоив достижения науки и культуры не только Средней Азии, но и других стран мира, создавали энциклопедические труды, художественные произведения. Именно в этот период на историческую арену выступили те «силы, которые создали ту динамическую переломную эпоху в общей истории феодального мира, которую мы называем Ренессансом»⁴. Своими открытиями в области истории, философии, логики, точных наук они оставили глубокий след в истории науки и культуры Средней Азии.

Особое значение имеет деятельность таких выдающихся энциклопедистов, как Мухаммад ал-Хорезми, Абу Наср Фараби, Абу Райхан Беруни, Абу Али ибн Сина, Насреддин Туси, ознакомивших мировую науку с достижениями рационалистической мысли Востока. В этот же период получили известность научные труды Абу Вафа Джурджани, Абу Наср ибн Ирака, Абу Сахл Масихи, Абу Мансур Бухари, Абул Хасан Кисаи Марвази и др.

Одним из зачинателей средневековой науки Средней Азии явился Мухаммад ал-Хорезми, чья деятельность получила мировую известность. Хорезми жил и работал в конце VIII века, оставил богатое научное наследие, в частности, такие труды как «Краткое изложение алгебры противоположностей», «Книга картин земли» и др.

Один из крупнейших среднеазиатских ученых Абу Наср Фараби, живший в начале X века, за свою многогранную научную деятельность был прозван «Аристотелем Востока» («Вторым учителем»). Важную роль в развитии прогрессивной средневековой общественной мысли сыграли его труды «Трактат о разуме», «Взгляды жителей идеального города» и др.

³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Л. 1948. С. 276.

⁴ Конрад Н. Алишер Навоий // Узбек тили ва адабиёти. 1969 № 1. 16-бет.

Глубокий след в истории научной мысли той эпохи оставил великий ученый Абу Райхан Беруни (975—1048), совершивший открытия почти в каждой из отраслей средневековой науки. Однако большинство его трудов связано с проблемами математики и астрономии. Среди них особое место занимают «Канон Масуда» и геодезический труд «Определение конечных границ мест для проверки расстояний населенных пунктов».

Беруни проявлял большой интерес к работам арабских ученых, некоторые из них перевел на персидский язык. Он изучал историю, образ жизни, нравы и обычаи других народов Востока. В его труде «Памятники минувших поколений» содержатся интереснейшие сведения о древней истории, мифологии, календарях согдийцев и персов, греков и византийцев и многих других народов. В этом плане значителен его труд «Индия». С. П. Толстов дает такую характеристику двум его трудам: «В центре внимания «Ал Асар» («Хронология») — и этим он отличается от большинства историков его времени — стоит не история деятельности царей и героев, не история политических событий, а история культуры народов, их обычаи и нравы. Поэтому «Ал Асар», как и «Индия», может рассматриваться не как историческое в привычном смысле слова, а как историко-этнографическое исследование... Наряду с письменными источниками их широчайшим образом привлекают источники этнографические: устная традиция, устная информация и личное наблюдение»⁵.

«Фармакогнозия» («Сайдана») — один из последних его трудов; в нем приведены сведения о почти 800 лекарственных средствах, даны их названия на персидском, арабском, греческом и других языках, что представляет огромный интерес для современных лингвистов. Близкое знакомство ученого с памятником общественной мысли среднеазиатских народов «Авестой» нашло свое выражение в его книге «Памятники минувших поколений», что делает последнюю одним из ценнейших источников изучения «Авесты»⁶. «Фармаког-

⁵ Толстов С. П. Беруни и его «Памятники минувших поколений». Беруни. Избранные произведения. Т. 1. С. 15.

⁶ Каюмов А. Беруний «Авеста хақида». Беруний ва илтимомий фанлар. Тошкент, 1975. 84-бет.

нозия» и «Минералогия» свидетельствуют о том, что их автор часто обращался к художественной литературе, прежде всего к поэзии. Сам Беруни писал стихотворения на арабском языке, образцы которых дошли до нас благодаря тому, что были использованы в «Собрании литераторов» («Муъжамул-удабо»).

Особое значение имеет тот факт, что Беруни принимал активное участие в переводе на арабский язык некоторых образцов устного творчества народов Хорасана. П. Г. Булгаков сообщает, что переводы Беруни отдельных сказаний можно встретить в поэме «Вамик и Узро» крупного персидско-таджикского поэта XI века Унсури⁷. Характерно, что одна из героинь поэмы «Фархад и Ширин» Мехин-Бану встречается в произведениях Беруни в образе Шамиры, связанном с легендарной древностью⁸.

Естественнонаучные и гуманитарные изыскания этого крупного ученого, его интерес к литературе сыграли важную роль в дальнейшем укреплении и развитии светской тематики в литературе его эпохи.

Среди ученых Средней Азии энциклопедизмом, гуманистической наполненностью выделяется деятельность гениального ученого Абу Али ибн Сины. Ибн Сина вел глубокие изыскания в области медицины, философии, логики, психологии, этики, математики, химии, ботаники, лингвистики, музыки и оставил после себя труды, обогатившие науку, давшие новое направление многим ее отраслям.

Огромную славу принесли ему работы в области медицины. Уже современники удостоили его почетного звания «Шейх ар-раис» («Глава ученых»). Трудом первостепенной важности в науке того времени стал его «Канон врачебной науки». Исследователи медицинского наследия Ибн Сины считают, что вопросам медицины он посвятил свыше сорока произведений. По вопросам философии, логики, астрономии и многим другим наукам им написано свыше ста произведений.

Литературное наследие Ибн Сины имеет важное значение и для историков литературы. В свое время широкую известность и признание получили его заме-

⁷ Булгаков П. Г. Берунийнинг ижтимоий фанлар соҳасидаги илмий мероси. Беруний ва ижтимоий фанлар. 44-бет.

⁸ Ўзбекистон ССР тарихи. 1 Т. Тошкент. 1967. 69-бет.

чательные фарды и рубаи, газели и касыды, содержащие глубокие философские размышления; известны его стихотворные сочинения, посвященные медицине. Он писал на арабском и персидском языках. В своих произведениях Ибн Сина утверждает достоинство как высшую ценность, славит разум человека и его высокие нравственные качества. Он призывает к просвещению, осуждает пороки. «Каждый бейт его стихотворений призывает человека зажигать свет знаний и просвещения, к каждому вопросу подходить с научной точки зрения, с позиции разума, быть честным, упорно овладевать наукой и культурой, словом, воплотить в себе лучшие человеческие качества»⁹. Веря, что цели человеческой деятельности не совместимы с религиозными догмами, он подвергает решительной критике невежественных людей, отстаивающих эти догмы. Ибн Сине принадлежат и философские повести «Саламан и Абсал», «Хай ибн Якзан» и другие, свидетельствующие о его больших возможностях как прозаика.

В труде Ибн Сины «Наука поэтики» даются философский анализ и определение специфики образно-художественного мышления, присущего литературе Востока. Этот труд великого мыслителя, созданный на основе «Поэтики» Аристотеля, решает ряд проблем современного ему литературоведения¹⁰.

Девять поэм Ибн Сины, посвященных медицине и логике, автор объединил под общим названием «Урджуза» (по-видимому, происхождение названия связано с тем, что поэмы написаны размером раджаз аруза).

В своеобразной академии знаний, сформировавшейся в X—XII вв. в Хорезме, дело Хорезми, Абу Бакра ар-Рази продолжили такие ученые, как Абу Наср Мансур ибн Ирак, Абу Хайр Хаммар, сделавшие крупные научные открытия. Их глубокие исследования в области математики, геометрии, астрономии, естествознания отмечены широким пониманием действительности.

В условиях господства феодальных отношений, ортодоксально-клерикальной борьбы против развития естественнонаучной мысли труды всех названных ученых в этой области имели важное прогрессивное значение. Их по праву относят к тем мыслителям, которые стоя-

⁹ Ирисов А. Абу Али Ибн Сина. Тошкент. 1980. 114-бет.

¹⁰ Там же, с. 171.

ли у истоков эпохи Возрождения в истории народов Востока¹¹.

ЛИТЕРАТУРА НА ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

В X—XII веках развитие литературы Средней Азии было обусловлено общественным прогрессом, интенсивным формированием и обновлением культуры. Ликвидация арабского господства и становление ряда самостоятельных государств значительно ускорили процесс территориального этнического объединения. К этому времени относится начало формирования узбекского и таджикского народов. Это привело к возникновению и развитию литератур на тюрки и фарси. История свидетельствует о длительности этого процесса, связанного и со становлением языков данных народов, взаимовлиянием их литератур. Духовные богатства, созданные на тюркском языке в X—XII веках, являются как достоянием узбекского народа, так и наследием других тюркоязычных народностей.

В развитии литературы этого периода большую роль играли такие культурные центры, как Самарканд, Фергана, Кашгар, Чач, Ургенч, Андижан. Деятели культуры придавали большое значение возрождению самобытных традиций, использованию их светских тенденций. Значительный интерес представляет плодотворное использование поэтами древних песен, посвященных труду и героизму, описанию явлений природы и т. п. К этим традициям обращались, например, поэты Юсуф Хас Хаджиб («Кутадгу билиг» — «Благодатное знание») и Ахмад Югнаки («Хибатул-хакойик» — «Дары истины»).

Классовые противоречия и борьба между различными сословиями и слоями феодального общества во многом определяли направление и характер литературных течений X—XII вв. Говоря о том положительном влиянии, которое оказывали рационалистические направления в науке и культуре на светский характер развития литературы, нельзя не вспомнить и о противостоящем ему религиозно-мистическом течении и его представителях.

¹¹ См.: Хайруллаев М. Шарқ уйғониш даврининг мутафаккирлари. Тошкент, 1972.

В X—XI веках происходит одновременное формирование и выступление на арену общественной борьбы двух крупных течений, направленных против светского развития литературы.

Известно, что арабские завоевания принесли в Среднюю Азию ислам и его основной источник Коран. Служители религии, проповедуя учение Корана, утверждали преходящий характер земной жизни и осуждали приверженность человека к реальному миру и природе. В своих произведениях они чернили Ибн Сину и Фараби, которые, следуя философии Аристотеля, якобы, «сбивались с пути». Приверженцы этого течения использовали также идеи суфизма, как господствующего религиозно-мистического учения, проповедуя аскетизм и крайний мистицизм.

Вопрос о природе суфизма, его конкретных проявлениях в тот или иной период развития уже неоднократно изучался исследователями философии Востока. Приведем некоторые выводы о роли суфизма в средневековой литературе Востока, которые сделали в своих трудах Б. Э. Бертельс, В. З. Захидов¹² и др.

Суфизм (тасаввуф) сложился на Востоке в очень давние времена. На его формирование оказали влияние неоплатонические воззрения, буддизм, конкретные исторические условия; порой в процессе идейной борьбы он претерпевал значительные трансформации. В частности, он выступил против отдельных положений ислама в период проникновения его в Среднюю Азию. Как считал В. Ю. Захидов, «суфизм развивался в борьбе с ортодоксально-религиозной и феодальной реакцией, выражая протест против душной и безотрадной действительности там, где господствовала эта реакция»¹³. Далее исследователь указывает на свойственные уже раннему суфизму пассивность и склонность к аскетизму. Последующие же течения суфизма все теснее стали смыкаться с ортодоксальной исламской религией; большую роль в этом сближении сыграл Мухаммад Газзали. В условиях резкого усиления феодального гнета в Средней Азии, непомерно возросших налоговых обло-

¹² Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. М. 1965; Захидов В. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент. 1961; Зоҳидов В. Улуғ шоир ижодининг қалби. Тошкент. 1970.

¹³ Захидов В. Указ. соч., с. 319—320.

жений, в условиях, когда подавлялись стремления и мечты народных масс о лучшем будущем, идеология, проповедующая повиновение, аскетизм, пассивность, оказалась весьма уместной. Поэтому в господствующих кругах резко возросла заинтересованность в учении, примиряющем ислам и суфизм. Именно на этой идейной основе и сформировалось творчество представителей мистической литературы XII века Ахмада Яссави и Сулеймана Бакиргани.

Уроженец Яссы (современный Туркестан) Ахмад Яссави жил и творил в середине XII века (ум. в 1166 г.). Как и его предки — известные шейхи, Ахмад Яссави был приверженцем феодально-клерикальной идеологии. Прошедший сначала обучение у Арсланбаба, затем у знаменитого шейха Юсуфа Хамадани в Бухаре, Ахмад Яссави был признан святым. В своем творчестве он проповедовал идеи суфийского ордена «джахрия», который вскоре был назван его именем. Суфизм определил идейное содержание сборника «Девони хикмат» («Диван мудрых изречений»), в который вошли все произведения Яссави.

Существует несколько списков этого дивана. Однако к этим рукописям, как и к основанным на них литографическим изданиям, следует подходить критически, ибо все они отдалялись от литературного языка и стиля художественных произведений того времени.

В своих произведениях Ахмад Яссави часто обращался к песенному народному творчеству, фольклорным образцам, широко использовал их форму. Он стремился к сближению языка своих произведений с живым разговорным языком узбекского народа. Однако какими бы художественными достоинствами ни обладали хикматы Ахмада Яссави, в них все же преобладает реакционный призыв к пренебрежению земной жизнью. Хотя в своих произведениях он и видит «гнет притеснителей», «недостойных корыстолюбцев», он не ищет путей избавления от них, а предлагает смириться с этим, довольствоваться малым, чтобы получить блаженство в потустороннем мире.

Таким образом, основная концепция произведений Ахмада Яссави — призыв к отказу от радостей земного бытия, готовность к любым лишениям и страданиям во имя встречи с творцом, приготовившим для праведника райские кущи:

Считай блаженством лишения, страдания, трудности,
Высший смысл — в предпочтении того мира этому...

Те же тенденции выражает и один из его последователей и продолжателей Сулейман Бакиргани (ум. в 1192 г.), автор лирического сборника «Книга Бакиргана» («Бокиргон китоби») и нескольких дастанов.

По нашему мнению, следует продолжить изучение творчества Ахмада Яссави и Сулеймана Бакиргани. Прежде всего путем сравнения имеющихся рукописей произведений и их литографических изданий необходимо выявить наиболее надежные и близкие к оригиналу источники. Критико-аналитическое исследование будет способствовать более конкретному изучению их мировоззрения, поэтики их произведений. Выявление особенностей языка хикматов Ахмада Яссави, несомненно, даст новые сведения по истории узбекского языка.

Основное направление прогрессивной литературы X—XII веков определили дидактические дастаны. Приведенные в труде Махмуда Кашгари «Диван тюркских слов» поэтические отрывки также обогащают наши знания о литературе того времени. Благодаря огромной научно-собираательной деятельности автора данного труда это, в основном, народное поэтическое богатство дошло до нас и стало одним из важнейших источников, дающих представление о развитии светской литературы X—XII веков.

Произведения Юсуфа Хас Хаджиба и Ахмада Юнани — яркие образцы дидактической поэмы того времени. Тот факт, что в указанный период наряду с лирическими и героическими поэмами получили развитие и дидактические, не случаен. Это обусловлено потребностями раннефеодального общества систематизировать и облечь в поэтическую форму философско-нравственные дидактические воззрения, связанные с повседневной жизнью общества и его членов. Этим же объясняется появление таких произведений, как «Сиасет-наме», «Кабус-наме» и др. Хотя «Кутадгу билиг» и «Сиасет-наме» выражали прежде всего интересы господствующего класса, все же философским и нравственно-дидактическим воззрениям их авторов свойственны и определенные демократические элементы. Авторы избрали форму родительских наставлений, что характерно и для древних дастанов устного народного творчества.

Таким образом, дидактика, в которой находит выражение глубокая мудрость народа, «по-видимому, связана с особенностью родового общества, высоким положением родителей в нем. Дидактика в произведениях таких авторов, как Юсуф Хас Хаджиб, своими корнями уходит в древние тюркские традиции, и ее первоплановое развитие в феодальных условиях не случайно»¹⁴. Авторы дидактических поэм излагают свою идейную программу, соотносят ее с определенными темами и сюжетами, используют художественный вымысел, строят сюжет на столкновении между различными силами как носителями определенных идей.

Махмуд Кашгари. Образцы художественного творчества народов Средней Азии X—XI вв. и более раннего периода представлены в книге Махмуда Кашгари «Диван тюркских слов» («Девону луготит турк»), созданного в 1073 году.

Известный ученый-энциклопедист и путешественник Махмуд Кашгари был хорошо знаком с жизнью народов Средней Азии. Он разработал грамматику тюркского языка и создал тюркско-арабский словарь, в котором на арабском языке разъяснял значение древнетюркских слов с помощью пословиц и стихотворных отрывков. Таким образом, этот труд содержит ценнейшие сведения о художественном творчестве среднеазиатских народов с древнейших времен¹⁵.

В Узбекистане «Диван» Махмуда Кашгари был издан в 1960—1963 гг. в трех томах в переводе известного тюрколога С. Муталлибова.

Во вступлении к «Дивану» автор перечисляет все тюркские народности, жившие тогда на территории, простиравшейся от Рума (Малая Азия) до Китая, в частности, бажанаков, кипчаков, огузов, ямаков, башкиров, басмилов, каев, ябоку, татар, уйгуров, чигилей, тухси, ягма, играков, жару, джамулов, тангутов, киргизов, табгачей и др. К книге приложена и географическая карта с указанием районов расселения этих народов.

¹⁴ Хайитметов А. Шарҳ адабиётининг ижодий методи таърихидан. Тошкент. 1970. 51-бет.

¹⁵ В Стамбуле хранится единственная рукопись этого произведения, переписанная через 200 лет после его создания Мухаммедом бин Абу Бакиром Аддимшики.

В «Диване» раскрываются различия между языками тюркских народов. В корневых словах эти различия не заметны, кроме изменений отдельных букв. Например, если у турков слово *странник* — *йалкин*, то у огузов — *алкин*, если турки говорят *йилиг сув*, то огузы — *илиг сув* (теплая вода) и т. д.

В каждом из трех томов «Дивана» дано относительно полное толкование вошедших в него слов¹⁶.

Слова в словаре расположены по правилам арабской грамматики (так, глаголы даны не в неопределенной форме, а в прошедшем времени), разделены по количеству букв, расположены по принципу *музоафа* (если есть буквы алиф, ёй, вав) либо *салима* (если этих букв нет).

«Диван тюркских слов» — это не только словарь, но и умело разработанное пособие по грамматике. В нем приводятся подробные сведения о происхождении многих слов.

В книге дано истолкование названий некоторых городов Средней Азии. Например, Ташкент, который прежде назывался также Шашем, Махмуд Кашгари называет Таркен. Само же слово «Ташкент» означает «Каменный город». Самарканд первоначально назывался «Самиз канд» («Большой город»).

«Диван» содержит очень ценные сведения по этнографии тюркских народов. В книге приводятся стихотворные примеры, поясняющие значение того или иного слова. Основное содержание стихов — реальная жизнь: в одних описывается тяжелая жизнь простых людей, в других — развлечения феодальной знати.

Многие стихотворения носят дидактический характер. Они восхваляют добро, трудолюбие, осуждают пороки, нравственные недостатки, в них содержится призыв к сохранению человеческого достоинства и чести. В стихах военного содержания восхваляется мужество, ненависть к врагу, вера в победу. Как пример отцовского назидания сыну приводятся, например, следующие строки:

Мир не любит грубых слов,
Назойливых, бесстыдных, скупых людей.

¹⁶ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк. 1—3 томлар. Тошкент, 1960, 1961, 1963. Автор перевода с предисловием — известный советский тюрколог С. Муталлибов.

Будь приятного нрава, воспитанным,
Чтобы имя твое осталось на много лет.

Махмуд Кашгари собрал немало стихов, воспевающих человеческие достоинства, знания, подлинную ученость. Обращаясь к детям от имени отцов, он призывает их учиться у мудрых и просвещенных людей, приобретать знания, избегать эгоизма и спеси:

Учись у него знаниям,
Иди к нему,
Занимайся благим делом,
Гони от себя спесь.

Многие стихотворные отрывки посвящены искренним и чистым отношениям между людьми. В них изображены тревоги и радости любви. Каждое слово, каждая строка этих стихотворений проникнуты любовными переживаниями, наполнены сердечным теплом. Лирический портрет возлюбленной выполнен реалистическими красками:

Обманула меня девушка с нежным телом,
Стройная, как росточек, с прямым носом.

В «Диване» есть немало стихов, в которых чувства любящих передаются ярко и образно:

Все сильнее моя любовь,
Плачу я день и ночь.
Я увидел, как она уходит,
И мне не хочется оставаться одному.
Моя любимая далеко,
Но сердце мое с нею.
Я в глубокой печали,
Лью слезы день и ночь.

Но в жизни бывают не только страдания и печаль, слезы одиночества. В ней есть и счастливая любовь, радость свидания. Озорная красавица иногда бросает благосклонный взгляд на влюбленного.

В «Диване» есть также стихотворные отрывки, в которых изображается борьба «зимы» и «лета», дается описание войн и сражений, приведены элегии, посвященные гибели героев и богатырей. В целом стихотворения, включенные в «Диван», представляют ранние образцы поэтического творчества народов Средней Азии. Отдельные стихотворные описания исторических событий перекликаются с содержанием орхоно-енисейских памятников. Вместе с тем, в книге приведено много пословиц и поговорок, бытовавших среди народа в

IX—X вв. и отражавших богатый опыт народной жизни. В них выражено отношение народа к достоинству человека, его понимание смысла жизни, оценка тех или иных ее проявлений. «Кут билгиси биляк» (Разум и знание — счастье), «Ардам боши тил» (Воспитание начинается с языка), «Курук кошик огизка бармас» (Пустая ложка рот дерет); «Алп чиранда, билка тиракда» (Богатырь в бою, ученый в беседе), «Куз келиги ёзин балкурур» (Лето предвещает осень) и т. д.

«Диван тюркских слов» — это ценнейший научный источник, содержащий важные сведения о художественном творчестве тюркоязычных народов, проживающих на территории Советского Союза. В нем заключены важные сведения о жизни и художественном творчестве тюркских народов X—XII веков и доисламского периода.

Следует отметить, что содержащиеся в «Диване» стихотворные отрывки создают четкое представление о жанрах, формах, художественных особенностях и средствах изображения тюркоязычной поэзии прошлого.

Адиб Ахмад Югнаки. Одним из замечательных литературных памятников старотюркского периода развития узбекской литературы являются «Дары истины» (Хибатул-хакаик) Адиба Ахмада Югнаки (XII—XIII вв.).

Автор этого знаменитого произведения родился в Югнаке. Это название носят три города, расположенные вблизи Туркестана, в Кашгарии и под Самаркандом. До настоящего времени не решен вопрос, какой именно Югнак является местом рождения автора «Даров истины».

Существует несколько вариантов названия памятника «Дары истины» — «Ибатул-хакаик», «Айбатул-хакаик», «Атебутал-хакаик». Последнее название означает «Врата истины».

Сохранилось пять списков «Даров истины»; три варианта заключают в себе основные части текста, а два — отдельные части произведения. Списки «Даров истины» хранятся в библиотеках Стамбула и Берлина. Достоверные списки «Даров истины» состоят из 256 бейтов, т. е. из 512 строк. Автор пишет, что произведение состоит из четырнадцати глав.

В этом произведении освещаются многие дидактико-воспитательные темы, восхваляются знания, осуж-

дается невежество и т. д. Памятник дает богатый фактический материал по истории наук. Содержит традиционное восхваление аллаха, пророка, его сподвижников; автор дает сведения о себе, выражает свою признательность спахсалару (правитель-главнокомандующий), которому посвящено произведение. Вот что автор сообщает о себе:

Мое имя Адиб Ахмад, мое слово — наставление,
Мое слово сохранится на этом свеге, а сам я уйду в
другой мир.

Некоторые сведения об авторе переданы в списках «Даров истины» переписчиками: «Имя его отца — Махмуд Югнаки, без сомнения, Ахмад — его сын, место рождения Адиба — Югнак; это место прекрасно, оно вдохновляет сердце». «Он — глава просветителей и глава ученых, высказывал только обдуманное и подобные жемчужинам слова».

В XV—XVI вв. Ахмад Югнаки был широко известен. В «Дарах истины» сказано о слепоте автора: «Глаза поэта с рождения были слепы» (Туға кўрмас эди адибнинг кўзи). Говорит о слепоте поэта и Навои¹⁷, но отмечает, что его чувства и талант делают его сильнее зрячих. Навои цитирует следующие строки его произведения: «Если ты будешь распускать свой язык, тебе сломают зубы».

По языковым особенностям памятник близок к «Кутадгу билиг», «Дивану тюркских слов», «Повестям Рабгузи», «Среднеазиатскому тефсиру», хорезмским письменным памятникам. Именно поэтому Е. Э. Бертельс заметил, что «прежде всего это крайне важный документ, показывающий нам, какой характер носил литературный язык Ферганы в начале XIII века. Здесь особенно важно подчеркнуть, что поэма как бы перебрасывает мостик от языка «Кутадгу билиг» к старому узбекскому языку XIV — начала XV в.»¹⁸.

Своим трудом Ахмад Югнаки не только обогатил литературу оригинальным произведением; он внес огромный вклад в систематизацию грамматических и стилистических норм, обогатил словарный состав

¹⁷ См.: Алишер Навоий. Насойимул мухаббат. Рук. фонда ИВ АН УзССР. Инв. № 857. С. 273.

¹⁸ Бертельс Е. Э. Гуманитарные науки. Кн. 1//К 25-летию САГУ Ташкент. 1945. С. 44—45.

литературного языка, наметил пути дальнейшего его развития.

Автор «Даров истины» был высокообразованным человеком: он неустанно пропагандировал науку, просвещение, призывал постигать смысл жизни с помощью знаний. Наука и знания для него были основой всех основ.

Как и его предшественники, поэт хорошо знал, что без знаний общество не может развиваться, поэтому он восхвалял науку, просвещение:

Я говорю о знании — слушайте мои слова,
Приобщайтесь к знаниям, о друзья.
Знания открывают путь к счастью...

Ахмад Югнаки учил людей оказывать помощь друзьям, уважать старших, не причинять зла, быть стойкими в несчастьи, всегда и везде сохранять свое достоинство:

- Воздерживайся от насилия, помогай человеку в беде,
Виновному прости его вину, выкорчуй дерево насилия,
Когда ты достигнешь величия, не ошибайся
- Когда ты облечешься в атлас, не забывай, что (прежде)
носил бязь.

Социальные проблемы, необходимость урегулирования общественных отношений, обеспечение благополучия общества и процветание народов занимали умы передовых представителей общества, ученых и мыслителей. Поэт видит противоречия, существовавшие между богатыми и бедными, неравное распределение богатства среди различных слоев общества, когда одни жили в роскоши, а другие голодали. Он призывал состоятельных людей помогать бедным, восхвалял щедрость, критиковал алчность и скупость.

Автор ставит перед собой задачу поддержать прогрессивные перемены в обществе, способствовать укреплению новых норм поведения в рамках каждой общественной прослойки. Он по-новому решает проблемы общественно-экономической, культурно-бытовой жизни, морали, этики, гражданского долга. Призывает соблюдать законы справедливости и не причинять зла нижестоящим:

Будь справедлив, и народ признает тебя справедливым,
Надень одежду справедливости, откажись от зла.

Важнейшей чертой правильного воспитания Югнаки считает скромность как основу характера человека. Он особо подчеркивает, что скромность приводит людей к счастью, а высокомерие делает алчным:

Говорю тебе: отбрось высокомерие,
Твердо сохраняя свое достоинство,
Того, кто превозносит себя над другими,
Не любит ни бог, ни народ.

В учении Ахмада Югнаки прослеживается влияние взглядов Фараби, Ибн Сины, Беруни. Связывая сотворение мира с внешними сверхъестественными силами, он вместе с тем признает его материальность и объективные закономерности развития. В своем произведении он подчеркивает связь явлений между собой, изменяемость вселенной и общества под воздействием материальных факторов:

Молодой состарится,
Новое износится,
Сильный станет слабым,
Богатства мира завтра исчезнут.
Этот мир прекрасен для слепца,
Но он таит в себе тысячи бедствий.

Композиционно-стилистические особенности «Даров истины» представляют немаловажный интерес с точки зрения истории и литературоведения. Текст насыщен метафорами, сравнениями, другими художественными тропами. В памятнике широко использована и ономиния, усиливающая выразительность произведения. Югнаки пользовался и народными песнями: памятник написан в форме месневи (двухстиший) и четверостиший.

В этом произведении Адиб Ахмад Югнаки стремился правдиво раскрыть политическую, общественную и экономическую жизнь конца XII—начала XIII в.

Дидактические поэмы X—XII веков явились важным вкладом в развитие литературы своего времени. Они подготовили почву для появления в следующие века философских поэм. В то же время следует подчеркнуть, что представители дидактической литературы долгое время выступали с позиций господствующих сословий, считали возможным устранить социальные противоречия и конфликты путем совершенствования

форм управления и власти. Эта ограниченность была обусловлена общественной средой и конкретными условиями, в которых они жили.

ЮСУФ ХАС ХАДЖИБ

Период истории тюркоязычной литературы, граничащий с одиннадцатым столетием, представлен поэтическим произведением «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хаджиба из Баласагуна.

В литературе нет сведений о жизни и творчестве Юсуфа. По данным самой поэмы, он был уроженцем Баласагуна, приступил к написанию произведения в 1069 г./462 г. х. Ровно через 18 месяцев завершил его в Кашгаре и преподнес в подарок правителю, который в благодарность пожаловал автору придворный чин — «Хас Хаджиб».

Когда Юсуф завершил свое произведение, ему исполнилось пятьдесят лет. Об этом мы узнаем из содержания поэмы:

Мне пятьдесят, и не молод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым (с. 56)¹⁹

Таким образом, дату его рождения можно определить как 1069/410 г. х.

«Кутадгу билиг» («Благодатное знание») — пока первый крупный памятник тюркоязычной художественной литературы XI века. Он ценен как источник для изучения истории формирования и развития литературы и литературных языков тюркоязычных народов. Из памятника можно получить сведения по истории, этнографии, обществоведению, экономике, философии, юриспруденции, медицине, астрономии, географии, математике и многим другим наукам. В нем дана широкая картина политической, общественной, материальной и культурной жизни народов, населявших в ту пору огромную территорию тюркского каганата караханидов.

¹⁹ Здесь и далее примеры приводятся из кн.: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. Издание подготовил С. Н. Иванов. М. 1983.

В поэме «сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаниях Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей не выдуманных, живых»²⁰.

Науке известны три списка произведения. Переписанный в 1439 г./843 г. х. уйгурским письмом список, обнаруженный в Турции, хранится в Венской Королевской библиотеке. В 1896 г. в Каире был найден переписанный арабским письмом другой экземпляр, который и хранится там. И, наконец, в 1913 г. в Намангане обнаружен третий, по единогласному утверждению специалистов, самый достоверный и полный экземпляр, тоже выполненный арабским письмом; в 1924 г. его доставили в Ташкент, где он и хранится.

Поэма привлекала внимание исследователей и стала объектом интенсивного изучения зарубежных, русских и советских тюркологов. Появилось множество статей, десятки исследований и ряд изданий²¹.

Приход к власти на смену саманидам Караханидской династии сопровождался существенными изменениями в общественно-политической, культурно-бытовой и социально-экономической жизни страны. Разный уровень жизни, социальные противоречия препятствовали созданию подчиненного единому правлению централизованного государства, которое было заветной мечтой верховных правителей и отвечало интересам правящей верхушки.

«Кутадгу билиг» был создан как устав, наставление, воплощающее в себе принципы управления государством, законы и правила общественного уклада, обычаев, морали, поведения членов общества, определения их обязанностей и гражданского долга.

Автор произведения поставил перед собой ответственную задачу: обобщить все нововведения, найти

²⁰ Кононов А. Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг»//Советская тюркология, 1970, № 4. С. 7.

²¹ Об истории изучения этого произведения см.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. 1951. С. 302—304; Каримов Қ. «Кутадгу билиг»нинг топилиши ва ўрганилиши тарихидан//Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари. 2-китоб. Тошкент, 1961. С. 109—116; Юсуф хос Ходжиб. Қутадгу билиг. Тошкент, 1972. С. 9—21; Каримов Қ. Илк бадий дoston. Тошкент. 1976. С. 220—222.

пути их укрепления, наметить практические меры совершенствования управления, определить и уяснить задачи и обязанности, нормы поведения и рамки прав членов каждой общественной прослойки, от простолюдина до знати и правителя. И успешно справился с этой задачей. В своем произведении он дал исчерпывающий ответ на все поставленные вопросы. Следовательно, во-первых, он появился на исторической арене феодального средневековья как универсальный прогрессивный мыслитель; во-вторых, стал выразителем чаяний и стремлений феодальной знати.

Пока еще ни в одной литературе не обнаружено сведений о характере и статусе литературного языка того времени. «Кутадгу билиг» — единственный источник, по которому можно судить о литературном языке той эпохи.

Язык произведения был общедоступным, обиходным и обладал чертами народности. Конечно, он не отражал всего своеобразия речи простонародья, но все же был доступен почти всем большим и малым народностям и племенам. Это подтверждается и тем, что в «Кутадгу билиг» содержится большинство лексических единиц, зарегистрированных в «Диване тюркских слов» Махмуда Кашгари.

Видимо, при составлении своего труда Юсуф учитывал все близкие и сходные особенности языков народностей и племен и практику пользования лексическими единицами, которые в целом впоследствии могли стать общими для единого народного языка. При этом он имел в виду не только настоящее, но и будущее состояние литературного языка. Иными словами, Юсуф Хас Хаджиб внес большой вклад в систематизацию, развитие и обогащение литературного языка, в установление единого произношения, правописания, что, в свою очередь, придало системность фонетическим и грамматическим правилам, обеспечило общность лексических богатств и стилистическую стройность языка.

Поэма написана в жанре месневи, рифмованное двустипие, общепринятое для эпических произведений. Исключение составляют три последние главы и около восьмидесяти четверостиший. Эти три главы написаны жанром касыды в форме газели, а четверостишия, как известно, относятся к жанру рубаи.

«Кутадгу билиг» — произведение дидактического содержания, художественный свод поучительных назиданий. В нем синтезирован ряд художественных жанров. Своеобразно оно и по своей композиции. Довольно крупное по объему (произведение состоит из 6645 двустихий основной части и 77 двустихий стихотворного и небольшого прозаического предисловия), оно включает 85 глав, первые одиннадцать из которых — вступление. Последние три отрывка — заключение. Произведение составлено по строго традиционным правилам восточного книгосложения.

Все свои суждения по определенному кругу вопросов о смысле и значении человеческой жизни Юсуф излагает при помощи иносказательных повествований, в форме беседы, спора, полемики четырех героев — персонажей, каждый из которых является олицетворением определенной добродетели и достоинства: Кунтугды (Солнце взошло) — царь — Справедливость; Айтолды (Полнолуние) — визирь — Счастье; Огдюлмиш (Достохвальный) — сын визиря — Разум; Одгюрмиш (Пробуждающий) — родич визиря — Умеренность.

Поэма не имеет единого сюжета. Главные события разворачиваются следующим образом: Кунтугды, благодаря своей справедливости, получает всемирную известность. Услышав о правосудии Кунтугды, преодолев долгий и трудный путь, к нему на службу поступает Айтолды. Но вскоре он умирает в расцвете сил, а на его место царь назначает его сына Огдюлмиша. При нем царство процветает больше, чем когда-либо. По совету царя он намеревается привлечь к государственному делу своего умного родственника Одгюрмиша, отрекшегося от суеты мира. Но тот не соглашается. Между четырьмя героями происходит горячий спор-беседа, строящийся по типу вопросы — ответы. Ответ на каждый обсуждаемый вопрос «вырабатывался» в процессе оживленного словесного состязания героев.

Идейное содержание поэмы весьма своеобразно, и круг затрагиваемых в ней вопросов чрезвычайно широк. Они касаются почти всех основных сторон человеческой деятельности — от деталей повседневной жизни до проблем мироздания и сущности природных тел и светил. Поэма — свод поучений, наставлений, умозаключений, художественная энциклопедия реальной жиз-

ни, кодекс обучения правилам разумного поведения.

В своих философских воззрениях Юсуф выступает как воинствующий мусульманин. В основе его миропонимания ясно проглядывает учение монотеизма. Бог в его понимании, не коранический, существующий вне зависимости от реальности и сверхъестественно, а проявляющийся везде, всюду, всегда и во всем. Все сущее олицетворяет и отражает бога. Он воплощен во всех вещах и явлениях, он — вездесущ. Миропонимание Юсуфа основано на суфийском учении и толковании картины мироздания.

В его понимании мироздания прослеживается влияние учений Фараби, Ибн Сины, Беруни. Сотворение мира он связывает с внешней, сверхъестественной силой, но вместе с тем признает его объективные закономерности и материальность. Призывая к признанию существования бога и служению ему, он одновременно проповедует трезвость в мирских делах и повседневной жизни, не советует безропотно покоряться религиозным догмам, призывает пользоваться всеми благами жизни:

• Обращешь ли бога ты службой такой?

Нет, путь поклоненья — путь непростой! (с. 305).

Не суживай мир, будь к себе не суров!

Есть милость господня для грешных рабов! (с. 281).

Но злом не зови ты и блага земли,

Ешь сам, людям дай, их чело просветли! (с. 304).

Вопреки религиозной догме о непознаваемости мира Юсуф пропагандирует познание, призывает людей неустанно стремиться к просвещению. По замечанию Юсуфа, нет в мире ничего, чья сущность не была бы познаваемой, человек способен познать все, что в мире существует:

Всех доблестей можно познанием добиться:

«Наука на́ небо ведет» — говорится (с. 46).

И стал человек разумением велик,

И знанием он многие тайны постиг (с. 41).

В «Кутадгу билиг» ясно выражена борьба двух настроений: аскетизма, отречения от мира, пессимизма — с одной стороны и надежды, веры в лучшее будущее — с другой; при этом, обычно, побеждает оптимистическое настроение. Противоречия во взглядах Юсуфа отражают социальные противоречия, столкновения интересов различных общественных слоев.

В поэме утверждается ценность жизни, которая дается человеку для благих дел и поступков. Бесплодно растраченную жизнь автор считает великой глупостью. В своем произведении Юсуф бичует высокомерие, безделье, распутство, пьянство, невежество и другие пороки. Он предостерегает читателя:

А жизнь человека отменно прекрасна,
Нельзя на тшету ее тратить напрасно! (с. 274).
Ведь жизнь — это благо: чтоб блага свершать,
Напрасно, о славный, ее не потратить! (с. 274).

Недостойная игра судьбой людей труда чревата опасностью для государства, считает Юсуф, и поэтому он призывает сановников и правителей к справедливости, доброте и честности по отношению к трудовому народу, творцу всех богатств, а народ он учит покорному и послушному служению своим хозяевам. Таким способом Юсуф пытается внести гармонию во взаимоотношения низших слоев общества и сгладить жизненные противоречия.

Картину идеальной жизни и образец идеальной личности Юсуф видит не в будущем, а в прошлом. Он с сожалением вспоминает о былых временах, грустит о том, что они миновали.

В поэме определяется роль различных общественных прослоек, их обязанности и нормы поведения в сложной социальной иерархии, ставится цель подчинить их деятельность служению государству.

Всех членов общества автор делит на группы по двум признакам: 1) по принципу распределения материальных благ (богатые, обеспеченные, бедные); 2) по принципу разделения общественного труда (правители, сановники различного ранга, придворные, простонародье, богослужители, ученые, лекари, заклинатели, толкователи снов, астрологи-астрономы, писатели и поэты, земледельцы, купцы, скотоводы, ремесленники, неимущие — деклассированные члены общества и пр.).

В поэме детально описываются характер, убеждения, нравы и мировоззрения каждой социальной группы, причем автор рекомендует строго дифференцировать их:

И прочие люди различны изрядно,
Умей различать их — и все будет ладно! (с. 414).

Высоко оценена деятельность ученых, лекарей, астрономов, астрологов, поэтов-писателей, земледельцев, ремесленников и многих других слоев общества:

Еще род людей есть, кто знаньем богат,—
Их знанья звездой путеводной горят.
И если на свете не было бы их,
Не зреть бы плодам благодатей земных!
Их знаниям дано свет всем людям нести —
Где свет, там и ночью не сбиться с пути! (с. 330).

Обобщая свои характеристики социальных слоев, Юсуф пишет:

И в них у тебя есть потребность-нужда,
Себе же во благо радей им всегда.
И с ними общенье оное приумножь,
Их радуй — и в радости ты проживешь (с. 340).

В понимании Юсуфа, престолярдые состоит из богатей, людей среднего достатка и бедняков; их нельзя путать. Если поддерживать бедняков, они станут людьми среднего достатка, а если оказать поддержку среднеобеспеченным, они станут богачами. Это в интересах и самого государя:

Поможешь — и бедный на среднего тянет,
А средний — богатым, зажиточным станет.
• Бедняк, ставши средним, упрочит доход,
А станет богат, вся страна расцветет (с. 415).

Хотя Юсуф до известной степени понимал значение людей труда как силы общественного развития, тем не менее его взгляды на социальные отношения исторически ограничены: он защищает главным образом интересы правителя, правящих кругов и феодальной знати. Он, естественно, не мог подняться до понимания того, что богатство в классовом обществе — это результат эксплуатации, угнетения. Он игнорирует социальные противоречия, непримиримую борьбу между эксплуатируемыми и эксплуатирующими слоями общества.

Залог процветания государства, благополучие общества Юсуф видел во взаимосогласии всех, без исключения, его членов и упорно стремился к сглаживанию противоречий, примирению конфликтов. Естественно, что он не понимал коренных причин социального неравенства и противоречий; его стремление к совершенствованию общественных отношений, к улучшению жизненных условий всего народа — положительная и прогрессивная черта.

Юсуф был высокообразованным человеком. Он неустанно пропагандировал науку, знания, просвещение, стремился с позиций современных ему научных взглядов осветить жизненные проблемы. Он призывает изучать основы всех наук и постигать смысл жизни при помощи знаний. Знания и наука в его понимании — основа основ, поэтому человек всегда должен стремиться к их приобретению:

И всюду, во все на земле силу рук
Вложил человек и познание наук.
И к тысячам тысяч свершений вела
Премудрость ученья — за то ей хвала! (с. 52).

Юсуф высоко ценит людей знающих, почитает ученых мужей. Он лестно отзываясь о них и презирает невежд:

Тишь мудрый высот и почета достиг,
Он всех превзошел и во всем он велик!
Невежда — лишь красок случайный замес,
Ученому место — над высью небес! (с. 200).

Высоко ценя достоинства науки и знаний, Юсуф горько сетует на ограниченность просвещения, жалуется на засилье невежества и мракобесия:

Разумных — немного, а много бездумных,
Неумных — без счета, да сыщешь ли умных! (с. 45).

Знания и наука — такое богатство, которое отобрать не в состоянии никакая сила. Они как преданные друзья для тех, кто ими обладает, тогда как невежество — враг человека.

Юсуф призывает не ограничиваться приобретением знаний, а применять их на практике, поставить на службу людям, для добрых дел и благополучия.

Особо подчеркивается значение нравственного воспитания, истоки которого восходят к семейному очагу, тесно связаны со средой и условиями семейной жизни. Большое внимание Юсуф уделяет вопросам вступления в брак, поведению в совместной жизни супругов, воспитанию детей в духе высокой нравственности.

В мировоззрении Юсуфа, его философских, общественно-политических, экономических, научно-просветительских, морально-этических взглядах, в его миропонимании много противоречивых и ошибочных моментов. Эта ограниченность была обусловлена его временем и влиянием среды феодального средневековья.

Осуждая пороки современного ему общества, автор не поднялся, да и не мог подняться до уровня активного сторонника изменения существующего порядка, не видел конкретного пути преобразования жизненных условий, не смог решительно обличить реакционные силы, явившиеся помехой на пути всеобщего прогресса.

Однако несмотря на это, его прогрессивные высказывания, критические оценки пороков, защита человеческого достоинства, его гуманизм и универсальность знаний дают основание считать Юсуфа Баласагунского прогрессивным мыслителем своего времени.

Хотя «Кутадгу билиг» и считается первым дошедшим до нас литературным памятником, он возник как продолжение богатой устной и письменной литературной традиции тюркоязычных народов. На него благотворно повлияла и литература других народов (особенно, персидско-таджикская и арабская). В самом произведении достаточно прямых и косвенных свидетельств этого.

Композиционные, метрические и художественные особенности «Кутадгу билиг» представляют немаловажный интерес для истории и теории литературы. Это поэтическое произведение крупного плана, большого объема, глубокого идейного содержания. Поэтическое мастерство его составителя выразилось в использовании всех изобразительных средств и приемов художественной словесности его эпохи во всем их многообразии. В поэме воплощены достижения устной и письменной тюркоязычной литературы и литературы других народов. «Кутадгу билиг» — классический образец истории тюркоязычной поэзии раннего периода.

ЛИТЕРАТУРА НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

В развитии литератур народов Средней Азии в X—XII вв. велика роль литературных связей. Литературоведение современного этапа предполагает, что каждый литературный факт, будучи прочно связан с глубокими национальными традициями, должен изучаться в аспекте многонациональных литературных связей, их характера и плодотворного воздействия на литературный процесс. Лишь такой масштабный подход позволит исследовать все грани поставленной проблемы.

Большое внимание литературным связям древней и богатой узбекской литературы с литературами братских соседних народов Востока уделяется в трудах ряда советских ученых: Е. Э. Бертельса, В. Захидова, Г. Арасли, А. Мирзаева, И. Брагинского, А. Хайитметова, Н. Маллаева, Ш. Шамухамедова и др.²²

Известно, что несмотря на принадлежность к различным этническим группам узбекский, таджикский, азербайджанский и другие народы Востока на протяжении веков жили в сходных общественно-политических условиях, имели тесные производственные связи, вели совместную борьбу против произвола и агрессии. На этой основе формировались и постоянно развивались тесные культурные и литературные взаимосвязи. Близость узбекской литературы ко многим литературам народов Востока выступает как важный момент, свидетельствующий о разнообразных связях между этими народами.

Начиная с IX—X вв. стала развиваться персидско-таджикская литература. В это время значительно оживилась литературная жизнь в таких городах, как Герат, Балх, Гурган, а столица государства Саманидов — Бухара стала крупным центром науки и культуры, где собирались многие поэты, деятели культуры и литературы. Тюркоязычные народы с уважением относились к развивающейся в этих городах литературе на персидско-таджикском языке. Тюркоязычным народам, в том числе узбекам, литературы которых создавались в постоянном контакте между собой, были близки и понятны великий Абу Абдулла Рудаки, знаменитый Фирдоуси. Произведения персидско-таджикских поэтов X—XII вв. Дакики, Абу Шакури Балхи, Абу Исхак ал-Фарси, Унсури, Асади Туси, Абу Мухаммади Суллами, Абу

²² См.: Бертельс Е. Э. Навои и Джамии. М. 1965 (раздел Навои); Захидов В. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент. 1961; Арасли Г. Низами и Навои//Гулистон. 1940. № 4; Мирзаев А. Фани и Хафиз. Душанбе. 1966; Брагинский И. С. К изучению узбекско-таджикских литературных связей//Взаимосвязи литератур Востока и Запада. М. 1961; Хайитметов А. Шарҳ адабиётининг ижодий методи тарихидан. Тошкент. 1970; Маллаев Н. Узбек адабиёти тарихи. I китоб. Тошкент, 1974; Шомухамедов Ш. Девони Фоний//Узбек адабиёти тарихи. II китоб, 1978; Эркинов С. Навоий «Фарход ва Ширин»и ва унинг қиёсий таҳлили. Тошкент. 1971.

Али Завзани, Салмана Саваджи, Саади, Омара Хайяма и других получили широкое распространение среди узбекских любителей поэзии.

В свою очередь, образцы узбекской литературы получали все большее признание у таджикских и азербайджанских читателей. Юсуф Хас Хаджиб с полным правом мог писать о том, что его «Кутадгу билиг» известен иранцам и таджикам как «Шахнамаи турки» («Тюркское Шахнаме»).

В узбекской литературе X—XII вв. ощутимо проявляются некоторые традиции, свойственные произведениям персидско-таджикских авторов. Это заметно уже в «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хаджиба. Сам автор был знатоком персидско-таджикской литературы и, излагая свои общественно-политические и нравственные принципы, ссылаясь на «Шахнаме» Фирдоуси. Так, говоря о справедливых и деспотичных правителях, он приводит в качестве примеров образы Фаридуна и Заххака. Это образное противопоставление способствует ясному и четкому выражению воззрений самого автора. Высказывая предположение, что Афросияб был тюркским беком под именем Туга Алп Эр, Юсуф Хас Хаджиб в подтверждение ссылается на персидско-таджикские источники, причем особо подчеркивает их надежность.

В создании богатой персоязычной литературы активную роль сыграли не только авторы, для которых этот язык был родным, но и представители многих наций ближне- и средневосточного регионов. Среди них были и поэты, сумевшие подняться до уровня ведущих представителей классической литературы на фарси.

Адиб Сабир Термези. В настоящее время известно несколько талантливых художников из Средней Азии, чья творческая деятельность оставила заметный след в литературе того или иного периода. И когда речь идет о литературе сельджукидов, среди ее представителей неизменно называется имя Адиба Сабира Термези, редкий талант которого был признан уже в свое время, а в известных тазкира (антология) последующих времен он всегда упоминался с большим почтением.

Известный современник Адиб Сабира, ученый и поэт Рашидиддин Ватвот характеризует его как несравненного учителя в поэзии и в прозе на арабском и фарси. Джамии пишет о нем в «Бахаристане»: «Адиб Сабир

Термези был мудрым ученым, поэтом упительного слова. Красота и изящество достигли в его стихах своего совершенства. Ученые поэты отдали дань его мастерству».

Творческая судьба Адиб Сабира была связана в основном с придворными кругами. Это объясняется тем, что в то время развитие науки и литературы непосредственно определялось культурной жизнью таких крупных городов, как Исфахан, Нишапур, Мерв, Герат, Самарканд и Ургенч.

Литературная жизнь также была сконцентрирована при дворах правителей, там проводились и научно-литературные диспуты. Видные поэты и ученые участвовали в государственных делах. Творческая деятельность известных ученых и поэтов с наибольшей полнотой могла быть реализована именно в этих кругах, хотя зависимость от сильных мира сего не всегда соответствовала их желаниям.

Освоивший ряд точных наук (астрономия, математика и др.) и уже известный, как поэт, Адиб Сабир ибн Исмаил Термези (время его рождения приходится примерно на начало 70-х годов XI в.) в возрасте более тридцати лет был призван ко двору правителя Нишапура Абдулкасыма, или бинни Джаффара, известного под прозвищем «Глава Хорасана» («Раиси Хуросон»).

Более тридцати лет своей жизни Адиб Сабир провел в Нишапуре. Пребывание это было вынужденным, о чем свидетельствуют строки его касыды, где изображено расставанье с «полной печали возлюбленной».

Длительное время живший в этой сложной среде Адиб Сабир становится невольным свидетелем всех противоречий и пороков придворной жизни. В отдельных своих стихах поэт с горечью говорит о том, что тяжкому состоянию при дворе он обязан своим достоинством, возвышающим его над окружающими. Именно это и послужило причиной недовольства им со стороны правителя, удаления его от двора (три года), а затем даже заключения на год в темницу.

Хотя впоследствии он и вернулся к Абдулкасыму Али, его дальнейшая судьба была связана с двором сельджукидского правителя Султана Санджара в Мерве.

Для наблюдения за деятельностью хорезмшаха Отсиза, бывшего в оппозиции к центральной власти, Сул-

тан Санджар направляет Адиб Сабира послом в Хорезм, где он и живет с 1140 г. до своей трагической гибели в 1147 г.

В 1147 г. хорезмский правитель Отсиз пытается организовать покушение на Султана Санджара и посылает в Мерв двух наемников, о чем Адиб Сабир немедленно оповещает Султана. Благодаря его тайному известию, люди Султана Санджара задерживают и казнят подосланных убийц.

После этого по приказу хорезмшаха Отсиза Адиб Сабира утопили в Амударье. Проведший всю свою жизнь в скитаниях и опасности, поэт, словно предвидя свою трагическую судьбу, в одной из касид, посвященных хорезмшаху Отсизу, писал:

Тысяча сожалений, это быстротечная жизнь пролетела
словно лепестки цветка:

А в моем цветнике не улыбнулся ни один цветок счастья.
Почему небо преследует меня!?

Или я не почтенный муж победоносного шаха?

О шах, будь бдителен и действуй, думая!

Если я буду убит, то для приобретения савана для меня
не хватит и света.

Судьба Адиб Сабира напоминает нам трагедию обреченного на ужаснейшую казнь философа Мансура Халладжа (X в.), смерть Насими, с которого заживо содрали кожу (XV в.), Машраба, погибшего на виселице. Однако Адиб Сабир стал жертвой не религиозных предрассудков, а борьбы правителей за власть.

Известно, что большую часть своей жизни Адиб Сабир провел в крупных культурных центрах, сыгравших большую роль в политико-экономической жизни своего времени. Поэтому при определении и выяснении идейно-эстетических основ творчества поэта нельзя оставлять без внимания этот важный фактор. Более того, его личная человеческая судьба до некоторой степени стала типическим отражением и политического положения страны, и межгосударственных социально-политических отношений, и литературной жизни больших культурных центров, и даже сложной и противоречивой среды феодального двора. В сущности, крайне резкий отзыв поэта о людях своей эпохи вовсе не случаен; это результат глубокого анализа человеческих отношений, личного опыта:

Думы мои: чернее ночи этот век,

Во сне человечность, уничтожена мать великодушья...

Сколько тысяч щедрых ушли в небытие,
Не появилось больше благородных.

В мое время не осталось никого, кроме завистника и скряги.
Пусть срежут голову скряге и язык завистника, пусть их сожгут.

Если бы в руках моих был молот солнца,
Размножил бы я головы людей времени, уничтожил бы их.

Хотя и известно, что Адиб Сабир писал на двух языках, его произведения на арабском языке не найдены.

До настоящего времени выявлено около 6650 бейтов Адиб Сабира, известны пять рукописей единственного дивана поэта на фарси, вобравшего в себя образцы пяти лирических жанров (касыда, газель, таркиббанд, кытъя, рубай).

Превалирующее место в диване занимает касыда. Соответственно в количественном отношении далее идут газель, кытъя, рубай. Это, естественно, объясняется требованиями современной поэту придворной среды и влиянием существующих литературных традиций. Примечателен следующий факт: в каком бы жанре ни писал поэт, он стремился выразить суждения и мысли, связанные с его прогрессивной жизненной позицией.

Сущность поэзии Адиб Сабира Термези составляют прославление любви и весны, природы, дидактика, порицание богатства и стяжательства, жалобы на судьбу и время. И именно в связи с этой тематикой выявляется его философско-общественная позиция, отношение к жизни и эпохе.

Сущность творчества Адиб Сабира в отличие от поэзии суфийского толка состоит в его близости к конкретной действительности, в философской насыщенности его творчества, в стремлении понять острые проблемы времени. Многие стихотворения в диване поэта созданы не путем отвлеченных размышлений, а являются плодом серьезных раздумий и жизненного опыта.

И в то же время подлинная любовь к жизни и ее радостям определяет основной пафос поэзии Адиб Сабира. Как ни тяжела была его собственная судьба, какую бы ненависть ни вызывали у него негативные явления в обществе, они не убили его любви к самому ценному «благу» человека — жизни:

Нет ничего дороже жизни,
Каждое существо должно жить ликуя.

Именно эту жизнеутверждающую идею с большим художественным мастерством поэт выразил в строках, восславляющих природу, весну, любовь. Многие его стихотворения, посвященные описанию природы, наполнены высокой любовью к реальной жизни. Каждое из таких стихотворений Адиб Сабира — прекрасные миниатюры чарующей природы, а каждая деталь зовет человека к познанию природы и слиянию с ней:

Цветником стала эта земля от цветов и зелени,
 Слезами своими орошают их тучи.
 Не пивший в жизни вина, пьяным никогда не бывший,
 В саду пьянея, странно, топчет нарцисса беспомощного глаза.
 Увидев, скажешь, сто тысяч факелов и огней горит,
 То свет лугов, усыпанных цветами, а каждый факел —
тюльпан.

Вода в арыках голубого цвета потому,
 Что их берега покрыты томными фиалками.

Изображение природы в поэзии служит раскрытию важной идейно-эстетической цели. Авторская идея в основе каждого стихотворения, связанная со способами изображения, проявляется в различных аспектах (опосредствованно или непосредственно). Однако в большинстве случаев главную мысль стихотворения поэт передает в отдельных бейтах, обращаясь непосредственно к читателю:

Пей вино и любуйся благоухающими цветами:
 Сегодня день вина, год цветов, сад полон роз,
 Вместе с розой ты внемли соловью,
 Пока не улетел он, и не пожелтел цветник.
 Пей розовое вино с цветком, сейчас время,
 Чтоб потом не мучило нас сожаление разлуки с цветами...

Это отрывок из таркиббанда.

В зависимости от жанра и традиционных канонов способ изображения природы и весны во вступительной части касыды своеобразно отличается от принципов описания в таркиббанде и газели. Так, описание природы в касыде подчинено основной цели — восхвалению и служит лишь средством перехода к нему. А в других жанрах природа сама объект хвалы и служит для выражения идей и размышлений поэта. В настоящем отрывке чувствуется духовная близость поэзии Адиб Сабира Термези к позициям Хайяма, Хафиза, Хосрова и Навои. Стихи, посвященные изображению природы, ярко выявляют жизненную концепцию поэта и помогают

правильно осознать основное направление творчества Адиб Сабира.

Общественную значимость наследия Адиб Сабира определяет его активное отношение к своей эпохе, выраженное в яркой поэтической форме. У Адиб Сабира встречаются такие строки, где критическое отношение поэта к жизни и эпохе выливается в особенно резкое их обличение и отрицание:

Нет надежды в этом мире на добро,
Но с надеждой прожил я жизнь.
Мир хорош, когда он свободен от низких,
Теперь я знаю, он свободен от великодушных.

В диване поэта есть стихи дидактической направленности. В них с большим мастерством выражена нравственная позиция автора, определена своеобразная концепция совершенного человека. И примечательно, что суждения Адиб Сабира о человечестве в его взаимосвязи с эпохой поднялись до уровня социальной дидактики. В таких стихах поэт с позиций угнетенных трудящихся и просвещенных людей, чье положение было унижительным и зависимым, направляет свое перо против власть имущих:

Рассуждай, помня об ушедших людях,
Они тоже, как и ты, были подвержены алчности.
Не надейся, что все останется с тобою,
Никто не вечен, все уйдут из этого мира.
Избегай соблазнов этого мира, бойся бога, о человек,
Даже если ты над всем правитель.
Если прогневаешься на тебя всевышний и будет мстить время,
Будет в мгновение попорно твое счастье и низвергнут
трон.

Очевидно, что эта суровая критика поэта направлена, в первую очередь, на невежественных богачей и жестоких притеснителей.

Отдельные мысли и суждения, детали в дидактических стихотворениях Адиб Сабира свидетельствуют о его осведомленности, более того, близости к нравственным принципам некоторых передовых этических течений средневекового Востока²³:

Когда невежда поймет, что в мастерской поэзии ювелиры
Душу расплавив, отливают стихи из нее?
слова,

²³ К примеру, в одной из своих кытъя поэт пишет:
Если делаешь добро не разглагольствуя,
То это свидетельство твоей человечности.

Такое глубокое осознание сущности художественного слова и творческого труда обусловило поэтическое credo Адиб Сабира. Его высокое мастерство, синтезировавшее в себя глубокую мысль и художественность, дает право говорить, что на протяжении всей жизни он был верен ему. Поэтический талант Адиб Сабира был достойно оценен и видными литераторами современной ему эпохи (Рашидиддин Ватвот, Амьак Бухари, Абул-васеъ Джабали, Анвари).

Адиб Сабир принадлежит к таким художникам слова, которые смогли создать собственный поэтический стиль, далекий от подражания. И поэтому не случайны следующие строки одной из кытѣа поэта:

Хотя я и не похож на Дакики и Фарухи,
Но своего каравана я предводитель.

Поэзия Адиб Сабира отличается стилевым многообразием. В ней наряду с простотой и мелодичностью наблюдается возвышенность и усложненность. Эта неоднозначность стиля, по нашему мнению, была обусловлена, во-первых, природой жанра (в касыде — усложненность и выпренность), во-вторых, требованиями современной поэту эпохи. Кроме того, несомненна здесь роль творческой эволюции Адиб Сабира, связанной с обстоятельствами его жизненного пути. Во всяком случае, поэты и исследователи, обратившие внимание на творчество Адиб Сабира, неизменно подчеркивали два его важных свойства: стилевая отточенность (определяющее) и богатство поэтических приемов, оригинальных образов и деталей.

Говоря о природе поэтических образов, следует отметить, что здесь новаторский подход к традиции синтезирован с собственными художественными открытиями Адиб Сабира.

Одна из характерных особенностей творчества поэта — параллельное использование возвышенного, романтического, и обычного, основанного на реалистических деталях, и что важно, органичное их сочетание.

В частности, в кытѣа, таркиббандах и рубай мы встречаем множество сравнений реалистического характера, а в касыдах возвышенный стиль художника во многом определяют абстракции.

Поэзия Адиб Сабира богата прекрасными образцами средств художественного изображения. Однако передача их в переводе — довольно сложная задача.

И хотя Адиб Сабир жил и творил в тяжелых условиях и сложной среде, свой яркий талант он посвятил созданию произведений, близких духу широких трудящихся масс. Стихотворения поэта отражают глубокое недовольство своей тяжелой зависимой судьбой, резкие критические суждения о событиях эпохи и несправедливостях времени и высокое художественное мастерство.

И хотя Адиб Сабир Термези стал жертвой своего времени, тем не менее его литературное наследие, воплотившее его мечты и надежды, продолжает жить.

* * *

Как уже было отмечено выше, на фарси создавали свои произведения не только персоязычные авторы, но и представители узбекской, азербайджанской, туркменской и даже индийской литературы. Таким образом, в развитие персоязычной литературы того времени внесли вклад и представители других народов, в частности узбекского, азербайджанского. Важно отметить, что, в этом общем процессе особого развития достигла лирика, эпическая поэзия. В творчестве Рудаки, Саади, Омара Хайяма завершается процесс формирования и развития как самостоятельных жанров газелей и рубаи. «Шахнаме» Фирдоуси и «Пять сокровищ» Низами представляют собой ранние, но зрелые образцы героических, дидактических и любовно-романтических поэм.

Имена азербайджанских поэтов X—XII вв. Хакани, Фалаки, Махсати, Низами Гянджеви, писавших на персидско-таджикском языке, уже тогда получили широкую известность на Востоке. Философские газели Хакани вызвали много ответов. В «Суждении о двух языках» Алишер Навои рассматривает характерные ответы — проявление литературных связей — и приводит многочисленные факты такого рода творчества.

Великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви (1141—1203) прославился своим произведением «Пять сокровищ», или «Пятерица», в которую вошли поэмы «Сокровищница тайн» («Махзанул-асрор»), «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» («Хафт пайкар») и «Искандарнаме». Он был первым создателем «Пятерицы» — формы, впоследствии получившей широкое распространение.

Характерная особенность «Пятерицы» состоит в том, что поэт обращается к древним легендам, распространенным сюжетам фольклора и подчиняет их своим идейно-художественным задачам. Ряд сюжетов и образов поэм Низами встречается в «Шахнаме» Фирдоуси. Обращаясь к произведениям своего учителя, Низами творчески использует его художественный опыт, дает свое решение, как самобытный и гениальный художник слова.

Еще более укрепляются древние связи между литературами Средней Азии, Кавказа, Ирана. Поэты многих народов впоследствии продолжили традицию создания «Пятерицы». Эта форма дала возможность авторам создать произведения, прочно связанные с историческим развитием своего народа. Так, впоследствии «Пятерица» оказалась плодотворной жанровой единицей для узбекской, индийской, турецкой, уйгурской литератур и породила творческое состязание художников слова.

Таким образом, персоязычная литература, вышедшая в X—XII вв. на широкий путь развития, создала новые традиции, способствовавшие дальнейшему укреплению и развитию литературных связей. В формировании и становлении этих традиций участвовали представители различных народов Средней Азии.

Взаимосвязи между тюркоязычной и персоязычной литературами обусловили обширность тем, сюжетов и образов, вызвали к жизни своеобразную традицию творческого соревнования, создание лиро-эпических произведений в форме ответа на то или другое произведение других поэтов, прекрасных газелей, мухамасов.

В развитии связей между литературами на персидском и тюркском языках важную роль играла традиция литературного двуязычия. Наряду с произведениями на родном языке поэты создавали их на тюркском или персидском, причем иногда одно произведение писалось сразу на обоих языках. Ярким примером этого является «Мухаббатнаме» Хорезми.

Таким образом, широкие масштабы, ярко выраженные передовые традиции культуры X—XII вв. характеризуют ее как особый период в истории литературы нашего народа. Бурное развитие светских наук, сближение их с литературой, интенсификация литератур-

ных связей в их многообразных формах оказали большое положительное влияние на духовную жизнь того времени. В культурной жизни последующих веков были развиты прогрессивные традиции данного периода.

ЛИТЕРАТУРА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

В X и XI веках художественная литература Средней Азии создавалась на трех языках: тюрки, фарси и арабском. Арабоязычные поэты жили и творили в таких научных и культурных центрах, как Бухара, Хорезм, Нишапур, Рей, Исфахан, Хамадан, Герат и др. В большинстве случаев это были поэты местного происхождения, и только некоторые из них приехали из центральных городов халифата, ища покровительства у местной знати.

Арабоязычная поэзия является составной частью литературы среднеазиатских народов, поэтому ее изучение — один из важных вопросов в освещении истории литературы народов региона.

Единственным источником для изучения поэзии на арабском языке X — начала XI в. пока остается известная антология Абу Мансура Абдалмалика ас-Са'алиби «Редкая жемчужина времени о достойных людях своего века» («Иатимат ад-дахр фи махасин ахл ал-аср») ²⁴. Этот редкий памятник давно привлекает внимание западноевропейских и советских ученых. На важность его изучения неоднократно обращали внимание И. Ю. Крачковский в своих трудах, Е. Э. Бертельс в книге «Персидская поэзия в Бухаре X века» (1933) и посмертно опубликованном труде по истории персидско-таджикской литературы (1960).

Абу Мансур Абдалмалик ибн Мухаммед ибн Исма'ил ас-Са'алиби ан-Найсабури родился в Нишапуре в 961 г./350 г. х. Первоначальное образование получил в этом городе, изучал историю и литературу, Завершив образование, он занимается торговлей, в основном лисьим мехом; отсюда и его прозвище — Са'алиби.

²⁴ Абу Мансур Абдалмалик ибн Мухаммад ас-Са'алиби. Иатимат ад-дахр фи махасин ахл ал-аср, ч. IV. Кахира (Каир). 1958 (на арабском языке); в дальнейшем ссылки даются на это издание.

Он побывал во многих странах и больших городах Аравийского полуострова, Ирана, Испании, Хорасана, Мавераннахра, Хорезма и др.

Путешествие по странам, знакомство с учеными, поэтами, литераторами и государственными деятелями стали для Са'алиби источником знаний.

Са'алиби, Фирдоуси, Ибн Сина и Беруни жили в одном веке и, можно сказать, в одном краю, однако мы не знаем, были ли они лично знакомы. Са'алиби умер в 1038/429 г. х. в Нишапуре.

Абу Мансур Са'алиби был поэтом, выдающимся ученым-филологом, историком, представителем изящной литературы и лексикологии. Он оставил 84 сочинения в области филологии, истории и литературы.

К составлению первого варианта своей антологии Са'алиби приступил в 994 г./384 г. х. и окончил ее 1000 г./390 г. х. в Нишапуре. После завершения первого варианта Са'алиби совершил путешествие в некоторые страны, после чего у него появилась мысль дополнить антологию сведениями о других поэтах. Дополненный вариант он создавал в течение 1011—1016 г./402—407 г. х. и преподнес хорезмшаху Абул-Аббасу Ма'муну (1009—1017).

Во все четыре части «Иатимат ад-дахр» включено 415 арабских и арабоязычных поэтов, живших в X — начале XI в. (V в. хиджры). Са'алиби не ставил перед собой задачи дать подробные биографии этих поэтов, только о некоторых из них приведены детальные сведения. О большинстве поэтов Са'алиби не сообщал ничего и ограничился включением нескольких бейтов из творческого наследия.

Четвертая часть антологии посвящена поэтам Хорасана и Мавераннахра и делится на десять глав²⁵. В трех главах (I—III) даны сведения о 47 поэтах, живших в Бухаре; в четвертой главе — сведения о семи хорезмских поэтах; пятая глава посвящена поэту Абу-л-Фадлу ал-Хамадани (969—1008); шестая Абу-л-Фатху ал-Бусти (961—1010); седьмая — поэ-

²⁵ Четвертая часть антологии переведена на узбекский язык со вступительной статьей и комментариями: Абу Мансур ас-Саолибий. Иатимат ад-дахр/Исследование, перевод, составление комментариев И. Абдуллаева. Ташкент. 1976; Абдуллаев И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X — начала XI в. Ташкент. 1984.

там Хорасана (за исключением Нишапура); восьмая — поэту Абу-л-Фадлу ал-Микали (ум. в 1044 г.); девятая — поэтам, приехавшим в Нишапур из разных стран; десятая — авторам, коренным жителям Нишапура.

Хотя среди арабоязычных поэтов трудно назвать таких корифеев, как Рудаки и Фирдоуси, писавших на фарси, тем не менее и среди них были поэты, пользовавшиеся большой известностью и в свое время и позднее. К ним следует причислить известного поэта-сатирика Абу Талиб Абдассалам ал-Ма'муни (ум. в 994 г.), непревзойденного в жанре рисала Абу Бакр ал-Хорезми, основателя жанра макама Абу-л-Фадла ал-Хамадани, крупных представителей эпистолярного жанра прозы Абу-л-Касима ал-Искафи и Абу-л-Фатха ал-Бусти.

В четвертую часть антологии Са'алиби включил поэтов, живших на территории Хорасана и Средней Азии. Приписывать их какому-нибудь определенному народу соответственно современному национальному размежеванию было бы ошибкой. Мы считаем возможным называть их поэтами Средней Азии и Хорасана, т. е. всех народов этого региона.

В эту четвертую часть антологии включено около 4160 бейтов стихотворений — касыды, сатиры, описательные стихи, газели, ихванийат, нуджумийат, тиббийат и другие жанры и формы поэзии.

Среди отрывков и касыд нет ни одной законченной. Поэтому о композиции и объеме их сказать что-нибудь конкретное очень трудно.

Большинство касыд написано в честь эмиров, визирей, военачальников и правителей округов. Некоторые из них авторы посвятили другим поэтам — своим современникам. Они славили своих собратьев по перу в том же стиле, что и правителей.

В касыдах поэты выражали свою тоску по родине, любовь к ней и своему народу, описывали свою тяжелую жизнь на чужбине. Самая излюбленная тема касыд — жалоба на старость. Встречаются касыды, посвященные историческим событиям. В некоторых фрагментах касыд поэты жалуется на трудное материальное положение, выражают недовольство существующим порядком.

Абу-л-Аббас ал-Джармаки в отрывке из касыды пишет, что счастье, приобретенное коварством и хитростью, не может быть истинным, что достойные люди не оценены и не могут подняться на должную ступень в обществе.

В одном из отрывков касыды Абу-л-Фадл ал-Хамадани называет свое время подлым и безумным, так как достойные люди находятся в бедственном положении, испытывают муки, льется их кровь. Подлые же пребывают в довольстве и наслаждении (с. 298—299). Отдельные отрывки из касыд Абу Бакра ал-Хорезми представляют собой афоризмы. Некоторые отрывки имеют сатирический характер; есть касыды, близкие к элегии.

Интересным фактом арабоязычной поэзии данного периода является то, что в касыдах поэтов Абу-л-Фадла ас-Суккари и Абу Абдаллаха ал-Абиварди даны переводы на арабский язык персидско-таджикских поговорок и пословиц (с. 90—91).

Таким образом, в творчестве арабоязычных поэтов Хорасана и Средней Азии X — начала XI в. касыда играет важную роль. По содержанию, структуре, теме, объему она резко отличалась от касыды арабских поэтов того времени. Она не всегда носила панегирический характер, в ней отражались многие общественные события, духовные переживания поэта, его любовь, надежды народа, недовольство существующим порядком и неудовлетворенность личной жизнью.

В антологию включено более 500 бейтов сатирических отрывков. Арабоязычные поэты откровенно и бесстрашно критиковали носителей власти — эмиров, султанов; сатира Абу Таййиби ат-Тахири направлена против саманидских эмиров Ахмада ибн Исмаила (с. 70) и Насра ибн Ахмада (с. 72). Абу-л-Фатх ал-Бусти, критикуя Махмуда Газневи (998—1030), пишет, что он не знает меры в своей жестокости и тирании, идет по стопам своего отца Сабуктегина, похожего на упрямого осла (с. 324). Это единственная сатира того времени, в которой критикуется Махмуд Газневи. А вот слова Абу Бакра ал-Хорезми:

Что со мной, вижу Аббасидов, открывших двери куньям
и титулам
Они дали титул такому человеку, что если бы были

живы их предки, не согласились бы поручить ему охранять даже туалет.

В руках нашего халифа дирхемы стали меньше, потому что он тратил [их] на титулы [своих] людей (с. 230).

Иногда сатира направлялась не против определенного правителя, а против всего правящего сословия. Поэт Абу Джа'фар ал-Кумми смело критикует правителей Нишапура:

Я считаю правителей Нишапура несчастьем Аллаха
Из-за [совершаемых ими] злодеяний.
Кто поработает там один день, попадет в тюрьму
на два месяца.
Там за грош бьют плетью самого почтенного человека
(с. 410).

Множество сатирических отрывков направлено против визирей, особенно саманидских. Встречаются сатирические отрывки, критикующие духовенство, богачей, купцов и т. д. Абу Джа'фар Кумми, смеясь над имамом соборной мечети, пишет:

Люди мне говорят, что имам соборной мечети прелюбодей.
Кто же будет есть мертвечину, кроме изнемогающего от
голода (с. 414).

Поэт Маджид ибн Салт высмеивает торговцев: •

Побуждая купцов на великодушие, человек поступает
несправедливо,
Мысли купцов (только) в тетрадах расчета.

В арабоязычной поэзии сатира играла важную роль. В своих произведениях поэты критиковали представителей господствующего класса, разоблачали пороки людей (кичливость, зазнайство, карьеризм, алчность, зависть и др.), тем или иным образом выражая свое недовольство существующим порядком.

В творчестве арабоязычных поэтов X и XI вв. особую роль играли васфы (описательные стихи) — форма поэзии, характеризующаяся оригинальным использованием художественно-образительных средств — неожиданной метафорой, эпитетом и т. д.

Темы васфов весьма разнообразны: времена года и явления природы, предметы обихода, кушанья, напитки, овощи, фрукты, цветы и др.

Абу-л-Касим Ал-Динавари в васфе о книге, описывая ее качества, говорит, что книга — верный друг, собеседник человека, имеет важное значение в его жизни (с. 138—139). Абу-л-Фатх ал-Бусти, также

называя книгу другом человека, прогоняющим все его печали, сравнивает ее с вином, дарящим блаженство (с. 309). Поэт Ал-Хузайми написал васф, в котором мастерски описал маленький клочок принадлежащей ему земли. Он говорит о значении земли для жизни человека: земля — его убежище, служанка, кормилица и опора, она — лучший друг человека, никогда не предаст его (с. 132).

Если в области сатиры среди современников прославился Абу-л-Хасан ал-Лаххам, то своими изящными описаниями знаменит Абу Талиб ал-Ма'муни (ум. в 994 г.), живший в Бухаре. Равного ему мы не встречаем ни в арабской, ни в персидско-таджикской поэзии того времени. Ал-Ма'муни оставил более 100 васфов. Благодаря творчеству ал-Ма'муни, васф в X в. поднялся на самую высокую ступень своего развития. Хотя в этом жанре творили и другие поэты, первенство принадлежало ему. Вот образец из васфов ал-Ма'муни:

О кресле:

- У меня невысокое сидение, которое стоит, когда я сижу,
Гордится оно (своей) просторной грудью и (своей) крепкой силой
- У него сидение из кожи на железных столбах (ножках).
- Когда я сижу на нем, то воображаю, (будто все) люди — мои рабы (с. 172)

Васфы имеют большое историко-этнографическое значение. Эти описательные стихи позволяют изучать многие реалии повседневной бытовой жизни того времени. Они дают точные сведения о кулинарии, способе приготовления различных блюд и напитков, многие из которых и в настоящее время употребляются народами Средней Азии. Из васфов мы узнаем о сельском хозяйстве, различных сортах фруктов и овощей, выращивавшихся в то время на территории Средней Азии. По васфам можно составить представление о предметах домашней утвари, которой тогда пользовались люди, об одежде, которую они носили.

Васфы касаются и научных вопросов: описывая достоинства книг и различных письменных принадлежностей, поэты стремились отметить их роль в развитии науки и общества.

В арабоязычной поэзии встречаются также жанры *ихванийат* (стихи о дружбе), *нуджумийат* (стихи,

связанные с астрологией), *фикхийат* (стихи, касающиеся мусульманского законодательства), *адабийат* (стихи, связанные с адабом — литературой, поэзией, знаниями о литературе), *тиббийат* (стихи, затрагивающие вопросы медицины), *фалсафийат* (стихи, затрагивающие вопросы философии).

Ихванийат отмечается и в форме самостоятельной касыды, и в виде отдельных разрозненных стихов, воспевающих братство, дружбу и товарищество. Обычно поэт обращается к одному из своих друзей или родственников с посланием, в котором выражает свои чувства: искреннюю дружбу и любовь, доброжелательность и т. п. В одном ихванийате поэт Абу-л-Фатх ал-Бусти, призывая своего друга к стойкости и терпению, предостерегает его от дурных поступков и зла:

Если твой друг забыл свои обязанности или заблуждается
предупреди его (об этом).

Разум, бывает, ржавеет, подобно мечу, который также
подвержен ржавчине, но полировка является

предупреждением от этого (с. 322)

В некоторых посланиях ал-Бусти сетует на ненадежность дружбы, которая может иногда поколебаться под влиянием обстоятельств. Однако не следует упрекать друга, обижаться на него, потому что «увядшие ветви затем снова станут свежими, а мутная вода отстоится и станет прозрачной», — пишет поэт.

В нуджумийате поэты описывают различные события и явления, недостатки правящих кругов, превратности судьбы и т. д., связывая все это с астрологией.

В одном нуджумийате поэт Абу-л-Фатх ал-Бусти пишет о пристрастии царя к наслаждениям и последствиях этого:

Если царь увлекается наслаждениями, то приговори
его царство к бедствиям и разрушению.

Разве не видишь, что солнце опускается к созвездиям Весов,
Когда с утра оно находилось в созвездии увлечения

и радости?

В некоторых отрывках ал-Бусти проявляет недовольство существующими порядками, критикует кичливых, высокомерных представителей власти, связывая это с движением созвездий и светил:

Ты не удивляйся, судьба, когда самые славные люди
находятся в унижительном положении, а подлые на вершине.

Когда ты вдруг попадешь под ее приговор,
 тебе не сдобровать,
 Потому что под счастливым Юпитером стоит
 (злополучный) Сатурн.

В фикхийате поэты зачастую касаются вопросов, которые в практической жизни решаются иначе, чем в мусульманском законодательстве (фикхе). Многие, что дозволено законами фикха, бытует в народе в форме обычаев и обрядов, и это заставляло поэтов ратовать за пересмотр законов.

В «Иатимат ад-дахр» включено 11 бейтов из фикхийата Абу-л-Фатха ал-Бусти (с. 311—313). В одном отрывке поэт говорит о запрете на вино: «Если оно не отнимет у тебя разум и рассудок, то дозволено пить, и ты не слушай того, кто говорит: «хотя немного, все равно опьянеет».

Описывая в адабийате то или иное событие в жизни человека, поэты связывают его с наукой об адабе и грамматике и делают соответствующие выводы.

В тиббийате поэты рассуждают о различных событиях, связывая их с наукой о медицине. В фалсафийате эти же события связываются с восточной философией.

В «Иатимат ад-дахр» есть более 1350 бейтов, которые нельзя отнести к какому-нибудь определенному из указанных жанров поэзии. Эти отрывки разнообразны по объему, теме, содержанию: жалобы на судьбу, выражение недовольства своей жизнью, жалобы на старость, наставления и советы, выражения уважения к человеку и его родителям, недовольство религией и т. п.

Абу-л-Фатх ал-Бусти пишет: «Время обманчиво и коварно, оно безумно, всегда выливается несчастьем, оно для подлых спокойно, а для благородных — война, мудрые и ученые в нем всегда во мраке и печали» (с. 327).

Протест против несправедливости времени выражен в стихотворении поэта из Нишапура Абу-л-Фадла ал-Микали (ум. в 1044 г.):

О время, как ты беспощадно, о время, благородный не
 может быть почитаемым у тебя из-за своего благородства.
 А ты друг подлых, для них у тебя находится и милость
 и снисхождение... (с. 379).

Поэт Абдаррахман ибн Дуст, жалуясь на время, приходит к выводу:

Наше время — время невежд, и дела людей науки
не наладятся.

Нет убыточнее рынка, чем рынок пера и тетради (с. 427).

Ас-Сулами пишет о тяжелом положении крестьян: обрабатывать землю все равно, что проливать свою кровь; доходы, получаемые от земли, меньше расходов на нее, и она приносит владельцам одни тяготы (с. 92).

Среди отрывков попадаются стихи, в которых поэты неодобрительно отзываются об исламе и его обрядах. Поэт Абу-л-Хасан ал-Ифрики в стихотворении, состоящем из 11 бейтов, выражает недовольство существующим несправедливым общественным строем, разоблачает государственных деятелей, военачальников и крупных феодалов-эксплуататоров, в том числе и самого эмира. Поэт отказывается возносить молитву тому, кого он считает главным виновником несправедливого устройства этого мира — Аллаху, покровителю богачей; беднякам не за что его благодарить (с. 157—158).

В творчестве арабоязычных поэтов X—XI вв. немаловажное место занимает и проза. В «Ятимат ад-дахр» сохранились отрывки из прозаических произведений упомянутых поэтов, написанные в распространенной тогда литературной форме — садже (белый стих или рифмованная проза).

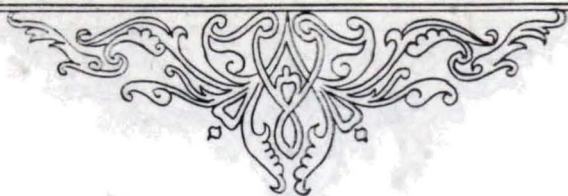
Включенные в «Ятимат ад-дахр» написанные саджем прозаические произведения, в основном, принадлежат перу ал-Искафи, Абу Бакра ал-Хорезми, Абу-л-Фадла ал-Хамадани, Абу-л-Фатха ал-Бусти, Абу-л-Фадла ал-Микали и Абу Насра ал-Утби. Это послания, мудрые изречения, переписка, письма и т. д. Темы и содержание прозаических отрывков мало отличаются от стихотворных образцов. Изучение этих произведений позволяет ознакомиться со многими историческими личностями, событиями и фактами того времени.

В результате борьбы за власть между Саманидами и Газневидами, захватнических походов Махмуда Газневи и междоусобных войн резко ухудшилось положение трудящихся масс. Это нашло отражение и в художественной литературе. С горечью пишет Абу-л-Фадл ал-Хамадани о том, что в стране усилились смуты (с. 280), и Герат превращен в развалины (с. 286), положение крайне тяжелое, народ страдает от дороговизны и голода (с. 267). Жалуясь на существующее положение,

он пишет: «Эй, Абу-л-Фадл, это не твое время, это не твой дом, и на этом рынке на твои творения нет спроса» (с. 276). Далее он пишет: «Да хранит Аллах эти динары и пусть даст нам их побольше. Потому что они делают то, что не смогут сделать Тора и Евангелие, обогащают так, как не могут сделать Коран и его толкования, исправляют то, что под силу лишь Гавриилу и Михаилу» (с. 277).

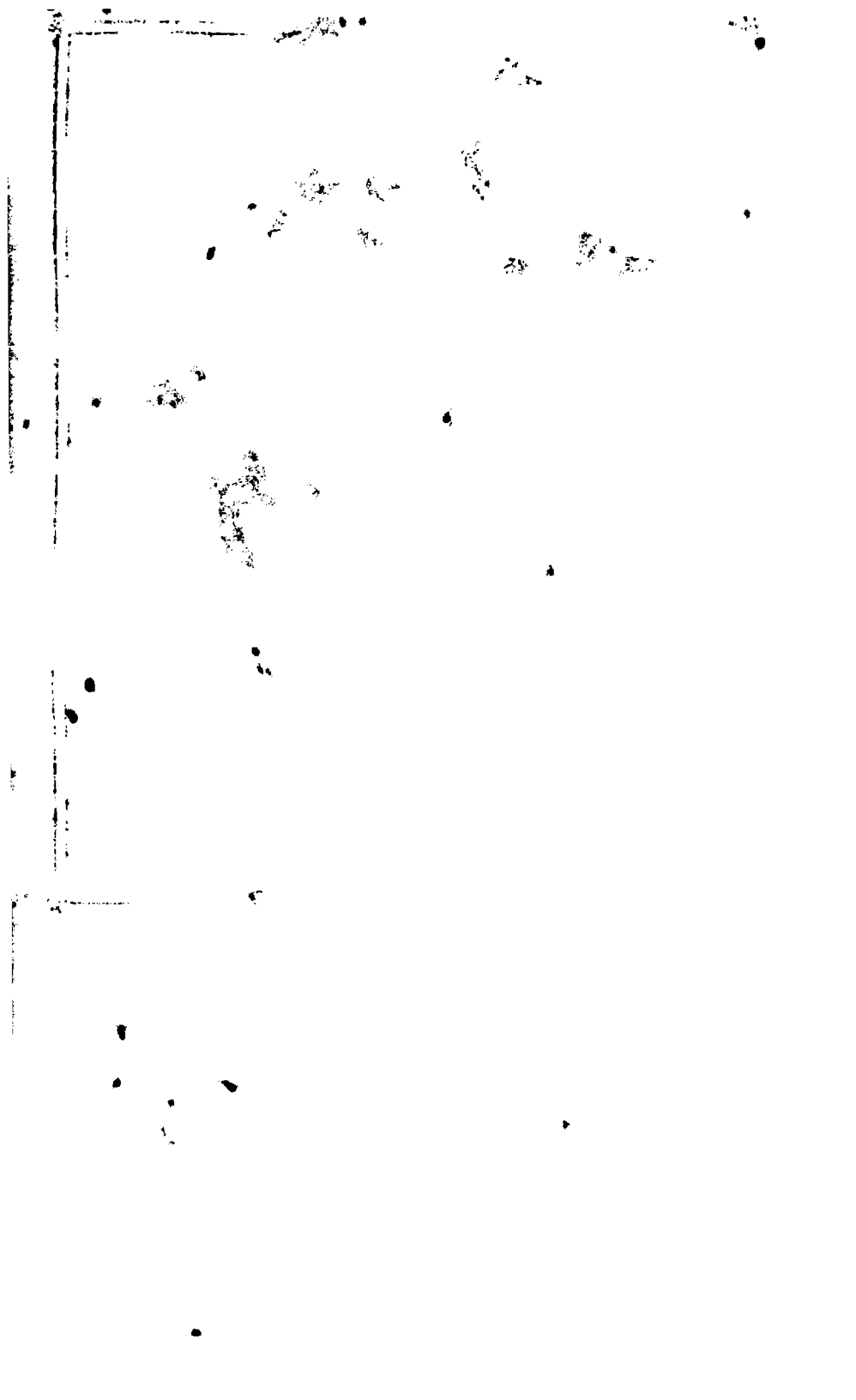
Несмотря на существовавшие очень незначительные различия, литература данного периода была единой литературой народов Средней Азии и Хорасана. В ней отразились жизнь этих народов, их обычаи, надежды и чаяния, недовольство существующим строем.

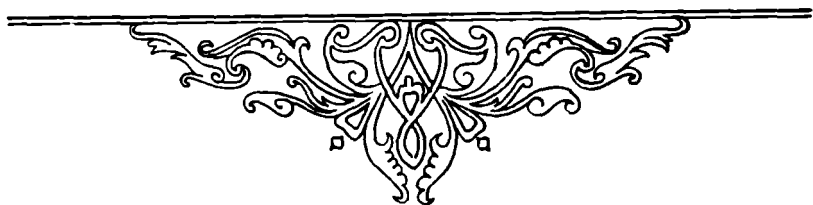

Общественно-политическая,
культурная и литературная
жизнь Средней Азии
в XIII—XIV вв.

XIII—XIV века — эпоха нашествия Чингизхана, была тяжелым периодом в истории народов Средней Азии¹. В XIII в. еще продолжалось господство династии хорезмшахов, пришедшей к власти в XII в. В годы монгольской экспансии в Хорезме правил Мухаммад Хорезмшах (1200—1220), стремившийся к централизации государства, к расширению его границ. Он предпринял походы в Ирак, Хамадан, Багдадский халифат, Иран и покорил их. Несмотря на это, хорезмское государство было ослабленным, поскольку его деятельность по централизации страны встретила внутреннее сопротивление даже в его родственном окружении. Так, Хорезмшах относился с недоверием даже к своему сыну Джалалидину и его матери Туркан Хатун, поскольку она поддерживала выступившую против него оппозицию. А против Туркан Хатун и кипчакских феодалов были настроены вожди туркменских племен, в свою очередь поддерживавшие Джалалидина.

Установление феодальной монархии и временное прекращение войны относительно благоприятно повлияли на экономику страны. Согласно сведениям географа Алима Якута (Ютакэ), жившего накануне монгольского нашествия, в тот период на границе современной Туркмении экономическое положение крестьянства не-

¹ См.: Рашидаддин. Джамият-таварих Т. 1. Кн. 2. 1952; Джувейни. МИТТ, 1; Несеви. МИТТ 1; Плано Карпини. История монголов. Спб. 1911; Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение//Труды Ютакэ. Т. 1. Ашхабад. 1949; Тиээнгаузен В. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде. Т. 1. Спб. 1884; Бартольд В. В. Туркестан... Ч. III; Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII веке//Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук. Вып. 1. 1949.

сколько улучшилось. Так, в конце XII — начале XIII в. было построено несколько значительных ирригационных сооружений. В Хорезме стало хорошо развиваться сельское хозяйство, в том числе садоводство и животноводство. Быстро развивалось ремесло, особенно производство керамики и чеканка. Об этом свидетельствуют добытые в результате археологических раскопок предметы повседневного обихода — изящная, богато украшенная цветным орнаментом посуда, красивые подсвечники, медные монеты и т. д.

Медные монеты и особенно изделия ремесленников свидетельствовали о товарно-денежных отношениях между городом и деревней. Наряду с внутренней торговлей Хорезм имел внешне-торговые отношения с русскими княжествами. По сведениям Якута, хорезмские купцы предпринимали длительные поездки к городам Верхней Волги и привозили меха². Приезжали в Ургенч и русские купцы.

Развитие феодальных отношений сопровождалось ростом эксплуатации трудового народа. Наряду с такими земельными налогами, как икта, феодальная рента, харадж приходилось платить и весьма высокие государственные налоги. Время от времени вспыхивали волнения масс, которые беспощадно подавляли.

Ослабляли могущество страны внутренние распри между правителями и крупными феодалами. Чингизхан знал сложную обстановку в стране благодаря своим лазутчикам и осведомителям.

Развитие науки в X—XII вв., ознаменовавшееся появлением таких великих ученых, как Беруни, Ибн Сина, крупные открытия в области естествознания, математики, географии, астрономии, несомненно, сыграли положительную роль в духовной жизни в последующие века. Борьба между различными сословиями, прогрессивными и реакционными течениями феодального общества находила отражение в идейной жизни.

Если такие произведения X—XII вв., как «Диван тюркских слов» Махмуда Кашгарского, «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хаджиба, «Дары истины» Ахмада Югнаки, способствовали развитию литературы прогрессивного направления, то учение яссавизма было одной

² Якут. МИТТ, 1, с. 409.

из причин усиления роли религиозно-мистической литературы. Между этими литературными направлениями шла острая борьба.

В 1219 г. началось опустошительное нашествие монголов. Прежде всего был захвачен Отрар. Опасаясь внутренних раздоров в войске, Мухаммад Хорезмшах отказался от тактики объединения крупных военных сил. Отсутствие общего плана обороны, отказ от единого решающего удара, взаимная несогласованность — все это привело к тому, что Бухара, Самарканд, Ургенч и другие города были захвачены врагом. Во время осады городов их население мужественно сопротивлялось завоевателям. Сам же Хорезмшах, бросив войско, скрылся на одном из островов Каспийского моря, где и умер в 1221 г.

Упорную борьбу против монголов вел сын Хорезмшаха Джалалиддин при помощи войск правителя Ходжента Тимур-Малика. Однако борьба Джалалидина, стремившегося укрепить свои феодальные позиции, не получила поддержки народных масс и потерпела поражение. В итоге в 1221 г. Средняя Азия и Хорасан были захвачены монголами.

Чингизхан приказал сначала грабить города, а затем разрушать и сжигать их. Сгорела большая часть Бухары, был разграблен Самарканд, превратился в руины затопленный водой Ургенч. По приказу Чингизхана среди плененного населения отбирали ремесленников и отправляли в Монголию, остальных жителей монгольские завоеватели беспощадно убивали. Ни один город не избежал этой участи. Все на их пути подвергалось разрушению, разграблению, уничтожению³. К. Маркс отмечал: «Нашествие Чингизхана было страшным бедствием для Средней Азии, как и для других захваченных монголами стран..., орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»⁴. «В этом году,— пишет Рашидаддин,— в Хорасане случилось столько убийств, грабе-

³ Узбекистон ССР тарихи: В 4 т. Т. 1. Ташкент. 1970.

⁴ Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. V. 1938. С. 150.

жей, разрушений, что нельзя ни описать, ни рассказать»⁵.

Разбой монгольских захватчиков и распри местных феодалов резко ухудшили положение сельского и городского населения. Города и села были опустошены. Недовольство трудового народа усиливалось и дошло до открытых выступлений против завоевателей. Первое крупное восстание, в котором приняли широкое участие народные массы, вспыхнуло в 1238 г. в Бухаре под руководством ремесленника Махмуда Тараби. Народ нанес поражение монголам, овладел городом и дворцом. Махмуд Тараби официально объявил себя правителем. В этот период духовенство, недовольное монголами, поддержало Тараби. Монголы сначала отступили, но когда Махмуд Тараби погиб в сражении, восставшие, лишенные предводителя, были разбиты. Было убито 200 000 человек. Однако несмотря на поражение, восстание имело огромное значение. Монгольские завоеватели убедились в негибкости воли народов Средней Азии, в их способности к решительной борьбе против агрессии. Это восстание не могло не вызвать страха и у захватчиков и у местных феодалов. Они были вынуждены несколько ослабить гнет, упорядочить систему налогов. Однако существенно положение народов Средней Азии не улучшилось. Конечно, этим восстанием борьба среднеазиатских народов против монголов не завершилась. Наиболее известным восстанием против монголов было движение сарбадаров в 1337 г. в Хорасане, поставивших своей целью защиту интересов дехкан, ремесленников, кустарей. Само название участников движения (сарбадары — висельники) свидетельствует о их решимости бороться до конца. Боясь мести монголов, духовенство пыталось воспрепятствовать этому движению. Однако сарбадары не поддались на увещания. Впоследствии им удалось добиться успеха в борьбе и создать в Хорасане самостоятельное государство с центром в Сабзеваре.

В 1365 г. поднял восстание один из просвещенных людей Самарканда — Мухаммад Самарканди. Его соратниками были главы цеха трепальщиков хлопка Абу Бакр Кулуй, кузнечного цеха — Хордаки Бухари и др. Защитники города забрасывали монголов камнями.

⁵ Рашида ддин. Сборник летописей. Т. III. С. 150.

В итоге монголы вынуждены были оставить Самарканд, а затем Мавераннахр. Эти события занимают важное место в борьбе народов Средней Азии за независимость. Народно-освободительное движение сарбадаров ставило перед собой цель — изгнать иноземных захватчиков, низвергнуть феодальное господство местных правителей и защитить интересы народа. Однако мы не располагаем точными сведениями об экономической и политической структуре их государства, его социальном устройстве. Известно лишь, что это государство возглавлял не шах, а избранный народом представитель любого сословия, который, не оправдав доверия избирателей, мог быть изгнан и даже казнен. Были снижены некоторые налоги, дехкане получили землю. Еще долгое время движение сарбадаров носило свободолюбивый характер⁶. Даже после правления Тимура, при его сыне Шахрухе (1405), вновь вспыхнуло восстание сарбадаров, которое с трудом было подавлено.

Движение сарбадаров, несомненно, сильно повлияло на развитие передовых идей в области культуры, литературы, искусства. В частности, оно оказало воздействие на жизнь и творчество талантливого представителя персидско-таджикской литературы, сарбадарского поэта Ибн Ямина Фарьюмади (1286—1368)⁷.

Ибн Ямин всегда выступал за гуманное отношение к человеку, разоблачал алчность и бесчеловечность, невежество и низость представителей правящих слоев общества. В одном из стихотворений он писал:

Не ищи, Ибн Ямин, ничего, кроме доброго имени.

Не умрет тот, кто оставил доброе имя.

В этом смысл вечной жизни человека!

В истории персидско-таджикской литературы Ибн Ямин прославился сочинением кыт'а. В узбекской литературе влияние Ибн Ямина как искусного сочинителя кыт'а впервые отразилось на творчестве Алишера Навои. Поэзия Ибн Ямина была для Навои одним из источников вдохновения до конца его жизни⁸. «Прямолинейность, откровенность — такова эстетика его сти-

⁶ Петрушевский И. П. Движение сарбадаров в Хорасане//Ученые записки ИВ АН СССР. Т. XIV. М. 1956. С. 91—162.

⁷ Хайитметов А. Х. Об отношении Алишера Навои к сарбадарам//Народы Азии и Африки. 1972. № 2. С. 102—112.

⁸ Там же, с. 106.

хов. Некоторые из них звучат как небольшие боевые прокламации для повстанцев»⁹.

Все это свидетельствует о том, что движение сарбдаров надолго оставило глубокий след в сознании народных масс и передовых людей того времени¹⁰.

Недовольство монгольским господством все более усиливалось среди ремесленников. Междоусобные войны и разобщенность препятствовали объединению всех сил для борьбы против монгольского господства. Местная аристократия, объединившись с недовольными представителями духовенства, требовала права контролировать основные караванные пути, добивалась создания централизованного государства. Воспользовавшись этой обстановкой, амир Тимур вместе с Хусейном в 1366 г. овладел Самаркандом, разбил сарбдаров и захватил трон. Тимур завоевал огромный авторитет среди высших слоев общества. Он не ограничился покорением всего Мавераннахра и создал огромную империю, простиравшуюся до границ Китая. Столицей его государства был Самарканд. Тимур приводит тысячи пленных из покоренных стран и ведет большие строительные работы в Самарканде и Шахрисабзе. Об этом сообщает в своем дневнике испанский посол Рьюи Гонзалес Клавихо, посетивший эти города¹¹.

Тимур был сложной и противоречивой фигурой. В своих «Хронологических выписках» Карл Маркс писал о том, что Тимур «дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими расправами, которые по его приказам совершали татарские орды»¹².

Империя Тимура, представлявшая собой конгломерат многих объединенных путем насилия государств, просуществовала недолго. После смерти Тимура (1405) она распалась.

⁹ Брагинский И. С. Указ. соч., с. 222.

¹⁰ Захидов В. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент. 1961. С. 31.

¹¹ Рьюи Гонзалес Клавихо. Дневник путешествия к двору Тимура в Самарканде 1403—1405 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями восстановлен под редакцией И. И. Средневского. Спб. 1881. С. 316.

¹² Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. VI С. 184.

В свое время установление монгольского господства привело к власти предводителей монгольских кочевых племен, у которых не было опыта правления во вновь завоеванных странах. Воспользовавшись этим, местные феодалы для сохранения своих привилегий стали оказывать поддержку монголам. Постепенно монголы ассимилировались с местным населением, освоили тюркский язык. Чтобы прочнее утвердиться на завоеванных землях, монгольские предводители стали принимать ислам. Все это способствовало укреплению позиций тюркских племен, особенно их знатной части, оживлению культуры. Одним из следствий этого было, например, усиление Золотой Орды, развитие ремесла, торговли, культуры, чему в определенной степени способствовал приход к власти Узбекхана (1312—1342), затем его сына Джанибека и, наконец, Тинибека. К середине XIV века стало наблюдаться оживление культурной жизни в таких городах Средней Азии, как Самарканд, Бухара, Ургенч.

Арабский путешественник Ибн Батута, посетивший Среднюю Азию в 1339 г., назвал Ургенч самым большим и прекрасным городом. В строительство дворцов Бату, Берка в Золотой Орде большой вклад внесли зодчие Хорезма. Важную роль сыграл Хорезм и в развитии узбекского языка и литературы. Известно, что завоеватели уничтожили множество памятников литературы и искусства, разрушили и сожгли школы, медресе. Искусство, архитектура развивались, отображая глубокие противоречия того времени, сложные условия общественной жизни.

В период XIII—XIV вв. был создан целый ряд исторических произведений, дающих яркое представление о жизни в это время. Можно назвать труды Рашидаддина «Собрание летописей» («Жомеут-таворих»), Махмуда Джувайни «История покорителя Вселенной» («Тарихи Жахонкушони»), Хамдуллоха Мустафи Казвини «Чистота сердец» («Нузхатул-кулуб») и др. Их авторы были свидетелями ужасов завоевательной войны. Многие ученые, деятели искусств, писатели погибли, другие были вынуждены бежать в Египет, Сирию, Халаф, Иран, Индию. Так, поэты Бадриддин Чочи из Ташкента, Мухаммед Авфи из Бухары, Зия Нахшаби из Нахшаба уехали в Индию; Кемал Худжанди, Насыр Бухари — в Иран; Саади Ширази также покинул родину.

Выходец из Балха, Джалаллиддин Руми выехал в Малую Азию и там создавал труды на персидском и тюркском языках; Хусамиддин Асими писал на персидском и арабском языках. Мухаммед Самарканди знал тюркский, персидский и монгольский языки и писал свои произведения на всех этих языках. Местные феодалы в той или иной степени были заинтересованы в развитии науки. Реакционное духовенство боялось духовного и культурного расцвета народа, его выступлений против гнета. Развитие хозяйства, основанного на искусственном орошении, требовало разработки таких наук, как астрономия, геометрия, математика. В свою очередь развитие общества вызывало необходимость прогресса гуманитарных и естественных наук. В этот период достижения Ибн Сины в области медицины были продолжены астрономом Чагмини. Создавались также труды в области этики, музыки и др.

Среднеазиатские мастера прославились искусством выработки бумаги. Особой прочностью и красотой отличалась бухарская и самаркандская бумага.

Феодално-клерикальная среда всячески препятствовала развитию искусства и литературы. Эти общественные противоречия, как в зеркале, отражались в художественной литературе. В это время шла острая борьба между литературой светского направления, выражавшей интересы народа, и религиозно-мистической, воплощавшей воззрения феодального духовенства. Несомненно, что в этот период существовал и фольклор — народные пословицы, повести, сказки, дастаны, легенды. Однако они не дошли до нас в письменном виде. В этих сложных условиях укоренилась и окрепла религиозно-мистическая литература, оправдывающая господство феодалов, монгольских властителей. Вместе с тем усиливалась религиозная реакция, широко распространялись различные направления суфизма. Несомненно, это отрицательно воздействовало на художественную литературу.

Религиозно-мистическая литература способствовала усилению духовного порабощения народа, призывала его к терпению и пассивности. Литература этого направления была весьма ограниченной в тематическом отношении. Наряду с официальной исламской религией был широко распространен яссавизм, возникший в Средней Азии в начале XII века. Он имел своих теоре-

тиков, последователей и проповедников. В последующем развитии этой идеологии и связанной с ней литературы немалую роль сыграли нашествие Чингизхана, монгольское господство, усиление реакции и гнета¹³.

Господство идеологии яссавизма в религиозно-мистической литературе продолжалось до XIV века. Учение яссавизма отражало социальные интересы идеологов религиозно-мистической литературы. Она была представлена такими произведениями, как «Путь рая» («Нахжул-фародис») Али ибн Махмуда, «Книга ажурных узоров» («Китоби жумжума») Хусам Катиба, «Средство достижения цели» («Муинул-мурод»). Эти произведения, родственные по идейным задачам, объекту изображения, системе образов, представляли собой описания жизни пророка, комментарии хадисов и оятов. Так, в «Пути рая» (1360) Али ибн Махмуда рассказывается о житиях пророков, приводятся различные эпизоды мифологического характера. Вместе с тем в этом произведении осуждаются ложь, зависть, лицемерие и другие пороки.

К концу XIV века мистико-аскетическая философия Ахмада Яссави в узбекской литературе начинает отходить на задний план. Выдвигаются светские идеи, вопросы реальной жизни, что было связано с некоторым оживлением феодальной экономики, производительных сил общества после ликвидации монгольского господства, причинившего большие бедствия народам Средней Азии. Светские идеи в литературе и обществе особенно усиливаются в XV в.¹⁴

Большую роль в развитии этих идей в литературе сыграл накшбандизм, основоположником которого был Накшбанди. Его полное имя — Мухаммад ибн Мухаммад Фазл Бухари. Он родился в Бухаре в 1314 г., в местечке Касри орифон, получил образование и воспитание под началом суфия Саида Амира Кулами.

Несмотря на некоторую непоследовательность, Накшбанди, в основном, стоял на позициях идеалисти-

¹³ Зоҳидов В. Тасаввуф ҳақида (О суфизме)//Ўзбек адабиёт тарихи. 1 том. Ташкент. 1977. С. 152.

¹⁴ В. Захидов обстоятельно изучил эту проблему в книге «Мир идей и образов Алишера Навои». Наша оценка накшбандизма заимствована из этого труда.

ческого монизма, суфийского пантеизма. Согласно его учению, бог един и воплощен в реальных вещах, как бы растворяясь в них. Поэтому не следует стремиться к самоотречению, аскетизму, а, наоборот, нужно пользоваться всеми радостями жизни в этом мире. Накшбанди выдвигает четыре основных принципа: честно трудиться, пользоваться благами жизни, не уединяться, соблюдать осторожность, радоваться жизни каждое мгновение, быть деятельным. Эти принципы свидетельствовали об оптимистической направленности воззрений Накшбанди. Однако отсюда не следует, что мировоззрение Накшбанди было свободно от ортодоксального ислама. Тем не менее взгляды Накшбанди в условиях господства мистического мировоззрения противостояли ему, были жизнеутверждающими, и это явилось актом большого мужества. Накшбандизм, несомненно, сыграл положительную роль в развитии светской культуры, литературы, в появлении поэзии, воспевающей реальную жизнь, природу и красоту мира.

В начале XIV века в культуре стали развиваться светские тенденции, выражающие отношение человека к действительности. Они, в свою очередь, подготовили почву для развития художественных форм, литературных жанров. В эту эпоху были созданы замечательные образцы лирической и эпической поэзии и художественной прозы, появились первые прекрасные образцы жанра «наме».

О развитии светских тенденций свидетельствует содержание «Повестей Рабгузи» («Киссаи Рабгузий»). Выраженные в них идеалы в определенной степени соответствовали требованиям накшбандийского учения, имевшего в начале XV века важное значение в развитии новых светских идей.

Изучая светскую лирику этого периода, А. Хайитметов писал: «В условиях средних веков, когда религия унижала человека, когда его достоинство подавлялось при феодальных правителях, выбор простого человека в качестве героя художественного произведения представлялся чем-то противоестественным. Тем не менее поэты возвеличивали человека, раскрывали красоту его внутреннего мира, его стремления, отношение к своему времени, страдания, заботы и переживания. Поэты того времени определили правильный путь для

последующего развития литературы; в той или иной мере отделив ее от религии и мистики, они сумели нацелить ее на служение человеку, народу. Конечно, в светской литературе еще преобладали общий подход к реальной жизни, традиционные краски и черты в изображении человека»¹⁵.

Например:

Лучи твоего лика затмевают солнце,
Сияние твоего подбородка затмевает мир.
Едва ты появишься, успокаиваются распри, уходит печаль,
Но лишь ты исчезнешь, поднимаются все беды.
Твое лицо, как душистый цветок без колючек,
Жизнь без тебя для меня ад....

(Из «Мухаббатнаме» Хорезми).

В этом отрывке описание возлюбленной традиционно. Характерно, что в светской лирике основное место начинает занимать конкретное отношение к событиям, описание земной любви, стремления и мечты реальных влюбленных. Если у религиозно-мистических поэтов образ возлюбленного наделен абстрактными чертами, то поэты светского направления видят красоту реального человека. В этом коренное различие между этими литературными направлениями.

В освоении светской тематики в литературе того времени ведущее место занимали произведение Хорезми «Мухаббатнаме», лирика и поэма «Сухейль и Гулдурсун» Сайфи Сарои и поэма «Хосров и Ширин» Кутба.

Конечно, тема любви, изображение чувств возлюбленных само по себе приводит к определенной идейно-тематической и художественно-изобразительной ограниченности; тем не менее Хорезми, Сайфи Сарои, Кутбу и другим художникам слова удалось преодолеть эту ограниченность: они использовали оригинальные образы, новые поэтические средства, многообразные метафорические приемы для выражения чувств и душевного состояния лирического героя. Однако эти поэты все же не смогли подняться до отражения подлинных интересов и чаяний народа. Эти темы и идеи нашли высокое художественное воплощение лишь в XV в.

¹⁵ Хайитметов А. Дунёвий лирикада психологизм//Шарқ юлдузи. 1977. № 6. С. 216.

в творчестве Алишера Навои. И все же представители светской литературы XIV века внесли весомый вклад в последующее развитие литературы.

Пахлаван Махмуд. Ярким представителем светской литературы этого периода является Пахлаван Махмуд — поэт, внесший крупный вклад в развитие жанра рубаи. Свои произведения он создавал на фарси. Широкою известность принесли Пахлавану Махмуду рубаи, в которых отразились его общественно-философские воззрения. В то время одним из ведущих идейных направлений, получивших широкое распространение в Хорасане, было движение «жавонмардлик» («движение мужественных»). Возглавляемое тайной организацией, оно ставило перед каждым своим членом задачу — бороться за идеи человеколюбия, благородства, мужества, милосердия¹⁶. Согласно воззрениям Пахлавана Махмуда (как и всего «движения мужественных»), подлинное мужество состояло не в грубой силе, а в том, чтобы, обладая силой, быть скромным, не причинять людям зла, оказывать помощь слабым. Подлинное мужество заключалось в сочетании достоинства с благородством, силы — со скромностью:

Если ты распоряжаешься каждым своим мгновением,
ты мужествен,
Если ты в своих делах не зависишь ни от кого.
ты мужествен,
Но бить упавшего — это не мужество,
Если ты поможешь ему подняться — это мужество.

Выходец из трудового народа Хорезма, Пахлаван Махмуд был одним из активных пропагандистов новой светской литературы, воспевавших мужество, честность, благородство. Поэт дает философское толкование человека как высшей ценности на земле, считает, что рай и ад находятся не где-то в полустороннем мире, а в самом человеке.

Кутб. Другим крупным представителем светской литературы является Кутб. С его именем в литературе XIII—XIV веков связано развитие литературных связей. Он — автор перевода поэмы Низами «Хосров и Ширин».

¹⁶ Узбек адабиёти тарихи. I т. 169-бет.

Мы располагаем очень немногими сведениями о жизни и творчестве Кутба¹⁷. Согласно сведениям, содержащимся в его поэме «Хосров и Ширин», он тоже был уроженцем Хорезма (1340), его произведения создавались в основном в золотоордынском ханстве, являвшемся в то время вассалом Хорезма, а поэма была посвящена Тинибеку — сыну правителя Золотой Орды Узбекхана.

В 1948 г. востоковед А. Тагирджанов завершил исследование «Дастан Кутба «Хосров и Ширин»¹⁸. В нем определено место дастана в истории литературы того периода, его роль в обогащении узбекского литературного языка, плодотворное влияние на него литературных и фольклорных традиций. Следует отметить, что Кутб-переводчик в большинстве случаев не следует тексту оригинала слепо, а, сохраняя в целом сюжет XII века, вводит в свое произведение реалии и детали, связанные с новыми общественно-историческими условиями, с устным народным творчеством и обычаями¹⁹.

Знакомя узбекского читателя с произведением Низами, Кутб проявляет и художественное мастерство. Во вступлении-посвящении Кутб пишет, что считает Низами своим учителем и скромно замечает: «Из меда Низами я сварил халву».

Краткое содержание дастана таково: у иранского шаха Хурмуза был сын по имени Хосров. Однажды художник Шапур рассказал ему об армянской королеве Мехинбану и ее племяннице Ширин. Хосров полюбил Ширин, еще не видя ее. Ширин также горячо полюбила Хосрова, увидев его портрет, созданный Шапуром. В это время умирает отец Хосрова, и вспыхивает борьба за власть. Чтобы утвердиться на троне, Хосров сначала женится на дочери греческого царя Кайсара Марьям, а после ее смерти — на исфаганской девушке Шакар. Ширин сохраняет верность своей любви. После смерти тети она справедливо правит страной.

¹⁷ Об этом см.: Узбек адабиёти тарихи. Кутб (авт. С. Эркинов). Ташкент, 1977. С. 202; Татар эдәбияты тарихи. Т. 1. Көтбның «Хосрәу вә Ширин» әсәрә. Казань. 1984. С. 170—207.

¹⁸ Тагирджанов А. «Хосров и Ширин» Кутба. Ленинград. 1948. С. 169.

¹⁹ Зайончковский А. Старейшая тюркская версия поэмы «Хосров и Ширин» Кутба. Варшава. 1958.

Ее полюбил мастер Фархад, которого впоследствии убили по приказу Хосрова. Вымолив прощение у Ширин, Хосров женится на ней и правит страной, следуя ее мудрым советам. Однако сын Хосрова казнит своего отца и намеревается жениться на Ширин. На могиле своего мужа Ширин кончает жизнь самоубийством.

Образ главной героини Ширин имел большую социальную значимость в условиях XIV века. Особое внимание привлекали ее мудрость, справедливость, работа о людях.

Кутб понимает, что дастан «Хосров и Ширин» не потерял актуальности и в XIV веке. Не ограничиваясь простым переводом дастана Низами, поэт поставил перед собой цель — привлечь внимание феодальных правителей к проблемам мира и справедливости, науки и образования, гуманного отношения к человеку. Посвящая свое произведение Тинибеку и его жене, автор хочет видеть в них воплощение своего идеала справедливого правителя. Несомненно, судьба Хосрова, мудрость Мехинбану, самоотверженность Ширин, героический труд Фархада изображены автором как примеры для подражания. Вместе с тем перевод дастана свидетельствовал о богатстве и красоте родного тюркского языка и внес значительный вклад в его развитие.

В творческом переводе Кутб сумел передать художественное мастерство Низами как автора дастана. Поэт обогатил перевод картинами жизни Золотой Орды, показал обычаи, ритуалы, обряды, дворцово-феодальную жизнь и этим приблизил поэму к своему времени. Кутб вводит новые главы в ее введение, меняет детали. В целом произведение Кутба «Хосров и Ширин», являясь письменным памятником литературного языка XIV века, стало в то же время одним из ярких примеров литературных связей между братскими народами.

Сайфи Сарои. Значительный вклад в развитие эпического жанра XIV века внес Сайфи Сарои (1321—1396), живший в Сарае, Египте, Турции. Годы его жизни приходятся на период правления Тинибека и Джанибека²⁰.

²⁰ О нем см.: Узбек адабиёти тарихи. 1 т. Ташкент. 1977, 221-бет.; Татар эдэбияти тарихи. Казань. 1984. 246-бет.

До нашего времени дошли его газели, касыды, кытъя, рубаи, дастан «Сухейль и Гулдурсун» и переведенное им произведение «Гулистан по-тюркски» («Гулистони бит-туркий»).

Сайфи Сарои внес значительный вклад в развитие литературных связей между тюркской и персидско-таджикской литературами. Лирическое наследие этого поэта стало ярким образцом светской лирики того периода. Лирические газели поэта, собранные в заключительной части дастана «Гулистан по-тюркски», достаточно полно характеризуют творчество поэта, его художественное мастерство. Как передовой человек того времени, Сайфи Сарои обращается к разным темам. В его лирике есть произведения о любви, об общественной жизни, дается изображение природы; в них звучат мотивы верности, гуманизма, патриотизма. Игра слов, оригинальные метафоры, мелодичность и другие художественные достоинства его газелей делают их значительным явлением литературной жизни.

Сайфи Сарои был поэтом-оптимистом, призывавшим делать добро, ценить все прекрасное, трудиться для блага людей. Он создал касыду в двадцать четыре бейта в форме назиры (подражания) одной из газелей своего современника Хорезми и посвятил ее правителю Александрии. Эта касыда интересна с точки зрения истории развития этого жанра, как один из ранних его образцов.

«Сухейль и Гулдурсун» — лиро-эпическая поэма, посвященная любви. В ней воспеты чистая любовь, верность, мужество. Сюжет ее таков: Тимур напал на Ургенч, разрушил его и взял много пленных, среди которых оказался мужественный юноша Сухейль. Его полюбила дочь Тимура Гулдурсун, которая, освободив его из заключения, убежала вместе с ним. Во время перехода через пустыню жажда и голод измучили девушку. Юноша оставил ее в поисках пищи, а когда вернулся, уже не застал любимую в живых. В отчаянии он покончил с собой. Буря засыпает тела влюбленных песком.

В «Гулистане по-тюркски» ярко проявилось мастерство Сарои и в области прозы и перевода. Сохранив главную идею произведения Саади «Гулистан», Сайфи Сарои внес в перевод немало нового. Книга содержит

восемь глав, в которых идет речь о султанах и бедняках, о пользе воздержанности, молчания, самоотверженности в любви, о слабостях старости, о значении воспитания и т. п. Характеры персонажей разнообразны. И от имени Саади, и от своего имени Сайфи Сарои говорит о том, как следует жить для блага людей и соблюдать справедливость в делах правления, воспитывать в себе лучшие качества. Сайфи Сарои с уважением отзывается о своем учителе Саади, разделяет его философско-нравственные воззрения. Он удачно использует народные пословицы и поговорки. Особого внимания заслуживают его идеи о необходимости равноправия женщин и мужчин. Конечно, взгляды Сайфи Сарои не лишены противоречий. Однако его суждения о роли справедливого правителя в установлении мирной и счастливой жизни страны и народа отражают его искреннюю любовь к родине и народу.

В годы своего правления Тимур придавал особое значение вопросам культуры, литературы, музыки, архитектуры, таким отраслям науки, как математика, геометрия, астрономия, история и т. д. Оживлению культурной и литературной жизни способствовали создание централизованного государства, относительно мирное положение в стране, концентрация Тимуром в центре своего государства специалистов по различным отраслям науки, культуры и ремесла.

Почти полтора столетия Средняя Азия испытывала монгольское иго и его страшные последствия. Вместе с тем это время было периодом борьбы ее народов за независимость. Мощное народное движение в конечном счете разрушило огромную державу монголов, простиравшуюся от внутренних районов Китая до Восточной Европы, свергло кабальный иноземный гнет. Культура развивалась в условиях этих противоречий, столкновений, борьбы, давших мощный импульс прежде всего интенсивному развитию новой светской узбекской литературы.

РАБГУЗИ

Насреддин Рабгузи — автор одного из самых ранних памятников узбекской литературы «Повести Рабгузи» («Киссаи Рабгузий») или «Повести о пророках».

«Повести Рабгузи» — это литературный памятник, который рассказывает о нравах и деяниях пророков, о людях того времени — конца XIII — начала XIV в.

Кроме некоторых фактов биографии, приведенных самим автором во введении к памятнику, и некоторых сведений, рассеянных в немногочисленных источниках, данных о жизненном и творческом пути Рабгузи очень мало. Неизвестна дата его рождения, нет сведений и о других произведениях.

Известно, что «Повести Рабгузи» были чрезвычайно популярны в Средней Азии, особенно в конце XVIII — начале XIX в.

Из введения, предпосланного к «Повестям» самим автором, узнаем, что он, Насреддин сын Бурханиддина, был верховным судьей селения Рабати Огуз Хорезма, Рабгузи — его псевдоним.

Во введении автор сообщает, что «Повести» написаны им по заказу одного из правящих беков, некоего Насреддина Ток Буга, монгола, принявшего ислам.

По словам Рабгузи, этот бек — человек, достойный уважения, отличающийся добронравием и благородством. Другими словами, он относится к тем монголам, у которых в то время наблюдалось стремление укрепить свои позиции и власть, а чтобы расположить к себе местное население, они нередко принимали ислам, шли на определенные социальные уступки. Этими историческими условиями можно оправдать и восхваления Рабгузи в адрес монгольского правителя.

Далее Рабгузи объясняет характер задачи, которую Ток Буга поставил перед ним — написать «Повести о пророках» так, чтобы в них вошли все известные и рассеянные по разным источникам рассказы о пророках и чтобы книга превзошла все истории, известные до того времени своей увлекательностью и доступностью для широкого чтения.

Рабгузи работал над «Повестями» ровно год и завершил их, как он пишет, в 709—710 г. х./1304—1305 гг.

Эти краткие сведения об авторе, которые мы нахо-

дим в «Повестях Рабгузи», позволяют предположить, что в свое время их автор был достаточно известным человеком и знатоком религиозных легенд. Очевидно также, что Ток Буга был осведомлен об обширности знаний Рабгузи, степени его таланта и возлагал на него особые надежды. Безусловно также, что Рабгузи с энтузиазмом взялся за работу.

Известно, что много сказаний, легенд, притч, связанных с пророками и их благочестивыми деяниями, приведено в Библии. Однако восточные авторы, в том числе и Рабгузи, за основу своего повествования брали Коран. Рабгузи, кроме того, обратился и к таким источникам, как «Песни пророков» Абу Исхака Нишапури, книги Хасана Басры Рахматулло, Жобира ибн Ансори. Помимо известного религиозного материала, Рабгузи широко вводит в свои «Повести» собственные рассказы и притчи, близкие к устному народному творчеству. В результате получилась не только книга о пророках, а произведение, отчасти носящее светский характер и имеющее жизненно важный дидактический смысл.

Книга Рабгузи состоит из семидесяти двух небольших повестей.

Первая повествует о сотворении земли, всего сущего на ней, о дивах, пери, злых духах и по традиции содержит утверждение о всемогуществе создателя.

Далее идут повести о всех пророках, когда-либо появлявшихся на земле. Причем Рабгузи начинает историю пророков с Адама, затем идут Ной, Моисей, Иисус, Лот, Соломон, Давид и др.

Повести отличаются друг от друга по объему и сюжетному построению. Некоторые из них разбиты на главы. Для большинства повестей характерно обрамляющее повествование: рассказ в рассказе. В начале каждого повествования описаны основные черты характера пророка, о котором идет речь, приводится стихотворение о его подвиге, далее уже в прозе начинается рассказ о его приключениях.

По тематике и сюжету каждый рассказ можно рассматривать и как самостоятельное произведение.

Все повести отличаются от ортодоксально-религиозных сказаний своей жизнеутверждающей и гуманистической направленностью. В повестях о пророках, не-

смотря на их религиозную тематику, Рабгузи оттеняет такие черты в характере пророка, как справедливость, человечность, т. е. акцентирует внимание читателя не столько на идеальных, сколько на обычных, свойственных всем людям качествах. Персонажи Рабгузи — это, в основном, защитники добра. В этом отношении особенно характерны рассказы о Соломоне. Их несколько, и они отличаются большим разнообразием.

По преданию царство Соломона было могущественным и необъятным. Ему были подвластны дивы, пери, злые духи. Кроме того, Соломон владел языком птиц и животных. У Рабгузи могущество Соломона — не во власти, а в его мудрости. В повести Рабгузи Соломон часто переодевается в платье бедняка и неузнанный приходит туда, где собирается простой народ. Таким образом, он близок к народу, знает его заботы и чаяния. По велению Соломона людям раздают пищу. Сам Соломон живет на деньги, добытые собственным трудом — плетением корзин и носилок.

В цикле повестей, посвященном Соломону, встречаются притчи на бытовые темы, близкие по характеру к фольклорной сказке, в которых Соломон изображен более как человек, чем как пророк.

В повестях о Соломоне обращает на себя внимание один немаловажный момент: в противоположность другим пророкам Соломон не призывает иноверцев переменить религию, тогда как одна из важнейших обязанностей пророков состояла именно в этом. Он более похож на справедливых правителей из народных сказок, чем на святого.

Вообще в повестях Рабгузи святым, несмотря на их ранг пророка, свойственны трудолюбие, уважение к простому труженику, забота о народе. Таким изображен и пророк Давид в цикле рассказов о нем.

Рабгузи рассказывает о том, каким могущественным был Давид. Ночами он тайно бродил по городу и, беседуя с людьми, выяснял их отношение к царю. В одну из таких ночей некая старуха сказала ему, что царь у них хороший, но живет за счет чужого труда. После этой беседы Давид просит бога научить его ремеслу кузнеца. Бог помог ему в этом, и Давид стал таким мастером, что железо в его руках плавилось, как воск. Часть времени Давид проводил в молитвах,

другую — посвящал кузнечному делу, остальное время отдавал делам царства.

Как видим, мотив честного труда здесь занимает особое место. Однако восхваляя добродетели Давида, автор не забывает и о его человеческих слабостях. Так, в следующей притче Рабгузи рассказывает о том, как Давид отправляет на войну мужа понравившейся ему женщины, чтобы погубить его и жениться на его вдове. Урьё (так звали мужа) действительно погибает, и Давид женится на ней.

Однажды к Давиду пришли с жалобой два брата. Один из них говорит, что другой брат, имея 99 баранов, отнял у брата единственного барана. Давид, рассердившись, сказал: «Как возможно такое насилие во время моего царствования?» Виновный ответил, что сам царь, имея 99 жен, отнял единственную жену у Урьё, отправив его на войну. Разве есть насилие более страшное, чем поступок царя? Сказав так, братья исчезли. Давид понял, что это были ангелы. Поняв, что согрешил, Давид ушел в пустыню, долго плакал и просил бога помиловать его. И бог его простил.

В этой притче, где Давид выступает скорее как обыкновенный человек, нежели пророк, звучит общечеловеческое осуждение несправедливости.

Интересно и показательны для многих притч изображение прегрешений пророков, в основе которых лежит произвол, характерный для сильных мира сего. То, что в них выражен мотив социального протеста, не вызывает сомнения.

Однако не следует преувеличивать этот аспект, так как «Повести Рабгузи», как и все книги подобного рода, имеют определенную религиозную направленность, выражающуюся в том, что о несправедливости пророков говорят им ангелы, которых посылает всевидящий бог. И свой грех пророки искупают, конечно же, искренним раскаянием перед богом. В каждой притче автор не забывает упомянуть о всемогуществе всевышнего.

В некоторых рассказах о пророках сильно чувствуется влияние фольклора. Более всего это выражается в сказочности сюжета, в обязательном присутствии элементов чудес. Так, в притче о великанах племени Амалка описаны люди ростом в 300 пядей. Израильтя-

не направили к ним в качестве послов двенадцать сильных и высоких мужчин, случайно попавших в виноградник, хозяин которого поймал их и, засунув по шесть человек в каждый рукав, принес свою добычу к вождю племени. Приближенные царя, еле разглядев пленников на своих ладонях, удивляются, что это за черви с руками и ногами.

Сходный эпизод, почерпнутый из фольклорных источников, есть и в знаменитом «Гулливере» Дж. Свифта.

Подобный сказочный элемент заключен и в повести о посохе пророка Моисея, обладающем чудодейственным свойством: если воткнуть его в землю, он превращается в плодоносное дерево, когда угрожает враг — он оборачивается змеей, а при необходимости может стать и мостом через реку.

В книге пророков Рабгузи все эти чудеса объясняются могуществом бога. Однако читатель, воспитанный на фольклоре, воспринимает их как сказочные элементы.

Одна из интереснейших повестей в книге — сказание о жужжании осы. В притче об осе, змее и ласточке рассказано, как мышь продырявила судно Ною, а змея закрыла отверстие своим телом. Ной захотел отблагодарить ее. Змея попросила самое вкусное лакомство. Ной посылает осу узнать, что это за лакомство. Долго отсутствует оса. За ней отправляют ласточку. Ласточка узнала у осы, что самое вкусное лакомство на свете — это человеческое мясо. Она попросила осу дать ей попробовать. Оса дала ей свой язык, и ласточка оторвала его. Они вместе прилетели к Ною. Оса не могла ничего сказать и лишь жужжала. Ласточка сказала Ною, что самое вкусное на свете лакомство — это мясо лягушки. И с тех пор оса жужжит, змея ест мясо лягушки, а ласточка за добро, оказанное людям, живет среди людей, вьет свои гнезда на фасадах домов. Змея же, узнав, что обманута ласточкой, с тех пор враждует с нею. Эта известная легенда, заимствованная Рабгузи из Корана, в книге о пророках читается как увлекательная притча.

Есть в книге и рассказы дидактического характера; некоторые из них написаны в форме басен. Таков, например, рассказ о Лукмане. Однажды хозяин сказал

Лукману: «Зарежь овцу, приготовь и принеси мне самое вкусное ее место». И тот принес язык и сердце овцы. Когда хозяин приказал ему принести самое плохое место, то и тогда Лукман вновь приносит ему язык и сердце. Подобный эпизод мы встречаем и в притчах об Эзопе.

Таким образом, одно из характерных свойств произведений Рабгузи — связь его повестей и рассказов, с одной стороны, с Кораном, Библией, религиозными притчами, с другой — с устным народным творчеством.

Как опытный прозаик, Рабгузи создал обширную галерею человеческих образов. Некоторые из его рассказов (особенно о Моисее, Салихе, Юсуфе, Соломоне) свидетельствуют о мастерстве Рабгузи-прозаика.

Однако повести Рабгузи подтверждают и его поэтическое дарование. В начале каждой повести автор дает стихотворную характеристику пророка, о котором пойдет речь дальше. Кроме того, рассказы перебиваются отрывками из стихотворений. Особенно ярко поэтический талант Рабгузи проявился в его газелях, воспевающих красоту природы, яркие краски весны.

Так как книга Рабгузи является одним из самых ранних памятников узбекской литературы, можно с уверенностью говорить, что в ней автор выступает как один из зачинателей жанра газели.

Несмотря на то что «Повести Рабгузи» основаны на религиозных сюжетах, они проникнуты жизнеутверждающими идеями: о трудолюбии, справедливости, гуманности, — характерными для светской литературы.

«Повести Рабгузи» — значительный вклад в узбекскую литературу конца XIII — начала XIV в., один из первых памятников прозы на узбекском языке.

ЖАНР «НАМЕ» В УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Как своеобразный поэтический жанр «наме» возник в узбекской литературе в середине XIV в. (1353 г.), а к сороковым годам XV в. уже было известно четыре его оригинальных образца.

В истории персидско-таджикской и узбекской литератур есть немало произведений, названия которых включают слово «наме», означающее «послание», «грамота», «книга», «произведение». Они подразделяются

на два вида: прозаические и поэтические. По характеру и сути эти произведения можно подразделить еще на несколько групп²¹.

Большинство произведений этого жанра — прозаические, лишь некоторые из них («Зафарнаме», «Шейбанинаме») написаны в стихотворной форме. Стихотворные «наме», будучи чисто художественно-романтическими произведениями, обычно не связаны с описанием каких-либо конкретных исторических событий и личностей.

Первым произведением жанра «наме», написанным на персидском языке, является «Дахнаме» («Десять посланий») (1306—1307 гг.) азербайджанского поэта Авхади. «Мухаббатнаме» («книга о любви») Ходжи Кирмани создана в 1332 г. (по некоторым сведениям, в 1331). В конце XIV и первой половине XV в. появились такие произведения, как «Захнаме», или «Равзат ул-мухиббин» («Райский сад возлюбленных») (1391—1392 гг.) Ибн Имада и «Синаме» («Тридцать наме») Катиби.

Основоположником жанра «наме» на тюркском языке считается известный узбекский поэт XIV в. Хорезми. Этот двуязычный поэт, одинаково свободно писавший на узбекском и персидском языках, своим «Мухаббатнаме» («Книга о любви»), написанным в 1353 г./754 г. х., положил начало жанру «наме» не только в узбекской, но и в других тюркоязычных литературах. В то же время он внес весомый вклад в общее развитие светской литературы. Под ее влиянием в конце XIV в. и первой половине XV в. появилось несколько произведений жанра «наме». Одной из первых была «Латофатнаме» («Книга о красоте») Камала Худжанди²². До нас о нем дошло немного сведений. Некоторые детали, содержащиеся в самой книге, дают нам общее представление о времени, в котором жил поэт, и обстоятельства ее создания.

²¹ Например, художественные («Синдбаднаме»), художественно-исторические («Зафарнаме», «Шейбанинаме» Мухаммада Салиха), историко-политические («Сиасетнаме» Низамул-мулька, «Акбарнаме», «Шейбанинаме» Баяни, «Убайдулланаме» Мухаммада Амина Бухари, «Абдулланаме» Хафиза Таниша, «Сельджукнаме» Язижа оглы Али), мемуарно-исторические («Бабурнаме», «Хумаюннаме» Гульбаданбегим) и поэтические «наме» лирического или лиро-эпического характера.

²² Худжанди. Латофатнаме. Ташкент. 1976.

«Латофатнаме» написана в форме ответа на «Мухаббатнаме» Хорезми. Ее традиционная начальная часть содержит хвалебное посвящение местному правителю Махмуду Тархану, по-видимому, одному из правителей Золотой Орды и Хорезма первой четверти XV в. Исходя из этого, годы жизни Худжанди предположительно можно определить как конец XIV—начало XV в. Как подчеркнуто в начальной части «Латофатнаме», она написана в виде десяти посланий вслед за «Мухаббатнаме» Хорезми. Однако между обоими произведениями существуют определенные композиционные различия. В частности, если в «Мухаббатнаме», помимо посланий в форме месневи, встречаются также газели и кытъя, а каждое послание завершает лирическое отступление — обращение к виночерпию объемом в три бейта (лишь после четвертого наме — четыре бейта) в форме месневи, то в «Латофатнаме» этого нет: в нем и традиционные части, и все «наме» написаны в форме месневи; заключительные двустушия, обращенные к виночерпию, имеют характер лирического отступления.

Почти все наме обращены непосредственно к возлюбленной (и лишь четвертое наме — к ветру). Основное место в них занимает подробное гиперболическое описание внешнего облика и духовных качеств возлюбленной. В большинстве случаев лирические переживания влюбленного даются параллельно этим описаниям, иногда же им посвящаются специальные бейты, завершающие описание. Глубинный смысл произведения — призыв к радостям жизни, гимн человеческой красоте, чистой любви и верности. Влюбленный — один из центральных образов произведения — это жизнелюбивый рыцарь, готовый к любым испытаниям во имя своей любви.

Идейный замысел поэта чаще всего находит выражение в раздумьях этого героя. Например, каждое наме включает следующие бейты:

Приди, о виночерпий, принеси чистого вина,
 Ублажи сердца несчастных.
 Приди, о виночерпий, подай чашу Джамшида,
 Все проходит в этом мире, лови этот миг.

Некоторые высказывания позволяют судить об общественно-философской позиции автора. Например,

таковы лирико-философские размышления автора о любви, ее месте в жизни человека:

Какая польза от того, у кого нет любви?
У кого нет возлюбленной, у того — тело без души.
Откуда знать невежде о любовной страсти,
Божественная она или земная?

По мысли поэта, настоящий влюбленный проверяется не на словах, а на деле; он должен быть рыцарем, всегда готовым принести себя в жертву любви:

Человек, не жертвующий жизнью для возлюбленной,
Ясно показывает, что он не влюбленный.
Если ты влюблен, никогда не говори об этом,
Принеси себя в жертву и отрекись от души.

В произведении есть несколько бейтов социального содержания, свидетельствующих о том, что поэт был поборником справедливости, его поэзия защищала права простого народа:

Ты сразу же забыла клятву верности,
Ты у небосвода училась ли жестокости?
Если ты желаешь царствовать в мире,
Радуй сердца бедных.

Хотя в настоящее время не известны другие произведения Худжанди, одного «Латофатнаме» достаточно для вывода о том, что ее автор был талантливым художником слова, внесшим достойный вклад в развитие светской литературы на узбекском языке.

* * *

Один из оригинальных образцов жанра «наме» на узбекском языке — «Дахнаме» («Десять посланий»), принадлежащее перу Амири, талантливого поэта и прозаика первой половины XV в., создававшего свои произведения на узбекском и персидском языках. В настоящее время, помимо его стихотворной книги «Дахнаме», известны также «Диван» и прозаическое произведение «Спор вина и опиума» («Чогир ва Банг мунозараси»). «Дахнаме» написано в 1429—1430 гг./833 г. х. и посвящено сыну Шахруха, брату Улугбека, Байсунгуру Мирзе, одному из просвещенных правителей своего времени.

По духу и характеру, по поэтике «Дахнаме» отличается от произведений Хорезми и Худжанди, о которых шла речь выше. Если последние — это лирические

произведения, состоящие из посланий влюбленного к возлюбленной, то у Амири — это лиро-эпическая книга с определенной сюжетной линией, включающая в себя не только письма влюбленного, но и ответные послания возлюбленной. В заключительной части книги влюбленный удостоивается свидания с возлюбленной, уступившей его горячим просьбам встретиться и побеседовать с ним.

Как и у Хорезми, каждое наме Амири сопровождается газелью и заключительным двустишием. Авторы объясняют мотивы, побудившие их создать свои произведения. Для наме не чужды элементы психологизма в изображении чувств и мыслей персонажей. Для языка и стиля произведения характерно использование народных выражений, пословиц и устойчивых поэтических образов, омонимов и синонимов, разнообразных поэтических средств и приемов. Являясь образцом жанра «наме», «Дахнаме» в то же время содержит и отдельные элементы жанра дастана. В частности, не случайно в заключительной части «Дахнаме» автор выражает надежду, что оно обретет столь же широкую известность, как «Пять сокровищ» («Хамса») великого Низами.

* * *

«Таашшукнаме» («Книга любви») была написана под влиянием «Мухаббатнаме» Хорезми. Ее автор Сайид Ахмад, сын Мираншаха, внук Тимура, правил в Хорасане. В «Собрании избранных» («Маджолисуннафонс») Алишер Навои писал, что Сайид Ахмад был двуязычным поэтом и плодотворно занимался поэзией на узбекском и персидском языках. Как пишет Навои, «Сайид Ахмад Мирза был человеком здорового нрава и ясного ума. У него есть весьма известные стихи. В его диване имеются газели и месневи как тюркские, так и персидские...»²³ Далее Алишер Навои приводит в качестве примеров по одному бейту из стихотворений Сайида Ахмада на тюркском и персидском языках.

Своими лирическими стихотворениями и «Книгой любви» Сайид Ахмад внес вклад в узбекскую и персидскую литературы. Следует отметить, что «Книгу любви» поэт написал в 1435 г./839 г. х. всего за семь дней.

²³ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 9. Ташкент. 1970.

Само произведение состоит из традиционного вступления, посвящения, заключения и десяти наме. Последние написаны в форме месневи, сопровождаются газелью (5—7 бейтов) и заключением, в котором выражается эмоциональное отношение поэта к описываемому.

Главное содержание наме — изображение пламенной любви и верности влюбленного, его душевных переживаний, вызванных высокомерием и равнодушием любимой. В посланиях все изобразительные средства подчинены описанию красоты возлюбленной. Эти похвалы перемежаются сетованием влюбленного на свою горестную участь. Иногда о страданиях неразделенной любви автор пишет после хвалы в честь жестокой красавицы. Например, четвертое наме начинается так:

О стройная, как кипарис, с лицом подобным розе.
У тебя глаза, как у джейрана, а родинка черна, как мускус.
Твои бедовые глаза, о земная гурия, приносят сотни
тысяч бед.
Твои соединяющиеся брови терзают мое сердце.

После этих поэтических гипербол и сравнений следуют жалобы возлюбленного на жестокость красавицы его мольбы о внимании и снисхождении:

Смилюсь тебе надо мной, ради бога,
Знай, я умру от печали к тебе,
Если я умру, вспомни, приди на мою могилу,
Пусть хоть один твой взгляд упадет на нее.
Если это случится, я даже из могилы отвечу
Тебе стенами страданий.

Во всем произведении выдержан высокий стиль изложения, отличающийся разнообразием ярких сравнений, эпитетов, гипербол, омонимов. Характерно также параллельное использование тюркских и персидских слов и выражений.

Следует отметить, что Сайид Ахмад в определенной мере способствовал развитию жанра «наме» и светской литературы в целом.

В заключение следует сказать, что произведения типа «наме», возникнув в середине XIV в. вскоре превратились в самостоятельный жанр узбекской литературы. Нам известны четыре зрелых произведения этого жанра, созданные в течение следующего столетия. Все авторы, пробовавшие силы в данном жанре, писали на

двух языках. Таким образом, в жанре «наме» тесно переплелись и нашли выражение традиции тюркской и персидской литератур:

Ранние наме, написанные на узбекском языке, с одной стороны, явились важным вкладом в развитие узбекской светской литературы, с другой — представляют большую ценность как первые образцы жанра «наме» общетюркской литературы.

ХОРЕЗМИ

Хорезми — один из крупнейших представителей узбекской светской литературы XIV в. Однако литературное наследие этого плодовитого художника слова до настоящего времени полностью не выявлено и не изучено²⁴. Сведения о его жизни и творчестве скудны и ограничиваются лишь некоторыми фактами, содержащимися в его произведении «Мухаббатнаме», а также в «Латофатнаме» Худжанди, написанном под его влиянием. В частности, в «Мухаббатнаме» автор упоминает о правителе, побудившем его написать это произведение, о месте и времени его создания:

В тот вечер, когда показалась праздничная луна,
Мумаммад Ходжабек, владыка государства,
Приказал, и на холме был разбит шатер,
Принесли бокалы и начался пир...
...Он улыбнулся и сказал:
«Принеси нам подарок, достойный нас,
Много жемчугов в море твоего сердца,
В мире много книг твоих на фарси.
В лирических стихах ты превзошел многих,
(Своим) сладкозвучным языком ты покори́л мир.
Я хочу, чтобы ты на нашем языке
В эту зиму книгу написал при мне.

После этого следует объяснение названия будущего произведения («Мухаббатнаме») — месневи, посвященного восхвалению Мухаммада Ходжабека, газель и, на-

²⁴ Самойлович А. Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али-Шир. Л. 1929; Касымов С. Хоразмий ижоди. Автореф. дис. ... канд. филол. наук Ташкент. 1950; Щербак А. М. Огузнаме. Мухаббатнаме. М. 1959; Хорезми. Мухаббатнаме / Изд. текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджиба. М. 1961 (примеры будут приводиться из этого издания с нашими уточнениями); Исхаков Я. Хоразмий // Узбек адабиёти тарихи. I т. Тошкент. 1977.

конец, основная его часть. В послесловии к «Мухаббатнаме» также содержатся биографические сведения:

Здесь я сказал слова Мухаббатнаме,
Все это я написал на берегу Сыра....
Это произведение получилось (прекрасным),
как египетский сахар,
Завершено в семьсот пятьдесят четвертом году....

Следовательно, «Мухаббатнаме» написано в 1353/754 г. х., в одном из городов на берегу Сыра (в научной литературе принято считать, что это город Сыгнак) по поручению Мухаммада Ходжабека, правителя при золотоордынском хане Джанибеке (1342—1557). Произведение посвящено молодому правителю Мухаммадходже (сыну Улугтемира), правившему определенной территорией при сыне Узбекхана Джанибекхане.

В настоящее время известны лишь две рукописи «Мухаббатнаме», хранящиеся в Британском музее. Одна из них переписана уйгурским письмом в 1432 г./835 г. х., вторая — арабским в 1508 г./914 г. х. В этих списках в некоторых полустихиях или бейтах есть определенные разночтения, отдельные лексические отличия.

Почти все издания «Мухаббатнаме», а также посвященные ему научные исследования, исходят из списка, переписанного арабским письмом. В нем есть одиннадцатое послание (в сущности, сказание), отсутствующее в уйгурском списке. Однако оно стоит особняком, будучи логически не связано с основным содержанием произведения. В то же время в вступительной части произведения автор указывает, что его структуру составляют 10 посланий, из которых два написаны на персидском языке:

За этим столом объявляю всем,
Что сделаю Мухаббатнаме из десяти писем.
А две главы напишу на фарси,
Ибо многознающему идет атласный халат.

Кроме того, и Худжанди подчеркивает, что его «Латофатнаме», будучи ответом на «Мухаббатнаме», также состоит из 10 посланий. Следовательно, во второй половине XIV или в начале XV века, т. е. во время создания «Латофатнаме», было известно, что «Мухаббатнаме» состоит из 10 посланий. Учитывая, что речь

шла о варианте, наиболее близком к авторскому, следует считать включение одиннадцатого послания неправомерным.

В целом произведение имеет следующую структуру: традиционное введение — посвящение, т. е. изложение причин, побудивших автора написать данное произведение, указание места создания его, панегирик Мухаммадходже, рассказ о себе, вставные газели (три на узбекском, одна на персидском языках). Основная часть представляет собой послания и своего рода лирические отступления в форме небольших месневи. Заключительная часть произведения — муножат (обращение к богу), кытъя, заключительное слово, сказание на персидском языке.

Основу произведения составляют послания влюбленного к возлюбленной. Почти все они начинаются с обращения к ней, и лишь второе послание написано в форме обращения к утреннему ветерку (зефиру). В посланиях, обращенных к возлюбленной, главную роль играет ее поэтический портрет и похвала в ее адрес, а переживаниям лирического героя, его жалобам уделяется меньше внимания, во втором же послании лирическая исповедь героя — на первом плане. Вот характерный отрывок из одного послания:

Он читает шестое письмо —
 О лунолика, стройная, как кипарис!
 Твоя красота украшает мир, как солнце...
 Твои зубы — жемчуг в драгоценном ларце твоих губ,
 Твое лицо — солнце в созвездии луны твоих бровей,
 Откуда невежде знать тебе цену?
 Вадь цену жемчуга не узнает слепой
 (ослепленный тобой)...

На пути любви я согнулся под тысячью несчастий,
 Став мотыльком, мое сердце стремится к тому пламени.
 Ты знаешь, что дни гленны,
 Почему же в мучениях ты переходишь все границы?
 Я люблю свои глаза, потому что они видят тебя.
 Я брожу по земле, чтобы видеть твой след...
 Ты цветок, я — соловей, поющий над тобой, твой раб,
 Так и Хорезми всегда останется твоим рабом!

После каждого послания следует месневи из трех бейтов. Это своего рода лирические отступления, выражающие эмоциональное отношение автора к описываемому и заключающие определенную часть повествования. Третий бейт повторяется во всех этих месневи.

Можно считать, что семантическая структура приведенного выше послания отражает общий характер всего произведения. Она связана, прежде всего, с описанием и восхвалением любимой, отношением к ней влюбленного. И завершается поэтической сентенцией назидательного характера. Все это выражено в форме непосредственного обращения к возлюбленной.

В месневи эмоциональное отношение поэта и его философское заключение выражены в традиционной форме обращения к виночерпию. Каждое послание, в сущности, может быть разделено на две части — коммуникативную и эмоциональную. В большинстве случаев они даны параллельно друг другу. Основная тема произведения, как это следует уже из его названия, — прославление чистой любви, ее самоотверженности, человеческой красоты; призыв к радостям реальной жизни; поэтическое выражение переживаний поэта, умеющего глубоко осмыслить жизненные закономерности. Наряду с восхвалением возлюбленной и описанием переживаний героя послания содержат в форме миниатюрных бейтов раздумья поэта о многих других жизненных проблемах (философских, общественных и т. п.). Эти бейты, будучи обращенными к возлюбленной, вместе с тем носят и назидательный характер. К подобному роду относятся многие бейты посланий. В приводимом бейте ярко выразилась авторская концепция любви:

Иди, ибо если ты истинно влюбленный,
Ты достигнешь цели в земной любви.

Таким образом, поэт не противопоставляет реальную земную любовь божественной. Более того, он, видимо, считает реальную земную любовь одной из ступеней на пути к любви божественной. Это было прогрессивным явлением для той эпохи, поскольку подобная идейная позиция в условиях средневекового господства религии открывала путь к возвеличиванию и прославлению реальной жизни, подлинной человеческой красоты и земных радостей. В центре всех посланий — поэтическое описание возлюбленной и выражение переживаний влюбленного. В описании достоинств любимой поэт использует все возможности традиционного гиперболического изображения. Превознося ее внешние качества, он не оставляет без внимания и ее духовный мир:

Ты — победительница страны изящества,
 Душой ты так же прекрасна, как и телом.

По мнению автора, подлинная красота предполагает соответствие внешних и душевных достоинств. Именно такой гармоничной личностью представляется ему возлюбленная. Все послания «Мухаббатнаме» написаны от лица лирического героя-возлюбленного. Поэтому его характер выражен в самих посланиях. Это — страстный влюбленный, считающий за счастье любой знак ее внимания, рыцарь, готовый к любым испытаниям во имя верности своей любимой.

Глубокие размышления лирического героя о любви, о жизни создают образ влюбленного — гармоничного, совершенного, чистого человека.

Несмотря на то, что «Мухаббатнаме» в основном посвящено теме любви, и сами послания, и месневи-лирические отступления содержат строки философско-дидактического и общественно-политического характера. Поэт сожалеет о бренности жизни, как источника всего прекрасного, но не впадает в пессимизм, а, подобно Омару Хайяму, отстаивает необходимость как можно более полно наслаждаться всеми благами прекрасной жизни.

Однако последовательно утверждая непреложность законов жизни, поэт вовсе не призывает к свободному и беззаботному ее расточению. Он приходит к философским идеям, выражающим демократические и гуманистические идеалы деятельности на благо человека. Обобщающий характер носят бейты, обращенные к Мухаммадходже:

О джигит, пей вино, вкушай сладости,
 После сегодняшнего дня живи еще сто пятьдесят лет!
 Пей глоток за глотком радости и наслаждения,
 Затумань вином разум.

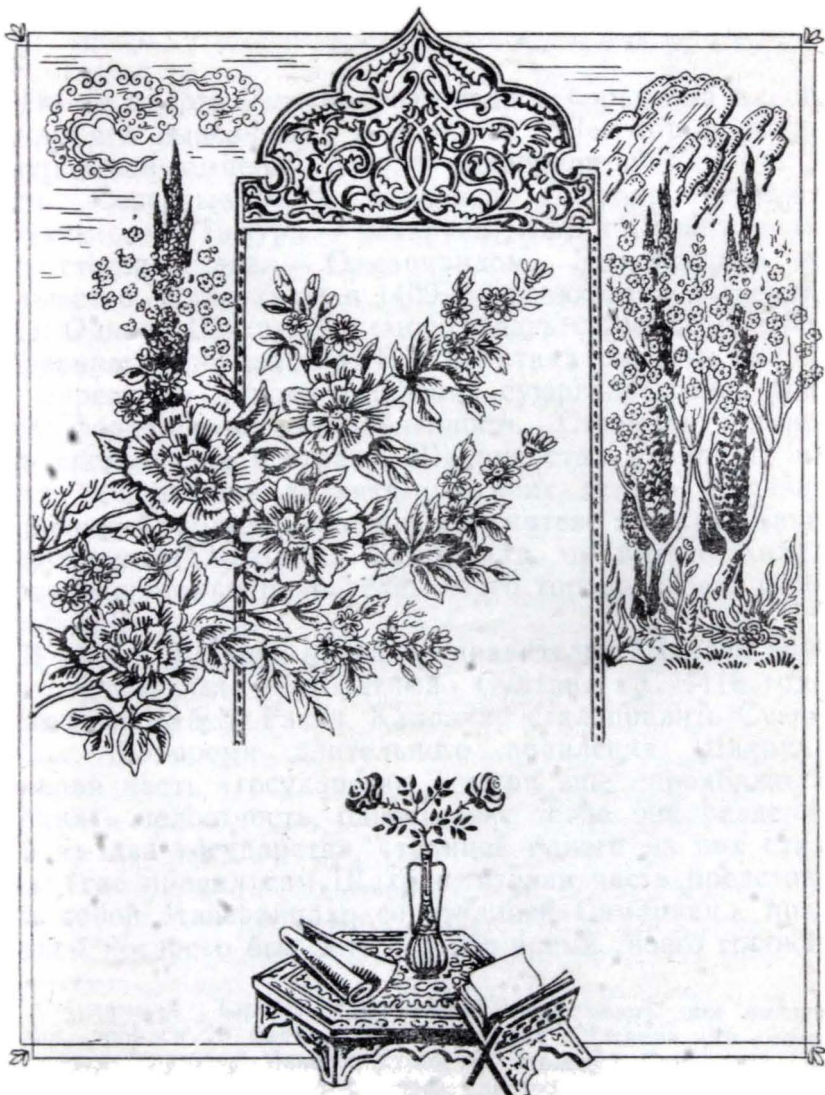
Ведь так непостоянен этот мир,
 Не вечен он для человека.
 Окажи милость и прояви заботу о народе,
 Всегда будь веселым и счастливым!

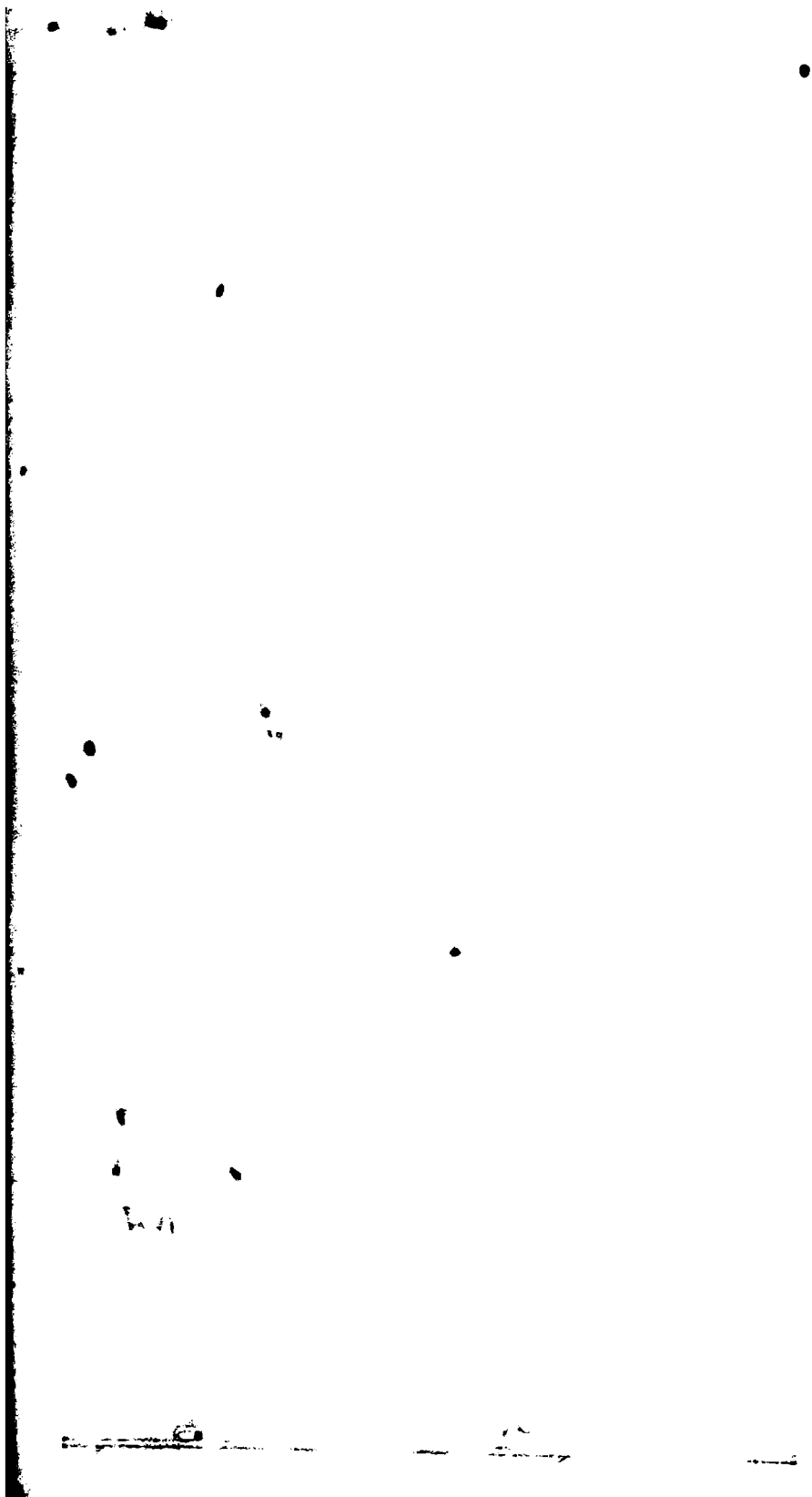
Образ вина в «Мухаббатнаме» толкуется как символ радости, как средство избавления от мук разлуки и сомнений. Стиль «Мухаббатнаме» в соответствии с его жанровыми особенностями приподнято возвышенный. Широкое использование различных метафорических средств и поэтических фигур (аллегии, сравне-

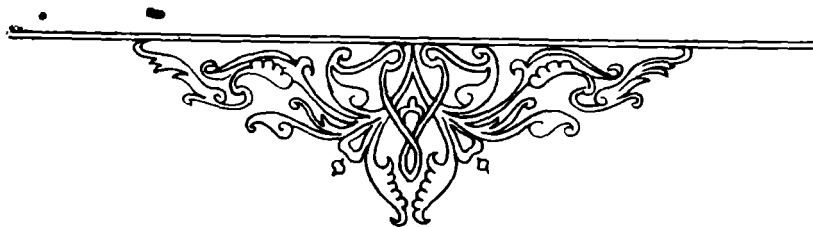
ния, омонимы и т. д.) свидетельствует о достижении автором вершин поэзии его времени. Неоднократно используя канонизированные поэтические средства, он стремится обогатить их новыми стилистическими элементами. Возвеличивание человеческой личности, утверждение ее тесной связи с реальной жизнью, выдвижение ее на передний план как высшей ценности, гуманистический пафос в условиях средневековья позволяют считать «Мухаббатнаме» одним из наиболее ранних и прекрасных образцов узбекской средневековой литературы. Вместе с тем это произведение как первый образец наме на тюркском языке открывает путь для последующего развития этого жанра.

*Культурная и литературная
жизнь первой половины XV века*

После смерти Тимура разгорелась борьба за власть между его сыновьями и внуками. Некоторые уделы тимуровской империи вскоре приобрели самостоятельность. Северные части Хорасана и Ирана оказались в руках сына Тимура — Шахруха; Халил Султан овладел столицей деда — Самаркандом. Это вызвало недовольство Шахруха, и в 1409 г. он захватил Мавераннахр. Однако Шахрух не смог создать сильного централизованного государства. Его политика раздачи вилайатов царевичам и предоставления суюргалов лишь усилила феодальную раздробленность. Стремясь установить спокойствие в стране, Шахрух стал назначать на места управления вилайатами своих детей. Подавив движение Худодода, поднявшего мятеж в Туркестане, и предприняв поход на Самарканд, он вместо Халил Султана поставил правителем этого города своего сына Улугбека¹.

В 1414 г. Шахрух назначил правителем Ширази другого своего сына — Ибрагима Султана. С 1418 года вилайатами Кабул, Газна, Кандахар стал править Суюргамыш. Во время длительного правления Шахруха основная часть государства Тимура еще продолжала сохранять целостность, однако уже тогда она разделилась на два государства, столицей одного из них стал Герат, где правил сам Шахрух, вторая часть представляла собой Мавераннахр со столицей Самарканд, правителем которого был Улугбек. Во время своего сорока-

¹ Мухаммад Тарагай, получивший известность под именем Улугбек, родился 22 марта 1394 г. в городе Султанин. До совершеннолетия Улугбека Мавераннахром со столицей Самарканд от его имени правил шах Малик. Через два года (1411 г.) Улугбек сам начинает управлять страной.

летнего правления Улугбек лишь номинально подчинялся Шахруху. Он самостоятельно решал вопросы не только внутренней, но и внешней политики. Как Шахрух, так и Улугбек, самостоятельно принимали иностранных послов и имели своих послов в разных странах.

Во время правления Улугбека Мавераннахр (и особенно Самарканд) еще более укрепил свое экономическое и культурное положение. В городах и селах хорошо развивались ремесла, торговля. Однако материальная, духовная жизнь народа была чрезвычайно сложной. Трудовой народ, составляющий абсолютное большинство, должен был платить многочисленные налоги: хирадж (поземельный), таваджухоти хориджи (чрезвычайный), аворизод (другой вид чрезвычайного налога), саршумор (подушная подать), зобидона (налог в пользу администрации), доругона (налог в пользу составителей окладных листов), миробона (налог в пользу мираба), мукассилонна (налог в пользу сборщиков налога), сохиб джаллинона (налог в пользу чиновников по учету урожая); улаг (налог на повинность в пользу государства или землевладельцев)².

Ослаблению государства Тимуридов в значительной степени способствовала система суюргал, согласно которой землевладельцы освобождались от налогов в пользу государства и могли произвольно облагать налогами своих подданных. Землевладельцы, наделенные такими привилегиями, стремились к политической самостоятельности, что вызывало междоусобные феодальные войны. Кроме владельцев суюргалов, от налогов освобождались и тарханы, обладатели крупных состояний. По сведениям Захириддина Мухаммада Бабура, у Тархана Абдуали было три дворца и три тысячи воинов. Как сообщает Ас-Сафи в книге «Рашахот»³, Ходжа Ахрор был владельцем свыше 1300 участков земли.

Ходжа Ахрор был одним из влиятельнейших руководителей реакционного духовенства, имевший к тому же огромный вес и в государственных делах. Перечисление его огромных богатств, разоблачение экономи-

² См.: Фуломов Я. Г. Алишер Навоийнинг даврини ўрганиш ҳақида//Улуғ ўзбек шоири. Тошкент. 1948. 19—20-бетлар.

³ Рашахот. Рук. фонда ИВ АН УзССР. Инв. № 100.

ческого и духовного гнета людей содержится в анонимной книге «Манокиби Ходжа Ахрор»⁴.

Тяжелое положение трудящихся в то время вызывало частые народные восстания, которые жестоко подавляли. По данным Васифи, восставших подвергали мучительным наказаниям: сажали на кол, отпиливали головы, сдирали с живых кожу и т. п.

Феодальное общество того времени раздирали внутренние противоречия. Однако оживление экономических связей, относительный рост торговли и ремесла, применение искусственноорошаемого земледелия, появление крупных городов в определенной мере способствовали развитию культуры. Передовые представители науки, несмотря на сильное противодействие феодально-клерикальной реакции, своими замечательными научными открытиями вносили значительный вклад в развитие общества. В этот период в крупных культурных центрах, в частности в Самарканде, Герате, Андижане, Балхе и Бухаре, жили и творили многие ученые, деятели искусства, поэты.

В культурной жизни Самарканда большую роль сыграл Улугбек, во время правления которого особое развитие получили естественные науки, прежде всего астрономия. Выдающиеся достижения в этой области были связаны с именами Улугбека, Казизаде Руми, Джамшида, Али Кушчи.

Среди общественных наук заметное развитие получила история. Были созданы такие произведения, как «Удивительные события из жизни Тимура» («Ажойиб ал-мақдур фи ахбори Темур») Ибн Арабшаха, «Книга побед Тимура» («Зафарномаи Темури») Низамиддина Шами, «Летопись о походе на Индию» («Рузномаи ғазовоти Хиндустон») Гиясиддина Али и «Книга побед» («Зафарнома») Шарафиддина Али Язди, «Сливки летописей» («Зубдат-ут-таворих») Хафиза Абру, «Место восхода двух счастливых созвездий и место слияния двух морей» (Матла-ус-саъдайин ва мажда ус-бахрайин) Абдураззака Самарканди и др. Однако в большинстве этих трудов исторические события изображены наравне с религиозными, легендарными; в них

⁴ Манокиби Хужа Ахрор. Рук. фонда. ИВ АН УзССР. Инв № 1883.

преувеличивается значение деятельности феодальных правителей.

В этот период значительных успехов достигли каллиграфия, искусство миниатюры. Улугбек способствовал развитию науки, литературы и искусства. Он завершил начатое еще при Тимуре строительство мечети «Бибиханум». При нем был сооружен и портал «Гур-Эмир», возведен мавзолеей знаменитого ученого Казизаде в ансамбле Шахизинда. Недалеко от города он построил «Боги майдон» — площадь, предназначенную для проведения различных празднеств, торжеств, научных встреч, бесед и дискуссий; были возведены прекрасные дворцы «Чихил сутун» и «Чиннихона», ряд медресе в Бухаре, Гиждуване, Самарканде и других городах. Самым крупным и величественным среди этих архитектурных сооружений было медресе Улугбека в Самарканде, построенное в 1417—1420 гг.⁵ В результате наблюдений Улугбек собрал огромный материал, изучил положение и движение 1018 звезд, создал многие астрономические труды. Наибольшую известность получили астрономические таблицы «Зичи Курагоний». Улугбек интересовался литературой и искусством. По некоторым сведениям, он часто читал «Хамсу» Низами, сам сочинял стихи и мелодии к ним. Среди родственников Тимура он выделялся своими незаурядными способностями, талантом ученого. Реакционные круги, недовольные его политикой, стали готовить заговор против него. 27 октября 1449 г. он был отстранен от власти честолюбивым сыном Абдуллатифом и зверски убит.

Несмотря на сложность и трудность общественной обстановки, развитие культуры продолжалось.

В этот период в научной и культурной жизни Хорасана и Мавераннахра важную роль играли многие известные ученые, поэты и писатели. В Самарканд приезжали учиться люди из разных городов и краев. Среди них был и Абдуррахман Джамии, бравший во время своего пребывания в Самарканде уроки у Казизаде Руми, Фазлуллаха Абуллайси и др. Тогда же здесь трудились Мавляна Мир Карши, Хитаи, Мавля-

⁵ По сведениям М. Е. Массона, оно было построено в 1425 г. См.: История народов Узбекистана. Ташкент. Т. 1. С. 377.

на Бадахши и др. Крупными литературными центрами были также Бухара и Хорезм. В частности, в Бухаре жили Ходжа Исмадулла Бухари и его ученики Мавляна Хаяли и Мавляна Кавсари.

Среди хорезмских поэтов Алишер Навои назвал Ходжу Абдулвафо Хорезми, Мавляна Хусайн Хорезми, Нурсандбека, Мавляна Хайри, причем особое внимание уделил первым двум. Давая сведения об этих поэтах, Навои приводит и образцы их творчества.

В городах, о которых шла речь, жило немало тюркоязычных поэтов; Навои в тазкире приводит образцы из творческого наследия Лутфи, Юсуфа Амири, Якини, Атои, Мукими, Камоли, Латифи, Саккаки, Согди, Мир Саида, Махбуби, Гадон, Карими, Каландара, Мухаммада Али, Мирзы Алибека и др.

Одним из замечательных поэтов того периода был Хафиз Хорезми. Однако в «Собрании избранных» Алишера Навои о хорезмском поэте Хафизе сведений нет. Ничего не знали о нем широкие круги любителей тюркоязычной поэзии того периода. Археографическая экспедиция Государственного литературного музея им. Алишера Навои АН УзССР (ныне Институт рукописей АН УзССР) обнаружила в Индии, в фондах музея Саларжанг, полный диван Абдурахима Хорезми (инв. 4298) и таким образом обогатила историю узбекской литературы знаниями еще об одном поэте. Специалисты считают, что он жил во второй половине XIV — первой половине XV в. В его диване представлены замечательные образцы многих поэтических жанров, в частности касыды, таркиббанд, таржебанд, мухаммас, марсия, газель, мустазад, кытъя, рубан.

Ведущее место в диване Хафиза занимает газель (1052 газели, всего в диване 18632 бейта). Хафиз Хорезми выражал взгляды передовых людей своей эпохи; он воспевал человеческое счастье, земные радости, чувства и переживания, мечты и чаяния своих современников. Он представлял прогрессивную светскую литературу в ряду таких ее выдающихся деятелей, как Атон, Лутфи, Саккаки, Дурбек, Хайдар Хорезми и др.

Хайдар Хорезми жил и творил во второй половине XIV — первой четверти XV в. Мы не располагаем полными сведениями о его жизни. Лишь некоторые отрывочные данные о нем содержатся в отдельных таз-

кира и литературоведческих трудах. В частности, в «Тазкиратуш-шуаро» Давлатшаха Самарканди о Хайдаре Хорезми говорится следующее: «При Султане Искандере из числа достойных людей были Мавляна Муиниддин..., из поэтов — Мавляна Хайдар, у которого имеются прекрасные тюркские и персидские стихи, а также посвященное амирзаде Искандеру ответное произведение на «Сокровищницу тайн» («Махзанул-асрор») Шейха Низами, написанное на тюркском языке»⁶. Эти сведения подтверждают и данные Навои в его «Собрании избранных». Однако до настоящего времени не обнаружены образцы лирического творчества этого талантливой поэта. До нас дошла лишь его философско-дидактическая поэма «Махзанул-асрор»⁷.

Произведение написано в подражание поэме Низами Гянджеви «Сокровищница тайн». В ряде случаев автор включил новые притчи; сам поэт пишет об этом так:

Я приготовил это приятное блюдо,
Придав ему вкус стихов Шейха Низами.
Его дыхание вдохнуло в меня душу,
Его мысли вдохновили меня (на мой труд).

Однако произведение Хайдара Хорезми существенно отличается от поэмы Низами. Если у Низами оно состоит из 59 глав (2244 бейта), то у Хайдара — 23 главы (615 бейтов). Основная часть первой поэмы включает 41 главу, соответствующая часть второй — 16.

После традиционных глав, связанных с прославлением бога и пророков, Хорезми поместил специальную похвалу слову, которое он характеризует как средство выражения мысли человека, его достоинств или недостатков. Он рассматривает слово в неразрывном единстве его значения и формы, раскрывает непреходящую ценность содержательного слова:

Тот, кто знает цену жемчугам слова,
Догадается об имени того, кто сложил стихи (эти).
Именно в слове выражается умение прозорливости (поэта).
Так зоркий глаз различает то, что озарено лучами (солнца).

⁶ Давлатшоҳ Самарқандий. Тазкиратуш-шаро. Рук. фонда ИВ АН УзССР Инв. № 2119.

⁷ В отдельных источниках это произведение Хайдара Хорезми называется «Гулшани асрор» («Цветник тайн»).

Когда драгоценная жизнь придет к концу,
Именно слово останется в мире наследием (поэта).

В этих словах отразились эстетические воззрения поэта.

Когда садовник усердно возделывает свой сад,
Сад вновь расцветает и плодоносит.

Особое значение поэт придает такому важному фактору в человеческой жизни, как опыт, и призывает молодых брать пример с опытных людей:

У того, кто всерьез не занимался делом,
Ничего дельного не получится.
О собеседник, каждому мужу нужен опыт,
Только опыт может быть наставником мужчины.

Хайдар Хорезми особо подчеркивает, что лучшие достоинства человека — правдивость и прямота:

Будь правдив, говори одну только правду,
Прямому дереву не грозит топор.

В истории узбекской литературы автор «Махзанул-асрор» Хайдар Хорезми получил известность как мастер коротких рассказов, в которых сумел поднять большие и важные проблемы, создать характерные образы и портреты. В этом отношении особого внимания достойна притча о вдове и купце. В ней автор воссоздал реалистическую картину общественной среды своего времени, разоблачая лживость и корыстолюбие купцов.

Привлекает внимание глава поэмы «Описание состояния автора», где поэт жалуется на свою тяжелую жизнь:

Несколько дней я разделял ложе с печалью,
Лишь она была моей подругой и собеседницей в это время,
Слезы моих глаз были вином, сердце — кебабом,
Только боль питала мою душу, мои стенания были
Подобны звукам рубаба.

В основной части «Махзанул-асрор» поэт выдвигает прогрессивную в условиях того времени идею централизованного государства и справедливого царя, выражает передовые воззрения на мораль, призывает людей к самоусовершенствованию, к работе на благо общества, учит быть благородными и заслужить уважение людей, осуждает скупых и черствых людей:

Богат не тот, у кого есть деньги,
Бедняк богат своим благородством.

Человек должен быть щедрым,
Ученый и неуч — благожелательным.

Одна из наиболее примечательных особенностей поэмы — прославление труда и тружеников: «Мужу следует в труде находить удовлетворение, лишь тогда он обретет бодрость». Особенно высоко ценит автор труд дехкан:

Знай, пока дехканин не прольет пот,
Народ не вкусит блага пищи.

Хорезми противопоставляет низости и подлости благородство и честность, призывает людей к состраданию и щедрости:

Если на твою долю выпадет хоть полчашки пищи,
Поделись ею с несчастным и нищим.

Поэма Хайдара Хорезми «Махзанул-асрор», с одной стороны, стала вкладом в укрепление узбекско-азербайджанских литературных связей, а с другой — способствовала развитию узбекской литературы и узбекского литературного языка, появлению таких выдающихся художников слова, как Навои.

В период правления Тимуридов среди литераторов было немало женщин, создававших художественные произведения. В частности, по сведениям из «Собрания избранных», многих поэтесс дал род Ансори, старшая из них писала стихи под псевдонимом Бедили. В первой половине XV в. известной поэтессой своего времени была Мехри⁸.

Произведения на тюркском языке создавались также в Балхе, Мешхеде, население которых, в основном, было тюркоязычным. Однако главными центрами тюркоязычной поэзии являлись Самарканд и Герат. Среди талантливых гератских поэтов, писавших стихи на персидском языке, следует назвать Сахиба Балхи, Мавляна Джунуни, Мавляна Арифи и др.

Сахиб Балхи приобрел известность не только как поэт, но и как музыкант; Мавляна Джунуни просла-

⁸ Как сообщают Фахри Герати, Мухаммад Казвини, осуществившие персидский перевод тазкиры Алишера Навои «Собрание избранных», Мехри Шахрух была женой придворного лекаря Мавляна Хакима Табиби. Многие ее стихотворения были написаны в подражание Хафизу Ширази.

вился своими сатирическими произведениями; автор мунозары «Гуй и Чавган» Арифи был известен в Герате как мастер касыды. Современники называли его «Вторым Салманом».

В этот период в Самарканде возник большой интерес к древней тюркской литературе. В 1444 г. по указанию одного из культурных и просвещенных людей своего времени Арслана Ходжи Тархана заново было переписано староуйгурским письмом произведение Ахмада Югнаки «Дары истины». Арслан Ходжа Тархан покровительствовал многим поэтам, художникам, ученым, искусным ремесленникам того времени. В этот период в Герате и Самарканде растет интерес и к арабской филологии, поэтике, философии. Что касается Самарканда, то он прославился и своими певцами и музыкантами.

Узбекская письменная литература этого периода характеризовалась острой борьбой между двумя направлениями: реакционным феодально-клерикальным и прогрессивным светским. Относительное укрепление хозяйственной жизни, оживление культуры, рост недовольства народа феодальным гнетом плодотворно влияли на развитие светской литературы⁹.

Светская литература прошла два этапа в своем развитии. На первом этапе она, еще ограниченная в идейно-тематическом отношении, была весьма далека от того, чтобы достаточно глубоко и всесторонне отражать интересы народа. Она выражала мировоззрение светских слоев феодального общества, которым в той или иной мере были присущи прогрессивные устремления и которые были заинтересованы в хозяйственном и культурном развитии страны. Поэтому они стремились к расширению возделываемых земель, развитию орошения, оживлению внешней и внутренней торговли.

Светские феодалы стремились приобщаться к знаниям, наукам, а наряду с этим — к накоплению богатства, развлечениям и увеселениям в повседневной жизни. Им были чужды настроения, связанные с аскетизмом и отрешением от жизни, ее радостей, следовательно, их интересы не совпадали с тенденциями религиоз-

⁹ Об этом см.: Маллаев Н. М. Узбек адабиёти тарихи. Тошкент. 1963. 241—247-бетлар.

но-мистической литературы, проповедовавшей отказ от мирской жизни. Феодалу была ближе литература, воспевающая земную жизнь, ее красоту, радости и наслаждения. Поэтому формировавшейся на основе этих потребностей литературе была присуща определенная идейно-тематическая ограниченность в начальный период ее развития. Она еще не могла поднимать и решать многие насущные вопросы, волновавшие общество того времени, выражать интересы и чаяния трудящихся масс. Однако несмотря на эту ограниченность, светская литература уже в начальный период развития объективно представляла прогрессивное явление, ибо по сущности противостояла реакционно-мистической литературе, отрицавшей реальную действительность. Религиозно-мистическая литература воспевала рай, гурий, светская обращалась к земной жизни, учила любить ее.

* * *

Возникновение и становление светской литературы стало одним из крупных достижений в области искусства слова с точки зрения его последующего развития, создавшим возможность ее сближения с жизнью, народом, его интересами. Преодоление идейно-тематической ограниченности светской литературы, выразившееся в обращении к насущным проблемам общественной жизни, создало предпосылки для определенного изменения направления этой литературы. Важную роль в ее развитии сыграли такие поэты, как Хорезми, Худжанди, Сайфи Сарон, Дурбек, Хайдар Хорезми, Ахмади, Амири, Якини, Саккаки, Гадои, Лутфи и др. В своих произведениях они критиковали некоторые пороки современной им общественной среды, выдвигали идеи добра и справедливости, воспевали такие высокие человеческие качества, как верность, благородство, мужество. Они разоблачали невежественных и корыстолюбивых правителей и их приближенных, осуждали феодальные междоусобные войны, распри, выдвигали идею борьбы за централизованное государство. Представители узбекской светской литературы сыграли большую роль в развитии узбекского литературного языка, в расширении жанрового диапазона

узбекской литературы, создали образцы газелей, кытъя, рубаи, туюгов, касыд, наме, дастанов и др.

Корни жанра мунозаре в узбекской литературе восходят к произведению «Спор Зимы и Лета» («Ез ва Киш мунозараси»), о котором есть сведения в «Диване тюркских слов». В узбекской письменной литературе этот жанр, имевший длительную историю своего развития и в устном народном творчестве, в XV в. занял видное место.

В поэме одного из талантливых поэтов того времени Дурбека «Юсуф и Зулейха» резко осуждаются междоусобные феодальные войны, разоряющие страну, приносящие беды и горести народу. В ней изображены злоключения влюбленных, воспета земная любовь. Несмотря на отдельные религиозно-фантастические элементы, отразившиеся в сюжете, автор видит смысл существования в любви к жизни, в борьбе за счастье и радость, в терпеливом и разумном преодолении любых трудностей и препятствий.

Саккаки. Видным поэтом этого периода был Саккаки, о жизни и деятельности которого сохранилось немного сведений. Некоторые данные о жизни, литературной деятельности и месте его в литературном процессе содержатся в произведениях Алишера Навои «Собрание избранных», «Суждение о двух языках», в диване самого Саккаки. В книге «Лук и Стрела» Якини характеризует его как «одного из ревностных тюркских поэтов»¹⁰. Саккаки родился в Мавераннахре и большую часть жизни провел в Самарканде. Саккаки — псевдоним поэта, его подлинное имя неизвестно. Псевдоним происходит от слова «саккок», означающее «мастер по изготовлению ножей». Это свидетельствует о его происхождении из семьи ремесленника.

Поскольку у поэта есть касыда, посвященная Халилу Султану (1405—1409), можно предположить, что он родился в последней четверти XIV в. Если это так, то во время правления Халила Султана Саккаки было 25—30 лет, и он был достаточно известным. Однако расцвета своего творчества Саккаки достиг при Улугбеке (1409—1449). Поэт пользовался расположением Улугбека и посвятил ему несколько касыд. Умер он

¹⁰ *Узбек адабиёти*. I т. Тошкент, 495-бет.

скорее всего в 40-х годах, до гибели Улугбека. Мы судим об этом потому, что столь горестное событие не было отражено в его произведениях.

Из творчества этого талантливого поэта до нас дошел диван, содержащий незавершенные касыды и 40 газелей. Газель в творчестве Саккаки была ведущим жанром, а ее главная тема — любовь. Воспевая земную любовь, Саккаки борется против шейхов и аскетов, живущих мечтой о рае:

Каждому — свое. Мне — твой стан,
Аскету — райское дерево.

По мнению поэта, жизнь предпочтительнее рая, его садов, вино — лучше влаги из райского источника. Он говорит, что жизнь, любовь к реальной женщине сильнее аскетизма и религиозного фанатизма:

Увидев твои глаза, аскет собьется с пути,
Как бы ни был он тверд в своей вере.

Главные образы в газелях Саккаки — влюбленный, возлюбленная и соперник. Влюбленный в большинстве случаев — сам поэт, лирический герой — искренний и справедливый человек. Влюбленный всегда стремится к свиданию с возлюбленной. Он страдает в разлуке. Как бы ни сильна была его любовь, как бы страстно он ни желал взаимности, чаще всего на его долю выпадают лишь горести и беды:

В неведении Саккаки считал, что любить легко,
Но в конце концов он понял, что это вопрос жизни и смерти.

С какими бы трудностями ни встретился влюбленный в своем стремлении к любимой, он не свернет с пути, мужественно и терпеливо будет стремиться к цели. Он готов отдать свою жизнь за любимую:

Если Фархад во имя Ширин сокрушает горы,
То Саккаки во имя тебя, дорогая, готов сокрушить
свою душу.

В одной из своих газелей Саккаки рисует свой край, одновременно жалуясь на свое горестное положение:

Я — в Мавераннахре (междуречье),
И слезы моих глаз — Сейхун (Сырдарья) и Джайхун
(Амударья).

В другом бейте этой газели поэт упрекает судьбу за то, что она не осуществила его страстное желание — повидать мир:

Я хотел объехать весь мир,
Однако судьба повернулась иначе.

Газели Саккаки привлекают читателя искренностью, мелодичностью, художественными достоинствами. Не следует, однако, забывать об известной идейно-тематической ограниченности, а порой и абстрактности образов.

В истории узбекской литературы Саккаки получил известность как один из основоположников жанра касыды, в котором он создал одиннадцать произведений. Пять из них посвящены великому ученому Мирзе Улугбеку, остальные — Халилу Султану, Ходже Мухаммаду Порсо, Арслан Ходже Тархану. Объем касыд колеблется от 11 бейтов до 54; они написаны, в основном, с соблюдением традиций этого жанра.

В некоторых касыдах поэт выражает интересы господствующего феодального класса, восхваляет феодальную знать, пользуясь прямолинейными метафорами, называет правителей щедрыми и милосердными народолюбцами.

В касыдах, посвященных Улугбеку, Саккаки говорит о его любви к поэзии и называет справедливым и мудрым шахом, пророком «Мусо», отечески заботливым к подданным, «современным Сулейманом», «солнцем времени» и одновременно «грозным львом» и даже непобедимым полководцем:

Много султанов пришло и ушло в этом мире,
Но не было подобных тебе,
Пусть само небо скажет,
Был ли когда-нибудь такой, как ты?

При описании Улугбека он использует ряд оригинальных сравнений и метафор:

Подданные — словно овцы, а султан для них либо пастух,
либо волк,
Если пастух будет подобен пророку Мусе, погибнут волки,
сохранятся овцы.

Разумеется, личность и деятельность Улугбека не были лишены противоречий, ибо и его политика была основана на эксплуатации. Идеализируя Улугбека, поэт выражает свою мечту об идеальном правителе.

Саккаки был одним из тех поэтов, которые в своих произведениях выражали прогрессивные идеи своего времени, вносили достойный вклад в развитие узбекского языка и литературы.

Несомненно, творчество представителей узбекской литературы светского направления не было свободно от идейно-эстетических противоречий. Однако неуклонное сближение творчества передовых писателей светской литературы с жизнью в целом свидетельствовало об определенном преодолении узких идейно-тематических рамок, о развитии тенденций, направленных на защиту интересов народа. Представителей светской литературы можно подразделить на две большие группы: одна замыкается в узких рамках феодального мировоззрения, другая преодолевает идейную ограниченность, выступает в защиту интересов народа, все чаще обращается к социальной тематике.

Приверженцы феодально-аристократического мировоззрения считали, что все материальные и духовные богатства общества предназначены для класса феодалов, а простые люди, трудящиеся массы должны служить знатым и богатым, отказываясь от благ жизни. Они отстаивали «философию» наслаждения класса феодалов, воспевали увеселения социальных верхов, так или иначе одобряли междоусобные феодальные войны, заискивали перед деспотичными правителями, прославляли их. Творчество этих литераторов, представляющих реакционную дворцовую литературу, вступало в резкое противоречие с развитием того течения светской литературы, представители которого вели борьбу со своими идейными противниками. Примером может служить творчество таких лирических поэтов, как Лутфи, Дурбек, Хайдар Хорезми, создававших произведения и в эпических жанрах, а также замечательных лириков Атои, Саккаки, Гадои, Хафиза Хорезми и др.

Во второй половине XV в. развитие узбекской литературы светского направления достигло новой ступени. В это время были созданы замечательные произведения, несшие идеи гуманизма, патриотизма, народного просвещения и явившиеся ценным вкладом в сокровищницу мировой литературы.

ЛУТФИ

Узбекская литература первой половины XV в. — это особый этап в развитии узбекской литературы. Мавляна Лутфи, занимавшего видное место среди представи-

телей узбекской светской литературы, Алишер Навои называет «царем слова» и ставит в один ряд с такими выдающимися поэтами, как Саади и Хафиз¹¹. И действительно, творческое наследие Лутфи не только оставило глубокий след в современной ему литературе, но и повлияло на последующее ее развитие.

Лутфи родился в селении Дехиканар вблизи Герата и, по свидетельству Навои («Собрание избранных»), умер, прожив 99 лет. Он был похоронен в родном селении. Как в прошлой, так и в современной литературе есть значительные расхождения в определении дат рождения и смерти поэта. Исходя из сведений, содержащихся в произведениях Алишера Навои и в исторических трудах Давлатшаха и Хондзамира, можно предположить, что он родился в 1366 г. и умер в 1465 г. нашего летоисчисления.

Сведения о жизненном пути Лутфи скудны. Известно, что будущий поэт учился в школе, затем в медресе Герата, что с юных лет он интересовался светскими науками. В течение некоторого времени он обучался у известного в то время суфия Шахабиддина Хиябани.

Вся жизнь Лутфи прошла в кругу известных ученых, поэтов и поборников культуры. Благодаря обширным знаниям, острой наблюдательности, сдержанности, скромности, большим творческим способностям, он завоевал глубокое уважение окружающих. Во второй главе своего труда «Собрание избранных» Навои отмечает Лутфи как большого мастера слова, создававшего высокохудожественные стихи на узбекском и персидско-таджикском языках, особо подчеркивает его мастерство в создании поэтических произведений на родном языке. В источниках сообщается, что стихи Лутфи почитались как образцы высокого творчества, их часто читали на разных поэтических вечерах и состязаниях; на касыды и газэли поэта писались назира.

Лутфи оставил большое литературное наследие. Он создавал произведения в лирических и эпических жанрах. Есть сведения о том, что, помимо дивана, в который вошли лирические произведения на тюркском языке, существовал и диван, написанный на фарси, рукопись

¹¹ Алишер Навои. Собрание избранных. Соч.: В 10 т. Т. 9. Ташкент. 1970.

которого хранится в Турции. «Зафарнаме» Лутфи представляет собой большую героическую поэму. К опытам Лутфи в области эпической поэзии относится также созданная на узбекском языке любовно-романтическая поэма «Гуль и Навруз».

На примере творчества Лутфи можно наглядно проследить идейно-тематическую эволюцию узбекской светской литературы XIV—XV вв. Добиваясь в соответствии с возможностями жанра широкого отражения светских мотивов в своей лирике и ставя острые общественные вопросы в дастанах, Лутфи высоко поднял значение литературы своего времени. Наряду со многими передовыми современниками Лутфи внес большой вклад в создание литературы на родном языке. Своими произведениями, написанными на фарси и получившими широкое одобрение современников, он способствовал дальнейшему укреплению давних связей между узбекской и персидско-таджикской литературами. Эти черты творчества Лутфи достаточно подробно освещены в научной литературе, посвященной изучению его жизни и деятельности¹².

Основную часть литературного наследия Лутфи составляют его лирические произведения. Диван поэта, включающий в себя газели, рубаи, кытъя, туюги, фарды, был широко распространен не только в Хорасане и Мавераннахре, но и на обширной территории — от Ирака до Восточного Туркестана. В ряде библиотек нашей страны, в зарубежных рукописных фондах хранятся десятки списков дивана Лутфи.

Диван, в который вошли его лирические произведения на узбекском языке, насчитывает свыше 400 газелей и произведений малого жанра. В ташкентской, парижской и лондонской библиотеках хранятся наиболее полные списки этого дивана. Лирические произведения Лутфи занимают значительное место в хрестоматиях и

¹² Бертельс Е. Э. Навои и Джами. М. 1965; Захидов В. Ю. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент. 1961; Зариф Х. Лутфий ва Навоий//Улуғ ўзбек шоири. Ташкент. 1948; Ҳайитметов А. Навоийнинг адабий — танқидий қарашлари. Ташкент. 1963; Рустамов Э. Узбекская поэзия в первой половине XV в. М. 1963; Эркинов С. Лутфи (Жизнь и творчество). Ташкент. 1965; История узбекской литературы (на узб. яз.). Т. 1. Ташкент. 1977.

антологиях, изданных на узбекском и русском языках. В 1959 и 1962 гг. вышли «Избранные произведения» поэта. В 1965 г. была осуществлена совместная публикация дивана и поэмы «Гуль и Навруз»¹³. Русского читателя впервые познакомили с личностью и творчеством Лутфи исследования А. Н. Самойловича и Е. Э. Бертельса. Известный ученый востоковед Е. Э. Бертельс в обзоре литературы XV в. своей монографии «Навои» обстоятельно комментирует диван Лутфи¹⁴. В последующие годы появилось несколько русских переводов произведений поэта¹⁵.

Не вызывает сомнения тот факт, что творческая деятельность Лутфи началась с лирических произведений. Уже в ранних стихах он воспевае человека и природу. В «Жизнеописании Пахлаван Мухаммада» («Манокйби Пахлавон Мухаммад») Алишер Навои в характеристике мировоззрения Лутфи, круга его идей и образов особо подчеркивал, что он принадлежит к поборникам светской поэзии. Как и многие передовые мыслители средневековья, Лутфи проявлял большой интерес к светским мотивам, обожествлял человека и природу. Красота человека и природы воспеваеся как проявление высшего и прекрасного. Умение оценить их достоинства для Лутфи — критерий истинно высокой человеческой личности. Они выводят его из круга ограниченных канонов и правил, посвящают в тайны вселенной. В творчестве поэта происходит все большее сближение идей и образов с реальной жизнью. В газелях романтического настроения у Лутфи появляются мотивы, связанные с действительностью.

Лирический герой газелей Лутфи представляется совершенным человеком. Он обладает духовным богатством. Его мысли и чувства вполне земные, присущи простым людям; он любит все земное, верит в красоту и ее незыблемость. Он в восторге от своей возлюбленной, которая превышает ангелов и гурий, славит весну, «исполненную улыбками любимой». Поэт далек от мысли, что можно променять прекрасную природу, живую радость

¹³ Лутфий. Девон. Гул ва Навруз. Ташкент. 1965. Приводимые примеры из произведений Лутфи цитируются по данному изданию.

¹⁴ Бертельс Е. Э. Навои и Джами. М. 1965.

¹⁵ Лутфий. Избранные произведения. М. 1964.

цветка в саду этой жизни на некий потусторонний мир.

Жизнелюбие Лутфи, его преклонение перед земной любовью и высокими чувствами любящих в определенном смысле противостояли религиозным догмам, наизданиям шейхов и аскетов. В газелях Лутфи часто встречаются строки, отрицающие проповеди аскетизма и отречение от жизненных радостей:

Лутфи — не раб, ему не нужны ваши наставления,
Его безумное сердце подчиняется лишь фирману любви.

Наряду с темой любви в творчестве поэта важное место занимает тема вина. Как известно, в поэзии Востока эта тема стала символом вольнолюбия, размышлений о жизни, мире и его тайнах, наслаждениях радостями жизни, противостояния аскетизму. Лутфи выражает мысль о прекрасной поре цветения — молодости, ценности жизни и человеческой личности. По убеждению поэта, жизнь человека не вечна, поэтому ее нужно прожить в радости и веселье.

В произведениях Лутфи, посвященных возлюбленной, весне, вместе с призывом пользоваться благами жизни, с мотивами радости и веселья проявляется и критическое отношение к некоторым порядкам своего времени, несомненно, вызванное его впечатлениями.

Часто мотивы недовольства и осуждения невежества и порока в газелях Лутфи выражались в форме жалоб на возлюбленную, ее жестокость по отношению к влюбленному. Расширяется тематический диапазон газелей, посвященных любви и верности. Например, диалог влюбленного с неверной возлюбленной передает отношение поэта к падению нравов:

Сказал я: «Не мучай ты Лутфи, будь ему верна»,
Она ответила: «Обычай этот забыт в наш век».

Мастерство Лутфи выражается в оригинальной образности:

В науке коварства и притеснения,
Вращающийся небосвод — ученик твоих глаз.

Многие мотивы, впервые введенные в литературу Лутфи, разрабатывались другими поэтами до XX века (наглядным примером могут служить газели Навои, Фурката и др.). Лутфи называет мир «извращенным», «мстительным», жалуется на жестокость правителей, сетует на то, что «нет никого, кто познал бы тайны это-

го мира». Разумеется, поэт не мог понять истинных причин противоречий этого «извращенного» мира. Подобно многим средневековым мыслителям, Лутфи считал, что подлинная справедливость правителя может стать залогом спокойствия и благополучия страны и ее народа. Связывая свои надежды с мудростью власть имущих, поэт пытается убедить правителей в том, что «лишь посредством справедливости может быть благоустроена каждая страна». Используя свое мастерство, поэт создает яркие образы, выражающие презрение к тем силам, которые приносят людям бедствия.

Основу лирики Лутфи составляют прежде всего жизнеутверждающие идеи, идеи служения благородным человеческим стремлениям. Эта идейная основа определила и образную систему лирики поэта.

Творческое наследие Лутфи в жанре газели привлекло внимание такого крупного мастера этого жанра, как Навои. Лутфи внес большой вклад в формирование и развитие этого жанра на узбекском языке, открыл богатые внутренние возможности родного языка в области аруза и создал высокие образцы газели. Поэт выявил богатые возможности жанра газели в узбекской литературе, достигшего совершенства и в восточной, в частности персидско-таджикской, поэзии. В диване Лутфи представлены газели очень сложных размеров. По свидетельству Навои, никто из современников Лутфи не смог написать ответ на созданную им в конце жизни на персидском языке газель с редифом «офтоб» (солнце), богатую по содержанию и сложную по форме. Одна из заслуг Лутфи в развитии жанра газели в том, что он опередил многих своих соратников по перу в сближении газели с народными песнями на родном языке. Поэт предпочитал использовать в газелях такие размеры аруза, как хазадж, рамал, наиболее близкие к народным узбекским песням, именовавшимся тогда «тюрки». Изобразительный стиль поэта характеризуется тем, что при помощи простых художественных приемов он умеет создать у читателя яркое и глубокое представление об изображаемых событиях и характерах. Поэт умеет найти в сокровищнице родного языка такие образы, которые наиболее точно и полно выражают его замысел. Он создает оригинальные метафоры, антитезы, сравнения, обращается к мифологическим и легендарным образам.

С большим художественным мастерством Лутфи передает всю гамму сложных чувств лирического героя. Строки его стихов насыщены метафорами и аллегориями:

На твоём лучезарном лице ротик, глаза и улыбка,
Словно фисташки, миндаль и сладости на блюде.

Лутфи широко использует традиционные для поэзии Востока изобразительные средства, сравнения (влюбленного с соловьем, локоны красавицы — с цепями), гиперболы (плач у него «сотрясает горы» и т. д.). В то же время Лутфи обогащает литературу оригинальными художественными образами, преобладающими в его лирических произведениях. В газелях, рубаи, туюгах и фардах Лутфи — множество оригинальных метафор, аллегорий, омонимических приемов. Многие его строки и бейты стали афоризмами.

Лутфи был большим мастером и в персидско-таджикской поэзии. В «Собрании избранных» Алишер Навои свидетельствует о том, что Лутфи дал достойные ответы на сложные стихи многих персоязычных мастеров слова. Абдулла Кабули в «Антологии истории» («Газкиратут-таворих») пишет, что у Лутфи «имеются прекрасные стихи и яркие касыды, написанные на фарси». Вот, например, двестишие из стихотворения с редифом «офтоб»:

О ты, чьи черные локоны бросают тень на солнце,
В ночи твоих локонов вместо луны взошло солнце (лицо).

Конечно, и до Лутфи встречались сравнения лица возлюбленной с солнцем, а ее локонов — с темнотой ночи. К тому времени традиционным стало и уподобление волос ночной тьме, скрывшей луну. Но Лутфи обогащает эти образы новыми оттенками. Черные локоны возлюбленной, уподобляемые ночи, скрывают в тени ее лицо. Солнце (лицо возлюбленной), пленившись красотой локонов, отступило в тень. Обычно ночную тьму разгоняет луна, в данном случае эту роль выполняет солнце. Ночные сумерки, навеянные локонами красавицы, прогоняет ее прекрасный лик. Как указывает Навои, Лутфи, начав в конце жизни газель на персидском языке с редифом «афтад», успел лишь написать следующее двестишие:

Если я захочу сорвать розу в саду твоей красоты,
 То я готов сложить голову ради этого,
 За то, что я уподобил тебя, луноликую, солнцу,
 Я покрываюсь потом от стыда.

В этом четверостишии заключен ряд метафорических образов. Прежде всего, под розой в саду красоты возлюбленной подразумевается ее лицо (здесь «тергамен» употребляется в первом значении — «захочу сорвать»). Далее речь идет о том, что влюбленный готов ради нее сложить голову (второе значение — «тергамен»). Третья строка четверостишия содержит сразу две метафоры: лицо возлюбленной сравнивается сначала с лунной, потом с солнцем. В четвертой строке редиф выступает в третьем значении («терга мен») — «я покрываюсь потом».

Тюги поэта отличаются совершенством художественной формы, значительностью и богатством содержания. Такое же мастерство проявил Лутфи в рубаи, кыта, фардах.

В рубаи Лутфи особо следует отметить одну из ритмических особенностей. В начале XV века, когда жил Лутфи, жанр рубаи был еще в стадии становления в узбекской литературе. В это время были широко распространены тюги, свойственные литературам тюркских народов вообще. Следует упомянуть значительную роль Лутфи в развитии этих жанров в узбекской литературе. Очевидно, одновременное формирование жанров рубаи и туюгов в узбекской литературе обусловило определенное сходство в их ритмике и размере. В частности, большинство рубаи из дивана Лутфи написаны размером, свойственным туюгам, и вообще в них преобладают черты этого жанра.

В идейно-художественной структуре газелей, рубаи, туюгов, кыта, фардов Лутфи ощущается влияние малых жанров, свойственных устному народному творчеству. Большое место в них занимают пословицы и поговорки, в которых концентрированно выражалась народная мудрость. Наряду с обращением к народному поэтическому творчеству поэт широко вводит в свои произведения светские мотивы, приближает язык поэзии к живому языку. В его диване очень мало газелей, в которых не использовались бы пословицы и поговорки. В некоторых газелях пословицы и народные выражения — ос-

новное средство изображения характеров и обстоятельств. Вот пример такой газели:

Не диво, что твой стан завесой кос обвит,—
Недаром говорят, мол «свет во тьме горит».
Увижу образ твой — не отвести очей.
Присловье есть: «Поток всегда с потоком слит».
Как солнце и луну, твое чело я чту,—
«Глаза точней весов»,— пословица гласит.
Вот диво: кровь моя — ничто твоим очам,—
А ведь поверье есть: «Индуса кровь страшит».
Свиданья ждет Лутфи, доверься же ему:
«Кто любит, тот не люб»,— завет не позабыт!

(Перевод С. Иванова).

В газелях поэт мастерски использует народное творчество, добываясь адекватного выражения своего идейно-художественного замысла. Конечно, в газелях Лутфи встречаются и неоправданная усложненность формы, умозрительные образы и т. п. Однако большинству газелей присущи простота, мелодичность. Лирика поэта — яркий образец содержательного, общедоступного, подлинно народного искусства.

В истории узбекской литературы Лутфи известен и как автор дастанов. По свидетельству Алишера Навои, у Лутфи был и стихотворный дастан, созданный на основе произведения Шарафиддина Али Язди (ум. в 1454 г.) «Зафарнаме», написанный на персидско-таджикском языке. Е. Э. Бертельс, говоря о не дошедшем до нас дастане Лутфи «Зафарнаме», предположил, что он является героическим произведением типа «Шахнаме» Фирдоуси. Это свидетельство того, что Лутфи имел богатый опыт и в области эпической поэзии. Древние рукописи, справочные источники, появившиеся в начале XV в., каталоги восточных рукописей (в частности каталоги, составленные английским и французским востоковедами Чарльзом Рье и Е. Блоше), свидетельствуют о существовании и любовно-романтического дастана Лутфи «Гуль и Навруз». В восточной литературе есть много дастанов с подобным названием. В частности, Бабур в «Трактате об арузе» сообщает о дастане «Гуль и Навруз», созданном на родном языке поэтом XV в. Хайдаром Хорезми. В последние годы было высказано мнение, что поэма «Гуль и Навруз», автором которой до настоящего времени считался Мавляна Лутфи, принад-

лежит перу Хайдара Хорезми¹⁷. В настоящее время науке известен лишь один вариант «Гуль и Навруза» на узбекском языке, списки которого хранятся в Отделе восточных рукописей Британского музея, в библиотеке Оксфордского университета, в Вене, в книжном фонде Венгерской Академии наук¹⁸. В большинстве имеющихся списков в качестве автора указывается Лутфи. Обнаружение более древних рукописей и сведений о них могло бы внести ясность в этот вопрос.

«Гуль и Навруз» начинается с традиционных для восточных книг вводных глав. Среди них есть глава, посвященная Искандеру Мирзе, побудившему поэта создать это произведение. Это был один из тимуридов, правивший в Фарсе и Исфагане в 1409—1416 гг.¹⁹

«Гуль и Навруз» — дастан на любовно-романтическую тему. В нем описывается судьба двух влюбленных.

Издавна на Востоке создавалось множество легенд и дастанов о самоотверженной любви Навруза, олицетворявшего собой весну, и Гуль, символизирующей красоту природы. Действительно, в Средней Азии, Хорасане и других странах Востока празднование Навруза (дня весеннего равноденствия — начала года) издревле порождало множество легенд и песен. В узбекской, персидско-таджикской, азербайджанской, афганской литературе встречается много произведений, посвященных героям, рожденным в этот праздник и получившим имя Навруз. Среди них большую известность получили произведения «Гуль и Навруз», созданные персидско-таджикскими поэтами Хаджу Кермани (1281—1352) и Джалалом Табибом (ум. в 1392 г.). Катиб Чалаби (XVIII в.) в своем труде «Кашфуз зунун» наряду с персоязычными дастанами «Гуль и Навруз» упоминает одноименную поэму поэта Муиди на тюркском. В XVI в. создал поэму под таким же названием тюркский поэт Абди.

Используя традиционный сюжет о Наврузе и Гуль, Лутфи обращается к песням и легендам, корнями ухо-

¹⁷ Исхаков Я. К вопросу об авторстве «Гуль и Навруз»// Узбек тили ва адабиёти. 1972. № 1.

¹⁸ Фазылов Э. О «Гуль и Навруз» Лутфи// Узбек тили ва адабиёти. 1972. № 4.

¹⁹ Стенли-Лэнь Чунь. Мусульманская династия. Спб. 1899. С. 226—227.

дяди глубоко в родную литературу, и к одноименным дастанам персидско-таджикской литературы. Говоря точнее, дастан Лутфи следует рассматривать как ответ на дастан Джалала Табиба «Гуль и Навруз»²⁰, созданный в 1333 г. Это высокохудожественное произведение произвело на Лутфи сильное впечатление. В своем дастане он творчески использовал сюжетные линии дастана Джалала Табиба, некоторые его стилистические приемы. Сопоставляя два этих произведения, можно установить, что Лутфи, следуя за предшественником, творчески подошел к традиционному сюжету и создал оригинальный дастан с новым идейно-художественным содержанием²¹.

События в дастане Лутфи начинаются с описания рождения в бездетной семье Фарруха сына Навруза, его воспитания, возмужания, проявления героических качеств в годы зрелости. Героя охватывает пламенная любовь к принцессе Фархара Гуль. Любовь между Наврузом и Гуль зарождается в сновидении. Этот момент характерен для многих восточных древних эпосов. Любовь героя к возлюбленной носит экзальтированный, романтический характер. Она зарождается внезапно, по первому взгляду, или даже заочно, до реальной встречи, по портрету красавицы или под влиянием любовного сна. Потрясенный ее красотой, влюбленный теряет сознание, льет слезы, произносит взволнованные лирические монологи. В то же время возвышенная любовь вдохновляет его на героические подвиги, необходимые для завоевания красавицы²². С разрешения отца Фарруха, шаха страны Навшад, Навруз пускается в путь на поиски Гуль. Во время странствий он постоянно сталкивается с невежественными людьми, жестокими обычаями и нравами. Преодолев в пути препятствия, возникшие в результате происков бека из Навшада Бахмана и кормилицы Гуль, злоязычной подстрекательницы Савсан, герой встречается с Гуль. Соединились два юных чистых серд-

²⁰ Рустамов Э. Узбекская поэзия в первой половине XV в. М. 1963.

²¹ Сайфиев Н. Основные направления развития романтического эпоса и сюжет о Гуль и Наврузе в персидско-таджикской поэзии XIV века. Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. Душанбе. 1981. С. 34.

²² Жирмунский В., Зарифов Х. Узбекский народный героический эпос. М. 1947. С. 132.

ца, воплотивших в себе лучшие человеческие качества — любовь и верность. Гуль предстает перед нами как женщина, борющаяся за осуществление своих стремлений.

Любовь Навруза вызывает глубокое ответное чувство. Вопреки воле отца, решившего выдать ее замуж за хакана, Гуль убегает с Наврузом. В пути они проявляют большое мужество в схватке со львами. Морская буря разлучает влюбленных, и Гуль попадает на границу страны Аден. Она не впадает в отчаяние даже тогда, когда ей пришлось выйти на битву с правителем Емена. Своими лучшими качествами, стремлением к добру Гуль «соответствует типическому идеалу женской красоты, преданности и верности в любви, на известной ступени исторического развития — также героизма и мужества»²³.

Образы Гуль и Навруза обрисованы автором в психологическом плане. Поэту удалось последовательно, шаг за шагом раскрыть в процессе их борьбы с таинственными силами природы, насилием и коварством таких персонажей, как Ялдо, Шейх Нажди, великую силу влюбленных и их благородные чувства. Соседние государства Аден и Емен постоянно враждовали между собой. Воспользовавшись прибытием в страну такого богатыря, победителя львов, как Гуль (следуя сказочным традициям она переделалась в мужскую одежду), шах Адена решил объявить войну Емену. Спешно готовясь к отпору, правитель Емена обращается за помощью к уже прославившемуся в его стране мудростью и героизмом Наврузу. Таким образом, влюбленные встречаются на поле битвы во главе враждующих сторон.

Это произведение Лутфи сохраняет не только особенности сюжета любовно-приключенческих поэм, но и черты характера их легендарных героев. Следует отметить, что по мере развертывания событий и приближения кульминации в сфере фантастического изображения на первый план выдвигаются реалистические элементы. Здесь прежде всего проявляется мастерство автора дастана «Гуль и Навруз». Он связывает любовные приключения с событиями реальной жизни. Благодаря этому в сюжете возникают реальные картины, характерные для определенных исторических условий конфликты. Жиз-

²³ Там же, с. 427.

ненные перипетии превращают героев дастана в активных борцов. Однако эти конкретные реалии еще не воплотились в завершенное реалистическое изображение жизни, а лишь представляли собой адекватное отображение духа эпохи и особенностей общественной жизни того времени.

События дастана достигают кульминации на поле битвы, когда Гуль и Навруз сталкиваются лицом к лицу. Предводители войск встречаются в единоборстве. Услышав воинственный клич Навруза, Гуль узнала его по голосу и соскочила с коня. В свою очередь Навруз, увидев любимую, бросился к ней. Здесь ярко выразился основной замысел произведения: чтобы влюбленные могли соединиться, всем людям нужно жить в мире, необходимо покончить с междоусобными войнами и враждой между шахами. Так и происходит в произведении. Высокие человеческие чувства и благородные стремления побеждают захватнические замыслы шахов.

Правители Адена и Емена вынуждены приостановить войну. Они выражают глубокую признательность Гуль и Наврузу. Между тем появляются отцы влюбленных, скитавшиеся по странам в поисках своих детей. Герои долго обсуждают, где они будут жить. Наконец, отец Навруза шах Фаррух, чтобы помирить спорящих, предлагает объединить все страны в единое государство. В этом предложении Фаруха выразилась основная идея произведения — мысль об объединенном справедливом государстве.

Все султаны поддерживают предложение Фаруха, и государства Аден, Фархар, Емен и Навшад объединяются. Так было покончено с кровопролитиями и самоуправством правителей, а народ избавился от бедствий, войн, разбоя и бесчинств.

О большом мастерстве автора и высокой художественности дастана свидетельствует прежде всего то, что сюжетный мотив борьбы героев, олицетворяющих собой торжество разума и знаний, с носителями невежества и зла подчинен решению существенных общественных проблем того времени. Разнообразны и богаты художественно-изобразительные средства дастана. Большую роль здесь играют имена героев, раскрывающие их качество. Например, положительных героев зовут: Фаррух (счастливый), Мушкин (благо-

ухающий мускусом). Имя Бахрам, означающее Сатурн, олицетворяет войну и кровопролитие. В дастане Бахрам предаёт Навруза. Поэт так характеризует его:

Среди беков был один по имени Бахрам,
Его лицо отталкивающе холодное, словно мороз.

Большое место в поэме занимают мифологические образы и легенды. Однако большая часть изобразительных средств — многочисленные и разнообразные метафоры, аллегории, омонимические приемы — близки к образному строю народного языка.

В дастане «Гуль и Навруз» уместно и плодотворно использованы народные пословицы и поговорки. Их тематическое разнообразие и глубокое общественно-нравственное содержание расширяет идейно-художественный диапазон произведения.

Естественность использования редифа, компактность художественных средств, оригинальность образов — все это служит углубленному раскрытию содержания. Творческая работа автора над языком дастана способствовала и дальнейшему обогащению литературного языка в целом, что определило роль творчества Лутфи в борьбе за создание литературы на родном языке.

В идейно-художественном содержании дастана проявилась определенная противоречивость, обусловленная ограниченностью мировоззрения поэта. Несмотря на то, что в центре внимания автора находится важная жизненная проблема, в ее решении он все же остается сыном своего времени.

В целом дастан «Гуль и Навруз» — произведение, обогатившее узбекскую светскую литературу XIV—XV вв. новым содержанием и образами. Он стал важной ступенью в истории развития жанра узбекского дастана.

Творчество выдающегося представителя узбекской светской литературы Лутфи сыграло важную роль в развитии и обогащении социального содержания узбекской литературы, ее жанрового многообразия. Особое влияние оно оказало на творчество Алишера Навои и таких узбекских поэтов, как Бабур, Машраб

и поэтов предреволюционного периода Муками, Фурката и др.

ДУРБЕК

Одним из значительных произведений литературы XIV—XV веков явилась поэма «Юсуф и Зулейха», авторство которой до настоящего времени спорно.

В советское время автором этого произведения стали считать Дурбека. Однако литературные источники того времени не содержат каких-либо сведений об этом авторе. Дурбек — возможно, псевдоним. Во введении к поэме точное имя автора не сообщается. Однако в нем приводится характеристика многих событий того времени, указывается повод для написания произведения, содержатся ценные сведения об общественной жизни того времени.

Во многих научных трудах, разделах хрестоматий, учебниках для вузов, в антологиях, есть материалы, посвященные поэме²⁴.

Известно, что повесть о Юсуфе и Зулейхе была широко распространена на Востоке до Дурбека, привлекала внимание многих авторов. На основе ее сюжета написано более 150 произведений. Первым в персидско-таджикской литературе этот сюжет использовал Фирдоуси (X в.), а в тюркоязычных литературах — Кул Али (XIII в.) и Рабгузи (XIII—XIV вв.).

Следует отметить, что в «Повести Рабгузи» определенное место отводится сюжету «Юсуф и Зулейха».

Образы Юсуфа и Зулейхи наряду с образами Фархада и Ширин, Лейли и Меджнуна кочевали в литературе из века в век. К ним обращались даже в газетях для обозначения определенных чувств и мыслей лирических героев.

Первые письменные источники повести «Юсуф и

²⁴ Инкилоб. 1922. 1 марта. С. 22; Ун беш йил ичида совет адабиёти. Тошкент. 1939. 14-бет.; Ўзбек адабиёти хрестоматияси XIII—XIV вв. 1 т. Тошкент, 1948, 99—101-бетлар; Ўзбек адабиёти тарихи. 1 т. 1950. 131—132-бетлар; Хайдаров С. Дурбек. Юсуф ва Зулайхо/Предисловие С. Хайдарова. 1959; Бертельс Е. Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе Прекрасном. Дар-альманах. Ташкент. 1952. С. 166—172; БСЭ. 2 изд. М. 1952.

Зулейха» восходят к Библии, позднее — к Корану. И хотя они отражали религиозные воззрения, тем не менее сюжет и характер конфликта в поэмах почти всех авторов — и персидских и тюркоязычных — одинаковы.

Основу распространенного на Востоке сюжета «Юсуф и Зулейха» определила сура из Корана о Юсуфе²⁵, которая, развиваясь и обретая художественную форму, постепенно стала терять религиозную оболочку. Впоследствии повесть, «впитывая» в себя такие темы, как человечность, любовь, справедливость, добро, красота, приобрела светский характер. О жизненности этого сюжета, о большом интересе к нему многих художников Г. Алиев писал следующее: «Широкое распространение легенды в письменной литературе и фольклоре многих народов мира обусловлено тем, что в ее драматичной и трогательной фабуле отражены общечеловеческие начала гуманистических воззрений, благородные мысли о всепобеждающей силе добра, о неизбежной наказуемости и конечном поражении зла и, наконец, о социальном смысле нравственности»²⁶.

Интересно в этом отношении высказывание Г. Ломидзе в связи с 750-летием «Киссаи Юсуф» о том, что в этом сюжете «...происходила какая-то внутренняя переключка между поэтами разных стран и народов, отстаивавшими гуманизм, братство между народами, общие нравственные идеалы, стойкость духа, высокую ценность человеческого бытия»²⁷.

Известный советский востоковед Е. Э. Бертельс подчеркивал ее гуманистический характер, последовательное воплощение в ней идей справедливости и добра.

Извечная мечта человечества — это торжество справедливости и добра над злом, света над мраком. В своем произведении «Юсуф и Зулейха» Дурбек стремился выразить эту вековую мечту народов в высокой

²⁵ Коран. Сура 12. Юсуф // Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М. 1963. С. 184.

²⁶ Алиев Г. Дурбек и его поэма «Юсуф и Зулейха» (послесловие) // Дурбек. «Юсуф и Зулейха». Поэма // Перевод на рус. язык С. Северцева. Ташкент. 1980.

²⁷ Ломидзе Г. Немеркнувший свет // Литературная газета. 1984. 15 февр.

художественной форме, в правдивых жизненных картинах.

Из введения к поэме мы узнаем, что она написана в 1409 г. Поэт пишет, что он жил в Балхе в самое беспокойное для этого города время:

Был город осажден в те дни, для многих роковые,
Замкнулись пред лицом врага ворота крепостные.
Настала страшная пора,— застигнутым бедой,
Укрыться жителям пришлось за городской стеной.
Стал осажденный Балх похож на беспросветный ад,
А за стенами— ширь земли цвела, как райский сад.
За городом — раздольный мир, цветенье, изобилье,
А в городе нужда и скорбь, страданье и бессилье²⁸.

В течение трех месяцев народ страдал в осаде, жители этого города питались «лишь горем и печалью».

Как можно заключить из этого отрывка, описываемое бедствие выпало на долю народа в самое благодатное время, в период созревания урожая. Из-за междоусобных распрей правителей население оказалось отрезанным от выращенного нелегким трудом урожая; в городе начался голод. Глубоко сочувствуя народу, поэт заявляет, что в это трудное время его место — среди простых людей.

Со всеми вместе жил и я в мучительном плену —
Всех тайн и всех невзгод людских измерил глубину.

Как сообщает сам автор, в эти дни он прочел написанное на персидском языке прозаическое произведение «Юсуф и Зулейха» и увлекся его сюжетом:

Из многих в тот тревожный год прочитанных сказаний,
Одно сказанье стало мне всех ближе и желанней.
Читать все слаще было мне, милее с каждым днем
Рассказ о чуде красоты — Юсуфе молодом.
Но на персидском языке написан был рассказ,
И не в стихах, о чем в душе жалел я всякий раз.

Как известно, после смерти Тимура между его детьми началась борьба за престол. Согласно историческим источникам, сын Тимура Шахрух летом 1409 г. предпринял поход против Балха и ушел оттуда осенью того же года. Возможно, эти события отражены в описываемой Дурбеком осаде.

В поэме воссоздаются кровавые столкновения между правителями, голод, народное горе и страдания. В вве-

²⁸ Здесь и далее приводятся поэтические отрывки из кн. «Юсуф и Зулейха» Дурбека в переводе С. Северцева. Ташкент. 1980.

дении, названном «Начало поэтической книги», Дурбек не только рассказывает о себе, но и дает реальное изображение характерной для того времени картины общественно-политической жизни.

Просвещенный и образованный человек своего времени, Дурбек не может безразлично относиться к происходящему и старается объективно оценить его. Поэма свидетельствует о долгих и мучительных размышлениях автора о своем времени.

Как было сказано выше, повесть «Юсуф и Зулейха» была широко распространена на Востоке и до Дурбека, привлекала внимание многих авторов. Дурбек же решил в поэтической форме переложить полюбившийся ему сюжет на тюркский язык и испытать свои силы в создании оригинального произведения на эту тему:

Тогда возникло, стало зреть желание такое:
 Стихами надо изложить сказанье вековое.
 К тому же несколько мужей, блистающих умом,
 Решили поддержать меня в намеренье благом.
 А самый мудрый из друзей сказал мне на прощанье:
 «Будь тверд в намеренье своем, исполни обещанье.
 Не медли! Если ясно цель ты видишь впереди,
 Смелее отправляйся в путь — и до конца иди.
 Но чтоб Юсуфа жизнь воспеть правдиво, вдохновенно,
 Писать по-тюркски свой дастан ты должен непременно.
 А как закончишь — подпишись, поставь число и год,
 Пускай твой труд на много лет тебя переживет!».
 И вот, как путник, что идет в далекую дорогу,
 Я начал в этот долгий путь обираться понемногу.
 Калам с чернильницею взял, бумаги чистой взял —
 Неторопливо сочинять за строчкой строчку стал.

Эти строки показывают, что Дурбек снискал уважение и доверие современных ему читателей, многие из которых, будучи тюркоязычными, поддержали намерение поэта написать поэму на тюрки. Таким образом, поэма Дурбека — в полном смысле слова порождение своего времени.

Поэма начинается с драмы, разыгравшейся в семье пророка Якуба (Иакова). От его первой жены осталось 10 сыновей, от второй — два сына Юсуф и Ямин. Юсуф отличался несравненной красотой и умом, что вызывало зависть у его сводных братьев. Однажды Юсуфу приснилось, что солнце, луна и одиннадцать звезд сошли на землю, чтобы поклониться ему. Испуганный, он проснулся. Отец увидел в этом сне указание на то, что в будущем Юсуф завоюет всеобщее уважение. Он

попросил сына не рассказывать братьям о сне, чтобы не вызывать у них неприязни. Однако Юсуф не удержался и рассказал им о сне. Как и предсказывал Якуб, братья обиделись и задумали погубить Юсуфа. Позвав Юсуфа погулять на зеленый луг, они завели его в пустыню и хотели заколоть. Но затем, испугавшись кровопролития, бросили его в колодец, Якубу же сказали, что Юсуфа съели волки и в доказательство показали отцу окровавленную рубашку Юсуфа. С тех пор Якуб не знал покоя от тоски по любимому сыну. Юсуфа же спас из колодца египетский купец Малик Таджир. Узнав об этом, братья поспешили к торговцу и продали ему Юсуфа в рабство за 20 дирхемов. Малик же стал возить Юсуфа за собой из города в город, издеваясь и мучая мальчика. Наконец, привез он его в Египет, чтобы подороже продать.

Изображая враждующих между собой членов семейства, поэт имеет в виду династию Тимура, его потомков, которые, пренебрегая родственными отношениями, вели жестокую борьбу за трон. Завистливые братья Юсуфа, более кровожадные и безжалостные, чем волки, олицетворяли феодальную жестокость и беспощадность. А так как присущая людям зависть порицалась во все времена, образы братьев Юсуфа, созданные Дурбеком, обрели особую жизненность.

У правителя Магриба Таймуса была дочь по имени Зулейха, которая еще за семь лет до этого увидела во сне Юсуфа и полюбила его. Когда приехали сваты от египетского правителя Азиза, Зулейха, принявшая его за Юсуфа, согласилась поехать в Египет. Прибыв туда, она узнала, что это — не тот юноша, которого она полюбила во сне, но вынуждена была все же вступить в брак. Будучи уже обрученной с Азизом, она мечтала о Юсуфе и избегала близости с мужем. Когда Юсуфа привезли в Египет, его купил Азиз. Увидев Юсуфа, Зулейха узнает в рабе приснившегося ей юношу и теряет сознание. Поэт описывает любовные чувства Зулейхи во всех тончайших психологических нюансах. Зулейха, проводя бессонные ночи, с большой искренностью и простотой рассказывает кормилице о своих душевных переживаниях:

«Я гибну! — молвила она кормилице любимой.—
Боль все пределы превзошла и стала нестерпимой.

Меня безумие любви сжигает день и ночь,
 Огонь, палящий душу мне, нет оилы превозмочь!
 Ступай, Юсуфа отыщи, с ним тайно побеседуй,—
 Ему о вешем сне моем и о любви поведай.
 Открой ему, как мучусь я, судьбу свою кляня,—
 Хоть краем глаза, пусть разок хоть глянет на меня!».

Юсуф тоже любит Зулейху, но не посягает на ее верность мужу, напоминая о необходимости соблюдать семейный долг и честь. Зулейха глубоко страдает.

Однажды, оказавшись наедине с Юсуфом, Зулейха объясняется ему в любви. Но Юсуф уходит; она пытается удержать его, и тут неожиданно появляется муж. Растерявшаяся Зулейха объясняет удивленному правителю, что Юсуф хотел посягнуть на ее честь. Эта ложь, надеялась она, станет мезтью Юсуфу за его равнодушие к ней. Юсуфа бросают в зиндан. Шесть месяцев он находился там. Все это время Зулейха, «сердце которой было разбито на сто частей, а в душе печаль»— как писал поэт,— постоянно справлялась о нем, радовалась, когда слышала его голос. Дурбек создает романтический образ сильной духом, прекрасной женщины, ставшей символом подлинной и чистой любви. Прошли годы, Азиз умер. Зулейха соединилась с возлюбленным. Юсуф и Зулейха жили счастливо и имели троих детей. Они достигли своего счастья благодаря беззаветной любви и верности друг другу.

Когда Юсуф еще сидел в темнице, царь Египета Райян попросил его растолковать увиденный им сон. Юсуф предсказывает царю, что через семь лет Египту предстоит пережить семилетнюю засуху и неурожай. Он советует царю посеять больше зерна, чтобы запастись продовольствием на голодное время.

Подивившись этим словам, царь признал мудрость Юсуфа. Он вызвал Зулейху и, выяснив причину заточения Юсуфа и его невиновность, приказал освободить его. Юсуф потребовал освобождения всех узников. Народ встретил Юсуфа и его многострадальных друзей по несчастью с большим торжеством. Райян повелел возложить на плечи Юсуфа царский халат, опоясать усыпанным драгоценными камнями поясом и назначил его шахом вместо себя, сказав при этом:

«Святым достоинствам твоим и вправду нет конца,
 Судьбою предназначен ты для трона и венца!»

Если до сих пор поэт изображал Юсуфа как великого мученика, который мог выдержать любые испытания и страдания, считая их ниспосланными богом, то теперь он выступает как справедливый государственный деятель, мудрец. Едва сев на трон, Юсуф приказал всем подданным сеять и собирать хлеб. В течение семи лет народ выращивал хлеб вдоль берегов Нила. Затем, как и предсказывал Юсуф, начался неурожай. Не только хлеб, но и трава сгорели от засухи. Однако благодаря справедливому правлению Юсуфа, его предприимчивости и щедрости, народ продолжал жить в довольстве. В образе Юсуфа поэт выразил свою мечту об идеальном правителе:

С народом ласковый всегда, к преступникам суровый,
Он правосудья заложил надежные основы.
Под сенью щедрости его, в те годы изобилья
Не знали люди ни нужды, ни пнета, ни насилья.
Повсюду воцарился мир, а шум вражды умолк,—
Казалось стали доверять друг другу мышь и волк.
Казалось, голуби с орлом сумели подружиться,
И породнились прозный лев и ловкая лисица.

Здесь поэт не только выдвигает идею о справедливости шаха, но и описывает утопическое общество, в котором дружно живут и свободные люди, и птицы, и звери. Идея об идеальном правителе в поэме Дурбека перекликалась с лучшими народными произведениями восточной литературы, в том числе и с поэмами Низами Гянджеви и Джами об Искандере.

Пять лет неурожая стали сказываться на жизни людей. На шестой год кончилось зерно и родители стали продавать своих детей в рабство, добывая себе таким образом деньги на пропитание. Через семь лет нужда достигла предела. Люди, собравшись вместе, снова стали просить Юсуфа о помощи. Он посоветовал сделать общим достоянием все оставшееся зерно в стране и пользоваться им сообща:

...Не плачьте, не скорбите,
Все, что осталось от зерна вы вместе соберите,—
Разделим поровну!.. И вновь, надежду обретя,
Возрадовался весь народ, как малое дитя.

Раскрывая еще одну прекрасную черту характера Юсуфа, поэт выдвигает весьма прогрессивную для своего времени идею. Благодаря этому мудрому совету, в основе которого лежала идея коллективизма, на-

род продержался еще девять месяцев. Последние три месяца Юсуф стал лично общаться с народом, духовно поддерживая его. Так прошли семь голодных лет, и в Египте возродились радость и благоденствие.

Во второй половине поэмы Юсуф, женившись на Зулейхе, продолжает свое справедливое управление государством. Однако теперь начался неурожай в родном городе Юсуфа Канъоне. Люди бросали дома и уходили в чужие края; перебрались в Египет и братья Юсуфа. Когда они, разутые и раздетые, брели по стране, Юсуф ехавший со своим сыном и приближенными, увидел братьев и узнал их. Глубоко сострадав им, Юсуф прослезился. Удивившись волнению отца, сын спросил у Юсуфа, кто они, на что ему Юсуф ответил:

Ты видишь, сын мой, вдалеке тот жалкий караван,
И десять путников, что к нам пришли из дальних стран?
Узнай же правду: все они — мои родные братья,
И слезы, видя их беду, не в силах удержать я.

Юсуф подозревал их и стал беседовать с ними, не называя себя. Здесь проявляется человеколюбие Юсуфа. Несмотря на несправедливость и жестокость братьев, он, убедившись в том, что они действительно дети Якуба, дает им мешки зерна и отправляет на родину. При следующем своем посещении Египта братья привозят Юсуфу письмо от его любимого брата Ибн Ямина и отца Якуба. Читая письмо отца, растроганный Юсуф плачет — ведь прошло 50 лет с тех пор, как он расстался с отцом. Однако его тайну знала лишь Зулейха. Он не называет себя Ибн Ямину и другим братьям. Они считали Юсуфа погибшим, лишь отец не верит этому. В сердцах братьев Юсуфа все еще царит зло. Отвечая злом на добро, они решили воевать с Юсуфом. Войско братьев возглавил один из них — Яхудо. Юсуф посылает на битву своего сына Мешама, который побеждает в борьбе и Яхудо, и Шамъуна. Вслед за этим люди Юсуфа атаковали канъонцев и схватили Ибн Ямина, который остался в плену, в то время как другие канъонцы бежали. Благодаря возвратившемуся в Египет Шамъуну было разоблачено лживое письмо Яхудо и при помощи гадания раскрыты гнусные поступки братьев. Они были опозорены и признали свою вину. Юсуф через слугу Башира посылает свою рубашку Якубу, ослепшему от слез. Протерев глаза

рубашкой Юсуфа, отец прозрел. Якуб выехал в Египет и встретился с сыном. Юсуф вновь проявляет великодушие и прощает братьев.

Основная идея поэмы — проповедь единства и согласия между людьми как в пределах семьи, так и государства. Именно поэтому явившиеся во сне Юсуфу и поклонившиеся ему солнце, месяц и одиннадцать светил символически означают отца, мать и одиннадцать его братьев. Хотя под луной подразумевалась его мать, в поэме она не фигурирует. Образ же отца Якуба, благородного, справедливого человека, стремящегося к объединению семьи, выступает как символ человечности и справедливости. Насколько высока любовь Зулейхи к Юсуфу, настолько же сильна и отеческая любовь Якуба. Пятьдесят лет он провел в страданиях от разлуки с сыном. Однако все время он жил надеждой и чувствовал сердцем, что его сын жив и что когда-нибудь они соединятся. Встреча отца с сыном, раскаяние его братьев, любовь Зулейхи, приведшая к созданию прочной семьи, свидетельствует о том, что добро все-таки побеждает зло и правда торжествует. В отличие от многих дастанов поэма Дурбека заканчивается оптимистически. Именно в этом ключе говорится о встрече Юсуфа с Зулейхой, отца с сыном:

О как прекрасно, пережив скитанья и страданья,
Познать благословенный миг желанного свиданья!

В поэме выразительно изображены и отрицательные образы правителя Йемена, его алчного слуги Хаббаза и других, способствовавших конкретно художественному раскрытию основной идеи произведения. Конечно, положив в основу сюжета религиозную легенду, поэт не смог отказаться от религиозных воззрений. «Все от бога» — эта мысль в определенной степени затмевает светлый образ Юсуфа. Представление Якуба и Юсуфа в качестве пророков препятствует динамичному и диалектическому развитию этих образов, поскольку их пророческий дар позволяет им все предвидеть заранее. Вера в сновиденья, участие сверхъестественных сил (например, архангела Гавриила) в судьбах героев и т. д. — результат влияния религиозных представлений на мировоззрение поэта.

Однако несмотря на сказанное, художественное изображение основных событий и главных героев в поэме обретает реальный и конкретный характер, вместе с тем они созвучны той эпохе, в которой жил Дурбек. Благодаря этому, читатель чувствует себя живущим не в мире религиозных легенд, а в условиях противоречивой феодальной среды в Хорасане и Мавераннахре. Если семейные конфликты и драмы в доме Якуба напоминают беспокойную жизнь ханских династий, то образы Юсуфа и Зулейхи, их идеалы единства людей воплощают в себе лучшие мечты и чаяния народа той эпохи. Именно поэтому данное произведение стало крупным вкладом в развитие светской литературы.

Язык поэмы прост и близок к разговорному, свободен от излишней сложности и вычурности. В целом данное произведение значительно дополнило и обогатило узбекскую литературу того времени.

С самого начала, благодаря общечеловеческому содержанию и гуманистической направленности, данная поэма вызвала появление новых произведений, на других тюркских языках, основанных на этом сюжете. Как сообщается в «Истории пророков и мудрецов» («Тарихи анбиё ва хукамо») Алишера Навои, он тоже намеревался написать поэму на этот сюжет. Однако его творческий замысел не был осуществлен.

И в наше время гуманистические идеи и образы этой поэмы продолжают жить и развиваться в литературе, привлекать внимание читателей.

АТОИ

Развитие узбекской поэзии до Навои связано с именами ряда крупных художников слова. Без их творчества невозможно представить пути становления узбекской светской литературы. Подлинным мастером узбекской лирики, посвятившим свой талант совершенствованию жанра газели, был Атои.

В антологии «Собрание избранных» Алишер Навои называет Атоя известным поэтом, «стихи которого в свое время снискали славу среди тюрков».

Главное достоинство поэзии Атои — ее глубокий лиризм, простота языка, мелодичность. Его лирика от-

вечала эстетическим запросам трудящихся масс, что способствовало ее широкому распространению среди народа. До нас дошел лишь один рукописный диван поэта²⁹.

Творчеству Атои посвящены некоторые литературоведческие работы, в которых дана высокая оценка его поэтического мастерства.

Подобно другим художникам, Атои в период своего становления опирался на традиции устного народного творчества и предшествующей письменной литературы. Многие газели поэта говорят о его увлеченности жемчужинами устного творчества узбекского народа, творческом подходе к ним. В своих газелях художник создает взволнованные мелодии, восходящие к народным песням, стремится к пластичности стиля. Образцы народной лирики определили и понимание поэтом человека и природы в их взаимосвязи.

Атои был хорошо знаком с произведениями таких видных мастеров персидско-таджикской поэзии, как Хафиз, Камал Худжанди. В творчестве Атои чувствуется и влияние Лутфи: в его диване есть газели, созданные им как вариации на тему стихотворений Лутфи. Такова, например, газель Атои, начинающаяся с бейта:

Кровью стало сердце от разлуки с нею,
Сгорела душа в страсти к ней...

Данная газель написана под влиянием стихотворения Лутфи, матла которого звучит так:

Кровью стало сердце от разлуки с Вами,
И душа сгорела в страсти к Вам...

Приведенные бейты настолько близки по содержанию, что, на первый взгляд, кажется, будто здесь прямое заимствование. Однако далее в газелях каждый художник по-своему развивает данную тему. У Лутфи:

²⁹ Этот диван, включающий 260 газелей поэта, хранится в Ленинграде, в Отделе рукописей ИВ АН СССР под № 22 В—2456. Данная рукопись впервые была описана А. Н. Самойловичем, обнародовавшим также 17 газелей поэта. 15 газелей опубликованы в кн. «Узбек адабиёти намуналари», т. 1, 1928. Впоследствии они вошли в «Хрестоматию по узбекской литературе». 88 газелей Атои были включены Х. Зариповым в сб. «Современники Навои», 1948. Большое место уделяется произведениям Атои в хрестоматии «Узбек адабиёти». В 1958 г. Э. Рустамов опубликовал газели Атои отдельным сборником, сопроводив их специальным предисловием.

Разрушили веру, сердце, разум
 Беспощадные Ваши глаза.
 Сгорблена прямая стать моя
 Под Вашими кокетливыми бровями...

А вот как звучит газель Атои:

Сердце кровью исходит, в разлуке убого,
 А от страсти душа — будто в язвах ожога.
 Рать кудрей красоту твою в плен захватила,
 От очей твоих им подоспела подмога.
 Жала стрел твоих если сравню я с шипами,
 Купы роз от смущенья полягут полого...
 ...Чернокудрым я был — поседел от страсти,
 На меня не взглянула, увы, недоτροга.
 А под сводом бровей чудо-очи сверкнули —
 Сердце пленником быть приневолили строго.
 Мучьте, мучьте влюбленных, да много ль намучишь,
 Если к ним навсегда позабыта дорога!..³⁰

Как видим, Атои своеобразно описывает в газели красоту возлюбленной, ее жестокость по отношению к лирическому герою и страдания влюбленного, используя оригинальные поэтические образы и средства изображения. В этом и проявилось новаторское отношение поэта к литературным традициям.

Творчески используя традиционные каноны изображения, Атои обращается к неиссякаемой теме — земной любви. Любовь для Атои — главный источник прекрасного в реальном мире. В своей лирике он воспеваеет красоту любимой, ее высокие душевные качества. Все оттенки чувств, переживаний влюбленного, смена его настроений переданы в его газелях с тонким психологизмом.

И хотя лирический герой Атои говорит: «Любовь делает бессильным даже льва», тем не менее он считает ее величайшей духовной силой на свете. И убеждение в духовных возможностях человека, стремление определить его место в мироздании обусловили гуманизм Атои и его лирики.

В диване поэта нет газелей лишь одного философского, социального и дидактического характера. Но деятельная философская мысль, общественный дух, наставительные моменты в целом присущи поэзии Атои. В большинстве случаев они выявляются на фоне любовной тематики. Более того, поэт никогда не берет

³⁰ Иванов С. Кровное слово (Переводы из узбекской поэзии). Ташкент. 1981. С. 40—41.

за основу мысли и чувства, оторванные от философской сущности той или иной темы.

Влюбленный и возлюбленная — центральные его герои, мыслящие и чувствующие как передовые люди своего времени. На мир поэт смотрит глазами влюбленного, действительность и ее события воспринимает через призму страстных переживаний и надежд отвергнутого сердца. Лик возлюбленной поэт называет «цветком моей жизни», а лирического героя представляет в образе страдающего соловья:

Буду стенать я, глядя на твой лик, подобный розе,
Ведь настало время рыдать соловьям.

В своей поэзии Атои как бы исследует все грани любви: славит ее созидательную роль в судьбе человека, сравнивает любовное чувство с другими прекрасными явлениями окружающего мира; выражает радость свидания, блаженство надежды, незыблемость доверия и преданности; боль разлуки и ран, нанесенных изменой; восхваляет вино, как источник утешения. Но главное в газелях Атои — изображение красоты возлюбленной, ее человеческих достоинств:

В цветнике я воспел твою красоту,
Покраснела роза в саду от стыда...
Ты, любимая, мне дороже души,
Без тебя мне жизнь сама не нужна...

Эти слова рождены искренним, глубоким чувством. Лирический герой Атои предпочитает всем «плодам райских садов» прекрасный лик возлюбленной. По его мнению, только «неразумное животное» не тоскует по возлюбленной. Для него свидание с любимой — высшая жизненная ценность. Он не живет бесплодными догмами «невежественной толпы» — аскетов и отшельников:

Когда Атои склоняется перед михрабом Каабы,
В его душе — глаза и брови возлюбленной.

Поэт пишет: «В последний час мне скажут если: «Исповедуйся!», отвечу: «Исповедь моя — та лунолика!» и умру». Вера лирического героя Атои в любовь непоколебима. В своих газелях поэт славит эту «извечную веру», призывая людей ценить реальную красоту мира. В сущности каждая газель поэта в той или иной форме пронизана духом восхищения перед прекрасным,

любовью, жизнью. Поэтому лирика Атои не оторвана от природы, способной воздействовать на внутренний мир человека. И в этом еще одно из достоинств поэзии Атои, определяющих ее непреходящую идейную ценность.

Поэзия Атои, утверждающего достоинства человека, красоту земной любви, гуманна по существу.

Дружба, любовь человека к человеку. Поэты всех времен воспевают эти чувства. В лирике Атои они изображены с глубокой искренностью.

Время, реальная действительность определяют направление творческих поисков подлинного художника. Размышляя о духовной жизни народа, нравственно-этических принципах общества, высказывая свои суждения об эпохе, среде, сущности бытия и назначении человека, поэт не может не считаться с требованиями своего времени. Атои жил в эпоху феодализма, когда религия была господствующей идеологией в жизни народа и общества. Ее поборники рьяно отстаивали догмы ислама. И хотя поэт был свидетелем этого, его творчество не носит конфликтного, протестующего против этих догм характера. Однако оно ценно тем, что в нем воплощены гуманистические, жизнеутверждающие начала.

Подобно многим поэтам своего времени, бунт против социальной несправедливости поэт сводит к осуждению ее, выливающемуся в настоящую идейную борьбу против духовной нищеты. Следует заметить, что Атои не просто отрицает косность взглядов служителей религии, но и раскрывает их подлинную сущность. Его критические взгляды логически последовательны, глубоки и убедительны. Именно поэтому поэзия Атои воспринимается как своеобразный, неповторимый образец подвига мысли.

Творчество Атои отражает и борьбу идей, мировоззрений, характеров. В этом отношении особенно интересна интерпретация поэтом конфликта между влюбленным и соперником, их противопоставление. Соперник — воплощение жестокости, предательства, низости, подлой зависти. Влюбленный — ясный день, соперник — зловещая ночь. В своих газелях Атои показывает эти непримиримые противоречия между духовным светом и тьмой, тем самым выражая свое отношение к отри-

цательным явлениям эпохи, к людям, ставшим рабами и прислужниками верхушки своего общества. И такие высказывания поэта, как «Моя судьба — страдать от любви или гнета эпохи, от жестокости возлюбленной или злобы соперников» — это не просто риторические суждения.

Атои не мог равнодушно взирать на гнет и несправедливость. В одной из газелей он пишет: «Ведь благо страны — в справедливости правителя» и в то же время утверждает, что «не у кого просить защиты, если и правитель не жалеет». Такие строки придают поэзии Атои определенную социальную окраску.

Атои — талантливый художник слова. Его художественное дарование — заметное явление в узбекской лирике. Понятие художественного мастерства многогранно. Говоря о высоком мастерстве Атои, мы остановимся лишь на некоторых существенных моментах проблемы.

«Погрузись в море поэзии, достигни его глубин!» — говорит поэт. Это — его поэтическое кредо. По мнению Атои, стихи, лишенные глубокой мысли, подобны «соломинкам» на поверхности реки. И художественное мастерство в поэзии заключается именно в том, чтобы уберечь образ и слово от поверхностности. В этом проявляется и чувство ответственности художника по отношению к слову, высокое понимание творческого долга, утверждающего ценность художественного слова. Его творческая взыскательность подлинного художника в отборе словесных «жемчужин с глубин поэзии», яркая насыщенность образов, лиричность принесли ему заслуженное признание уже в его время.

Критерии жанра всегда определяют содержательность избранной поэтом формы. Газели Атои — наглядный пример того, насколько важно соблюдение поэтом требований жанра. Произведения Атои и по форме, и по идейно-художественному содержанию являются классическим образцом газели.

Талант Атои проявился и в использовании им разнообразных традиционных приемов классической поэзии. В восточной поэтике существует прием «кирсоли масал», т. е. использование народных пословиц и поговорок, мудрых изречений и подчинение их поэтической идее стиха. В своих газелях Атои широко исполь-

зует его; этот прием во многом определяет народность формы произведения:

Уста твои не раз просил я, желал и не нашел,
Будто не верны слова «кто ищет, тот найдет».

Одна из газелей строится как ряд вариаций на тему народных пословиц и поговорок. Они выполнены на высоком художественном уровне, всегда уместны, подчинены идейно-художественному замыслу поэта:

Не удивительно, если Атои полюбит своего соперника,
«Кто почитает хозяина, бросит кость его собаке».

Во второй строке этого двустишия поэт приводит широко распространенную в народе пословицу. Органически вплетенные в ткань произведения пословицы и изречения часто служат для выяснения взаимоотношений лирического героя с соперником. В приведенном бейте поэт ни слова не говорит в осуждение характера и недостойных поступков соперника, более того, в нем даже есть такие слова «Не удивительно, если Атои полюбит своего соперника». Но в последующей строке при помощи пословицы уподобляет его жадному псу, тем самым неожиданно раскрывая духовный облик соперника и характер отношения лирического героя к нему. Такие приемы нередки в газелях поэта. В одной из них Атои пишет:

От вздохов моих сгорят и соперник и святоша;
Ведь от огня горят и сухое и мокрое.

Духовное величие непобедимо всегда, бессилие духа обречено на поражение. Атои привлекает внимание читателя к этой известной истине, раскрывая смысл пословицы «От огня горят и земля и вода» и сравнивая свое чувство с могучей стихией огня. В соответствии с требованиями размера Атои несколько изменил форму этой пословицы, но сохранил ее смысл. Используя это изречение, поэт создал художественный образ противоборствующих сторон: ведь соперник и аскет — вечные непримиримые враги влюбленного. В данном случае «огонь» — это «влюбленный». «Вода и земля» — соперник и аскет. Следовательно, как ничто не может устоять перед огнем, так ничтожны соперник с аскетом перед чувством истинного влюбленного. В этом суть бейта, его идея. Мастерство Атои здесь проявилось в

использовании традиционного поэтического приема «ирсоли масал».

Каждый такой прием для Атои — средство, которое в его газелях никогда не становилось самоцелью и не подчиняло себе замысла. Все широко используемые Атои поэтические приемы всегда были подчинены единой цели — облечь поэтический замысел в адекватную форму. Поэтому приемы поэтического изображения в газелях Атои служили раскрытию характерных картин внутреннего мира личности, усилению эмоциональной впечатляемости произведения. Так, поэтический прием «талмех», т. е. упоминание поэтом исторических событий, сказаний, имен легендарных героев в связи с конкретным моментом в сюжете произведения, в газелях Атои используется как поэтическая метафора, становится средством всестороннего раскрытия характера влюбленного. При его помощи автор включает внимание читателя в известный ему ряд художественных образов:

Твоя душа не будет спрадать без меня,
Таких влюбленных в тебя сотни тысяч.
Но разлука с Узро — горе для души Вомика.

Напоминая читателю об известном в народе сказании о любви Вомика и Узро, поэт воспевает преданность лирического героя своей любимой.

Вомик и Узро, Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун, Юсуф и Зулейха — это легендарные пары влюбленных Востока. Для более выпуклого изображения переживаний и духовного состояния своих лирических героев поэты классической литературы часто использовали прием «талмех», вводя эти образы, сюжетные параллели и детали, перекликающиеся с определенными моментами произведений народного творчества, в художественную ткань своих произведений. Это свойственно и лирике Атои.

В «Мухокаматул-лугатайн» («Суждение о двух языках») Алишер Навои говорит не только о множестве неповторимых слов тюркского языка, но и о сложности «чарующего нанизывания их в прекрасном подборе» на нить произведения. Важная заслуга Атои и современных ему передовых поэтов в том, что они еще до Навои высоко подняли знамя родного языка и своим творчеством активно способствовали его развитию в

литературе. А язык газелей Атои сформировался на почве узбекского языка, вобрав в себя его богатую образность и напевность. Избрав для передачи искренних и благородных чувств понятные многим слова и обороты, поэт достигает ясности и простоты языка, избегает громоздкости и усложненности фразы. Видимо, поэтому Алишер Навои считает Атои поэтом, творившим «более по-тюркски».

Атои — одна из ярких фигур узбекской классической поэзии. Его стихи — оригинальный образец светской лирики восточного средневековья. Отказавшись от схоластического восприятия жизни, разрывая суфийские рамки в разрешении проблем взаимоотношений человека и природы, он воспевает любовь и красоту возлюбленной, славит жизнь и доброту. И это было его вкладом в развитие литературы, в обогащение духовного мира человека.

ГАДОИ

Гадои — известный представитель узбекской классической поэзии. Родился приблизительно в 1403—1404 гг./806 г. х. До настоящего времени дата его рождения вызывает противоречивые мнения. Так, Э. Рустамов считает, что Гадои родился примерно в 1360 г., так как во время его службы при дворе Абулкасыма Бабура ему уже было более 96 лет. В подтверждение своего вывода исследователь приводит данные, содержащиеся в одной из касыд Гадои³¹. А С. Ганиева, ссылаясь на сведения, приведенные в тазкире Алишера Навои «Собрание избранных», и на дату ее написания, приходит к выводу, что год рождения Гадои — 1403—1404 (806 г. х.). В свое время того же мнения придерживался видный тюрколог Я. Экман. Адресатом касыды Гадои С. Ганиева справедливо считает не внука Тимура от старшего сына Мираншаха Султана (как предполагает Э. Рустамов), а внука старшего сына Тимура Джахангира (первенца Мухаммада Султана Халила Султана)³².

³¹ Рустамов Э. Узбекская поэзия в первой половине XV века. М. 1963; Гадоийнинг бир касидаси ва «Мажолис-ун-нафонс»нинг ёзилиш тарихи//Узбек тили ва адабиёти. 1967. № 2.

³² Ганиева С. Еще раз о касыде Гадои и истории создания «Собрания избранных»//Узбек тили ва адабиёти. 1972. № 5.

Автор монографии «Гадои» Э. Ахмадходжаев, изучив данный вопрос, находит предположения Я. Экмана и С. Ганиевой аргументированными. Мы считаем неверным мнение о том, что Алишер Навои написал часть «Собрания избранных», содержащую сведения о Гадои, в Герате в период жизни при дворе Абулкасыма Бабура. Следовательно, во время создания «Собрания избранных» Гадои уже было за 90 лет и годом его рождения следует считать приблизительно 1403-1404 г./806 г. х.

Исторические источники не донесли до нас фактических данных о жизни и творчестве Гадои. Весьма ценные сведения содержатся в тазкире Навои «Собрание избранных»: «Мавляна Гадои слагает стихи потюркски и принадлежит к числу известных поэтов. Его стихи приобрели славу во времена Бабура-мирзы. Вот одно из его знаменитых двустиший:

Увы, вновь печалилось мое безумное сердце,
Из-за этого сердца вновь обрушилось на меня несчастье.

Мавляне более 90 лет. Это его стих:

- О возлюбленная, без тебя эта жизнь — мучение для души,
• Что и сотни смертей удивляются ее горю.

Навои отмечает широкую известность своего современника. Справедливость высокой оценки, данной творчеству этого поэта Навои, подтверждают приводимые им бейты из произведений Гадои.

В последние годы интерес к жизни и творчеству Гадои значительно возрос. Появился ряд работ, посвященных научному анализу его наследия, определению места поэта в истории нашей литературы, популяризации произведений самого Гадои³³.

Впервые стихотворные произведения Гадои были опубликованы Я. Экманом в 1960 г. в Турции. Для данного издания он отобрал 50 стихотворных образцов из уникальной рукописи дивана Гадои, хранящейся в Парижской национальной библиотеке. Впоследствии

³³ См.: Ганиева С. Шоир Гадойи//Узбекистон маданияти. 1962. 1 сент.; Гадойи. Шеърлар/Подготовка к изданию и предисловие С. Ганиевой. Ташкент. 1965; Гадойи. Узбек адабиёти тарихи. 1 т. Ташкент. 1977; Рустамов Э. Узбекская светская поэзия первой половины XV века. М., 1963; Ахмадхужаев Э. Гадойи ижодининг ўрганилишига доир. Гадойи девонининг нодин нухсаси хақида//Адабий мерос. 1972. № 2; Ахмадхужаев Э. Гадойи (Ҳаёти ва ижоди). Ташкент, 1978.

эта публикация послужила основой для издания стихотворений Гадои в Узбекистане³⁴. Полностью диван поэта сначала был издан за рубежом, затем в Ташкенте³⁵.

Поэзия Гадои отличается многообразием художественных форм. Его диван включает 230 газелей, один мустазад, одну неоконченную касиду и 5 кытъя³⁶. Несомненно, что в художественном творчестве первостепенное значение имеет не форма, а содержание. И Гадои относится к тем поэтам, которые всю силу своего таланта посвятили воплощению в своих произведениях высоких идей.

Подлинно талантливые поэты любой эпохи, независимо от принадлежности к той или иной литературной школе, всегда были близки к народу, выражали его духовно-эстетические идеалы, либо по мере возможности стремились к этому. Таким поэтом был и Гадои. Пафос его поэзии, его творческая деятельность в целом свидетельствуют о том, что он тонко чувствовал духовные потребности и устремления народа.

Как известно, для узбекской литературы XV век относительно предшествующего времени явился веком смелого новаторства и высокого творческого подъема. Общественно-экономическая, политическая, культурная жизнь этого периода создавала благоприятные условия для расцвета литературы и, в частности, поэзии на национальном языке.

История поставила перед Гадои и современными ему поэтами прежде всего задачу полного и глубокого раскрытия художественно-образительных возможностей узбекского языка. Не случайно Алишер Навои в «Суждении о двух языках» ставил Гадои в один ряд с лучшими поэтами, писавшими на тюркском языке³⁷.

Одним из ведущих жанров узбекской классической поэзии является газель. Поэтому Гадои и другие современные ему поэты наиболее вдохновенно и плодотворно работали в этом жанре.

Главная тематика газелей Гадои — человек, его внутренний мир, отношение к жизни, его любовь. Лич-

³⁴ Гадоий. Шеърлар. Ташкент. 1965.

³⁵ Гадоий. Девон/Подготовил к изданию Э. Ахмаджужаев. Ташкент. 1973.

³⁶ Ахмаджужаев Э. Гадоий, 20-бет.

³⁷ Алишер Навои. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 135.

ность влюбленного — вот первостепенный объект изображения в лирике поэта. С большим искусством и пониманием Гадои описывает переживания, боль и страдания человека. Именно поэтому события эпохи и общества поэт воспринимает сердцем влюбленного. Можно сказать, что идеал лирического героя Гадои отражен в следующем бейте:

Лишусь я жизни, если хоть немного ослабнет недуг
любови,
О боже, да не ослабнет боль влюбленного сердца до
судного дня³⁸.

Любовные страдания выражаются жизнеутверждающе; герой убежден в незыблемости светлых начал — преданности, верности, любви к прекрасному, бережном отношении к человеку. В каждом стихотворении поэта ведущим эмоциональным импульсом являются естественная потребность в активном добре, утверждение идеи красоты и привлекательности жизни.

Как тонкий знаток родного языка, Гадои свободно владеет поэтическим словом, всем арсеналом средств художественного изображения. Его красочная палитра обладает всеми оттенками цвета, его мастерство проявляется в образном выражении глубокой и оригинальной мысли. В газелях поэт использует все богатство языковых средств и художественных образов для создания ярких поэтических картин, передачи нюансов мыслей, чувств влюбленного. Именно в этой области художественного творчества наиболее четко проявляются оригинальные грани его таланта. В одной из газелей поэт, описывая страдания влюбленного, у которого от тоски по возлюбленной «временами словно закипала кровь», пишет:

Твои очи лишь взглянут — и душу живят, —
О, взгляни только раз, брось единственный взгляд.
...Чернота твоих кос — как беда для души,
Взор под сводом бровей черной карой фреват.
...Вязь кудрей твоих сердце мне сжала силком,
Только эта неволя мне слаще услад.
Слез моих и стенаний, смотри, берегись:
Стон страдальца — предвестник грядущих расплат³⁹.

³⁸ Гадои. Девон. 1973. С. 54. В дальнейшем ссылки даются на данное издание.

³⁹ Здесь и далее поэтические переводы будут приводиться из кн.: Иванов С. Н. Кровное слово (Переводы из узбекской поэзии). Ташкент. 1981.

Конечно, и до Гадои образ влюбленного создавали другие поэты. Но как истинный художник слова, Гадои подходит к традиции творчески, дает оригинальную интерпретацию традиционного образа, тонко подмечая состояние влюбленного, создает своеобразную поэтическую картину. Даже предостережение, обращенное к жестокой возлюбленной, звучит как мольба беспомощного смилостивиться над ним.

В другой газели Гадои читаем:

Твой лунный лик взойдет в ночи — скорблю я до утра,
И очи звездный ливень слез струят к земле с высот.
Высокий стан твой небо чтит: едва блеснет заря,
Дождь золота к твоим стопам роняет небосвод.
...Но сломлен горем Гадои, родник багряных слез,
Рубинам уст твоих под стать, живой водой течет.

Здесь благодаря оригинальным сравнениям и образам автор создает выразительную картину страданий лирического героя, своеобразно описывает красоту возлюбленной. Образное и во многом неповторимое изображение позволило поэту поразительно тонко передать состояние, всю гамму чувств и мыслей героя.

Некоторые исследователи считают, что общественно-социальные мотивы в лирике Гадои незначительны. Действительно, в наследии поэта произведения с открыто декларируемой социально-политической тенденцией занимают небольшое место. Это объясняется тем, что Гадои и другие современные ему поэты передают свои социальные взгляды, отношение к феодальным правителям и духовенству через мироощущение лирического героя — влюбленного. Развивая в произведениях мотивы разлуки, одиночества, страданий любви, коварства возлюбленной, поэт выразительными деталями, поэтическими образами, намеками, а, порой, интонацией раскрывает читателю свое миропонимание, характеризующееся бескомпромиссным отношением к пережиткам и догмам, принижающим человеческое достоинство, к порокам современной ему феодальной деспотии. В одной из газелей он пишет:

Все вместе ухудшило положение бедного Гадои:
И боль разлуки, и жестокость неба, и гнет жизни...

Жалобы на «боль разлуки», «превратности судьбы», «гнет жизни» и «жестокость неба» звучат в унисон друг другу во многих газелях Гадои.

В целом в оставленном нам диване Гадои можно выявить немало газелей, в которых поэт трезво оценил многие явления современной ему жизни, воспел человеческую гордость и достоинство.

В лирике Гадои весьма силен дух отрицания, критицизма, выявляющийся через его непримиримое отношение к «злосчастному сопернику» — хитрому, коварному лицемеру, вносящему разлад между влюбленными:

Я соперником измучен, выось, как пряди кос твоих,—
О, когда б того злодея бог извел и в небыль стер!
Что ни миг — сто злых издевок от людской молвы сношу,—
О тебе, мой друг, мечтая, я терплю такой позор.

В своих стихотворениях Гадои создает обобщенный образ «соперника», в лице которого он осуждает такие человеческие пороки, как коварство, хитрость, высокомерие, грубость. Поэтому когда поэт говорит о сопернике «Как он высокомерен, спесив, горделив», это следует воспринимать как выражение отношения ко всем, кому свойственны спесь, невежество и высокомерие, так как известно, что одной из непреходящих задач поэзии является выражение общественного содержания через личное. Это касается и критического изображения аскетов и резонеров, которые «бахваются своим благочестием». Однако критика поэта двупланова: с одной стороны, он прямо отрицает неприглядности жизни, с другой — пользуется приемами завуалированного осуждения. Некоторые поэты в начале своих газелей приводят какую-либо философскую или морально-нравственную догму представителей аскетизма, а затем противопоставляют им свое собственное мнение или строят произведение в форме полемики. Подобного рода приемы использовал и Гадои. Однако они не были ведущими в его творчестве. Поэт призывал людей обратиться к красоте жизни, уже этим самым не признавая аскетические отречения от радостей реальной жизни:

Свидание с красавицей, пора весны и чистое вино,
Всем приносит редкое счастье.
...Наслаждайся с розоликой в саду,
Ведь быстротечна, обманчива молодость...

Многие газели Гадои, подобно этой, проникнуты светлым чувством преклонения перед прекрасной порой весны, призывом ценить радости жизни. В художественном творчестве вполне правомерен путь отрицания одного явления посредством утверждения другого.

В своем разоблачении некоторых догм духовенства, осуждении отречения Гадои идет именно этим путем. Однако важен и другой момент. Гадои творил в рамках формирующихся в узбекской поэзии литературных традиций, существующих образов и идей, за пределы которых он не мог выйти. Однако несмотря на это в творчестве Гадои проявились тенденции к новаторству в приемах поэтического изображения, к сближению поэзии с реальной жизнью, что заметно в его газелях, воспевающих времена года и связанные с ними ощущения и чувства. Говоря о своеобразии лирики Гадои, особо следует отметить его активное отношение к природе. Времена года отражают человеческие переживания. Особенно близки поэту весна и лето:

Вот и лето пришло, красотою сады озарив,
Ветер, благо тебе,— животворен твой нежный порыв.
С луноликой бы летом, ласкаясь и нежась, пройтись,
Впору райским садам луг цветущий и свеж и красив.

В творчестве поэта весна и лето символизируют расцвет человеческой личности, зрелость и полноту чувств лирического героя.

Гадои — искусный мастер газели. В своих требованиях к ее содержанию, в стремлении к точности выражения мысли, максимальному соответствию мелодики и ритмики стиха, в поиске и использовании поэтических образов он старался исходить из критериев подлинного искусства. Для усиления идейно-эмоционального воздействия газелей Гадои умело прибегал к таким приемам классической восточной поэзии, как *таносуб*, *тазод*, *ташбих*, *талмех*, *ирсоли масал* и т. п. Исследователи классической поэзии также высоко оценили мастерство Гадои в использовании им рифмы и редифа.

Язык газелей Гадои прост, плавен, во многих случаях очень близок к народному. Многие выражения, заимствованные им из народной лексики и содержащие оценку и восприятие событий простыми, бесхитростными и искренними в своих душевных переживаниях людей, органично вошли в его стихотворения. Кроме того, Гадои умело использует возможности народного языка для раскрытия характера своих героев.

Из литературного наследия Гадои до нас дошли также одна неполная касыда, один мустазад и пять кытъя. Его касыда посвящена одному из тимуридов — Халилу Султану. Тринадцать сохранившихся бейтов ка-

сыды свидетельствуют о том, что в ней параллельно восхвалению принца речь идет в основном о таких человеческих качествах, как справедливость, мужество, правдивость, великодушие и т. д. Весьма ценен опыт поэта в жанрах мустазад и кытъя, в которых проявилось незаурядное мастерство автора.

В последние годы были найдены новые источники по литературе XV века, изучение которых позволит выявить новые грани таланта Гадои. В частности, в тазкире Фахри Герати «Редифы стихов» («Радойиф ул-ашъор») наряду со стихами узбекских поэтов Лутфи, Амири, Якини и других приводятся начальные строки газели Гадои, написанной им на персидском языке:

Чашмони ман зи ашк дамодам гул лолахо,
Доранд аз фироки ту пурхун пиёлахо.
Навбанд гизоларо ба чашми ту нисбате,
Айни хатоас нисбати уро газолахо...

От непрестанных слез глаза мои словно тюльпаны,
Чаши которых от разлуки с тобой наполнены кровью.
Какое отношение имеют глаза газели к твоим?
Если кто скажет, что твои глаза похожи на ее, он

ошибается.

Эти строки свидетельствуют о том, что Гадои успешно занимался творчеством и на персидском языке.

В целом Гадои был одним из тех талантливых поэтов, которые представляли узбекскую литературу, предшествующую творчеству Навои. Наряду с такими современными ему художниками слова, как Лутфи, Атои, Саккаки, Гадои внес весомый вклад в развитие узбекской поэзии. Центральной темой лирики Гадои является земная любовь. Как певец любви, свое основное внимание он обращал на извечные мысли и чувства человека и сумел выразить их с большим художественным мастерством. Даже мотивы грусти и печали, как это бывает в подлинной лирике, в поэзии Гадои звучат оптимистично и жизнеутверждающе. Именно поэтому уже в его время стихотворения Гадои получили широкое распространение среди народа.

МУНОЗАРЕ В УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Мунозаре (букв. «спор, диспут»)⁴⁰ — это литературное произведение, написанное в форме диспута, в кото-

⁴⁰ Статья печатается с некоторыми сокращениями по книге: Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV в.

ром соперники стремятся доказать свое превосходство друг над другом. Обычно мунозаре кончается тем, что одна из сторон признает свое поражение. Часто в мунозаре содержится небольшая панегирическая часть, адресованная лицу, заказавшему это произведение.

Мунозаре принадлежит к старейшим жанрам в литературе иранских и тюркских народов.

У тюркских народов литературные произведения в форме диспута создавались с давних времен. Так, Махмуд Кашгарский в своем «Диване» приводит свыше двадцати четверостиший, представляющих диспут зимы и лета. Среди тюркских рукописей есть еще три мунозаре узбекских поэтов первой половины XV века: «Спор музыкальных инструментов» (Руджоманинг оросинда мунозараю мубохаса) Ахмади, «Спор между Бенгом (Опиумом) и Вином» (Бангу чоғир оросинда мунозара) Юсуфа Амири и «Спор между Стрелой и Луком» (Уку ёй оросинда мунозара) Якини. Три этих небольших по объему произведения исключительно ценны для истории узбекской классической литературы как вновь открытые литературные памятники староузбекской поэзии и прозы XV века.

1. Мунозаре Юсуфа Амири «Спор между Бенгом и Вином». Мунозаре Амири начинается с прославления бога и пророка, состоящего из четырех-пяти строк. Произведение написано прозой, но встречаются и стихи, принадлежащие самому Амири, иногда — другим авторам. Так, в мунозаре использованы стихи Хафиза, Хосрова Дехлеви и Ибн Сины. Рассказывая о том, как было создано мунозаре, Амири подчеркивает свое авторство: «Однажды некий любезный муж, который в Египте красотой был подобен Иосифу, а тонкостью разума — Моисею, воодушевил меня и предложил (мне) создать по правилам острословия в стиле персов на тюркском языке спор между бенгом и вином, так как до сей поры никто не мог сочинить ничего подобного... Зодчий этого рассказа, изобретатель этого чертежа, создатель этого рисунка, начертатель этих письмен, составитель этих (изысканных) выражений, владелец сокровенных помыслов этой тайны, то есть Юсуф Амири...»⁴¹. Итак, мунозаре было написано по

⁴¹ Амири. Бангу чоғир оросинда мунозара. Коллекция Британского музея, № 7914, л. 329а (использована фотокопия). Далее — Амири. Мунозаре, л... Еще см.: Мунозаре Юсуфа Амири

заказу одного из любителей изящной словесности того времени. По всей вероятности, это был Мирза Байсункар, ибо в своих произведениях Амири упоминает Байсункара как своего покровителя и духовного наставника.

Мунозаре Амири — своеобразное произведение, богатое реалистическими деталями, картинными, пронизанное народным остроумием, иронией и юмором. Заслуживает внимания назидание в части, посвященной прославлению бога, где Амири говорит: «Божиею милостью дарован человеку светильник разума, чтобы он был в безопасности от блуждания во тьме»⁴².

Мунозаре начинается так: Амири одинок, он думает о друзьях и приятелях, с которыми разлучен, и, чтобы рассеять свои печальные думы, выходит на прогулку в сад, мечтая встретить там какого-нибудь прекрасного и благородного человека и поделиться с ним своей глубокой тоской. Он видит толпу беспечных и праздных гуляк: «Прогуливаясь по саду вдруг я увидел несколько дружно беседовавших людей, которые сидели в углу сада и были поглощены беседою так, что никто не мог бы остановить их».

Среди них был сгорбленный Чанг, и то и дело Его били, упрекая в том, что он горбатый.

Все они

Сроднились, будто молоко с сахаром,
Мысль у них была одна, вздохи их слились и
были собеседниками.

Устроили веселый пир и были заняты
тем, что сидели и пили⁴³.

Между Бенгом (опиумом) в образе суфия-отшельника в зеленом плаще дервиша (символ зеленой травы) и Вином в облике полного сил юноши в розовой одежде завязывается спор, в котором каждый из участников расхваливает свои качества и, нападая на противника, обвиняет его в различных грехах и пороках. Это остроумное словопрение часто переходит в грубоватую перебранку, в которой противники пользуются недозволенными выражениями. В доказательство своих преимуществ

«Спор между Бенгом и Вином». Текст и перевод Э. Рустамова// Рустамов Э. Узбекская поэзия первой половины XV в. М. 1963. С. 321—344.

⁴² Там же, л. 329а.

⁴³ Там же, л. 329, 330а.

ществ спорящие ссылаются на Коран и на отзывы ученых авторитетов, мудрецов древности.

В своем мунозаре Амири широко использует идиоматику разговорной речи, часто прибегает к игре слов, создавая остроумные и неожиданные каламбуры. Нередко пользуется он и распространенным в классической поэзии Востока приемом мусаххар, который заключается в перестановке диакритических знаков в словах или в перемене порядка букв, благодаря чему слово приобретает иной смысл.

В средние века, особенно в XV в., наиболее распространенным видом художественной прозы был садж, рифмованная проза. Но Амири написал свое мунозаре без рифмы. Садж встречается у него только в отдельных местах.

Для мунозаре характерны меткие народные выражения, великолепная игра слов; тонкий юмор и блестящее остроумие, столь свойственное устному народному творчеству.

2. Мунозаре Якини «Спор между Стрелой и Луком»⁴⁴. Это мунозаре — замечательный образец узбекской художественной прозы XV в. Оно начинается с того, что несколько искусных юношей-лучников, задумав устроить маджлис, выехали из города и расположились в укромном месте. В это время со стороны Туркестана появились два незнакомца: один из них — сгорбленный старик — Лук, другой стройный молодой человек — Стрела⁴⁵. Молодежь, соблюдая правила вежливости, указала старику место с правой стороны, а молодому — с левой. Однако молодой человек, шедший с правой стороны, занимает место справа. Это обидело старика, и между Луком и Стрелой разгорается спор.

Лук упрекает Стрелу в том, что она убежала из его дома и, несмотря на это, претендует на место справа (правая сторона обозначает правду, левая — кривду). Стрела отвечает: между правдой и кривдой не может быть ничего общего, и в доказательство произносит четверостишие, где в обличительном тоне говорится

⁴⁴ Текст и перевод мунозаре Якини опубликованы Э. Рустамовым в 1957 г. см.: Рустамов Э. Мунозаре «Стрела и Лук» узбекского поэта XV в. Якини // Советское востоковедение. 1957. № 4.

⁴⁵ В классической поэзии Востока стройный стан красавицы • или красавца юноши часто символизируют прямоту, правдивость.

о коварстве и злодеяниях власть имущих по отношению к слабым и беззащитным, об отсутствии в мире справедливости и правосудия:

Не садись ты вместе с плохим (человеком) и не входи в его дом,
Попадешь в западню, если ты съешь у него (хотя бы) зернышко.
Стрела, будучи прямой, подметила кривизну Лука,
(И) видишь, как она за это понеслась из его дома⁴⁶.

Чтобы отомстить Стреле — правде, Лук — кривда обращается к барласу⁴⁷ — Тетиве и, ссылаясь на то, что вместе с тарханом — Зихгиром⁴⁸ он долгие годы служит Тетиве, просит последнюю обсудить «дерзкое» поведение Стрелы.

Услышав жалобу Лука, Тетива вызывает Зихгира и говорит ему: поскольку она из племени барласов, то Зихгир — один из ее тарханов. Разве могут допустить они, чтобы при них Стрела оскорбляла Лук? Сговорившись между собой, они подманивают Стрелу, простоватую и не подозревающую об их коварстве; когда Стрела приблизилась, Тетива так сильно ударила ее, что уста Стрелы наполнились кровью, и она погибла.

Итак, мы видим, как открыто и смело выражает здесь Якини свое недовольство господством представителей тимуридского племени Барлас и крупных землевладельцев — тарханов, изображая тесную связь барласов и тарханов с кривдой — Луком в борьбе против справедливости — Стрелы.

О несправедливости тимуридов Якини выразительно говорит в заключительной части мунозаре: «Мораль этого мунозаре такова: каждый, кто, подобно Луку, будет кривым (т. е. неправедным. — Э. Р.) перед злобными людьми этого времени, тот всегда будет находиться вместе с ними, а если кто, будучи прямым, как Стрела, пойдет по правильному пути, тот, как Якини, попадет далеко (от них)»⁴⁹.

Якини пишет о жестокости своей эпохи, намекая на

⁴⁶ Якини. Уқу Ёй оросинда мунозара. Рук. коллекции Британского музея, № 7914, л. 320.

⁴⁷ Барлас — племя, родом из которого был Тимур.

⁴⁸ Зихгир — кольцо, надеваемое лучниками на большой палец правой руки при натягивании лука. Здесь — олицетворение власти тархана.

⁴⁹ Там же, л. 321а, б.

лицемерие и алчность мира: тот, кто кривит душой, всегда в почете и уважении, а тому, кто стремится к правде, не найти почетного места в обществе несправедливых.

Кривда-Лук — это слуга тимуридов и их тарханов, это олицетворение тимуридских сановников и военачальников, привилегированных слоев общества, постоянно обогащающихся за счет добычи в грабительских походах и войнах. Стрела — это воины, несшие на своих плечах основную тяжесть войны, но впоследствии лишённые всех человеческих прав и привилегий. Якини цитирует кытѣа некоего персидского поэта Аси, который намекает на то, что сам царь поддерживает измену, лицемерие, обман:

Каждый, кто окажется правым на поле (брани),
Куда бы ни пошел, не найдет себе места.
Из-за своей кривизны лук оказался на боку у шаха,
А стрела из-за своей прямоты уяла далеко (от шаха)⁵⁰.

Многозначительны строки заключительной части мунозаре, где Якини дает донять, что вынужден молчать и выражает протест против преследований, которым подвергается правдивое слово. Он обращается к честным людям и надеется, что они поймут подлинный смысл его произведения: «Хотя сейчас как раз время продолжить эти речи, чтобы не показались они дерзкими, сократим их. Есть надежда, что эта драгоценность будет пробным камнем для честных и разумных людей»⁵¹

Мунозаре Якини, как и мунозаре Амири, отличается простотой изложения и выразительностью языка. Якини, подобно Амири, часто прибегает к игре слов, создает прекрасные образцы саджа. Судя по злободневности содержания и совершенству формы, это оригинальное произведение. Сам автор говорит: «Никто до сих пор, нанизав на нить жемчужины тюркских слов и драгоценные камни персидских выражений, не сочинил диспута между Луком и Стрелой, дабы осталась от этого в мире какая-нибудь память. Так как понравились мне эти слова и этот повод, я приступил к сочинению этого мунозаре»⁵².

⁵⁰ Там же, л. 321б.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 315а.

Действительно, до Якини мы не находим в староузбекской литературе мунозаре на подобную тему. Однако символическое изображение лука и стрелы встречается еще в древних тюркских сказаниях об Огузе. Так, в уйгурской рукописи одной из древнейших версий этой легенды⁵³ сказано, что у Огузкагана жил седобородый и седовласый старик, кудесник. Он был очень рассудителен и мудр. Звали его Улуг Турук. Однажды во сне он увидел золотой лук и три серебряные стрелы. Золотой лук простирался со стороны восхода солнца в сторону заката, а серебряные стрелы были обращены в сторону ночи, т. е. севера. Проснувшись, Улуг Турук рассказал свой сон Огузкагану и добавил, что священное небо ниспослало владыке знамение. Пусть свершится оно, и пусть передадут захваченные им земли его потомкам. Слова Улуг Турука обрадовали Огузкагана, он созвал совет, пригласил к себе трех сыновей от первой жены — Солнце (Кун), Луну (Ой) и Звезду (Юлдуз) и трех младших сыновей от второй жены — Небо (Кок), Гору (Таг) и Море (Тенгиз) и сказал им: «Сердце мое жаждет охоты, но от старости я потерял мужество. Вы, старшие братья — Солнце, Луна и Звезда, идите в сторону зари, а вы, младшие — Небо, Гора и Море, отправляйтесь в сторону мрака». Сыновья послушались отца, и первые трое пошли на восход, а остальные трое отправились на север. После удачной охоты на многочисленных птиц и зверей Солнце, Луна и Звезда нашли на дороге золотой лук, а Небо, Гора и Море нашли три серебряные стрелы. Свои находки сыновья принесли отцу. Огузкаган был очень доволен. Золотой лук он переломил на три части и сказал: «Вы — старшие братья, пусть этот лук будет вашим, подобно луку, до неба мечите стрелы. А вы, младшие братья, пусть эти стрелы будут вашими. Лук пустил стрелы, так будьте же вы подобны этим стрелам». После этих слов Огузкаган созвал курултай, пригласил своих нукеров и народ, посоветовался с ними и устроил большой сорокодневный праздник. На правой стороне сидели Бузуки, на левой — Учуки. Огузкаган обратился к своим сыновьям и сказал: «О дети! Я много пережил и видел мно-

⁵³ Огуэнаме. Мухаббатнаме. (Транскрипция и перевод текста опубликованы А. Щербаком). М. 1959. С. 13—109.

го сражений, выпустил много стрел и метнул много копий, немало скакал на коне, заставлял плакать своих врагов, порадовал друзей». Сказал он это и, твердя что выполняет долг перед всевышним небом, передал эти владения своим сыновьям.

Эту историю мы встречаем и в летописях Рашидаддина, там, где речь идет об Огузе. Как подчеркивает Рашидаддин, сведения об истории происхождения тюркских племен и народов получены им от авторитетных тюркских народных рассказчиков и из некоторых книг того времени⁵⁴. В летописях Рашидаддина этот сюжет передан несколько иначе. Многие эпизоды легенды у него отсутствуют, зато более подробно обрисованы детали, связанные с луком и стрелой. У Рашидаддина сыновья Огузкагана находят золотой лук и три золотые стрелы, приносят их отцу и спрашивают, как поделить. Отец отдает лук трем старшим сыновьям, а три стрелы — трем младшим и приказывает, чтобы те племена, которые произойдут от сыновей, получивших лук, назывались «бузук» (от глагола «буз/боз» — «ломать», «разрушать»), так как лук необходимо сломать, дабы иметь возможность его разделить. Войско правого крыла он отдает этим трем сыновьям и их потомкам. Название же тех племен, которые произойдут от трех младших сыновей, Огуз обозначил словом «учук». Оно происходит от «уч ук» — «три стрелы». Он сказал: «Эти три сына и их потомки ведают войском левого крыла! Отныне их потомки называются сим (установленным) мною прозвищем, и каждый да знает, из какого он крыла войска. Так как путь правой руки выше, я дал им лук, который (равен) степени падишаха; а стрелы (стоят) на степени посланника, я дал тем, кто с левого крыла». Согласно этому, он утвердил за ними все становища правого и левого крыла и приказал: «Престол государя и право быть моим преемником принадлежит племени Бузук; если после меня будет в живых (мой) старший сын Кун, то все перейдет к нему; в противном случае (достанется) второму сыну Аю». По смерти Огуза, согласно его завещанию, Кунхан воссел на престол и царствовал семьдесят лет; у его отца (Огуза) был

⁵⁴ Рашидаддин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л. 1952. С. 75.

наместник по имени Эрианги-Кент Иркылходжа. Он был советником, визирем, управителем у Кунхана⁵⁵.

Предание о луке и стрелах упоминается и в «Саде чистоты» («Равзат ас-сафо») Мирхонда и в «Жизнеописании пророка» («Хабиб ас-сийар») Хондемира. Мирхонд и Хондемир в основном повторяют сюжет Рашидаддина, лишь с более точным определением места «бузуков» и «учуков» среди тюркоязычных народов.

В мунозаре Якини, как мы отметили выше, символическое изображение Лука и Стрелы дано в сатирическом аспекте. Однако в нем заметно влияние сказаний об Огузе. Например, у Якини, как и в легендах об Огузе, Лук изображен в образе старшего, т. е. старика, претендующего на почетное место с правой стороны в обществе людей или на пиру, близкого к тимуридам — барласам и тарханам, почитаемого и поощряемого Тимуром и его наследниками и состоящего на службе у барласов; а Стрела — в образе юноши-воина, решившего уклониться от традиционного повиновения Луку и поправшего его священные права, установленные и поддерживаемые сверху. Следует обратить внимание на заявление Стрелы о том, что когда-то предки ее и Лука служили в войске Чингизхана, но Чингизхан впоследствии лишил Лук права занимать место с правой стороны и удостоил этой чести Стрелу, так как Лук от старости проявил слабость в бою, струсил и, обесчестив себя, бежал с поля брани. Перекликаются с рассказом из «Огузнаме» и отдельные специфические выражения, сравнения, связанные с образами Лука и Стрелы. Например, в уйгурской версии «Огузнаме» написано: «Однажды во сне увидел он золотой лук и три стрелы. Этот золотой лук простирался со стороны восхода солнца в сторону захода, а три серебряные стрелы были обращены в сторону ночи»⁵⁶.

В мунозаре Якини есть слова: «О, что это за солнце, которое сияет на горизонте! Или что это за светило, которое, подобно оси колеса, задело своим краем синеву неба»⁵⁷.

⁵⁵ Там же, с. 86.

⁵⁶ Щербак А. М. Огузнаме. Мухаббатнаме. М. 1959. С. 57.

⁵⁷ Якини. Мунозаре. См.: Рустамов Э. Мунозаре «Стрела и Лук» узбекского поэта XV в. Якини // Советское востоковедение. 1957. № 4. С. 93.

В уйгурской рукописи: «Подобно луку, до неба мечите стрелы... Лук пустил стрелы. Подобными стрелам будьте вы»⁵⁸, в летописях Рашидаддина упоминаются «стрелы, которые (стоят) на степени посланника...»⁵⁹

Интересно еще отметить в мунозаре Якини символическую деталь, перекликающуюся с повествованием «Огузнаме» о Луке и Стреле. Это появление старика-Лука и юноши-Стрелы со стороны Туркестана.

Все это показывает, что Якини, безусловно, был знаком с историей об Огузе и в своем сочинении испытал ее заметное влияние. К такому предположению приводит нас также упоминание об Огузе в произведениях названных (Мирхонда и Хондемира) тимуридских историков XV в. и убедительная гипотеза издателя уйгурской версии рукописи «Огузнаме» о том, что данный список изготовлен в XV в.

Отдельные поэтические образы, связанные с луком и стрелой, мы встречаем в газелях и месневи персоязычных и тюркоязычных авторов и до Якини, и после него.

3. Мунозаре Ахмади «Спор музыкальных инструментов». Этот диспут, как и всякое произведение восточных авторов, начинается с прославления бога и пророка, состоящего всего из четырех строк и написанного прозой. Далее тоже в прозе говорится о причине, побудившей автора написать это мунозаре, и сообщается, что оно принадлежит перу Ахмади: «...Эти несколько страниц о споре музыкальных инструментов были сочинены по просьбе друзей, и каждому инструменту по мере возможности была воздана хвала соответственно его свойствам, чтобы люди утонченные получили от этого (хотя бы) небольшое наслаждение. Владелец тайн этого искусства, красноречивый сочинитель этого рассказа и духовный руководитель этого спора — обращающийся к мусульманам Ахмади, — да благославит Аллах конец его речи!»⁶⁰

Во вступлении Ахмади с горечью и негодованием говорит о своем нищенском существовании, об одиночестве и испытываемых унижениях:

⁵⁸ Шербак А. М. Огузнаме. Мухаббатнаме, с. 57.

⁵⁹ Рашидаддин. Сборник летописей, с. 86.

⁶⁰ Ахмади. Мунозаре, л. 321б.

Однажды ночью я бродил печально,
Вместо веселья я знал (одни лишь) беды (моего) времени.
В хижине скорби и печали, оскорбленный и униженный,
Сидел я, и душа томилась страданием.

Далее идет прекрасное поэтическое описание ночи, связанное с переживаниями поэта:

Вздохнув тяжело, я быстро вышел на улицу,
Время было после полуночи.
Все жители вселенной пребывали в покое.
Была темная, мрачная, удивительная ночь:
Не видно было на небе ни звезд, ни луны,
Царствовала в мире крошечная тьма.

Затем автор переходит к завязке сюжета, интересной своими деталями:

Послышался шум драки из (одной) винной лавки,
Прислушался я к нему в (этой) таинственной ночи.
Шум драки (был слышен) на крышах самих небес.
(И) я поспешно в тот же миг
Направился в сторону винной лавки.

Как мы видим, вступление в мунозаре является своего рода экспозицией, где автор перед тем как непосредственно перейти к существу спора знакомит читателя с событиями и обстановкой, послужившими поводом для написания мунозаре. Он изображает владельца винной лавки — пира, возглавляющего веселое собрание — маджлис; опьяневший пир теряет сознание и перестает руководить участниками маджлиса, которые тут же напиваются допьяна, поднимают шум и учиняют большой скандал. Ахмади наглядно описывает опьянение пира и распущенность его собутыльников:

Подойдя к винной лавке, я (увидел)
Ее опьяневшего владельца.
Он выронил из рук кувшин и чашу вина.
Чистая душа ушла из его тела.
(И) он лежал на земле, как (лежат) мертвецы.

После вступительной части мунозаре разделяется на небольшие главы: «Начало слова», т. е. предисловие. «Начало спора. Слова Танбуры», «Бахвальство Уда и его возражение Танбуре», «Ответ Танбуры на слова Уда», далее снова возражения других инструментов и ответы Танбуры и, наконец, заключение — «Завершение книги». В споре, кроме Танбуры и Уда, участвуют следующие инструменты: Чанг, Кобуз, Ятуган, Рубаб,

Гиджак, Кунгура. Спор начинается со слов Танбуры.

Одна из примечательных сторон мунозаре Ахмади «Спор музыкальных инструментов» заключается в том, что автор стремился придать черты живого человека каждому инструменту, соответствующие в то же время облику этого инструмента и характеру его звучания. Так, он приписывает Танбуре черты зачинщицы смуты, интриганки, самонадеянной хвастуны; наиболее мелодичным и приятным Танбура считает свой звук. Чрезмерное самодовольство Танбуры обижает другие инструменты, и они выступают против нее, обвиняя ее в самодурстве и лживости. Но Танбура не признает никаких инструментов, кроме себя, и каждому из них приписывает какой-нибудь недостаток или же твердит им о том, что они плохо звучат. Так, когда Уд говорит ей о красоте и мелодичности своего голоса, Танбура злобно отвечает ему:

О голстопузый ходжа!
Оставь свои напрасные старания..
Хотя крива у тебя и шея и голова уродлива,
Ты не оставил своих пустых споров.

Танбура обвиняет в кривизне и тупоумии и Чанг:

Танбура оказала: «Ах ты, злосчастный хвастун!
Ты кривой с головы до ног и нескладный.
Я не удовольствуюсь только тем, что обругаю тебя.
Ты у меня еще попляшешь от моих пощечин.
Ум у тебя короткий, а шея длинная,
Не хвастайся (же) перед всеми среди бела дня.

Спор продолжался до тех пор, пока Танбура не изругала последний инструмент — Кунгуру. Тогда обиженные и оскорбленные Танбурой инструменты признают ее опасной и решают больше не встречаться с ней.

Жалобный стон инструментов разбудил владельца виновной лавки. Он спрашивает о причине спора и скандала. Тогда инструменты жалуются на Танбуру, которая старается оправдаться перед пиром и опровергнуть слова других инструментов, объявляя их ложью и клеветой. Но пир, вникнув в суть дела, говорит, что Танбура не может обходиться без остальных инструментов, советует ей помириться и просить прощения у них. Танбура просит прощения, и в конце концов инструменты прощают ее, среди них устанавливается мир; в это время наступает рассвет.

В этом мунозаре автор осуждает Танбуру за принижение других инструментов, ибо звучание ее может быть полноценным только в содружестве с остальными. Это особенно ясно выражено в словах Рубаба, решительно осуждающего Танбуру за подлость и хитрость, за ее отвратительное поведение в отношении простых, бедных людей, за бахвальство и другие пороки:

Никогда не была другом бедных людей,
 Подлая и бесчеловечная Танбура.
 С головы до ног вся она — плутовство и мошенничество.
 Она является даже матерью Иблиса.

Все содержание мунозаре говорит о том, что Ахмади хотел в аллегорической форме изобразить пороки людей своего времени и осудить их. Это особенно четко выражено во вступительной части и заключении: ночная тьма показана в прологе как символ тоски, печали, вражды, а наступление рассвета в заключении связано с искоренением зла, установлением мира и дружбы.

Следует отметить, что язык мунозаре Ахмади очень близок к разговорной речи.

Спору инструментов Ахмади придает характер реального спора людей, используя свойственные бранной лексике слова и выражения, просторечия. Это еще более демократизирует язык мунозаре.

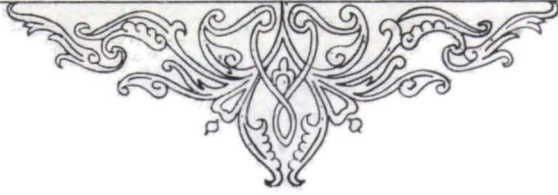
Кроме того, произведение Ахмади написано размером рамал-и мусаддаси махзуф, близким к одному из размеров устной поэзии тюркоязычных народов. Здесь следует отметить и тот факт, что в круг действующих в его мунозаре музыкальных инструментов Ахмади вводит такие, как кабуз и ятуган, — самые древние и сугубо национальные инструменты тюркских народов. Все это еще раз свидетельствует о том, что мунозаре Ахмади — замечательный памятник узбекской литературы XV в.

Три рассмотренных мунозаре, являющихся прекрасными образцами этого жанра и по форме, и по содержанию, свидетельствуют о большом художественном мастерстве узбекских поэтов первой половины XV века. В своих мунозаре Амири, Якини и Ахмади создали новую, своеобразную форму этого интересного, но не широко распространенного в таджикской и узбекской литературах жанра. Мунозаре Амири и Якини —

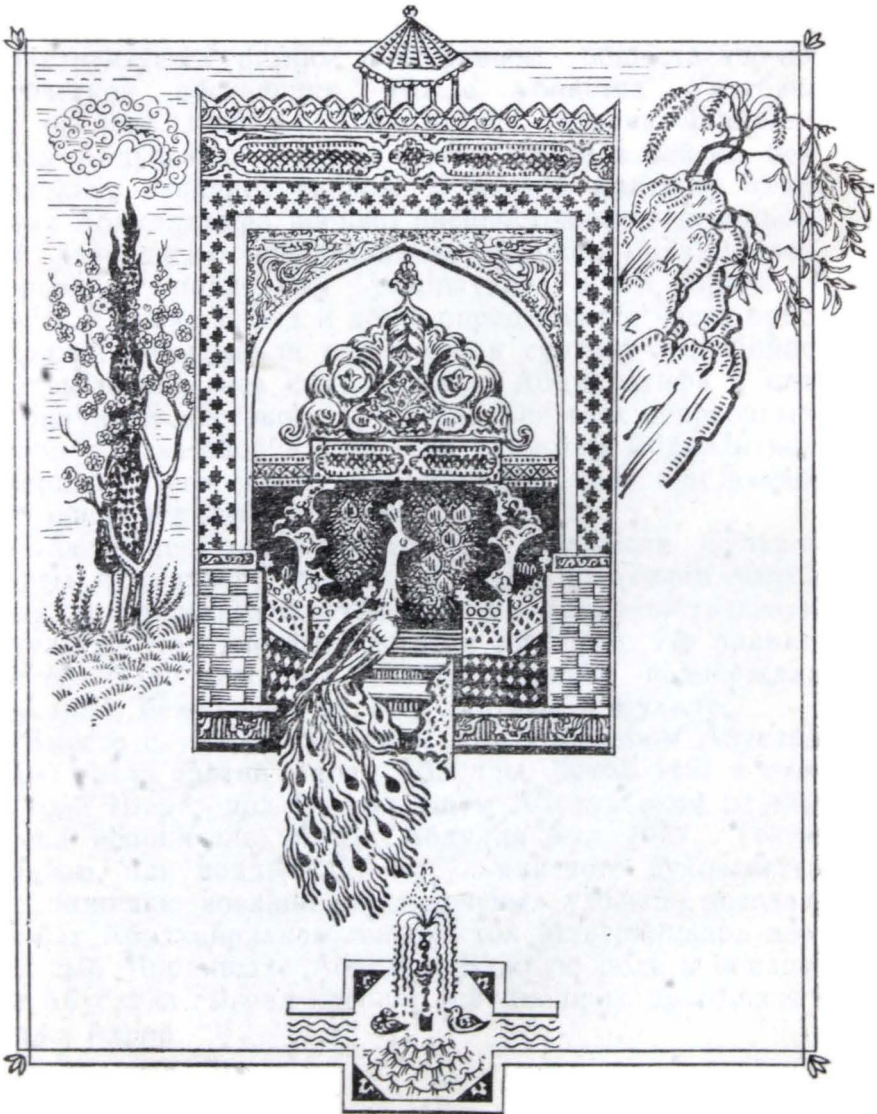
одни из лучших прозаических произведений, написанных на староузбекском языке в первой половине XV в.

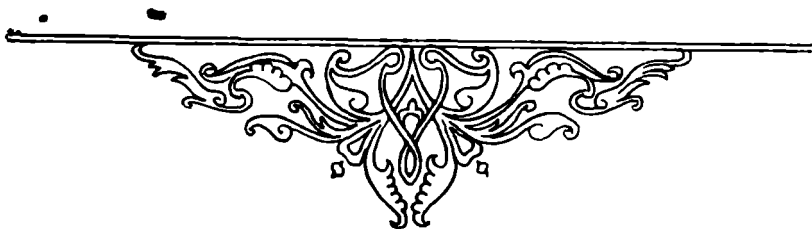
В своих сочинениях Амири, Якини и Ахмади редко используют арабские и персидские слова, стремясь к доступности произведений для широкого круга читателей. Произведения Амири и Якини имеют большое значение для изучения истории узбекского языка и литературы, помогая проследить процесс развития прозы на староузбекском языке в конце XIV — начале XV в.⁶¹

⁶¹ О мунозаре заслуживает внимание и монография М. Абдувахабовой. См.: Абдувахабова М. Ўзбек адабиётда мунозара. Тошкент. 1984.

*Культурная и литературная жизнь
Хорасана и Мавераннахра во второй
половине XV века*

Вторая половина XV в. в Хорасане и Мавераннахре характеризуется резким обострением общественно-политической обстановки. После убийства Улугбека (27 октября 1449 г.) Абдуллатиф, казнив младшего брата Абдулазиза и верных отцу людей в войске, безраздельно завладел тронem. В период краткого правления Абдуллатифа широко распространился реакционный дервишизм, представители которого оказали всестороннюю поддержку узурпатору в его борьбе за власть. Однако народ и даже определенная часть аристократии испытывали ненависть к султану-отцеубийце. Это вызывало гнев самолюбивого Абдуллатифа и стало причиной жестокого преследования всех непокорных. Дворцовый заговор 8 мая 1450 г. против Абдуллатифа завершился его свержением. Он был убит при въезде в столицу недалеко от Баги Навдон.

Власть перешла в руки сына Ибрагима Султана Мирзы Абдуллы. С первых же дней правления Мирза Абдулла стремился восстановить в стране политическую и культурную атмосферу времен Улугбека. Но правление его было недолгим. Силы реакции поддержали Абусаида, бежавшего от Абдуллатифа в Бухару.

Вместе с узбекским ханом Абулхайрханом Абусаид начал поход против Мирзы Абдуллы. Летом 1451 г. около села Шераз под Самаркандом Абулхайрхан разбил войска неприятеля. Мирза Абдулла был убит. Таким образом, при поддержке мусульманского духовенства и с помощью военной силы кочевых узбеков, возглавляемых Абулхайрханом, на престол Мавераннахра возшел сын Мираншаха Абусаид. Важную роль в воцарении Абусаида сыграл идеолог реакционного духовенства Ходжа Ахрор.

В это время Хорасан был самостоятельным государством. Им правил внук Шахруха Абулкасым Бабур (сын Байсункара). К середине XV в. в Хорасане усилилась феодальная раздробленность. И хотя Абулкасым Бабур не смог полностью овладеть Хорасаном, в районах, находившихся под его властью, он покончил со своеволием мелких феодалов. Два государства, возникшие на месте единого централизованного, противостояли друг другу.

В 1454 г. Абулкасым Бабур предпринял поход на Самарканд, закончившийся безуспешно. После сорокадневной осады он был вынужден заключить перемирие. Согласно условиям перемирия, Амударья по-прежнему оставалась границей между двумя государствами.

В 1455 г. между сыновьями Абдуллатифа Ахмадом и Мухаммадом Джугиями и Абусаидом произошла жестокая битва за власть в Мавераннахре. Ахмад был убит, а Мухаммад бежал к Абулхайрхану в поисках убежища и помощи. Через некоторое время в Мешхеде скоропостижно скончался Абулкасым Бабур (1457).

Число претендентов на престол в Хорасане возросло. Однако они не владели достаточной военной силой для его захвата. Воспользовавшись походом Абусаида на Герат, Мухаммад Джуги при поддержке Абулхайрхана захватил власть в Мавераннахре.

Абусаид, возвратившись в Мавераннахр, разбил Мухаммада Джуги. Таким образом, в 1457 г. Хорасан и Мавераннахр вновь стали единым государством, правда единство было непрочным. Воспользовавшись тем, что Абусаид был занят наведением порядка в Мавераннахре, начал наступление на Герат Хусейн Байкара. Абусаид изгоняет Хусейна Байкара из Герата и захватывает Астрабад. Однако Хусейн Байкара продолжает борьбу за захват престола. Объединившись с беками Абулкасыма Бабура и собрав большой отряд, он в 1460 г. вновь появился в Хорасане, ведя с переменным успехом войну в Герате, Обиварде, Нисе, Мешхеде и других местах.

Понимая трудность борьбы с таким сильным противником, как Абусаид, Султан Хусейн в 1468 г. обратился за помощью к Абулхайрхану, но тот отверг его просьбу.

Позднее Абусаид пал в битве с Узун Хасаном в степи Муган в Азербайджане. Трон в Герате захватили

•

его сыновья Султан Махмуд и Султан Ахмад. В городе начались беспорядки, вспыхнуло восстание. Кроме того, продолжалась борьба за власть и в Самарканде. Сыновья Абусаида, напуганные походом Султана Хусейна на Герат, бежали в Самарканд. Воспользовавшись политической обстановкой, возникшей в Хорасане после гибели Абусаида, 24 марта 1469 г. Хусейн Байкара захватил власть в Герате.

В результате этого владения тимуридов вновь распались на два самостоятельных государства. Хорасаном стал править Султан Хусейн, а в Мавераннахре утвердилась власть сыновей Абусаида. Мавераннахром сначала правил Султан Ахмад (1469—1493), затем Султан Махмуд, а впоследствии сын Махмуда — Султан Али.

В период правления Султана Махмуда репрессии и бесчинства достигали таких размеров, что запуганный народ боялся появляться на улицах. Хозяйственная жизнь страны пришла в упадок. Но период правления Султана Махмуда был недолгим: по прошествии нескольких месяцев он умирает. В Мавераннахре наступают еще более тяжелые времена. Усиливается междоусобная борьба среди вассалов и беков.

Хусейн Байкара, утвердившись в Хорасане, по свидетельству Абдураззака Самарканди, отозвал Навои из Самарканда, назначив его хранителем печати. С этого времени в Хорасане установилось относительное спокойствие. Однако политическое положение здесь оставалось сложным. Во дворце продолжались заговоры, в стране — восстания.

Так, в 1469 г. в Астрабаде против Хусейна Байкары восстал царевич Мухаммад Ядгар. Через некоторое время он был схвачен по велению Хусейна Байкары и казнен.

В 1470 г. в Балхе начался мятеж Ахмада Муштака. Воспользовавшись походом Хусейна Байкары против мятежников, Абулхайрхан поднял восстание в Герате. Хусейн Байкара подавил оба восстания. Он очистил Балх от войск Ахмада Муштака, а с Абулхайрханом расправился в Герате. В конце того же года Хусейн Байкара подавил восстание, возглавленное Абубакром.

В 1490 г. в Астрабаде вспыхнул мятеж Амира Могила, а в Балхе Дарवेशа Али. В том же году Хусейн

Байкара вместе с Бадиуззамоном нанес поражение правителю Гиссара Султану Махмуду. Позже отношения между Хусейном Байкарой и его сыном Бадиуззамоном испортились, причиной чего было убийство сына Бадиуззамона Мумина Мирзо во дворце Хусейна Байкары.

Обострение отношений между отцом и сыном привело к частым военным столкновениям. Нередко сын захватывал владения отца. Султан Хусейн был вынужден заключить соглашение со своим старшим сыном — наследным принцем Бадиуззамоном (1449).

Согласно этому, отдельные территории, в том числе Балх, отошли к Бадиуззамону. Его имя в хутбе стало упоминаться вместе с именем Хусейна Байкары. Это разделение привело к дальнейшему ослаблению страны. Кроме того, против власти Хусейна Байкары периодически восставали и другие его сыновья — Абул Мухсин, Мухаммад Хусейн. Заговоры, интриги, клевета во дворце достигли апогея. Все это отражалось на положении страны, нанося вред ее хозяйственной и культурной жизни, ухудшая и без того тяжелое положение народа¹.

В период правления Хусейна Байкары заметно оживилась экономическая жизнь страны. Но это оживление не носило постоянного характера. Междоусобные войны, усилившаяся эксплуатация трудового народа отрицательно влияли на хозяйственное положение государства. Беспощадное угнетение обогащало феодалов. В стране появлялись крупные владетели. Некоторые из них существенно влияли на общественно-политическую жизнь Хорасана и Мавераннахра. Самым крупным феодалом, чья деятельность имела реакционное значение, был Ходжа Ахрор.

Вот что писал об этом В. В. Бартольд: «XV в. был для Средней Азии временем борьбы двух мировоззрений: представителем одного был внук Тимура Улугбек, сорок лет правивший в бывшей столице Тимура Самар-

¹ См.: Узбекистон ССР тарихи. Тошкент, 1970. 472—519-бетлар. Зоҳидов В. Там же, с. 31—39; Бартольд В. В. Мир Али Шир и политическая жизнь Мир Али Шир. Л. 1928; Якубовский А. Черты общественной жизни эпохи Алишера Навои// Алишер Навои. М.; Л. 1946; Гуломов Я. Алишер Навоийнинг даврини ўрганиш ҳақида Улуг ўзбек шоири. Тошкент, 1948; Норкулов Н., Низамитдинов И. Из истории миниатюры (на узб. яз.). Ташкент, 1970. С. 9—31.

канде; представителем другого — его младший современник, дервиш из ордена накшбандиев, Ходжа Ахрор, через два года после смерти Улугбека воспользовавшийся своим религиозным авторитетом для захвата политической власти и тоже в течение сорока лет правивший страной через подставных лиц из действительных или мнимых потомков Тимура»².

Ходжа Ахрор был представителем самой реакционной части феодальной верхушки. Вся его деятельность была направлена против передового мировоззрения, прогрессивных устремлений общества. Всех, кто был в его подчинении, он беспощадно угнетал и наказывал.

В период правления Абусаида вся власть, по существу, была в руках Ходжи Ахрора. Авторитет его был высок: если он ехал на коне, то Абусаид шел рядом с ним пешком. Его влияние на государственные дела достигло наивысшего уровня во время правления Султана Ахмада (сына Абусаида).

В этот период усиливается феодально-клерикальная реакция. Нестерпимое угнетение заставляет восстать народ. И в Мавераннахре, и в Хорасане положение трудового люда, составлявшего большую часть населения страны, было тяжелым. Во второй половине XV в. здесь все еще существовала налоговая система, введенная монголами, а затем сохраненная Тимуром, Шахрухом, Улугбеком. Крайне разрослась раздача земель в качестве сюргала, тархана и вакфа. Это, во-первых, порождало множество мелких правителей, стремившихся к независимости и самостоятельности, а, во-вторых, ослабляло централизованную власть, обедняло государственную казну. В это время существовало множество разных налоговых сборов среди населения. Отдельные налоги могли взиматься в год по нескольку раз. Вместе с тем действовало положение о безвозмездной работе дехкан на господ, разоряющее и доводящее бедный люд до нищеты³.

² Бартольд В. В. Улугбек и Ходжа Ахрор//Записки Восточного отделения русского археологического общества. Т. XX. Ч. II. С. 7

³ Молчанов А. А. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои//Родоначалник узбекской литературы. Ташкент. 1940. С. 153—159; Якубовский А. А. Черты общественной и культурной жизни эпохи Навои//Алишер Навои. М.; Л. 1946. С. 5—30; Гулямов Я. Там же. С. 19—20.

Все это вызывало недовольство народа и становилось причиной восстаний. К сожалению, об этих мятежах и восстаниях сохранилось очень мало сведений. Большая часть историков того времени была дворцовыми летописцами, поэтому народные восстания обходили молчанием или давали им оценку с феодальной точки зрения⁴.

В. В. Бартольд, говоря о восстании мушоша (1441—1442 гг.), писал: «Под знаменем религии произошло восстание неимущих против имущих»⁵, что характерно и для восстаний более поздних периодов. Все народные восстания безжалостно подавлялись, их руководители подвергались казни. Однако стихнув в одном месте, восстания вспыхивали в другом, затем в третьем. Об особенностях народных восстаний в эпоху феодализма средних веков Ф. Энгельс писал: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»⁶.

Неспокойная обстановка в эпоху тимуридов значительно влияла на развитие культуры в стране. Отношение феодалов к науке, культуре и искусству было неодинаковым. Некоторые из них старались держать подальше от себя людей искусства (как, например, Ходжа Ахрор), другие покровительствовали людям науки и литературы и оказывали им порою весьма существенную помощь. Так, в библиотеке Герата, созданной по инициативе Байсункара Мирзы, особенно в период правления Хусейна Байкары, было собрано множество каллиграфов, живописцев-миниатюристов. Каждый из них был крупным специалистом в своей сфере, зрелым художником⁷.

⁴ Шарафутдинов А. Алишер Навои. Ташкент, 1948. С. 43; Якубовский А. Черты культурной и общественной жизни эпохи Навои//Алишер Навои. М.; Л. 1946. С. 15.

⁵ Бартольд В. В. Новый источник по истории Тимуридов. (Персидская рукопись «Летопись пророков и царей»)//Записки Института востоковедения АН СССР. Кн. 5. 1936. С. 22.

⁶ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 7. С. 361.

⁷ Якубовский А. Ю. Указ. раб., с. 20; Норкулов Н. Низомитдинов И. Из истории миниатюры. Ташкент. 1970. С. 70—89.

Видимо, благодаря поддержке прогрессивно мыслящей верхушки знати развитие литературы, искусства и культуры в этот период достигло наивысшего расцвета, особенно в Хорасане. Однако оно не было повсеместным и ограничивалось несколькими городами.

Центрами культуры второй половины XV в. были в Хорасане — Герат, в Мавераннахре — Самарканд. Однако искусство и культура в обеих столицах развивались неодинаково. В Герате архитектура, литература, изобразительное искусство (миниатюра, каллиграфия, живопись, резьба по ганчу и дереву), музыка развивались гораздо интенсивнее, чем в Самарканде.

Если в Герате Алишер Навои и Абдуррахман Джами заботились о процветании литературы и искусства, науки и культуры, то в Самарканде знаменосец религиозного фанатизма и реакции, непримиримый враг прогресса Ходжа Ахрор делал все, чтобы уничтожить живую мысль и задушить развитие передовой литературы и искусства.

В XV в. строительство велось на основе продуманных и совершенных проектов существующих знаний; сады и цветники входили в целостный архитектурный ансамбль. Герат этого времени был одним из самых красивых городов Востока. Именно поэтому, как писал Бабур, слава и красота Герата возросли чрезвычайно.

«Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства»⁸, — так писал Бабур об ученых и ремесленниках Герата.

Утверждать то же о Самарканде того времени, конечно, нельзя. Однако религиозный фанатизм и реакция во времена царствования Абу Саида и его сыновей не могли полностью свести на нет развитие в сфере архитектуры и изобразительного искусства. В Самарканде было построено несколько медресе, гробница потомков Абу Саида и замечательное архитектурное сооружение Среднего Востока — Ишратхона⁹. В конструкции здания, в его орнаменте есть элементы, свидетельствующие о появлении нового направления в архитек-

⁸ Захириддин Мухаммад Бабур. Бабурнаме. Ташкент. 1958. С. 206.

⁹ Здание это было выстроено Абу Саидом на могиле дочери Султана Хиван. Называлось оно иначе. Название Ишратхона появилось позже. Видимо, недалеко от гробницы было место того же названия. См.: Алишер Навои. М.; Л. 1946. С. 26.

туре и орнаментальном искусстве. Все это показывает, что и в Мавераннахре сохранялись и развивались традиции и были талантливые зодчие.

В Герате строительство велось не только в интересах власти имущих, но и с учетом нужд и интересов народа. В этом плане особо следует отметить сооружения, построенные по инициативе Алишера Навои (больница, баня, мост, бассейн, рабаты и др.), имевшие общенародное значение.

Культурное и литературное движение в Хорасане второй половины XV в., возглавляемое Алишером Навои, поднялось до уровня литературной и культурной школы. В Самарканде же в годы правления Абусаида и его сыновей начинается постепенный закат школы Улугбека.

В Герате все виды искусства, особенно литература, достигают большого расцвета. По тематике, содержанию, близости к реальной действительности они значительно отличаются от литературы и искусства предшествующих периодов. В это время здесь достигают расцвета миниатюра, каллиграфия, музыка, т. е. все виды искусства. Однако в большинстве случаев люди искусства и литературы и материально, и духовно зависели от феодальной верхушки. Некоторые из них либо жили во дворце того или иного феодала, либо сами были представителями господствующего класса.

«Поэты, вышедшие из среды трудящихся, жили в постоянной нужде. Свидетельством тому — биографии поэтов-бедняков, приводимые в «Собрании избранных». Навои пишет о них с большой симпатией и сожалением. Многие из них по причинам материального порядка так и не смогли в своем творчестве достигнуть совершенства. Поэты Ашраф, Котиби, Мир Муфлиси, Кобули, Дарвеш Дехаги в «Собрании» — из их числа. Однако чувствуется, что большая часть упоминаемых в «Собрании избранных» поэтов — представители господствующего класса и для занятия поэзией у них были вполне благополучные условия. Но эти возможности не использовались ими для развития литературы, поэтому они подвергнуты Алишером Навои резкой критике»¹⁰.

¹⁰ Хайитметов А. Х. Гений Навои. Ташкент. 1970. С. 93—94.

В Герате жили и творили такие астрономы, как Мавляна Мухаммад Олим, Султан Махмуд, Мавляна Қавкаби, Ходжа Авхад Муставфи, такие химики, как Ходжа Абул Вафон Хорезми, Ходжа Ахмад Муставфи, Мавляна Абдулкаххар, такие медики, как Мавляна Хаким, Мир Ислом Газзали и др. Тем не менее точные науки не достигли большого совершенства¹¹.

Хондамир в книге «Макоримул-ахлоқ» («Благородные качества») писал, что Навои был хорошим знатоком математики, и благодаря ему она процветала: «Как только твоя мысль склонилась к математике, так эта наука расцвела подобно розе»¹². Однако можно определенно сказать, что точным наукам в Хорасане не уделялось такого внимания, как литературе и искусству. И не случайно, видимо, после смерти Улугбека Али Кушчи уехал не в Герат, а в Азербайджан, а затем в Стамбул. В этот период в Герате больших успехов достигали в области философии, литературы, истории, музыки, грамматики, живописи, каллиграфии.

В это время в сфере литературы творили в Мавераннахре «царь художественного слова» Лутфи, в Хорасане, — Абдурахман Джами, Амир Шайхим Сухейли, Мавляна Сайфи, Осафи, Бинои, Хилоли, Хотифи, Бехишти, Гадои, Пахлаван Махмуд и десятки других поэтов¹³.

В «Собрании избранных» Навои приводит образцы из их творчества, дает объективно верную и высокую их оценку¹⁴.

Еще одним завоеванием узбекской литературы того времени было появление образцов художественной прозы и научных произведений. Наибольших успехов в этой сфере достиг Алишер Навои. Доказательством могут служить «Возлюбленный сердце» («Махбуб ул-кулуб»), «Собрание избранных» («Мажолис ун-нафоис»), «Пятерица изумленных» («Хамсат ул-мутахайрин»), «Письмовник» («Муншоат»), «Суждение о двух языках» («Мухокамат ул-луғотайн»), «Весы стихотворных размеров» («Мезон ул-авзон») и другие произведения.

¹¹ Там же, с. 137—138.

¹² Там же.

¹³ Алишер Навои в «Собрании избранных» приводит сведения об этих поэтах, об эпохе и языке, на котором они писали.

¹⁴ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 9. Ташкент. 1970.

Герат XV в. был центром исторической науки. Здесь жили и работали многие прославившиеся своими трудами историки — Хафиз Аbru (в правление Шахруха), Абдураззак Самарканди, Мирхонд, Хондамир, Исфизори Давлатшах и др. Их труды остаются основными источниками по истории той эпохи.

В историческом труде Хафиз Аbru «Суть, сливки летописей» («Зубдатут-таворих») описываемые события завершаются 1427 г. Абдураззак Самарканди, продолживший работу Хафиз Аbru, написал сочинение «О рождении двух счастливых звезд и соединении двух морей» («Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн»). В нем описывают события, начиная с правления Шахруха и кончая 1471 г. События времени правления Султана Хусейна были воссозданы в «Райском блаженстве» («Равзатус-сафо») Мирхонда и «Жизнеописании друзей» («Хабибус-сияр») Хондамира. В то же время Муиниддин Исфизорий создает историю Герата. Свое историческое и литературное сочинение «Антология поэтов» («Тазкират уш-шуаро») Давлатшах посвящает Алишеру Навои. Наиболее ценны в этих исторических трудах главы, описывающие события эпохи, в которой жили и творили сами историки. Однако эти труды нуждаются в критическом комментарии. Это объясняется тем, что дворцовые историки обычно смотрели на события глазами своих покровителей¹⁵.

XV век, особенно его вторая половина, был новым и плодотворным этапом развития музыкального искусства народов Мавераннахра и Хорасана. Несмотря на преследования религии и реакции, музыканты создавали новые мелодии и песни, новые инструменты. Появился ряд важных работ по теории музыки.

Труды по истории, литературе, по различным научным дисциплинам, воспоминания донесли до наших дней ценные сведения о развитии различных видов искусства. По словам Бабура, сам Алишер Навои написал много замечательных песен и мелодий. Под его покровительством и при постоянной его заботе развивалось творчество и исполнительское мастерство Абдукадыра Нойи, Кулмухаммада Шайхи, Хусейна Удий, Шохкули

¹⁵ Алишер Навои. Сб. статей. М.: Л. С. 28; Ўзбекистон ССР тарихи. 2 т. 1970. С. 506—508.

Гиджаки, Мавляны Касыма Раббони, Дарвеша Ахмада Конуни, Ходжи Юсуфа Анджани, Устада Шоди, Мавляны Наджмиддина Кавкаби и других деятелей искусств. Кулмухаммад с поразительным мастерством исполнял различные музыкальные произведения и мелодии на двенадцатиструнном уде и семиструнном гиджаке. Никто не мог сравниться с Кулмухаммадом в искусстве исполнения пешравов.

В развитие музыкального искусства этого периода большой вклад внесли Абдуррахман Джами, Мухаммад Бусаид и Бинаи¹⁶ — авторы работ по теории музыки. В это время высокого уровня достигло искусство макома¹⁷.

Музыкальное искусство тесно связано с поэзией. Мелодия и стих — постоянные спутники, взаимно влияющие друг на друга. Об этом повествует труд поэта XV в. Ахмади «Спор музыкальных инструментов» («Созлар мунозараси»). Появление этого специфического по жанру труда в узбекской литературе не было случайным. Он свидетельствует о высоком развитии поэзии и музыки того периода. В ней метафорически изображены спор, конфликт музыкальных инструментов — сазов. И это не просто рассказ о музыкальных инструментах, но и о людях, ими владеющих.

Изображая качества и достоинства сазов, поэт в то же время в иносказательной форме высмеивает хвастливых, чванливых и строптивых людей. В этом выражается дидактическое и идейное содержание «Спора».

Композиторы, музыканты, певцы, деятели науки и литературы подвергались угнетению и унижениям. На изгнание были обречены многие деятели искусства. Невежественные и жестокие представители феодальной администрации варварски наказывали творцов высокого искусства. Так, Султан Шабон по какому-то незначительному поводу приказал утопить в Сырдарье известного хафиза Устаза Шади, посланного к нему Султаном Хусейном Байкарой. Такие дикие расправы не были исключением в те времена.

¹⁶ Камолитдин Бинаи (1453—1512) — талантливый поэт своей эпохи, внесший вклад в развитие литературы, особенно персидско-таджикской. Об этом см.: Мирзоев А. Бинаи. Душанбе, 1957.

¹⁷ Раджабов И. К вопросу о макомах. Ташкент. 1963. С. 32—64.

Сложившаяся в Герате во времена правления Шах-руха и Байсункара Мирзы школа изобразительного искусства достигает заметных успехов. Основоположниками школ были такие талантливые живописцы и резчики (по ганчу и дереву), как Бехзад, Мирак Наккош, Шах Музаффар, Махмуд Музаххиб, Касым Али Чехракушо, Мавляна Ходжи, Мухаммад Наккош, Дарвеш Мухаммад ибн Мухаммад Мумин, Султан Мухаммад, Абдулла Мавварид Кирмони, Музаффар Али Наккош, Ходжа Абдуллазиз Наккош, Ашрафхон Мир Мунши, Мавляна Юсуф и др.

Памятники живописи и различные рукописные книги, сохранившиеся до настоящего времени, показывают эволюцию изобразительного искусства от фантастических сюжетов к жизненной достоверности, к реализму. В этом плане особенно выдающихся достижений добилась Гератская школа живописи, возглавляемая Бехзадом. Она оказала плодотворное воздействие на развитие живописи в последующее время.

Дошедшие до нас памятники живописи создавались в стиле *ислими, абр, вок, нилуфар, фаранги, банди руми*. В соответствии с тематикой и объектом изображения их можно подразделить по жанрам: портрет, бытовые сцены, пейзаж, настенная живопись, рисунки для художественных произведений¹⁸.

Среди дошедших до нас памятников живописи мы находим изображения Джами, Навои, Абдуллы Хотифи, Бехзада, Хусейна Байкары, Бабур, Шейбанихана и других деятелей культуры и правителей. Авторы портретов стремились не только точно воспроизвести внешний облик человека, но и передать его индивидуальные черты. В этом плане заслуживают особого внимания портреты Алишера Навои. В миниатюре, хранящейся в Стамбуле, живописец Али стремился точно воссоздать облик молодого Навои. Здесь Навои изображен вместе с его секретарем, переписчиком его рукописей. Миниатюра запечатлела момент высокого творческого вдохновения поэта, готовность переписчика писать под его диктовку.

В портрете, написанном Махмудом Музаххибом, запечатлен великий поэт в старости: Навои стоит, опира-

¹⁸ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана. М. 1965.

ясь на посох; он скорблен, в его взгляде одновременно выражены и усталость, и величие, и светлое отношение к жизни, и доброта.

Правда, в портретах наблюдается нарушение пропорций. Согласно общепринятому канону того времени особо ценны по своей тематике, стилю и художественности сцены повседневной жизни.

Бехзад и другие художники с большим искусством запечатлели картины жизни феодалов, отразили неравенство, тяжелый труд народа. В миниатюрах Бехзада, отражающих строительство зданий¹⁹, медресе в Самарканде²⁰, воссоздана правдивая картина тяжелого труда в эпоху тимуридов. Миниатюры мастерски передают общий вид строительства, согбенные фигуры работающих мастеров. На них изображены слоны, телеги, везущие материалы, свирепые надзиратели с мечами на поясе и длинными палками в руках, стоящие в угрожающей позе и кричащие на строителей. Эти миниатюры имеют важное значение для изучения положения трудового народа в ту далекую эпоху.

Талантливо и тонко изображены на миниатюрах животные и картины природы, — весенний пейзаж, сады и поля. Те же сюжеты использованы в настенной живописи. Яркое и достаточно полное представление об изобразительном искусстве Герата второй половины XV в. дают миниатюры, иллюстрирующие произведения Фирдоуси, Низами, Хосрова Дехлеви, Саади, Хафиза, Язди, Лутфи, Джамии, Навои, Хусейна Байкары и др.²¹

Крупнейшим представителем изобразительного искусства XV в. был великий живописец Камолиддин Бехзад. Он родился в 1455 г. в семье ремесленника в Герате. Уже в раннем детстве Бехзад проявил способности к рисованию. Первоначальное образование он получил у Пир Саида Ахмада Табризи. Позднее его воспитывал хранитель дворцовой библиотеки Мирак Наккош. Наблюдательный, талантливый от природы, воспитанный и обученный Мирак Наккошем и Алишером Навои, Бехзад в скором времени стал ведущим

Миниатюра эта дана в «Истории Узбекской ССР» Ташкент Т. 1. 1970. С. 507

²⁰ Норкулов Н. Камолиддин Бехзад, с. 29.

²¹ Норкулов Н., Низомиддинов И. Указ. соч., с. 129—139.

художником и снискал широкую известность. Сначала Бехзад работал в библиотеке Алишера Навои. Великий поэт уделял ему особое внимание; материально обеспечивал, направлял его работу, давал ценные советы в его творчестве.

В «Письмовнике» Алишер Навои писал о Бехзаде: «Послана «Книга о разлуке» («Фирокнома»)²² для украшения и иллюстрации, единственный человек, который может написать к ней миниатюры,— это устод Бехзад. Недавно мастера божественного рисунка потребовал к себе Мирза (Хусейн Байкара): в своем саду он повелел ему украсить худжру. Другого такого человека, который бы мог иллюстрировать книгу в соответствии с ее достоинствами, кроме него,— нет»²³.

Позже Бехзад был хранителем библиотеки Султана Хусейна. Это был период наивысшего расцвета творчества художника. После смерти Алишера Навои и Султана Хусейна Байкары он, судя по источникам²⁴, вплоть до 1510 г. служил у Шейбанихана, затем в 1519—1520 гг. переехал в Тавриз. В 1522 г. Шах Исмаил назначил его хранителем своей библиотеки в Тавризе. В 1537 г. Бехзад умер в родном Герате.

Названный своими современниками вторым Мани, а западными учеными — Восточным Рафаэлем, Бехзад был величайшим представителем изобразительного искусства второй половины XV — первой половины XVI в.

Бехзад был основателем гератской школы живописи. Он создал новый стиль в изобразительном искусстве и как художник оказал глубокое и плодотворное влияние на изобразительное искусство Мавераннахра, Ирана, Азербайджана и других стран. Изобразительному искусству Бехзада дал оценку и Бабур: «Бехзад был живописцем. Дело живописи он знал до тонкости»²⁵.

²² «Книга разлуки» — так Алишер Навои называл иногда свою поэму «Лейли и Меджнун» из «Пятерицы». Поэма написана в 1484 г., значит, можно утверждать, что письмо написано в том же году

²³ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 13. Ташкент. 1966. С. 111.

²⁴ Бабурнаме. Ташкент. 1960. С. 301—302.

²⁵ Там же, с. 244.

В иллюстрациях к рукописям Бехзад написал много портретов, бытовых сцен и пейзажей.

Важное место в культурном наследии народов Востока занимает искусство оформления книги. Создание художественно оформленной книги — многодневный и сложный процесс.

Рождение книги как произведения искусства являлось результатом мастерства и высококвалифицированного труда представителей различных ремесел. В процессе создания книги участвовали изготовитель бумаги, мастер, сшивающий книгу, каллиграф, мастер, расчерчивающий книгу и составляющий ее обрамление, иллюстратор, мастер золотого орнамента, мастер, изготовляющий переплет из кожи или другого дорогостоящего материала, мастер, отделывающий золотой или серебряной краской поля и различные места страницы и др.²⁶

Свою работу они выполняли по известным канонам и технологии, но у каждого мастера был свой стиль работы и свои приемы. Они переходили от мастера к ученику, тем самым сохраняя и продолжая традиции предшественников.

Изготовлением высококачественной бумаги в Средней Азии особенно прославились мастера Самарканда и Бухары. Их бумага отличалась высокой прочностью и гладкостью. Характерно то, что цветная бумага того времени не утратила своих красок и до сих пор. Бумага готовилась и окрашивалась по особому рецепту, и имела приятный запах, так как в нее подмешивали благоухающие вещества.

Искусство создания и украшения книги во второй половине XV в. достигло высокого уровня развития. Именно в это время в Хорасане и Мавераннахре появились такие искусные переплетчики и оформители рукописей, как Султан Али Мешхеди, Мухаммад Катиб, Султан Али Қайни, Абдул Джалил, Дарвеш Мухаммад Таки, Султан Мухаммад Хандон, Мухаммад Амин Бабаджан Гарави-Халвои, Мирали Маджнун бин Камолиддин Махмуд — Рафики, Дарвеш Мухаммад Самарканди, Ходжи Абдуллох Марварид Баяни; Мирак Бухори, Абдурахман Барки Мунши, Абдулазиз Са-

²⁶ Норкулов Н., Низомиддинов И. Указ. соч., с. 72.

марканди, Бакои, Ходжа Али Самарканди, Мавляна Хурдан ал-Самарканди и др.²⁷

Великий каллиграф того времени Султан Али Мешхеди (1432/1433—1513) большую часть своей жизни провел в Герате при дворце Абу Саида и Султана Хусейна²⁸. Он развил стиль арабской письменности *насталик*, созданный известным каллиграфом XIV в. Ходжой Мир Али Табризи (1369—1405), и поднял его на более высокую ступень совершенства. После смерти Алишера Навои Султан Али Мешхеди переехал к себе на родину в Мешхед и до конца жизни занимался любимым искусством.

Бабур так отзывался о Султане Али Мешхеди: «Хотя каллиграфов при дворе Султан Хусейна Мирзы насчитывалось много, но главою их всех в написании насталиком был Султан Али Мешхеди»²⁹.

Более подробную характеристику Али Мешхеди дает Навои: «В настоящее время он вершина всех каллиграфов Хорасана и большинства стран мира, и ему подчиняются все владения царства переписки. Он обладает таким хорошим нравом и так приятен в обхождении, что перо не в состоянии этого описать»³⁰.

Ученик Мавляны Азхари Хирави Султан Али Мешхеди создал в Герате свою школу каллиграфии. Вот что пишет об этом А. А. Семенов: «Не останавливаясь на других, менее сложных, каллиграфях Гератской эпохи XV в., мы должны отметить, что гератская школа художественной каллиграфии оставила неизгладимый след в истории мусульманского искусства. Удивительная гармоничность линий, необычайная соразмерность всех буквенных элементов, утонченное изящество почерка делают каллиграфическое искусство Герата эпохи Алишера неподражаемым и непревзойденным. Тра-

²⁷ Мурадов А. Из истории искусства каллиграфии в Средней Азии. Ташкент, 1970.

²⁸ Семенов А. А. Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы/Алишер Навои. М.: Л. 1946; Костыгова Г. И. Жизнь и деятельность таджикского каллиграфа-художника Султана Али Мешхеди. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук Л. 1954; Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV—XVI вв. М. 1963. Мурадов. Указ. соч., с. 55—56.

²⁹ Бабурнаме. Ташкент, 1958. С. 210.

³⁰ Алишер Навои. Соч. В 10 т. Т. 9. С. 115.

диции этой школы долго жили в Иране, находили подражателей в Индии, где было немало художников-каллиграфов, превосходно писавших в духе старинных гератских мастеров»³¹.

В расцвете культурной жизни в Герате неоценимы заслуги Алишера Навои и его великого наставника и друга Абдуррахмана Джамии. Два великих поэта и мыслителя оказали сильное влияние на поэтов и художников прежде всего собственным творчеством, энциклопедической образованностью, глубиной мысли, а также духовной и материальной поддержкой и помощью деятелям культуры. В Герат во времена Навои из разных городов и краев стекались поэты, живописцы, каллиграфы. Между городами складывались и оживлялись культурные связи, которые положительно воздействовали на культурную и общественную жизнь эпохи.

Основная часть образованных людей оседала в городах, где условия позволяли заниматься творческой работой, читать ценные книги, которых было очень мало, обмениваться творческим опытом. Люди, любящие поэзию, стремящиеся заниматься литературой, переселялись в города и там находили литературную среду, способствующую развитию их таланта и творческих склонностей. Концентрация творческих сил в городах — одна из особенностей литературного движения второй половины XV в.

Поэты, жившие в эту эпоху в Хорасане и Мавераннахре, писали на двух языках — узбекском и фарси. Это было обусловлено тем, что коренным населением этих мест были узбеки и таджики, и литературным языком этого времени был персидский. Во второй половине XV в. число поэтов, пишущих на узбекском языке (тюрки), значительно возросло.

Узбекская литература этого периода интенсивно развивалась и в тематическом, и в идейном плане. Она достигла нового, более высокого уровня развития, в ней появились оригинальные образцы лирической и эпической поэзии, а также прозы.

Укрепилась связь и взаимовлияние между письменной литературой и устным народно-поэтическим творчеством. Ярким примером этого является творчество Алишера Навои.

³¹ Родоначальник узбекской литературы. Ташкент. 1940.

Художественные завоевания узбекской литературы второй половины XV в. связаны с именем Навои, а таджикской — с именем Абдурахмана Джами.

Джами родился в ноябре 1414 г. в г. Жом (Джам) Хорасана, в семье Шайхулислама Низамиддина Ахмада. С детства он стремился к знаниям. Джами получил образование у крупных ученых того времени — Мавляны Джунайда, Шахабиддина Мухаммада Джаджарми, Алаиддина Али Самарканди, Казизаде Руми и др.

Абдурахман Джами занимался филологией, философией, математикой, астрономией и др.

Джами написал ряд художественных, научных, религиозных произведений по суфизму. Его диваны — сборники стихов «Желания юных лет» («Фотихатушшабоб»), «Средняя жемчужная нить» («Васитатул-икд»), «Эпилог жизни» («Хотиматул-хаёт») — написаны в жанрах газели, рубаи, кыт'а, таржибанда, марсии, касыды и др.

В своих стихотворениях Абдурахман Джами возвеличивает жизнь и любовь, высокие достоинства человека, осуждает алчность, низость, лицемерие и подхалимство, разоблачает пассивное отношение к жизни захидов-отшельников, невежественную часть духовенства, учит правилам достойного поведения.

Джами — автор таких поэм, как «Золотая цепь» («Силсилат-уз-захоб»), «Саламон и Ибсал», «Дар праведников» («Тухфат-ул-ахрор»), «Четки праведных» («Сабхат-ул-аброр»), «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун», «Книга о мудрости Искандера» («Хирадномай Искандарий»).

В прозаическом произведении «Бахаристан» Джами выражает свои социально-политические идеи преимущественно в форме наставлений и поучений, дает советы правителям, призывает их быть ревнителями просвещения и справедливости.

Перу Джами принадлежат также работы по литературоведению: «Трактат об арузе» («Рисолаи аруз»), «Трактат о муамма» («Рисолаи муаммо»); по философии и суфизму — «Украшение драгоценностей» («Накши фусус»); «Критика нусуса» («Накд-ун-нусус»), «Поиски света» («Аши'ятул-лама'от»), «Дыхание друзей» («Нафохат-ул-унс») и др. Джами — великий художник

слова и мудрый мыслитель XV в.³² Его художественное наследие принадлежит не только таджикскому народу, но и всем народам Среднего Востока. Умер Джами 8 ноября 1492 г.

Творческая деятельность Алишера Навои и Абдурахмана Джами еще более углубила культурные и художественные связи узбекской и таджикской литератур.

Узбекская литература наряду с прогрессивным развитием в определенной мере находилась под влиянием религиозно-мистической и феодально-дворцовой поэзии³³.

Однако не влияние религиозно-мистической и феодально-дворцовой поэзии определяло характер прогрессивной узбекской литературы, а ее близость к социальной и политической жизни эпохи, высокая гуманистическая направленность.

Узбекская советская литература поднялась на новую ступень развития. И в этом прежде всего велика роль Алишера Навои, всю свою силу и энергию посвятившего борьбе за счастье человека. Создав такие произведения, как «Сокровищница мыслей» и «Пятерица», в которых отражены насущные вопросы и проблемы того времени, он развивал идеи гуманизма, народолюбия и просвещения. Важной вехой в деятельности Навои была борьба за узбекский литературный язык. В эпилоге поэмы «Лейли и Меджнун» он писал:

Но так как эти тонкие мысли были выражены по-персидски,
Тюрки не могли ими насладиться в полной мере.

Я это предание начал писать по-тюркски,

Эту легенду рассказал, чтобы она прославилась на
весь мир

И стала достоянием тюркского народа.

Борьба Навои за узбекский литературный язык имела и политическое значение. Общественно-политический смысл борьбы Навои за права родного языка заключался в том, что вопреки утверждению некоторых любителей поэзии о якобы грубости тюркского языка он всем своим творчеством доказал выразительность и богатство

³² См.: Бертельс Е. Э. Избр. труды. Навои и Джами. М. 1965; Абдурахман Джами. Сб. ст. Душанбе. 1965.

³³ Об этом см.: Маллаев Н. М. Узбек адабиёти тарихи Тошкент. 1963. С. 247—252.

тюркского языка, имеющего право стоять в одном ряду со всеми признанными литературными языками мира. Он защитил узбекский язык от всякого рода ошибочных взглядов и теорий. И отношение к тюркскому языку изменилось. Хусейн Байкара, давший высокую оценку творчеству Навои, писал: «До настоящего времени никто не надевал на эти девы мыслей тюркской одежды и не облачал этих красавиц (т. е. произведения поэзии) в эти прекрасные наряды. Эти, подобные гуриям, красавицы в укромном доме таланта стыдились своей наготы, пока поэт не облачил их в новые одежды (т. е. пока великий поэт не заговорил по-тюркски, тюркский язык не мог показать свою гибкость, изящество и красоту)».

Борьба, которая велась за узбекский литературный язык, принесла свои плоды: в последующие века большинство произведений создавалось на этом языке.

Для борьбы за развитие узбекского языка, литературы и культуры, которую вел Алишер Навои, определенное значение имела деятельность Султана Хусейна Байкары. И хотя Хусейн Байкара знал персидский язык, как свой родной, тем не менее почти все свои стихи он писал на узбекском.

Хусейн Байкара (1438—1506) — один из видных поэтов своего времени — писал под псевдонимом Хусайни. В его диване, дошедшем до нас, все газели написаны арузом в размере «рамали мусаммани максур».

Алишер Навои писал, что «Султан Хусейн Байкара создал чрезвычайно ясные, приятные, эмоциональные стихи..., что его творчество стало заметным явлением в тюркской поэзии, что все его стихи, живые, эмоциональные, солнечные, с первой до последней строки созданы в форме названного размера»³⁴. «Большая часть стихов Хусейна Байкары выделяется красотой образов, заражающей достоверностью описанных переживаний, ясностью стиля»³⁵.

Поэт в основном воспевает любовь, изображает тоску и волнения влюбленного, используя оригинальные метафоры и сравнения.

³⁴ Алишер Навои. Соч. Т. 14. Ташкент. 1967. С. 181 (на узб. яз.).

³⁵ Узбекская литература. Т. 1. Ташкент. 1959. С. 514 (на узб. яз.).

В одной из своих газелей, описывая возлюбленную, поэт утверждает, что она прекраснее и выше «райских куш» и легендарных красавиц:

Разве райская трава может сравниться с пушком на ее
губе?
Разве речь Моисея может сравниться со сладостью ее
рубиновых уст?

Поэт традиционно сравнивает свою любовь с чувством прославленных Меджнуна, Вамика, Фархада; Хусайни живо и убедительно описывает и горе влюбленного, измученного разлукой, и радость его при встрече с любимой:

Свидание с ней, когда мои глаза то льют слезы, то
любуются ее красотой,
Подобно тому, как весной тучи то проливаются дождем,
то рассеиваются³⁶.

Хусайни был хорошо знаком с персидско-таджикской литературой современной и предшествующих веков, с тюркской поэзией, особенно, с творчеством Алишера Навои. Многие свои газели он писал как татаббу к стихам Навои³⁷. И Навои писал назира к газелям Хусейна Байкары.

В восьмой главе «Собрания избранных» Навои дает обстоятельную и высокую оценку творчеству и поэтическому дару Хусейна Байкары.

Хусейн Байкара творил и в прозе. Его «Трактат» («Рисола») богат наблюдениями и переживаниями. В нем он дает высокую и объективную оценку творчества Навои. Хусайни, выбрав газели Навои, которые соответствовали его мировоззрению и настроению, писал на них мухаммасы. Но его произведениям присущи классовая ограниченность, тематическое однообразие и уость.

Важной особенностью литературы того времени было двуязычие. Многие поэты, относящиеся к литературной школе Хорасана, возглавляемой Абдуррахманом Джами и Алишером Навои, владели двумя языками. Хотя двуязычие появилось еще в XIII в.³⁸, пик его рас-

³⁶ Хусайн Байкаро. Девон Рисола. Ташкент. 1968. С. 26.

³⁷ См.: История узбекской литературы. Т. 2. Ташкент. 1977 С. 32 (на узб. яз.).

³⁸ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М. 1960.

цвета приходится именно на вторую половину XV в. По сведениям Навои, поэтами, писавшими на персидском и узбекском языках, были Ходжа Абулхасан Кутби, Дарвеш Нозуки, Сайид Хасан Ардашер, Амир Шайхим Сухайли, Мавляна Осафи, Мавляна Зия, Якини, Сакий, Сайид Ахмад, Мухаммад Али Гариб, Бадиуззамон Мирза, Давлатшах Самарканди и др. В монографии «Узбекская поэзия второй половины XV в.» Э. Рустамов показывает, что двуязычными были и поэты Бинои и Хилоли³⁹.

Знание обоих языков использовал в своем творчестве и сам Навои. Он с одинаковым уважением относился и к персидскому, и к узбекскому языкам. Его деятельность по развитию узбекского языка и узбекской литературы ни в коей мере не была направлена против других литератур и культур. Произведения Алишера Навои, написанные на персидском и узбекском языках, заслуживают самой высокой оценки.

Таким образом, в этот период двуязычие достигло высокой степени своего развития. Эта литературная традиция развивалась и в последующие времена.

Корни литературных связей и творческого содружества двух народов уходят в глубокую древность.

Во второй половине XV в. в Хорасане и Мавераннахре в сложной исторической обстановке происходит общий подъем культуры. Об этом свидетельствует развитие архитектуры в Герате и других городах, то внимание, которое уделялось благоустройству; появление крупных поэтов, живописцев, каллиграфов, музыкантов, историков, ученых, расцвет ремесла. Вершиной духовного развития этого времени была поэзия Навои и Джами. Их творчество подняло узбекскую и персидскую литературу и культуру на новую ступень. Важно и то, что в узбекской литературе этого периода резко расширился диапазон не только светской тематики, но и произведений эпического жанра.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АЛИШЕРА НАВОИ

Биография Алишера Навои привлекала внимание многих востоковедов, поэтов и писателей. Ее исследова-

³⁹ Рустамов Э. Узбекская поэзия второй половины XV в. М. 1963. С. 15—45.

нию посвятили специальные труды такие выдающиеся ученые, как В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, А. Шарафутдинов, С. Айни, Айбек, В. Захидов, В. Абдуллаев, И. Султанов и многие другие⁴⁰. Богатый материал для работы они черпали из трудов авторов XV в., современников поэта. На страницах их произведений запечатлены многие факты и события его жизни. О деятельности Навои рассказывает сочинение историка Хондамира «Книга благородных качеств» («Макорим ул-ахлок»), где автор объективно и обстоятельно раскрывает все стороны личности Навои — политического деятеля, поэта, покровителя искусств, науки и литературы. В «Пятирице изумленных» («Хамсат ул-мутахаййирин») Навои с гордостью вспоминает, что Джами в своих произведениях положительно отзывается о нем. Но, пожалуй, самым ценным источником биографии Навои являются его собственные произведения, к которым не раз обращались и будут обращаться все навоиведы.

В отличие от скудных биографических данных многих представителей узбекской литературы прошлого мы имеем довольно точные сведения о дате рождения Навои, его родителях, родственниках, о его детстве, юности и т. д. По свидетельству Хондамира, Навои родился в Герате — столице Хорасана 17 рамазана года курицы, т. е. в 844 г. х., что соответствует 9 февраля 1441 г. н. э., в семье государственного служащего Гиясиддина Мухаммада, известного под псевдонимами «Кичкина Бахадур» («Бахадур Малый») и «Кичик бахши» («Младший учитель»). Отец, как и дед будущего поэта, был близок ко двору Тимуридов, не раз участвовал в их военных походах, из-за чего его считали, как пишет Давлатшах Самарканди в своей антологии, «одним из славных людей того времени и одним из героев чагатайцев»⁴¹. Он обладал добрым нравом. Известны случаи, когда он на свои деньги выкупал пленников и дарил им свободу. Мать поэта была дочерью одного из кабульских эмиров — Шейха Абусаида Чанга.

⁴⁰ См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 2 (Раздел «Мир Алишера и политическая жизнь»). М. 1964. С. 197—260; Бертельс Е. Э. Навои. М.; Л. 1948; Шарафутдинов А. Навои. Ташкент. 1948; Захидов В. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент. 1961; и др.

⁴¹ Давлатшоҳ Самарқандий. Тазкиратуш-шуаро. Рук. фонда ИВ АН УзССР Инв. № 2119. 62 с.

Алишер был в семье не единственным, но самым любимым ребенком. С детства мальчик отличался незаурядными способностями. Очень рано стал читать. Первым стихотворением, выученным Навои в возрасте 3—4 лет, было стихотворение персидского поэта Касыма Анвара, начинающееся двустишием вольнолюбивого содержания:

Гуляки мы, влюбленные, сжигающие мир и рвущие на себе
одежды,
Раз есть у нас благо тоски по тебе, зачем бояться мысли
о мире.

Он рано начал учиться. Обучался Алишер вместе с детьми тимуридов, так как его семья была близка с семьей будущего правителя — Султана Хусейна Байкары; дети были выкормлены одной кормилицей. В школе Алишер учился вместе с Хусейном и впоследствии очень подружился с ним. Учился будущий поэт усердно, в этом ему помогал и его отец Гиясиддин. Давлатшах пишет, что Гиясиддин сделал все, чтобы его сын стал образованным и уважаемым человеком.

В воспитании Алишера немаловажную роль сыграли его дяди по материнской линии Мир Саид Кабули и Мухаммад Али Гариби. Мир Саид отличался склонностью писать стихи на узбекском языке. А Мухаммад Али был не только поэтом, но и способным композитором, отличным музыкантом. Их влияние на формирование личности будущего поэта было огромным. Оба родственника, которых безгранично любил маленький Алишер, впоследствии, в период междоусобиц, были убиты тимуридом Абу Саидом.

Историк Хондамир с похвалой отзывается об учебе Навои в школе. В это время страной правил Шахрух — один из сыновей Тимура. Его смерть (1447) дала повод для новой волны междоусобиц в Хорасане. Семья Гиясиддина была вынуждена временно переселиться в Ирак. В антологии «Собрание избранных» Навои вспоминает случайную встречу в пути — в селении Тафт с известным историком Шарафутдином Али Язди. Историк остался доволен ответами маленького Алишера: мальчик ясно изложил причины, по которым люди покинули страну.

Семья Алишера смогла вернуться в Хорасан лишь три-четыре года спустя. Новый султан — тимурид Абул-

касым Бабур был милостив к родителям Алишера. Он назначил Гиясиддина правителем округа Сабзавар, в недалеком прошлом родины вольнолюбивых сарбадаров, сыгравших выдающуюся роль в ликвидации монгольского господства в Хорасане. Сарбадары смело вступали в бой и с войсками Тимура. Здесь уместно вспомнить дружбу Алишера со старым сабзаварским поэтом Мир Шахи. Алишер, любивший своеобразную поэзию Мир Шахи, переписывался с этим мудрым, много повидавшим на своем веку человеком. Мир Шахи умер по дороге в Астрабад. Отец Алишера Гиясиддин, правивший в это время Сабзаваром, оказал ему высокую честь, организовав всенародные похороны поэта.

Пока отец был занят государственными делами, Алишер усердно учился, много читал. Поэзия узбекских, персидских и азербайджанских классиков захватила и увлекла его. В 10—11 лет он знал наизусть «Гулистан» и «Бустан» Шейха Саади. Не обошлось и без курьезов. Алишер настолько увлекся поэмой Фаридиддина Аттара «Разговор птиц» («Мантик ут-тайр»), что стал избегать людей и уединяться. Обеспокоенные родители вынуждены были запретить ему чтение поэмы. Но было поздно: мальчик уже успел выучить ее наизусть. Непринужденная, увлекательная беседа птиц меж собой, народность языка, аллегорический стиль так понравились Навои, что он на всю жизнь полюбил эту поэму. На склоне лет он пишет ответную поэму — назирю под названием «Язык птиц» («Лисон ут-тайр»).

Примечательно, что Алишер рано начал писать стихи. В предисловии к сборному дивану «Сокровищница мыслей» («Хазойин ул-маоний») он сообщает, что ряд его стихов, написанных в 7—8-летнем возрасте, включены были им в диван «Чудеса детства». Возможно, еще в детстве он выбрал себе псевдоним «Навои» от слова «наво» (напев, мелодия). Стихи на родном, узбекском языке он подписывал псевдонимом Навои, а на персидском — псевдонимом «Фани» («Бренный»). Когда ему было пятнадцать лет, он уже был известным двуязычным поэтом.

Правление Гиясиддина в Сабзаваре длилось недолго. Он умер примерно в 1455—1456 гг. Навои вынужден был оставить учебу, поступить на службу к Султану Абулкасыму Бабуру и переехать в новую столицу

Хорасана Мешхед. В это время поступает на службу к Абулкасыму и Хусейн Байкара. Друзья встречаются вновь. Бабур увлекался поэзией и был добр к этим двум молодым людям.

22 марта 1457 г. Абулкасым Бабур внезапно умирает. Это событие разлучает друзей. Навои остается в Мешхеде и продолжает учебу в медресе, не имея никакой поддержки. А Хусейн Байкара едет в Мерв и начинает готовиться к борьбе за власть. Так начинается «казачество» («козоклик») будущего Султана. Власть в стране захватил Абусайд, известный своим враждебным отношением к роду Хусейна Байкары и к роду Навои.

Навои всецело отдался учебе. Он хотел серьезно освоить основы наук, филологию. Ему в то время было 16—17 лет. В среднеазнатских медресе обучали не только теологии, арабистике, законодательству (фикх), но и математике, астрономии, как, например, в медресе Улугбека (XV в.) в Самарканде. Учились долго — не менее 30—40 лет. В поэме «Смятение праведных» Навои описывает жизнь двух молодых людей, которые, терпя огромные лишения на чужбине, много лет учились в медресе и достигли высот познания, изучив не только историю ислама, но и христианства, знавших не только арабский, но и сирийский, греческий языки.

О высоком уровне понимания поэзии юным Навои в этот период свидетельствует следующий случай. Однажды, в день праздника жертвоприношения, Навои был болен и лежал в своей келье, в одной хонаке Мешхеда. По обычаю люди в этот день совершали паломничество к святым местам, осматривали достопримечательности города. Несколько человек, прогуливаясь, зашли и в келью, где лежал Навои, и стали читать газели, написанные на стенах. Меж ними возник спор о содержании одного стиха. Пожилой человек, возглавлявший эту группу, отстаивал свое толкование стиха. Навои, вмешавшись в спор, высказался в пользу иного толкования. Пожилой человек оказался известным поэтом Шейхом Камалем. Он согласился с мнением Навои о смысле стиха. Этот случай послужил началом крепкой дружбы. Пока Навои был в Мешхеде, Шейх часто навещал его⁴².

⁴² Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 9. С. 38.

Дни в Мешхеде протекали медленно, тяжело. Семья Навои жила в Герате. Юного поэта терзали одиночество, тоска по родным местам. Именно в Мешхеде он написал широко известное четверостишие — рубаи:

Не ведает радости скиталец на чужбине,
Нет ему от людей ни сочувствия, ни милосердия.
Дороже розы, выросшей в золотой клетке,
Соловью ее шипы (на воле).

Несмотря на трудности, Навои продолжает учиться, писать стихи, посещать занятия в медресе. Молодой человек, собиравшийся в те времена стать поэтом, должен был знать наизусть 20 тысяч двустиший из произведений своих предшественников и десять тысяч двустиший из сочинений современных ему поэтов⁴³. Уже тот факт, что Навои выучил более 50 тысяч двустиший из произведений узбекских и персидских классиков⁴⁴, красноречиво свидетельствует о его серьезных занятиях литературой.

По сообщению Хондамира, в годы, когда у Навои началась пора «джигитства», состоялась его знаменательная встреча с престарелым поэтом Лутфи. Возможно, она состоялась не в Мешхеде, а в Герате, куда Навои приезжал на летние каникулы. Великому поэту Навои прочитал свою новую газель, начинавшуюся с двустишия:

Закроешь ты свое лицо, и я слезам теряю счет.
Так ночью звездам нет числа, как только светлая луна
за тучи темные зайдет.

Лутфи, один из самых тонких знатоков газелей на тюрки, услышал стихи Навои и, потрясенный, сказал: «О боже, если бы это было возможно, я бы променял все свои стихи, состоящие из 10—12 тысяч двустиший на фарси и на тюрки, на эту газель и считал бы такой обмен великой удачей». Так высоко оценил Лутфи поэтический талант молодого Навои.

В 1464 г. Навои вернулся в Герат. Он хотел поступить на службу к Абусаиду, объединившему Хорасан с Мавераннахром и сделавшему Герат своей новой столицей, и спокойно заняться творчеством. Однако Абусаид и его окружающие отнеслись к Навои с подозре-

⁴³ Алишер Навои. Соч. Т. 10. С. 132.

⁴⁴ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей. М. 1963. С. 59.

нием: его родители были близки к Хусейну Байкаре, претенденту на престол, совершавшему нападения на владения Абусаида. Не без ведома Абусаида были убиты как сторонники Хусейна дяди Навои — Мир Саид Кабули и Мухаммад Али. В стихотворном послании к Сайиду Хасану Навои пишет, что в это время ему негде было жить, нечем питаться, некому преподносить свои стихи. Его в какой-то мере поддерживал Сайид Хасан — ученый, поэт, давний знакомый его семьи. В это время происходит первая встреча Навои с Абдуррахманом Джами, подарившим ему свой труд по теории стихотворного жанра муамма, широко распространенного в литературе.

Абусаид в восприятии Навои — один из самых жестоких и невежественных царей. Отношение двора к поэту становилось все хуже. К тому же Абусаид был правителем алчным, любившим золото и драгоценности. Поэт не удержался от эпиграммы. Следующая кытъя была сложена именно о нем:

На сокровища мира царь зарится, как дракон,
Который изрыгает пламя в минуты гнева.
Жить его желаниями, все равно что
Пребывать в драконьей пасти.

В сложившейся ситуации Навои вынужден был в 1466 г. оставить Герат и выехать за пределы Хорасана. Автор «Бабурнаме» считает, что Абусаид выслал Навои из Герата. Навои в послании к Сайиду Хасану объясняет отъезд из Хорасана тем обстоятельством, что его жизнь была в опасности.

Навои прибыл в Самарканд, знаменитый своими учеными, медресе, обсерваторией. Своей славой Самарканд во многом обязан был Улугбеку — великому астроному, покровителю поэтов и ученых. Два года поэт учился в медресе ученого-законоведа и арабиста Фазлуллаха Абуллайса. Правитель Самарканда Ахмад Хаджибек, писавший стихи под псевдонимом «Вафай», приблизил к себе поэта.

Положение Навои, испытывавшего серьезные материальные трудности, постепенно стало улучшаться. Наглаживались его отношения и с самаркандскими учеными и поэтами. Ему стали оказывать покровительство не только Ахмад Хаджибек, но и Дервиш Мухаммад-тархан, близкий родственник царя Абусаида.

С приездом Навои в Самарканд оживилась литературная жизнь. Такие замечательные поэты, как Шайхим Сухейли, Мирзабек, Алои Шаши, Юсуфшах Сафон, быстро сдружились с ним. Тонкое понимание поэзии восхищало поэтов, и они охотно шли к Навои за советами.

После трагической гибели Улугбека его знаменитая обсерватория пришла в упадок, но научная жизнь продолжалась. Здесь жили и трудились талантливый ученый Мавляна Мухаммад Алим, преподаватель медресе Ходжа Хурд. Навои познакомился и с искусным каллиграфом Мавляна Саили, способным в день переписать 500 двустихий, мастером музыки Дарвешом Ахмадом Самарканди. Одновременно с другими дисциплинами Навои в Самарканде глубоко изучил книгу Мавляны Яхъя Себака «Ночь размышления» («Шабистони хаёл»), исследующую метрику стихосложения аруза.

Навои не только учился и активно участвовал в междлнсах поэтов, но и изучал жизнь городских ремесленников, кустарей и мастеров. Известно, что его восхищало искусство мастеров шитья одежды. Одному из них он посвятил стихотворение, в котором благословил его искусство. Он любил прогулки по окрестностям города, своеобразную природу Мавераннахра. Несколько лет спустя в поэме «Стена Искандера» («Садди Искандарий») он создал прекрасные картины природы Мавераннахра.

Автор исторического труда «Законченные истории» («Тамут-таворих») Абулмумин сообщает, что владыка Самаркандского престола Султан Ахмад Мирза даровал Навои титул «чагатайского эмира». Это подтверждает и Хондамир. Навои действительно был близок к правящим кругам, бывал даже в военных лагерях, давал советы. В эти годы он старался незаметно помочь Хусейну Байкаре, его людям, попавшим в плен к Султану Ахмаду Мирзе.

Одним словом, самаркандский период жизни Навои сыграл важную роль в формировании его личности и таланта. Здесь впервые он стал вникать в государственные дела, обретать опыт управления государством.

В 1469 г. гератский престол занимает Хусейн Байкара, имевший наследственное право как тимурид. Султан Хусейн пишет специальное письмо на имя Султана

Ахмада Мирзы, чтобы тот разрешил Навои выехать в Герат. Так сбылась давнишняя мечта Навои. В апреле 1469 г. он уже был в Герате. В праздничный день Навои преподнес султану свою касыду «Новолуние» («Хилолия»), в которой искренне поздравил его с восшествием на престол. Султан Хусейн пожаловал поэту должность хранителя печати. С этого времени и начинается активная общественно-политическая и культурная деятельность Навои.

Навои хотел видеть государство Султана Хусейна прочным и могущественным. И в годы своей политической деятельности он немало сделал для достижения поставленной цели. Первая трудность заключалась в удержании власти. Султан Хусейн, следуя совету Навои о внезапном и решительном нападении, в местности Чинаран в конце 1469 г. наголову разбил войска тимурида Ядгара Мирзы. Молодой царевич спасся бегством. В отсутствие Хусейна Байкары в Герате народ, доведенный до крайности тяжелыми поборами, встал на защиту своих прав. Вооружившись камнями, он напал на царские канцелярии. Султан решил подавить бунт силой. Однако Навои посоветовал Султану поступить иначе, ибо народ мог отшатнуться от него и поддержать других претендентов на власть. Более того, Навои советовал наказать тех, кто своей алчностью вызвал народное восстание. Султан Хусейн прислушался к совету и наградил Навои в Герат. Навои удалось успокоить народ. Он зачитал специальный указ царя о наказании тех, кто злоупотреблял властью. Народ остался доволен. Когда Султан вернулся в город, население встретило его с воодушевлением.

Через год, в июне 1470 г., возникло волнение в войске самого Хусейна. Пребывание его в Герате становилось опасным. Султан выехал в местность Фарьяб. Этим воспользовался Ядгар Мирза. С небольшими отрядами он прибыл в Герат и захватил престол. В сложившейся ситуации Навои посоветовал Хусейну проявить решительность и немедленно выступить против Ядгара. Ночью летняя резиденция царей «Боги заган» была окружена, и Навои, держа меч, как посох, направился в резиденцию в сопровождении двух людей. Спящий на крыше дворца Ядгар был взят в плен и доставлен к

Султану Хусейну. Ядгар был убит. Так Хусейн избавился от своего серьезного врага.

Ранний период службы Навои при дворе Султана Хусейна отличался тем, что царь наделял его большими полномочиями. Но у Навои не было особой склонности к карьере придворного. Его мечтой была поэзия. Поэтому вскоре он подал в отставку. Однако в феврале 1472 г. ему был присвоен титул эмира и он был назначен главным визирем. Отныне он становится первой после шаха фигурой в стране. Он постоянно ездит по стране, выслушивает жалобы людей, занимается благоустройством столицы и всей страны, стремится создать нормальные условия для деятелей науки и культуры, выступает посредником между крупными феодалами в их тяжбах и междоусобицах, старается наладить отношения правителя с его сыновьями и другими приближенными.

Свои обязанности государственного деятеля Навои выполнял честно и добросовестно, стремясь последовательно защищать интересы простого люда. В «Дарственной записи» («Вакфия») он писал: «По мере возможности я старался сломить меч угнетения и исцелить целебной мазью раны угнетенных». Однажды, как рассказывает Хондамир, правитель устроил допрос одному из своих визирей, изобличенному в хищениях. Шах приказал сорвать с него чалму. Навои тут же добавил: «Раз ты облегчил его голову от чалмы, то облегчи и плечи, сняв с них голову»⁴⁵.

Большое значение Навои придавал строительству культурно-просветительных учреждений. В районе Мусалла в Герате на средства Навои были построены большое красивое медресе «Ихласия», дом для чтецов Корана «Дарал-хуффаз», дом для ученых, приезжих и дервишей «Халасия», дом для врачей — «Дараш-шифа», соборная мечеть. Был проведен и канал. Все это говорит о том, что Навои располагал достаточно крупными средствами для общественного строительства. Правитель подарил ему огромные земли и селения, доходы с которых Навои тратил исключительно на общественные нужды, оставляя себе ровно столько, сколько требуется одному простому человеку. В Хорасане было около трехсот общественно полезных и учебных пост-

⁴⁵ Алишер Навои. Асарлар. 13 т. 168-бет.

роений, созданных Навои. За ними были закреплены земли, доходы с которых шли на материальное обеспечение слушателей. Среди строений, созданных Навои, много историко-архитектурных памятников, рабатов, мечетей, сардоба (крытых водохранилищ), бассейнов.

Заботой Навои были окружены ученые, поэты, музыканты, каллиграфы, живописцы. Своим наставником он считал Абдуррахмана Джамии, великого поэта, ученого. Их дружба может служить примером бескорыстия и искренности. Большинство современных ему поэтов, художников, историков отзывались о покровительстве Навои с глубокой благодарностью. Многие служители науки, литературы прибыли в Герат из различных стран и нашли здесь поддержку.

Государственные дела отнимали у Навои много времени. Но он писал по ночам. Об этом периоде жизни Навои говорит в поэме «Фархад и Ширин»:

Чтобы в течение суток каждый час
Я мог вздохнуть свободно хоть бы раз...

Несколько раз он просил правителя освободить его от государственных дел. В 1476 г. Султан принял его отставку. Но это не означало, что он был полностью освобожден от всех государственных дел. Неофициально он продолжал руководить делами государства как первое доверенное лицо султана. Хусейн Байкара называл Навои опорой государства.

Приблизительно между 1472 и 1476 годами он, по настоянию Султана Хусейна, составил свой первый диван «Редкости начала» («Бадоеъ ул-бидоя»), а примерно в 1480 г. — второй диван «Редкие концы» («Наводир ул-нихоя»), куда вошли стихи 1476—1480 гг. Навои становилось тесно в малых формах лирики. В 1482—1483 гг. он приступил к осуществлению своих давних творческих замыслов. В ответ на «Пятерицу» Низами, Хосрова Дехлеви и других поэтов он стал писать «Пятерицу» («Хамса») на узбекском языке. Первую свою поэму из «Пятерицы» — «Смятение праведных» — он закончил в 1483 г. «Пятерица», состоявшая из пяти поэм («Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь странников», «Стена Искандера») и из более чем 50 тысяч поэтических строк, была завершена в 1485 г., т. е. за два года, — так быстро и вдохновенно шла работа над ней. Создание «Пятерицы»

на узбекском языке было величайшим достижением не только узбекской, но и всех тюркоязычных литератур. И хотя «Пятерица» во многом отталкивалась от традиционных тем, главным было то, что в ней своеобразно изображены события и противоречия общественно-политической и культурной жизни Хорасана XV в. Создание «Пятерицы» современники считали величайшим подвигом не только в литературной, но и в духовной жизни страны.

Дворец Султана Хусейна Байкары был очагом всевозможных козней, интриг и конфликтов. Навои в «Вакфие» с горечью пишет, что на службе у правителя, когда нужно, следует становиться и глухим, и немым, и хромым. В ином же случае человека ждет расправа. Навои с предельным терпением, умением и тактом вел дела государства.

Народолюбие Навои, его ученость были не по душе многим вельможам Султана, потому что это мешало их личному обогащению. Постепенно при дворе образовалась оппозиция вельмож против Навои. Они ждали удобного случая, чтобы нанести удар и избавиться от него.⁶ Оппозицию возглавлял Мадждиддин Мухаммад. Удобный момент настал зимой 1487 г. Шаху понадобилось два тумана денег, и он приказал Навои во что бы то ни стало достать их. В государственной казне такой суммы не оказалось. А грабить население Навои не хотел. Тогда Мадждиддин заявил, что он может достать более крупную сумму, если правитель даст на то полномочия. Шах решил назначить Мадждиддина главным визирем. Однако для этого необходимо было удалить Навои от двора. Специальным указом Султан Хусейн назначил поэта правителем Астрабада, западной провинции Хорасана. Навои был вынужден подчиниться и уехать на два года в Астрабад.

Астрабад славился щедростью природы, развитостью сельского хозяйства, особенно шелководства. Доходы с области значительно пополняли царскую казну. Но еще более важным было ее расположение. Провинция граничила с несколькими ближневосточными странами. Навои наладил добрые отношения с соседями, навел порядок в управлении провинцией. Уделив большое внимание ее благоустройству, он построил множество благотворительных учреждений.

Но душой поэт оставался в Герате. В течение двух лет он неоднократно обращался к правителю, испрашивая разрешения на возвращение в столицу — центр культуры и науки того времени. В 1488 г. Хусейн Байкара разрешил Навои вернуться в Герат.

Навои не хотел занимать никаких постов. Но Султан Хусейн издал указ о назначении Навои «приближенным его величества Султана» («Мукариббхи хазрати султони»). Должность была неофициальной. Возвращение Навои в Герат и его новое назначение явились ударом для Мадждиддина и его сторонников. В 1490 г. поднял восстание брат Навои, Дарвешали, правивший в Балхе. Его мятеж был направлен против Мадждиддина. Мадждиддин оказался в опале, на его место был назначен Низамулмулк. Расследование вскрыло преступления Мадждиддина, присвоившего много государственных средств. Он бежал из Герата и умер по дороге в Мекку в 1494 г.

Навои же занялся творчеством. Приближалась старость. Поэт спешил. После возвращения из Астрабада он начал писать «Тарихи мулуки Ажам» («Историю аджамских царей»), затем, в 1490 г., «Холоти Саййид Хасан Ардашер» («Жизнеописание Сайида Хасана Ардашера»), посвященное памяти его учителя, покровителя и друга. В 1491 г. он написал антологию «Мажолисун-нафоис» («Собрание избранных»), а в 1498 г. дополнил ее новыми материалами.

В 1492 г. умер Абдуррахман Джами. Его памяти Навои посвятил сочинение «Пятерица изумленных». С 1491 г. он работал над составлением сводного труда «Сокровищница мыслей» («Хазойин ул-маоний»), состоящего из четырех диванов, включающих все стихи на узбекском языке, — около 45 тысяч поэтических строк — и «Дивани Фани», куда вошли его стихи на персидском языке. В 1493 г. он завершает трактат «Жизнеописание Пахлавана Мухаммада» («Холоти Пахлавон Мухаммад») о талантливом поэте, музыканте, лекаре, борце, артисте, друге и учителе. В те же годы он перевел сочинение Джами — «Веяния дружбы» («Нафахот ал-унс»), или «Ветерки любви» («Насайим ул-мухаббат»).

«История пророков и мудрецов» («Тарихи анбиё ва хукамо») Навои была продолжением работ историко-

философского и нравственно-эстетического характера. Свои письма на узбекском языке, собранные в книгу, он назвал «Муншаот» («Письмовник»). Они являлись не только прекрасным образцом средневековой восточной эпистолярной литературы, но и ценными документами, повествующими о политической и культурной жизни Хорасана XV в. В конце 80 — начале 90-х годов поэт написал исследование о научных основах метрики аруз — «Весы размеров» («Мезон ул-авзон»). Произведения Навои значительно обогатили литературу и научную мысль XV в.

Пока Навои был занят реализацией своих творческих замыслов, общественно-политическая обстановка в стране еще более осложнилась. Правда, взаимоотношения государства Султана Хусейна с соседними странами оставались мирными. В 1490 г. даже были направлены послы в далекую Москву для установления дружественных отношений между Россией и Хорасанским государством.

Ухудшилась внутренняя обстановка. Обострились отношения между султаном-отцом и наследными принцами-сыновьями. Навои вынужден был не раз бросать свои дела и заниматься примирением султана с его непокорными сыновьями. Особым драматизмом отличались его взаимоотношения со старшим сыном Бадиуззамоном, который после Навои правил Астрабадом. Когда по приказу Султана Хусейна он отправился в Балх, вместо себя оставил своего малолетнего сына Мумина Мирзу. После возвращения в Герат из похода Султан назначил правителем Астрабада своего сына Музаффара. Бадиуззамон не подчинился указу и повелел своему сыну Мумину Мирзе дать отпор Музаффару. В 1496 г. Навои опять был вынужден выехать в Балх, чтобы примирить поссорившихся царевичей. Миссия Навои завершилась успешно. Но Бадиуззамон неожиданно узнает о тайном приказе отца схватить его. Взаимоотношения выяснились на поле брани. Победил отец. А в Астрабаде Музаффар Мирза схватил Мумина Мирзу и выслал в Герат. Вторая жена султана, мать Музаффара — Хадича-бегим при содействии визиря Низамулмулка добивается от пьяного султана указа на казнь Мумина Мирзы. Когда Султан Хусейн пришел в себя, было уже поздно. Визирь Низамулмулк и его семья бы-

ли казнены. Раздираемая междоусобной борьбой тимуридов страна оказалась на грани катастрофы.

В 1499 г. был казнен двоюродный брат Навои Хайдар. Положение в стране отрицательно сказывалось на творчестве великого поэта. Он тяжело переживал братоубийственные войны, что отразилось в лирике этих лет.

Болезнь, отсутствие семьи, одиночество, смерть близких людей — все это терзало душу Навои, подрывало его слабое здоровье. Он страдал из-за того, что не мог облегчить положение народа. Его мечты о процветании страны, благополучии народных масс, развитии просвещения, уничтожении всех форм несправедливости, отраженные в его творчестве, так и остались неосуществленными.

В 1498—1499 гг. он задумал еще одно грандиозное дело — капитальный ремонт здания гератской соборной мечети, строившейся целым рядом поколений царей и строителей. Ремонт разрушенного здания требовал тонкого инженерного искусства и огромных затрат. В стройке порой принимал участие и сам Навои. Сотни людей с энтузиазмом работали над реставрацией уникального памятника архитектуры. В художественном оформлении здания принимали участие лучшие художники и каллиграфы Герата. Ремонт мечети длился всего два года.

В конце своей жизни, точнее весной 1499 г., Навои пытался совершить паломничество в Мекку. Но правитель отговорил его, сославшись на тревожное положение в землях туркмен. Письмо Хусейна, посланное из Мерва, застало Навои в Мешхеде и побудило его вернуться.

Совмещая творческую работу с практической деятельностью, Навои продолжал работать над давно задуманной поэмой «Язык птиц». В 1499 г. он пишет свой знаменитый трактат «Суждение о двух языках» («Мухокамат ул-луготайн»), посвященный сопоставительному изучению персидского и узбекского языков. В этом трактате поэт защищал право родного языка и литературы на самостоятельное развитие. В те же годы он написал и другие произведения. Однако последним его крупным сочинением считается произведение в прозе «Возлюбленный сердцем» («Махбуб ул-кулуб»), глубоко и многогранно отразившее философско-этические

воззрения Навои. Многие из задуманного осталось неосуществленным: поэмы о любви Юсуфа и Зулейхи и автобиографического характера, труд по истории правления Султана Хусейна.

28 декабря 1500 г. пришло известие, что Хусейн Байкара, выступивший против восставшего в Астрабаде своего сына Мухаммада Хусейна Мирзы, возвращается в столицу. В отсутствие шаха охрана Герата была поручена Навои, и по обычаю он должен был торжественно встретить царя. Встреча состоялась 31 декабря в местности Ходжа Аббас, во время которой Навои потерял сознание. Его положили на шахские носилки и привезли в Герат. Табибы пытались привести поэта в чувство, но это им не удалось. Навои скончался 3 января 1501 г. Смерть поэта оплакивал весь Герат. Он был похоронен под куполом соборной мечети, построенной им на территории Мусалла.

После смерти Навои положение Султана Хусейна еще более ухудшилось. Междоусобные войны, расточительные пиршества, беспощадная эксплуатация народа разоряли страну. Между тем на севере страны постепенно набирала силу новая царская династия — Шейбаниды. Прошло немного времени после смерти Хусейна (1506 г.), и Хорасан со столицей Гератом был завоеван ими.

ЛИРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАВОИ

Как известно, Алишер Навои начал творческую жизнь с создания лирических произведений и еще до написания «Пятерицы» (1483—1485) приобрел известность как поэт-лирик. Лирике он оставался верен до последних дней жизни, и все свои впечатления и переживания воплощал прежде всего в ней.

Уже при жизни автора его глубокие и тонкие лирические произведения были известны не только на родине поэта; они завоевали ему славу от Малой Азии до Восточного Туркестана.

Именно в творчестве Навои узбекская лирика претерпела количественное (диван включает 16 лирических жанров) и качественное изменение. Новаторскими усилиями Навои сформировались многие лирические

жанры, а некоторые из них впервые возникли в узбекской литературе. Кроме того, в поэзии Навои нашли воплощение новые модели некоторых традиционных жанров (газель, касыда, кытъя).

Внутренняя динамика лирических жанров Навои определяется его новаторским и творческим отношением к литературному канону и традициям. Эстетическая ценность его произведений возникла не в результате соблюдения существующих нормативов, а на основе их расширения и обогащения.

Новаторские устремления Навои можно проследить во всей сфере поэтики жанра — от архитектоники до проблематики.

Лирика Навои характеризуется прежде всего широтой ее тематического диапазона и ярко выраженным идейным пафосом. В его поэтических шедеврах отразился ряд проблем, связанных с социально-философской позицией художника и его эстетическими идеалами.

В лирической поэзии в соответствии с ее жанровыми особенностями и спецификой Навои ставит те же важные вопросы, которые он выдвигал в произведениях эпического характера.

В диванах Навои мы видим, с одной стороны, последовательное развитие новых аспектов традиционных тем, с другой — своеобразное толкование тех важных проблем, которые ставились поэтом в тесной взаимосвязи с его отношением к жизни, эпохе.

Важно отметить, что в каждом жанре и в каждой постановке темы ярко проявлялись масштаб личности поэта-мыслителя, его общественная позиция и поэтический гений.

Одна из газелей его дивана завершается следующим бейтом:

О Навои, тот, кто стремится сохранить чистоту любви,
Пусть откажется от всего и сохранит наш диван.

Действительно, в его диване ведущей является традиционная тема газелей — любовь. Однако у Навои она, в сущности, всегда многопланова и имеет глубокий философско-дидактический и социальный подтекст. Эта тема не просто отражала взгляды Навои, связанные с его философской позицией, но и стала средством выражения размышлений социального характера.

Сущность концепции любви у Навои, как и у ряда других лирических поэтов, заключается в том, что он не противопоставляет земную реальную любовь к живому человеку любви к абсолютной красоте, к богу (т. е. божественной), а толкует земную любовь как ступень, своеобразный мост к достижению идеальной любви. Однако для духовно и нравственно совершенного человека земная любовь всегда истинна. Следовательно, сущность концепции любви у Навои составляет прославление человеческой любви, высоких чувств, реальной земной красоты. В одной из своих газелей Навои писал:

Есть одна точка в любви и мире,
О которой не кончаются споры.

Действительно, о сущности любви, ее силе и связанных с нею сложных душевных процессах многие мыслители на протяжении веков высказывали различные суждения, тесно связанные с их мировоззрением и жизненной позицией. Неоднократно излагал свое отношение к любви и Навои. Для поэта важен и вопрос о социальном неравенстве в любви. Навои придает ему особое значение и ставит эту проблему и в «Пятерице» и в «Возлюбленном сердце». Поэт пишет в одной из газелей:

О шах, если ты влюблен, не унижай даже нищих,
Любовь не различает нищего и шаха.

Одна из газелей последнего периода жизни поэта целиком посвящена раскрытию антитезы положения влюбленного шаха и содержит такое обобщение:

Лишь смиренным боль помята, а не тем, кто вознесен,
Непонятно для Парвиза то, что вытерпел Фархад⁴⁶.

(Перевод В. С. Рождественского, т. 2, с. 239)

По мнению Навои, в любви ни у кого нет привилегий. Это столь высокое чувство, что не различает ни шаха, ни неимущего: пред любовью все равны.

Возвеличивая любовь как высочайшее достоинство человека, поэт противопоставляет высокий духовный мир влюбленного шахскому высокомерию, его духовной нищете:

⁴⁶ В дальнейшем отрывки из стихотворений Навои будут приводиться по изд.: А.лишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 1. Т. 2. Ташкент. 1968, 1969.

Что о муках знают шахи, чей парчой горит наряд?
 Что им огненные вздохи, те, что сердце пепелят?
 Тот, чей меч обрызган кровью, мук влюбленных не поймет,
 Кровь владыки проливают и виновных не шадят

(Перевод Вс. Рождественского, т. 2, с. 239).

По мнению поэта, любовь — это очищающее пламя, в котором сгорают все пороки, отрицательные человеческие качества. Это воспитатель, формирующий человека, его чувства и разум, заставляющий блеснуть зеркало его души и поднимающий его на высокую ступень совершенства.

Особо следует отметить две важные проблемы, поставленные в любовной лирике Навои. Первая из них — тесно связанная с высокими гуманистическими идеалами поэта — проблема лирического героя.

Вторая важная проблема, связанная с темой любви в лирике Навои, касается личности возлюбленной и непосредственно смыкается с одной из граней гуманизма поэта, его интернациональных идей. Эти идеи, выраженные в «Пятернице» в эпическом плане, находят своеобразное преломление и в лирике поэта. В частности, в газелях зрелого (1475—1486) периода его жизни можно встретить такие строки:

Твой лик сверкнул передо мной и в сердце засиял моем,
 Нет ночью сна моим глазам и сердцу нет покоя днем...
 Сулдузка иль барласка ты, иль носишь звание тархан,
 Не все равно ли Навои?.. Он хочет быть с тобой вдвоем!

(Перевод Н. Лебедева, т. 1, с. 376).

Для совершенной любви безразличны происхождение и знатность, для нее не могут быть препятствием ни расовая, ни национальная принадлежность:

...Кыпчак, огар — для бека; кият, билгут — для шаха,
 Красивая цыганка — для Навои отрада.

(Перевод Г. Ярославцева, т. 2, с. 113).

Следует отметить, что эти воззрения Навои связаны с его гуманистической концепцией, прогрессивной социально-философской позицией.

В лирических стихотворениях поэт обычно называет любимую *возлюбленной*, *луной*, а во многих случаях образными определениями и сравнениями, выражающими какое-либо ее качество или достоинство, например, *озорная*, *жестокая*, *сребротелая* и т. п.

Однако в лирике Навои слова *возлюбленная* (*ёр*) и *луна* (*моҳ*) в контексте обретают гораздо более широкое содержание. Например, *ёр* означает не только *возлюбленная*, но и *друг, близкий человек, товарищ*. Поэтому часто в тех стихотворениях Навои, которые написаны по какому-либо печальному поводу, образы *ёр* и *моҳ* не следует воспринимать в их узком значении. Традиционный смысл этих понятий в стихотворениях с автобиографической подоплекой способствует углубленному обобщению изображаемого.

Любовная лирика Навои характеризуется глубиной и широтой общественно-философской основы и, что важнее всего, своим демократизмом и гуманизмом.

То высокое место, которое лирика Навои занимает в истории нашей поэзии, в значительной степени объясняется ее тесной связью с конкретной средой, насущными проблемами своего времени, ярко выраженным демократическим духом.

Лирическая поэзия великого художника по идейной сущности составляет важную ступень в многовековой истории лирики. В его стихотворениях, связанных с определенными периодами жизни, теми или иными конкретными ее ситуациями, наиболее ярко и многообразно выразилось его отношение к эпохе и обществу своего времени. Поэт часто использует такие конкретные понятия, как «*время*», «*современники*», «*эпоха*», «*люди эпохи*», «*сыны времени*» (в том числе в их тюркском звучании), а также более широкие по содержанию и значимости представления, например, «*мир*», «*люди мира*», «*вселенная*» и т. д. Отношение поэта к действительности, ее оценка часто выражается посредством аллегорических слов и выражений.

В лирике Навои важную, а порой и основную роль в выражении авторского отношения ко времени, обществу, в формировании социальных идей играла тема любви. В целом чувство современности и социальная направленность — одна из основных особенностей лирики Навои.

Отношение Навои к действительности (как это можно было видеть в произведениях на тему любви) неразрывно связано с его философской позицией, проникнуто оптимистическим духом, безграничной любовью к реальной жизни. Его знаменитое высказывание в «Пя-

терице» «Прекрасен сад мира, но всего лучше цветок жизни», находит многообразное выражение и в его лирике. В одном из бейтов поэт высказывает мысль о том, что трудности, сложность жизни в определенной степени связаны и с отношением к ней человека, его жизненной позицией и духовным миром. Многие строки из ранних газелей Навои, близкие по духу произведениям Хайяма и Хафиза, свидетельствуют о том, что его творчество пронизывает единая последовательная концепция отношения к жизни:

Цени это время, ведь и от него не останется следа,
Какие только ни прошли времена, но все бесследны.

Если отношение Навои к жизни (в широком значении) связано с общефилософской концепцией, то его отношение ко времени, общественным явлениям определяется его социальными воззрениями. В его стихотворениях заключена квинтэссенция глубоких жизненных размышлений большого поэта — мыслителя и прогрессивного государственного деятеля.

Каждый этап творческой деятельности Навои ознаменован стихотворениями, отражающими события его жизни, его душевное состояние и характеризующимися определенными стилевыми особенностями и внутренним пафосом. В частности в его ранней лирике, в отдельных бейтах или целых газелях личностные мотивы находят выражение в форме печально-искреннего обращения к возлюбленной, а в стихах более зрелых лет — в форме возвышенного изображения, построенного на обобщенно-поэтических образах:

Весь мир среди багровых туч, но красит их не цвет
небес:
То отблеск крови слез моих в зеркале горной высоты.
Когда бушует ураган, когда вокруг шумит потоп,—
То — слез моих текут ручьи, порывом стонов разлиты!

(Перевод С. Иванова, т. 1, с. 445).

В зрелый период творчества поэт почти не пишет газелей интимного характера. Свое душевное состояние он выражает в контексте с другими мотивами и темами, порожденными действительностью, эпохой:

Небо, как и я,— в смятенье, омущено своей судьбой:
Как меня в кругу терзаний, мчит его круговорот.
Синева на теле неба — от ударов злой судьбы:
Как не мчится, мне подобно, а до цели не дойдет.

(Перевод С. Шервинского, т. 2, с. 332).

Тема жалобы на разлуку у Навои — своеобразная форма выражения критического отношения к своему времени и связана с важными основами творчества. Этот мотив был порожден реальными обстоятельствами жизни поэта и в частности трудным мешхедским периодом (1457—1464). Стихотворения, обусловленные драматическими моментами биографии Навои, — одна из важных граней творческого стиля его лирики.

В раннем диване Навои есть немало газелей, в которых мотив разлуки занимает ведущее положение. Их стилевые особенности, обусловленные конкретным жизненным содержанием, резко отличаются от традиционных. Приведем некоторые бейты из газелей подобного типа:

Пустился в степь разлуки я, безумный, как смерч крутой.
О, горе мне, горемыке, униженному судьбой!
Вонзились в нагое тело бесчисленные шипы,
И каждый из них сгорает, сожженный моей тоской...
Когда бы знал я, какую разлука приносит боль,
Я даже за век свиданья не отдал бы овой покой.

(Перевод Вс. Рождественского, т. 2, с. 334).

Поэт выражает сущность темы такими словами и выражениями, как «разлука», «тоска», «униженный судьбой» и т. д., которые несут более широкое, чем кажется на первый взгляд, содержание, а именно говорит о разлуке с родиной, ударах судьбы и т. д.

Большая часть стихотворений молодого поэта была создана в Самарканде (1466—1469) и целиком отражала его тяжелые переживания, страдания в разлуке. Однако в них ощущается последовательное совершенствование поэтического стиля, углубление художественных обобщений, усиление образности, эмоциональной насыщенности стиха. Особое внимание уделяется обогащению лексических возможностей языка, более полному использованию его стиливых и этимологических оттенков.

В третий период творчества поэта было создано относительно немного целостных стихотворных произведений на эту тему. Автор уже стремится не к описанию душевных переживаний, связанных с конкретными событиями и средой, а к обобщающему выражению своих размышлений о разлуке и лишениях. Это вызвано объективными причинами и в частности тем, что

произведения зрелых лет относятся ко времени пребывания поэта в родном Герате.

В четвертом периоде творчества Навои мотивы разлуки звучат еще сильнее, что в определенной степени объясняется обстоятельствами жизни поэта в Астрабаде. Возможно, творческим стимулом здесь было естественное стремление художника осмыслить свой жизненный путь, что в свою очередь послужило толчком к возникновению новых аспектов и ряда других жизненных мотивов. Поэтому в этот период мотив разлуки становится одним из ведущих в его поэзии, придавая особое звучание теме любви и внося трагические ноты в общефилософские размышления художника о действительности.

Отношение Навои к эпохе наиболее четко и ярко выражается в стихотворениях, посвященных непосредственно его времени и современникам. По сущности и содержанию эти произведения поэта были первыми образцами социальной лирики не только в его собственном творчестве, но и вообще в узбекской поэзии. Конкретные размышления художника о времени и современниках, прямое осуждение зла и воплощение положительных идеалов, конечно, выраженных опосредствованно, впервые в истории нашей лирики получили столь многоплановое выражение. Связанные в той или иной степени с конкретной средой новое содержание и новый дух поэзии потребовали формирования оригинального стиля, соответствующего художественно-поэтического оформления. Эти новые тенденции в лирике Навои находят выражение уже в раннем его творчестве. Критические размышления поэта о своем времени и современниках, его недовольство обществом и суждения выражаются в резких формах; говоря о том, что он «опечален людьми своего времени, ибо нет среди них достойных», поэт пишет:

Если, Навои, стремишься сердцем и умом в Хиджаз,
Откажись от Хорасана, поспеши в Ирак, как я.

(Перевод Н. Ушакова, т. 2, с. 185).

Это стихотворение, написанное Навои перед отъездом в Самарканд, говорит об истинных причинах его переезда.

В ранней лирике Навои выражения «люди мира», «люди времени» используются в широком значении и относятся ко всем представителям общества — от нищего до шаха, ко всем социальным слоям. И этот бейт содержит резкое суждение поэта о своей эпохе и людях:

Нам в мире от людей — лишь зло, нет и следа иного.
Сто бед и сотни мук! Не шлют дни года иного.

(Перевод С. Иванова, т. 2, с. 338).

Недовольство Навои своими современниками — одно из конкретных проявлений его общего недовольства временем и — шире, произволом судьбы, неба, которым, по мнению поэта, в конечном счете объясняются пороки отдельных людей и эпохи в целом:

Причина печали — время, и тот, кто других умней,
Вином превращает душу в счастливый от солнца сад.
Люби круговую чашу, докучных беги забот,
Кто слишком поверил жизни, раскаяния выпьет яд...

(Перевод Вс. Рождественского, т. 1, с. 352).

На последующих этапах творчества Навои этот мотив развивается вширь и вглубь, обретает все более существенное значение.

Эти стихотворения поэта, созданные в самые драматические периоды его жизни — во время пребывания в Герате, Самарканде и непосредственно после возвращения ко дворцу Хусейна Байкары — связаны с поэтическим изображением глубоких чувств и переживаний автора. В одних проявляется сожаление о несовершенстве человеческой природы, в других — разочарование во времени и современниках:

О сердце, для меня все в мире люди — бремя.
Мне, право, даже тот, кто чудо в чуде — бремя!..
Бог сотворил людей, чтобы терзать меня;
Мне их невежество, мне день в их груди — бремя!..
Нет, смена лиц людских не тяготит души.
Без друга и врага — жизнь на безлюдье — бремя!

(Перевод А. Голембы, т. 2, с. 303).

Особое внимание привлекают газели, написанные в форме непосредственного обращения к читателю. По существу их можно считать прямым осуждением и приговором эпохе, вынесенным автором в результате долгих размышлений и наблюдений.

В лирике позднего периода газели подобного рода весьма многочисленны; в них многообразны и объекты, и средства изображения. Есть и такие, в которых сильно биографическое начало, где суждения и наблюдения поэта сложились как отклик на пережитые им исторические события и взаимоотношения людей в разные периоды его жизни. В этом отношении характерны газели подобного типа:

Твердят любимой обо мне то ль правду, то ли ложь, теперь
А ей что правда, что обман, всему поверит силось теперь.
От горя печень истекла потоками кровавых слез,
За мигом миг, за часом час всю кровь мою возьмешь теперь.

(Перевод С. Иванова, т. 2, с. 364).

Или

Не диво, если кровью слез людское зло прозлит всегда:
За мукой мука вслед идет, а за бедой спешит беда.
Да что там зло и доброта — не стоит даже речь вести:
Толпа с жестокостью дружна, а доброте она чужда!
Согнулся даже небосвод под ношей низостей людских:
Сверкают звезды, словно пот, на теле, взмокшем от труда!

(Перевод С. Иванова, т. 2, с. 357).

Эти газели Навои по существу — политическое обвинение своей эпохе. Наиболее плодотворным для создания такого рода критических газелей стал заключительный период деятельности Навои. Однако можно сказать, что эта тенденция к постоянному усилению критического начала характерна для всего творческого пути Навои.

Хотя критическое отношение поэта к своему времени выражалось преимущественно в форме жалоб и открытого осуждения (а не средствами сатиры), в диване поэта есть стихотворные произведения, свидетельствующие о его высоком таланте сатирика. Основная часть их написана в форме газелей. Малочисленные, они насыщены важным социальным содержанием.

Характерная особенность сатирических стихотворений Навои — их обобщающий характер. Они критикуют не отдельных лиц, а определенные общественные группы. Одним из основных ее объектов выступают представители духовенства, занимавшего большое место в жизни общества того времени, в частности шейхи, захиды, проповедники. Конечно, критика представителей официального духовенства не означала еще крити-

ки религии вообще. Поэт в основном разоблачает религиозные предрассудки и суеверия. Он выявляет резкое расхождение между проповедями представителей духовенства и их действиями с позиций относительно прогрессивного в тех условиях ордена накшбандизма.

По его мнению, честный труд, искренность, духовное совершенство представляют собой те качества, которые в первую очередь необходимы человеку. Что касается лицемерных призывов проповедников к слепому поклонению всевышнему, к аскетизму, то все это фальшь и ханжество. Навои высмеивает фанатичных представителей духовенства.

В лирике Навои юношеских и зрелых лет элементы сатиры встречаются лишь в отдельных бейтах некоторых газелей. В средний период его сатира обрела иной характер. К этому времени относится появление первых совершенных образцов сатирических газелей не только в творчестве Навои, но и во всей узбекской литературе. Они свидетельствуют о глубоко социальной сущности сатиры поэта и ее индивидуальном стиле, особенности которой можно увидеть на примере следующей газели того периода:

Пустословя на минбаре, вволю чешет шейх язык,
Словно сатана колдует, в своре темных забулдыг.
Если проповедь случайно просветлит умы людей —
Их тот час же усыпляет шейха иоступленный крик.
Все ступени у минбара устилают вздор и ложь,
Бред — его все поученья, сам он — взбалмошный старик.
Умными они прослыли, по умен ли хоть один?
В их нелепых заклинаньях разума не бьет родник.
От хадисов лишь названья сохраняют их слова,
Вкрявив и вкось толкуют шейхи главы из священных книг.
Разрубить минбар на части, разнести его, поджечь,
Чтоб кровавого убийцу жребий жертв его постиг.
Этих дьяволоподобных избегай, о Навои,
И не дай себя опутать грузом подлых их вериг

(Перевод С. Иванова, т. 1, с. 474)

Социальная сущность и стилевое направление сатиры этого периода творчества Навои свидетельствуют о завершении ее формирования, о том, что все размышления и художественные детали — продукт длительных жизненных наблюдений. Это ярко иллюстрирует поэма «Смятение праведных», особенно глава о лицемерных шейхах.

Лирические размышления поэта о человеке имеют два аспекта: первый связан с общим осмыслением сущности человека, его природы, второй относится к конкретной эпохе и ее людям.

Особо следует подчеркнуть, что суждения Навои о человеке имеют глубокую философскую основу, опираясь на которую, он вскрывает противоречия, свойственные как человеку вообще, так и представителям конкретного времени в частности.

Сущность человека определяет соотношение и взаимосвязанность двух важных начал — его духовной жизни и животных инстинктов. По мнению Навои, человек — венец творения, самое совершенное, прекрасное существо, «совершенное проявление» («мазхари комил»). Однако как ни велики достоинства человека, его вторая потенциальная сила — животное начало — время от времени проявляет себя. Исходя из своих наблюдений и размышлений над действительностью и человеком, Навои приходит к убеждению о необходимости своеобразного генетического взрыва, ибо человек, как чрезвычайно противоречивое создание, знаниями превосходит «ангелов», «невежеством» — «дивов», а низостью — «шайтанов». Характерно, что газель подобного содержания относится к раннему творчеству Навои (написана им до 25 лет).

На протяжении всего творчества Навои одной из центральных проблем его лирики было совершенствование человека как высшего наиболее сложного существа.

Воспевая самые важные, по его мнению, достоинства идеального человека, поэт размышляет о возможных путях достижения идеала. По убеждению Навои, каждый человек должен критически относиться прежде всего к самому себе, уметь видеть свои отрицательные качества. В одной публицистической по духу газели, написанной в молодые годы, поэт выражает эту мысль в форме непосредственного обращения к читателю:

Если ты победишь тигра в лесу, то это еще не мужество.

Но если ты победишь пса собственных страстей, в мире
не найдется более мужественного, чем ты.

По мнению Навои, достижение всеми людьми совершенства стало бы возможным, если бы каждый человек сумел обуздать свое себялюбие — источник людских

* * *

Анализируя философско-дидактическое содержание лирики Навои, нельзя обойти два других его самостоятельных произведения, вошедших не в диван, а в куллият поэта. Оба написаны в лирических жанрах — рубаи и кыт'а. Каждому из них предпослано предисловие, в котором автор указывает на повод создания произведения.

Более крупным из двух этих произведений являются «Нанизанные жемчужины» («Назмул-жавохир»), написанные в 1485 г./890 г. х. и включающие прозаическое введение со стихотворными вставками (рубаи) и 260 рубаи дидактического характера. По мнению самого поэта, оно представляет собой стихотворное изложение хикматов (мудрых изречений) Али «Рассыпанные жемчужины» («Наср ул-лаолий») (на арабском языке). Автору был знаком и персидский перевод этого произведения.

Воспитательное значение хикматов вдохновило поэта на их передачу в форме рубаи. Большинство этих хикматов — крылатые выражения, мудрые высказывания и пословицы, бытовавшие среди арабских народов и зачастую затрагивавшие общечеловеческие нравственные проблемы.

Хотя Навои скромно называет свое произведение переводом, в сущности оно не является таковым. Каждое мудрое высказывание, изложенное в прозе, поэт передает в виде рубаи (на узбекском языке), являющихся не просто поэтическим изложением определенных мыслей, но и мастерским воплощением идейного замысла и эмоционального отношения самого Навои. Намекая на это, автор пишет: «В каждую мудрость я вложил свою песню, тайком заложил свою жемчужину». В последней строке рубаи обычно содержится обобщающая мысль всего четверостишия.

В предисловии Навои высоко оценивает возможности поэтического слова, которое, по его мнению, «выявляет существо человека», оно «живительный жемчуг».

Есть слово, которое мертвецу несет весть о душе,
Есть слово, которое несет весть о любимой.
Речь отделила человека от животных,
Знай, что нет жемчужины, благородней слова.

Все 260 рубаи разнообразны в тематическом плане и затрагивают многие важные нравственные проблемы. В них воспеваются такие человеческие достоинства, как терпение, верность, благородство, человеколюбие, воспитанность, стыдливость, ученость, знание ремесла и т. д.; поэт осуждает низкие качества и призывает читателя осмыслить свой долг перед родителями, обществом, учиться уважать людей.

Если народ отверг кого-то, знай, что он — самый худший
из людей.

На нем лежит печать отверженности.

Его деяния — бедствие для народа.

Знай, он — худший среди худших.

Произведение «Нанизанные жемчужины» — неотъемлемый компонент дидактической системы Навои, в нем отразилась неразрывная связь этического и социального аспектов его дидактики.

Другое произведение, названное «Сорок хадисов» («Арбаин»), по характеру близко к «Нанизанным жемчужинам». В арабской и персидской литературах к тому времени уже закрепилась традиция стихотворного переложения сорока наиболее поучительных, по мнению автора, хадисов о пророке. В свое время Джами написал арбаин в форме четверостиший на персидском языке. Навои подхватывает эту традицию и создает арбаин на узбекском. Автор называет свое произведение переводом книги Джами; это следует воспринимать как проявление высокого уважения к Джами и скромности автора.

Каждое четверостишие обладает оригинальной поэтической формой и представляет законченное самостоятельное стихотворное произведение, свидетельствующее о большом поэтическом мастерстве автора. Они отражают богатую фантазию поэта и тонкое эмоциональное восприятие изображаемого. Убедительным примером может служить четверостишие, в основу которого положен хадис «Достоин тот человек, который несет благо людям»:

Ты спросил, кто лучше всех среди людей,

Слушай и не сомневайся:

Самый лучший среди людей тот,

Кто принесет больше всех пользу людям.

Все сорок кытъя объединены идеей, имеющей боль-

шое общественно-нравственное значение, связанное с проповедью народолюбия, гуманизма, верности, уважения к родителям. Несмотря на возможность соотношения четверостишия с известными хадйсами о пророке, в основе их лежат общечеловеческие и духовные ценности, ориентирующие человека, независимо от его вероисповедания, на служение народу, обществу:

Если ты ждешь милости от всевышнего,
Будь милосерден к народу,
Человек, который не милостив к людям.
Не удостоится милосердия всевышнего.

Таким образом, дидактика Навои, сущность которой составляет проповедь любви к людям и высоких человеческих качеств, направлена на воспитание совершенного человека.

Навои, известный как талантливый двуязычный поэт, уже с детских лет проявляя большие способности к тюркской и персидской поэзии. Первым стихотворением, которое он заимел еще в детские годы (4—5 лет), был бейт Касима Анвара на персидском языке.

Хотя весь свой огромный талант Навои посвятил развитию узбекской поэзии, он на протяжении всей жизни писал произведения и на персидском языке. Более того, он составил специальной диван персидских стихов под названием «Диван Фомий», по мнению современников, занявший достойное место в истории персидско-таджикской литературы.

«Диван Фомий» написан в соответствии со всеми канонами построения дивана. Основное место в нем занимают газели, расположенные в алфавитном порядке, далее следуют такие жанры, как касида, марсиа, мусаддас, кыта, рубай, тарих, дуга, муамма.

Сам Навои, характеризуя свой персидский диван, отмечал, что он написан по «образцу Ходжи Хафиза». Действительно, из 554 газелей 237 написаны в форме татабу газели Хафиза, 32 — Джами, 33 — Хосрову Дехлеви, 25 — Саади, а остальные — Мавляны Катиба, Мавляны Шахи, Кемаля Худжанди и других поэтов. Ряд газелей автор поместил под рубрикой «Мухтара» (самостоятельные), т. е. стихи, написанные не под влиянием другого поэта, его стиха, а самостоятельно. Эти газели играют важную роль в выделении художе-

ственного мышления и поэтического мастерства Навои.

Известно, что Саади сыграл основополагающую роль в формировании жанра газелей в персидской поэзии, Хосров Дехлеви создал школу, отличающуюся особым художественным стилем. Джами подвел итоги почти пятивековому развитию персидского газельного творчества. Встает закономерный вопрос, почему Навои в большей части своих татаббу следует Хафизу? Как известно, творчество Хафиза имело большое значение в истории жанра персидской газели, явилось новой важной ступенью в его развитии. Он умело соединил два сложившихся до него направления в области газельного творчества на персидском языке — несуйфийское (светское) и суйфийское. Его газели овеяны идеями гуманизма, свободы, пронизаны горячей любовью к жизни, всему прекрасному, ненавистью к гнету, злу, религиозным предрассудкам. Поэтому Хафиза, его лирического героя поэты, в том числе и Навои, называли «Шероз ринд» («Ширазский ринд») (риндом называли человека, известного своим свободомыслием, пренебрежением к общепринятым правилам и нормам). Не случайно лирический герой Фани говорит о себе: «Я опьяненный ринд, которому один глоток вина дороже всех сокровищ Фаридуна». Гуманистическая свободолобивая позиция Хафиза, его высокохудожественный стиль покорили Навои, как и многих других поэтов, и на протяжении всей его жизни служили источником вдохновения. В диване Фани находят отражение передовые философские, общественно-нравственные идеи.

Как и в узбекских стихотворных произведениях Навои, в его поэзии на персидском языке прослеживается прогрессивное мировоззренческое толкование важнейших проблем мира и человека. Среди них есть и множество бейтов, в которых в остросоциальном духе критикуются время и современники поэта. Убедившись в том, что его идеалы приходят в разительное противоречие с действительностью, автор пишет: «Я желал бы такого мира, в котором не было бы людей нашего времени и их злодеяний».

Ведущее место в диване принадлежит идеям любви к реальной жизни, людям, заботе о них, воспеванию искренних и благородных отношений между ними, при-

звон к обретению высоких человеческих достоинств, духовных ценностей. Глубокий философский смысл и социальные устремления многих персидских стихотворных произведений Навои восходят к традициям Омара Хайяма, Хосрова Дехлеви и Хафиза. Следует отметить, что в произведениях таких жанров, как кытъя, тарих, марсия, особенно ярко проявляется связь с конкретными жизненными событиями.

Выше уже говорилось о том, что ведущую роль в диване играет татаббу, т. е. широко распространенный в восточной поэзии прием, состоящий в создании своеобразного поэтического ответа одного художника на произведение другого, в основном с сохранением ритмики стиля, а во многих случаях и рифм и редифа. В большинстве случаев татаббу писалось на произведение того художника слова, которого автор ответа считал своим учителем или испытывал особое уважение к его творчеству. Этот прием — и своего рода художественное состязание, и пробный камень для авторского таланта. Если писатель, лишенный таланта и оригинальности, рисковал остаться на уровне эпигонства, то подлинный художник слова имел возможность создать новое оригинальное произведение, сохраняя определенный стиль и формы образца. Татаббу Навои свидетельствуют об огромных потенциальных возможностях его таланта.

Газели Фани, написанные в форме татаббу, — высокий образец подлинно творческого отношения к традициям. Это проявляется прежде всего в структуре газели. Большинство его газелей, представляющих татаббу газелям Хафиза, отличаются от них объемом (на 1—3 бейта). При сохранении редифа, который не может быть изменен, Фани использует ряд новых рифм. Композиция же газели у Навои оригинальна и нова. Это своеобразие стиля определяется идейно-тематической оригинальностью самого произведения.

Хотя Фани строит газель на основе стилевых особенностей газели предшественника, однако он вводит в нее новые мотивы, стремится к большей последовательности изображения, придает органическую целостность и монолитность структуре стиха.

Фани мастерски вводит в любовную тематику, обычно составляющую основу стихотворения предшествен-

ника, философские, нравственные и, главное, социальные идеи, существенным образом обогащая содержание и семантическую структуру произведения.

Если отдельные стихотворения Фани, созданные под влиянием газелей Хафиза на тему любви, насыщаются философским содержанием, то другие его газели содержат бейты, написанные в нравственно-дидактическом и социальном духе. Знаменитая газель Хафиза начинается со слов:

О, если та ширазская турчанка
 Моим захочет сердцем обладать,
 Не поспеюсь за родинку на щечке
 Я Бухару и Самарканд отдать.

Укладывает в русло любовной тематики и Фани свое татаббу на эту газель предшественника. Однако в заключительной части ответной газели неожиданно появляется следующий бейт:

О правитель религии и веры, прикажи, чтоб из
 сокровищницы достали чашу Джамшида,
 Чтобы я при ее помощи мог показать шахам их прошлые
 злодеяния.

Любовная, казалось бы, газель кончается строками, обращенными к властям:

О Фани, оставь заискивание перед короной. Разве ты не
 видел,
 Что у овечи обрезали верхушку за ее золотую корону?

Таким образом, Фани, творчески подойдя к творению предшественника, создает оригинальное произведение с важными социальными проблемами и идеями.

Анализ малых поэтических жанров на персидском языке свидетельствует о их существенной общности с узбекскими стихами Навои этих жанров. Многие из них были созданы под непосредственным влиянием самой жизни. Большинство этих произведений, особенно кытъя, носят дидактический характер и посвящены прославлению человеческих достоинств, обличению пороков, отрицательных качеств. Эти стихотворения содержат не только призывы к добру (ограниченный гуманизм) в духе восточных назиданий, но и реалистические размышления в духе поэзии Саади. Само содержание следующего кытъя напоминает дидактику Саади:

Меньше делай добра недостойным людям,
А хорошим людям делай больше добра.
Если же добро делить поровну,
То достойным достанется мало, а плохим — много.

О стилевых особенностях «Дивана Фани» необходимо сказать следующее: в его стихотворениях осуществляется своеобразный синтез стилей, сложившихся в истории персидской газели, благодаря поэзии Хосрова, Саади, Хафиза и Джами, прослеживаются оригинальные грани нового индивидуального стиля автора.

При всем своеобразии «Дивана Фани» его нельзя рассматривать и оценивать вне рамок всего творчества Алишера Навои. Эти стихотворения, отразившие философско-нравственные и социальные воззрения Навои, его стилевые находки и открытия, выявляют новые грани его поэзии. Не случайно признание, содержащееся в одном кыт'а Фани:

Неисчислимы мои многокрасочные и содержательные стихи
на тюркском языке,
Но взглядишь внимательно, ведь и персидские мои стихи —
драгоценные жемчужины

Навои проявил мастерство и в жанре касыды, как на тюркском, так и на персидском языках; он создал одиннадцать произведений, ставших важным событием в истории жанра. Десять касыд написаны на персидском языке и вошли в его персидский диван. Одна тюркская касыда заняла место в узбекском диване. Однако даже одной ее оказалось достаточно, чтобы Навои признали одним из оригинальных творцов в области этого жанра. Эта касыда в полной мере свидетельствует о творческом подходе поэта к художественному канону и традициям.

Касыда «Новолуние» («Хилолия») была написана в связи с восхождением на трон Хусейна Байкары. Она была прочитана на приеме в день праздника, 14 апреля 1469 г., во дворце правителя и вручена ему.

Касыда начиналась с описания появления новой луны и ее восхваления; последующее развитие сюжета аллегорически связано с этим. В целом сюжет касыды носит своеобразный, фантастический характер. В ней с большим мастерством описывается, как поэт под влиянием картины новолуния совершает путешествие среди небесных сфер, встречается с Меркурием, участвует в поэтическом состязании с ним и затем, вдохнов-

ленный им, спускается на землю. Далее поэт описывает свою встречу с возлюбленной, обмен поэтическими строками, под впечатлением которых он прибывает, наконец, к султану.

Далее поэт предполагает, что никто не сможет создать такие совершенные стихи, какие прозвучали на этих поэтических состязаниях. Однако правитель, улыбнувшись, мгновенно сымпровизировал бейт, по художественной силе превосходивший все предыдущие.

Этот неожиданный поворот событий вынуждает автора воспеть поэтические способности молодого шаха. Похвалы объекту изображения начинаются не в начале произведения, а как бы логически вытекают из предшествующего сюжетного развития и кажутся оправданными.

Таким образом, восхваление шаха оказывается не пустым набором гипербол, а в определенной мере объективно мотивированным и естественным признанием его достоинств.

Объективный характер возвеличивания (конечно, в аллегорической форме) проявляется и в том, что в касыде восхваляются не какие-то внешние качества объекта изображения, а его духовный мир и конкретные человеческие достоинства (поэтический талант, мужество и т. д.).

Вместе с тем, в отличие от традиционных касыд, здесь восхваляются не только достоинства шаха, но и по возможности рисуются противоречивые стороны его характера. Он предстает не только как поэт, благородный и углубленный в себя человек, но и как скорый в своих решениях, властолюбивый правитель. Поэтому перед читателем возникает образ сложного, противоречивого живого человека.

Еще одно доказательство объективности прославления человека в этой касыде — это искреннее и бескорыстное отношение к нему автора. Касыда лишена ложного пафоса и лицемерия, ибо посвящена не просто правителю, а другу детства, с кем поэт издавна делился своими благородными устремлениями и планами.

Таким образом, даже в жанре касыды Навои стремится сохранить определенную объективность. С типологической точки зрения касыда Навои, с одной стороны, содержит элементы мифологии (путешествие по

небесным сферам, встреча с Меркурием, поэтическое состязание с ним) и гимн в честь эпикурейцев (как, например, у Пиндара, жившего в V в. до н. э.), с другой стороны — она обретает сходство с дифирамбами, в частности, с диалогами из гимнов в честь олимпийских победителей. В целом Навои своей в поэтическом отношении оригинальной и самобытной касыдой «Новолуние» открыл новую страницу в истории этого жанра.

Десять персидских касыд Навои, каждая из которых имеет свое название, подразделены на две группы: четыре касыды «Весна» («Бахор»), «Лето» («Саратон»), «Осень» («Хазон»), «Зима» («Дай») объединены под общим названием «Четыре времени года» («Фусули арбаа»). В каждой из них поэтически изображается одно из времен года, его достоинства и особенности, затем воспевается Хусейн Байкара. Касыды содержат немало поучительных бейтов.

Остальные шесть касыд имеют общее название «Шесть необходимостей» («Ситтаи зарурия»). Они называются: «Священный дух» («Рух ул-кудс»), «Источник жизни» («Айнул-хает»), «Дары мысли» («Тухфат-ул-афкор»), «Птица сердец» («Кут ул-кулуб»), «Путь спасения» («Минхож ун-нажот»), «Райский ветерок» («Насим ул-хулд»). Все касыды, кроме «Даров мысли», насыщены философско-суфийским содержанием. Однако в них отразились жизненные наблюдения Навои, его критические воззрения на время, действительность, властителей, преклонение поэта перед реальной жизнью, людьми труда. В них он неоднократно обращается и к проблеме воспитания, духовного совершенствования человека. Например, в касыде «Священный дух» автор, толкуя религиозную догму о сотворении мира, тем не менее превозносит человека «как самую большую вселенную».

Сотворив весь мир, ты, всевышний, создал и человека.

Он стал самым великим миром среди всего, что ты создал.

В своих произведениях Навои резко разоблачал приверженцев религиозного фанатизма — шейхов, проповедников или жестоких, невежественных правителей. Как поэтическое произведение социального содержания касыда «Дары мысли» стала своеобразным явлением не только в творчестве Навои, но и во всей истории

этого жанра. Она создана как ответ на касыду Хосрова Дехлеви «Река праведных людей» («Дарёйи аб-рор»). Вскоре произведение Навои получило большую известность среди гератцев и с одобрением было воспринято Султаном Хусейном, оценившим ее как «полезное дело для салтаната». Абдуррахман Джами, ознакомившись с этой касыдой Навои, высоко оценил ее.

В этой касыде, насчитывающей 99 бейтов, нет традиционной вводной части (описания природы). Она начинается с резкой критики властителей-тиранов, а в дальнейшем ее социальное содержание все более обогащается дидактическими размышлениями автора. Приведем начальные строки касыды:

Это не рубин, украшающий корону шаха,
А пламя, на котором должны довариваться его сырые
мысли.
Правитель, не думающий о смерти, может привести страну
к разрухе.

Беспечный шах приносит стране зло...
Опутавшие его цепи драгоценностей и украшений
Свидетельствуют об упадке его величия.
Ведь лев в цепях слабее и менее величествен, чем на
свободе.

Шахский престол ни что иное, как суета,
Шахская слава — гром пустых литавр,
Их грохот — головная боль.

Уже эта вводная часть свидетельствует о социальной остроте ее содержания, политической позиции и поэтической манере автора, резко критикующего общественные группы, живущие за счет трудового народа (ходжи, саиды, представители духовенства, казии и т. д.). Как и в других своих произведениях, Навои выступает здесь на стороне трудящихся масс.

Поэт сравнивает их с муравьями-тружениками, а деспотичного правителя — с хищным львом. Однако муравьи могут вползти на любой высокий минарет, а льву это не под силу. Яркими поэтическими средствами автор показывает превосходство людей труда над угнетателями-тунеядцами. Высоким поэтическим словом Навои рисует руки тружеников:

Мозолистые руки ремесленника-труженика
Свидетельствуют об обретении жемчужины желания.

Касыда Навои, отличающаяся глубиной идейного содержания и богатством поэтической формы, занимает

важное место в его творческом наследии и во всей истории узбекской и персидской поэзии.

* * *

Лирика Навои — это яркий пример того, сколь естественно и неразрывно слились идеи мыслителя-гуманиста с мастерством гениального художника слова.

К основным достоинствам лирики Навои относятся ее структурная стройность и логическая последовательность, обеспечивающая целостность произведения. Структура лирических произведений Навои столь монолитна, что малейшее изменение в ней могло бы разрушить ее.

Первые в истории узбекской лирики (а можно сказать и персидской) сюжетные лирические стихотворения, в частности газели, принадлежат Навои. Первым значение этого важного явления в газельном творчестве великого поэта осознал Бабур, назвавший сюжетные газели «стихотворными новеллами» («Трактат об арузе»).

Лирика Навои отличается чрезвычайным разнообразием и богатством изобразительно-стилевых средств. Это подлинная энциклопедия традиционных и впервые открытых Навои поэтических тропов, приемов, образов. В стихотворениях великого поэта использовано свыше ста поэтических тропов, каждый из которых, в свою очередь, насчитывает сотни вариантов своего применения. Десятки из них — собственные открытия поэта.

В лирике Навои встречаются и совмещаются приподнято-гиперболическое и реалистическое изображение; преобладающее использование каждого из них определяется самим духом стиха, его тематикой.

Реалистические детали поэтических образов, сравнений в лирике Навои воссоздают характерные стороны средневекового быта.

Мастерство Навои в использовании и разработке образно-лексических средств убедительно проявляется в эффективном применении в диване десятков народных пословиц, поговорок, выражений из живого народного языка, этнографических деталей, выявления тончайших этимологических оттенков слов просторечия и введения их в поэтический оборот.

В одной из своих кыт'а Навои писал о том, что его газели — это зеркала, в которые, словно красавицы, смотрятся стихотворения Хосрова, Хафиза, Джами. И это не случайно, ибо в художественном стиле Навои нашел выражение своеобразный синтез важнейших особенностей предшествующей лирики, ее многообразных стилевых достижений. Его лирические произведения — это творения великого мыслителя и ученого и одновременно талантливого художника слова, поэтому самобытный стиль Навои определяется прежде всего этими двумя моментами, т. е. сочетанием научного и художественного типов мышления.

В стихах Навои есть и подлинный монументализм, и красочное великолепие, и фундаментальность изображения, и художественная простота.

В целом поэтический стиль Навои следует классифицировать как своеобразный классический. Высшими образцами этого многогранного стиля выступает богатое лирическое наследие Навои, уже как своеобразная традиция повлиявшее на другие литературные формации, направления, группы и индивидуальности.

Весьма высокая, но в то же время объективная оценка лирического наследия Навои содержится в словах Айбека: «Только гениальному Навои суждено было преодолеть ограниченность тем и мотивов узбекской поэзии, внести в нее большое социальное и философское содержание» (Антология узбекской поэзии. 1950. С. 7).

Стихотворное послание Навои Сайиду Хасану Ардашеру. Идейной направленностью и жанровыми особенностями оно занимает определенное место в лирическом наследии поэта. Это месневи, яркий образец раннего стихотворного послания реалистического характера, явилось важным этапом становления Навои-лирика как мастера эпического повествования.

В жизни Алишера Навои большую роль сыграл его друг и покровитель Сайид Хасан, сын Ардашера (1415—1488). После смерти Сайида Хасана Навои написал о нем специальную книгу «Житие Сайида Хасана Ардашера» («Холоти Сайид Хасани Ардашер»), в которой даны подробная характеристика и биография этого выдающегося человека. На смерть Сайида Хасана поэт написал элегию-таркиббанд, помещенную во

втором диване «Сокровищницы мыслей» — «Редкостные жемчужины юности» («Наводир уш-шабоб»). Навои не забыл о нем и при написании «Книги кравчего» («Сокинома»), посвященной памяти современных ему поэтов, и при составлении антологии «Собрание избранных».

Большое (128 бейтов) по объему стихотворное послание, связанное с именем Сайида Хасана,— первое из известных нам крупных поэтических произведений Навои.

Относительно времени написания послания существует два мнения. Одни исследователи (Х. Сулейманов)⁴⁷ считают, что оно написано поэтом в престарелом возрасте в Астрабаде, куда он был направлен в качестве правителя, другие (Е. Э. Бертельс), и мы присоединяемся к их мнению, называют датой создания этого произведения 1467 г.⁴⁸

Ошибочное мнение о создании этого произведения в Астрабаде основано на том, что Навои включил его только в полную редакцию своих лирических стихотворений «Сокровищницы мыслей», которую составил в последние годы жизни. В ранних диванах поэта оно отсутствует, что объясняется следующей причиной: в послании к Хасану Ардашеру резко критикуется политическая обстановка периода правления надменного и властолюбивого тимурида Абусайида. Однако социальная несправедливость и гнет не исчезли, конечно, и при правлении Султана Хусейна. Если бы Навои включил данное произведение в свои ранние сборники, то неизвестно, как бы среагировал на него Султан Хусейн. Очевидно, поэт тоже думал об этом. По нашему мнению, именно исходя из подобных политических соображений, Навои включил его лишь в «Сокровищницу мыслей». Как известно, произведения, которые поэт включал в это собрание, он несколько перерабатывал. Таким образом, первая авторская редакция послания до нас не дошла.

Послание к Сайиду Хасану Навои написал в форме месневи, в которой создавались эпические и лиро-эпи-

⁴⁷ Х. Сулейманов издал текст «Сокровищницы мыслей». См.: Алишер Навои. Хазойин ул-маоний. Т. 1. 1959. С. 785. В дальнейшем мы ссылаемся на это издание.

⁴⁸ Бертельс Е. Э. Указ. соч., с. 122.

ческие произведения, размером мутакариб, применявшимся в героических и философско-дидактических поэмах. Специального названия оно не имеет⁴⁹.

Послание начинается с восхваления бога. Но уже в этой традиционной части есть строки, выражающие явное недовольство поэта своей судьбой, своими скитаниями:

Но мне послал беду неотвратимый рок,
Гнула меня печаль, терзала боль тревог.
И крова не сыскать, и счастья нет душе,
Хоть единый миг не ведать бед душе.

(Перевод С. Н. Иванова. Из кн.: Навои.
Стихотворения и поэмы. 1983).

После вступления поэт, обращаясь к Сайиду Хасану, восхваляет его благородные качества, затем говорит, что он ученик и сын Хасана Ардашера, вынужденный против своего желания покинуть родину:

И стал в родном краю нелегок мой удел,
Из сердца горечь мук изгнать я захотел.
И выпал жребий мне идти в далекий путь,—
Велений злой судьбы не суждено минуть.

(Перевод С. Н. Иванова)

Имени человека, вынудившего его покинуть родину, автор не называет.

Как известно, выезд Навои из Герата и вообще с территории Хорасана произошел в правление тимурида Абусайида Мирзы, силой объединившего в 1457 г. Хорасан и Мавераннахр после смерти правителя Хорасана Абулкасыма Бабура. Причины того, почему Навои оказался за пределами Хорасана, впервые довольно подробно осветил В. В. Бартольд. В годы борьбы тимуридов за престол Навои был известен как сторонник Султана Хусейна. На стороне последнего были и члены семьи Навои. Это не могло нравиться Абусайиду. Кроме того, Абусайид находился под сильным влиянием реакционного духовенства, возглавлявшегося Ходжой Ахрором — главным организатором убийства Улугбека. Поэтому Абусайид холодно относился к

⁴⁹ А. Шарафутдинов в свое время присвоил этому произведению название «Хасби хол», что приблизительно можно перевести как «Отчет о состоянии». См.: Шарафутдинов А. Указ. соч., с. 37, 38.

представителям науки и литературы, особенно к тем, кто, как Алишер Навои, был связан с его соперниками в борьбе за власть. Поведение Навои, демонстративно не посвящавшего Абусайиду свои произведения, задевало самолюбие правителя и его окружение. Сайида Хасана в это время в Герате не было, поэтому защитить Навои он не мог. Разногласия между Навои и Абусайидом были настолько серьезны (приблизительно с конца 1466 г. до смерти Абусайида и вступления на престол Султана Хусейна, 1469 г.), что поэт вынужден был жить в Самарканде.

Захириддин Мухаммад Бабур пишет: «Не знаю за какую провинность Султан Абусайид Мирза удалил Алишербека из Герата. Он отправился в Самарканд»⁵⁰. Многие исследователи творчества Навои, основываясь на сообщении Бабура, склонны считать отъезд Навои из Герата официальной ссылкой. Однако в послании к Сайиду Хасану Навои ни слова не говорит об официальной ссылке или решении правителя изгнать его; он лишь утверждает, что сам был вынужден уехать из Хорасана, так как жизнь его стала там невыносимо трудной. На основании исследуемого произведения мы полагаем, что в такие условия поэт был поставлен приближенными Абусайида. На это он намекает, когда говорит об отношении к нему враждебно настроенных людей после того, как Абусайид овладел Гератом:

Если бы постиг меня смертельный недуг,
Никто бы и не подумал подать мне глоток воды.
Да что подать воды! Они готовы на меня даже

наброситься,

Чтобы отнять у меня последнюю каплю крови.

(Подстрочный перевод).

Оказавшись в таком положении, Навои не стал ждать официального решения Абусайида и решил уехать. Внезапное исчезновение Навои из Герата удивило и его друзей, и его врагов. Пошли разные толки о случившемся. Очевидно, многие, звавшие об отрицательном отношении Султана к Навои, пришли к выводу, что Абусайид выслал его. Слухи такого рода распространились столь широко, что дошли и до Самарканда, до Навои. Такое истолкование его отъезда,

⁵⁰ Бабурнаме. Перевод Салье. Ташкент. 1958. С. 198.

по-видимому, не понравилось поэту. В послании к Сайиду Хасану он пишет:

Неведома друзьям печаль моих невзгод,
И каждый скажет то, что в ум ему взбредет,

(Перевод С. Н. Иванова).

Навои называет три главных причины своего отъезда из Герата. Первая, о которой поэт пишет довольно подробно, заключается в том, что он не захотел поставить свой талант на службу интересам новых жозяев, которых не любил.

Вторая причина отъезда поэта, по его объяснению, связана с падением нравов в стране:

Глядишь — в раздоре злом дух верности иссяк,
И в щедрый прежде дом вошла корысть сутяг.
И гибнет доброта от зависти дурной,
И правит «добрый люд» «прекрасной страной»!
Что за страна, где зло и дикий нрав царят,
Где не цветущий рай, а дышит смрадом ад!..
Скровища дворцов разграблены сполна..
Страна разорена, расхищена казна..
Где человечность? К ней зăтерян след.
Сплошнсе зло вокруг, иного нет как нет.

(Перевод С. Н. Иванова).

Здесь поэт осуждает поведение алчных феодалов и вельмож, готовых на всякую подлость ради своего благополучия и карьеры, не оказывающих поддержки людям науки, литературы и искусства, позорящих страну и народ. Но это не все. В описании состояния страны, управляемой жестоким тираном, Навои поднимается до небывалой в литературе его времени остроты обличения. Его критика направлена против существующего социального строя, его столпов — виновников создавшегося положения. Это кульминационный момент послания:

В мечетях нет ни молитвы, ни света,
В ханаках не раздают хлеба.
Вакуфные земли управляющие превратили в свои поместья.
Но большую часть их превратили в виноградники для вина.
Дома населения разрушены царем, словно курятники.
Вместо кур завели сов.
В медресе праведности и учения
Столько же мусульманской веры, сколько ее в христианском
монастыре.

Не народ это, не люди, а шайтаны и дивы,
Обычай у них — беззаконие и обман.

Их накрытые столы исчезли.
Их хлеб выпекают из пшеницы, которую не сеяли,
Ради мелкой монеты они готовы на убийства,
Даже у мертвеца готовы отнять саван...

(Подстрочный перевод).

Такого правдивого и критического освещения социально-политического положения страны нет ни у одного историка того периода. Подобные строки дают нам право считать послание к Сайиду Хасану не только важным источником для изучения жизни Навои, но и блестящим историческим свидетельством положения в Хорасане в годы правления Абусайида.

Не один Навои был вынужден покинуть в то время родную страну:

Набегом вихря бед сметен гератский люд,
От самаркандских стен взвихрился ветер, лют.

(Перевод С. Н. Иванова).

Когда Абусайид перенес столицу из Самарканда в Герат, его сановники вели себя как захватчики и разграбили все, что было в городе:

- Народу здешних мест — от тех краев беда:
• Набеги, грабежи — и не сочтешь вреда!

(Перевод С. Н. Иванова).

Как выясняется из следующих строк послания, именно Абусайид и придворная клика были главными виновниками бедственного положения поэта:

Мне здесь, среди людей, и друга даже нет,
С кем мог бы сесть вдвоем развеять горечь бед.
И шаха не найти, что делом бы помог,
Кому б хвалу воздал я звучным строем строк.
И не сыскать людей, чей нрав не зол, не крут,
Чтоб горемыка мог найти у них приют.

(Перевод С. Н. Иванова).

Третьей причиной своего отъезда Навои называет любовь к знаниям. Когда ему пришлось покинуть Герат, он уезжал именно в Самарканд, в город Улугбека, прославившийся на весь мир своими учеными, учебными заведениями.

Послание завершается выражением надежды на свидание с адресатом — Сайидом Хасаном, с которым поэт так искренне делится своими горестями.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что послание Алишера Навои к Сайиду Хасану Ардашеру, написанное им в молодости в Самарканде,— программное произведение поэта — служит ценным историческим и литературным источником для освещения ряда вопросов жизни и творчества его автора. Это произведение Навои было первым крупным поэтическим творением на социальные темы. В нем впервые оформился эпический стиль поэта, его критическое отношение к действительности. Позднее многие идейно-художественные моменты послания были развиты и углублены Навои в поэмах его «Пятерицы».

«ПЯТЕРИЦА» АЛИШЕРА НАВОИ

(Вершиной творчества Алишера Навои, несомненно, являются поэмы, составившие «Пятерицу» («Хамсу»)¹ Создание этих поэм стало крупным событием в истории узбекской литературы и культуры. Создав «Пятерицу», Навои первым в письменной литературе масштабно, эпически, в полную силу выразил гений узбекского народа. Благодаря «Пятерице» узбекская литература встала в ряд самых передовых литератур мира, а ее создатель занял место среди таких великих поэтов, творцов эпических произведений, как Гомер, Фирдоуси, Низами, Данте.

До «Пятерицы» Навои преимущественно творил в лирическом жанре. Из этих стихотворений в соответствии с поэтическими традициями он составил несколько диванов — сборников стихов. Однако Навои понимал, что в лирическом жанре нельзя отобразить крупные и сложные проблемы народной и общественной жизни, поэтому написание стихов он считал «маленьким делом» («ушшок иш»). Эту мысль Навои выразил в заключительной поэме «Пятерицы» — «Стена Искандера»:

Но у меня, недовольного маленькими делами,
В душе зрея великие замыслы.

Осуществление «великих замыслов» требовало обращения к эпическому жанру — дастану. Когда речь

шла об эпосе, то Навои в большинстве случаев обозначал дастан термином «месневи»⁵¹.

О широких возможностях этой стихотворной формы для художественного изображения Навои с пафосом писал в поэме «Семь странников» («Сабъаи сайёр»):

Но из всех видов поэзии самый лучший —
 Это месневи.
 Назвал его я первым потому,
 Что оно дает (поэту) большой простор.
 Если в нем одновременно будут проявлять свое искусство
 сто мастеров,
 Оно даст возможность всем им проявлять себя по-разному

Особое значение для развития узбекской литературы имеет обращение Навои к самой сложной и совершенной для того времени форме эпоса Востока — «Пятерице». Как известно, первая «Пятерица» была создана великим азербайджанским поэтом Низами Гянджеви (1141—1203). Одним из лучших образцов творческого подражания для Навои была «Пятерица» индийского поэта Амира Хосрова Дехлеви. Наивысшее развитие традиции этой формы поэзии получили во второй половине XV в. Создание «Пятерицы» требовало от поэта большого таланта, глубокого жизненного опыта, незаурядного литературного мастерства, знаний, энергии и воли. Большинство поэтов, мечтавших создать свою «Пятерицу», не обладали этими качествами. А поэмы Абдуррахмана Джамии были исключением. Как-то Навои зашел к своему учителю, и тот протянул ему несколько тетрадок. Это был черновик поэмы «Дары благородных» («Тухфатул-ахрор»), написанной в ответ на первый дастан Низами «Сокровищница тайн» («Махзанул-асрор»). После прочтения дастана Навои показалось, что по иссохшему руслу эпоса вновь заструились потоки воды. Вспоминая это ощущение, Навои впоследствии писал:

После того, как эти двое ушли в вечность⁵²,
 Месневи было забыто.
 В том цветнике (двустушия) не стало ни розы, ни ее
 аромата.
 И в том ручье не стало воды.
 С появлением Джамии розы снова благоухают,
 И ручей снова стал полноводным.

⁵¹ Известно, что в узком смысле слова — это стихотворное произведение крупной и малой формы, состоящее из бейтов по схеме *аа*, *бб*, *вв* и т. д.

⁵² Навои подразумевает Низами и Хосрова Дехлеви.

Так, под влиянием конкретных литературных произведений и событий у Навои возник замысел собрать дастаны по типу «Пятерицы». Обращение Навои к эпосу не было неожиданным. Интерес его к жанру эпической поэмы, глубокое изучение лучших ее образцов, в частности «Шахнаме» Фирдоуси, «Пятериц» Низами и Хосрова Дехлеви, стремление выработать свой эпический стиль, возникли еще в молодости. Обращаясь к Низами и Хосрову Дехлеви в вводной части поэмы «Стена Искандера», он писал:

С самого начала вы вдохновляли меня,
Ваши стихи всегда поддерживали меня,
Когда я был еще совсем юным,
Вы в душу мне вдохнули великий замысел.

Строки эти не оставляют сомнений в том, что великий замысел «Пятерицы» возник в творческом воображении Навои еще в юные годы, когда он зачитывался дастанами Фирдоуси, Низами, Хосрова Дехлеви, осваивая тайны их поэтического мастерства.

Молодой Навои в письме к Сайиду Хасану Ардашери в стиле фахрия писал, что ощущает в себе силы, необходимые для создания эпического произведения, и если взяться за него со всей волей и энергией, то он в короткий срок сможет создать произведение, подобное «Шахнаме» или «Пятерице». Можно предположить, что Навои долгие годы обдумывал свое будущее великое творение, сюжет каждого дастана, который должен в него войти, композицию произведения в целом, его основные образы, идейную направленность. Замысел будущего эпоса исподволь, задолго до его воплощения зрел в его творческом воображении. Именно поэтому так быстро и последовательно поэт осуществил свой замысел. Первый дастан «Пятерицы» — «Смятение праведных» («Хайратул-аброр») Навои начал в 1483 г., последний же — «Стена Искандера» («Садди Искандарий») — закончил в 1485 г. И хотя в это время Навои официально отказался от визирства, он все же в качестве самого высокопоставленного деятеля участвовал в делах государства. Несмотря на это, он в краткий срок закончил такое эпическое произведение, как «Пятерица», свидетельствующее о его редком таланте. О своей работе над ним Навои пишет:

А ты — судьбою связанный своей,
Чем озабочен? Судьбами людей.
Весь день — о нуждах царства разговор,
Разбор докучных жалоб, тяжб и ссор...
И негде для ушей затычки взять,
Чтоб ропота людского не слышать.
Но внял я сердцем новые слова,
Мир небывалый создал в года два.
Калам твой к завершению спешит,
К великому свершению спешит,
Пусть упрекать ученый нас начнет,
Века ему дорогой поставят счет.
Отвечу — полугодья не прошло,
С тех пор, как солнце новое взошло,
Стихии воздвигали мой дастан,
Основа тюркской речи океан...

Но было бы неверным считать, что «Пятерица» Навои — лишь продолжение литературных традиций, и в исследовании его творчества выдвигать на первый план именно факторы, связанные с этими традициями.

Навои жил в историческую эпоху процветания науки и культуры, резкого обострения противоречий, связанных с феодальными отношениями. В это время усилилась феодальная эксплуатация, что вызвало недовольство угнетенных существующим положением. Улучшение состояния народа, благоустройство страны имели чрезвычайно важное значение в развитии общества. Литература была действенным оружием в борьбе за улучшение положения народа, гуманизм, справедливость. Ее прогрессивные представители выражали в ней идеи народолюбия, что становится знаменем передовой литературы того времени. Первым в ряду этих литераторов был Алишер Навои. Его «Пятерица» явилась эпическим художественным полотном, глубоко и полно выразившим отношение великого поэта к жизненным и актуальным проблемам эпохи.

«Пятерица» Навои, объединившая пять самостоятельных дастанов, составляет единое художественное целое, что отличает ее от других произведений подобного типа. Все поэмы органически связаны, как бы дополняя друг друга. Последняя поэма «Стена Искандера» подводит итог всей «Пятерице».

В этом произведении Навои прославляет все положительные качества, присущие человеку, разоблачает и клеймит угнетение и несправедливость, корысть и ложь, невежество и алчность. И в образах главных ге-

роев «Пятерицы» воплощены те же передовые идеи времени, надежды и чаяния широких трудовых масс. Именно поэтому дастаны «Пятерицы» созвучны лучшим образцам устного народного поэтического творчества. Феодалной действительности Навои противопоставляет свои мечты о светлом будущем общества. И хотя поэт не смог подняться до отрицания феодального строя, полностью преодолеть феодальные взгляды и воззрения, тем не менее его критика социальных пороков той эпохи, создание образов представителей различных социальных групп и слоев имели положительное значение в воспитании людей, улучшении и оздоровлении нравов и жизни общества не только того времени, но и всего средневековья.

В каждом дастане поэт отражал общественную проблему в форме, соответствующей его содержанию. И хотя эта форма в какой-то мере отвечала традиции, по сути она была новой для узбекской литературы.

Отношение к современности определяет творческий метод Навои как метод передового художника. В своей поэзии он не только воссоздает реальные картины жизни, образы конкретных исторических лиц, но и создает типы, в которых воплощает свой идеал человека и исторической личности. Садриддин Айни справедливо писал: «Отрицательные типы в дастанах «Пятерицы» взяты из самой жизни, что касается положительных героев, которые изображены в противовес, то они представляют собой плод собственной мысли и мечты поэта, они написаны как образец для подражания»⁵³.

Изображая в поэмах «Пятерицы», в частности в «Смятении праведных», картины действительности, образы представителей социальных групп и сословий, Навои творит в сфере не только реализма, но и в романтическом стиле, выводя идеальные характеры, события и картины, не встречавшиеся в жизни. Какому изобразительному стилю больше отведено места в поэмах «Пятерицы»? Нет сомнения, что романтическому, о чем свидетельствуют остальные четыре дастана «Пятерицы». Мечты и мысли Навои были созвучны мечтам трудового народа о светлом будущем. Романтизм у Навои был прогрессивный, устремленный в будущее, хотя

⁵³ Айний. Куллийет. Соб. соч. Т. 2. Кн. 1. Ташкент. 1963. С. 357.

изображаемые события и характеры, взятые им из народных легенд, были далеки от реальных.

В поэмах «Пятерицы» ощущается слияние различных стилей и методов, что характерно для творчества многих великих художников. На существование компонентов различных методов в литературах разных эпох, их синкретизм указывал А. И. Герцен⁵⁴.

Навои был хорошо знаком с письменной и устной литературой того времени. Им были глубоко изучены героический эпос великого Фирдоуси, большая часть которого была построена на мифах, и творчество суфийских поэтов Аттара и Руми, их жизненная философия. Именно поэтому в поэмах Навои мы видим многообразие изобразительных средств, обилие интонаций, глубину символики, и этот синтез существенно обогащает оригинальную художественную палитру поэта.

Первостепенное значение «Пятерицы» в истории узбекской литературы и культуры определяется еще и тем, что это великое творение мировой литературы написано на узбекском языке. Этим Навои внес неоценимый вклад в развитие узбекской литературы, узбекского литературного языка и поэзии. Его дастаны «Пятерица» и «Сокровищница мысли» оказали необычайно сильное воздействие на развитие литератур тюркских народов. Причину, по которой поэт написал свое произведение не на персидском, традиционно считавшемся языком поэзии, а на тюркском, он объяснил в поэме «Лейли и Меджнун»:

Я начал по-тюркски предание,
Превратил легенду в повествование.
Чья слава заполнит мир,
Тот тюркскому народу принесет известность.
Потому что сегодня в мире среди тюркских людей
Талантливых, понятливых премного.

Приступая к написанию «Пятерицы», Навои учитывал и возросшие культурные потребности узбекского народа. Создание этого произведения на узбекском языке было чрезвычайно важным событием в культурной жизни того времени. Это понимал и сам поэт, который в заключительной части эпоса с гордостью писал:

Нет, не только тюрки, но и арабы, и персы,
Считают это дело удивительным из удивительных.

⁵⁴ Русские писатели о литературном труде. Т. 2. Л. 1955. С. 72.

«Пятерица» в удивление приведет народы — и персов, и арабов», — утверждал Навои, подтверждением чему может служить высокая оценка Абдуррахмана Джами. Сам Джами также создал крупное эпическое сочинение «Семь престолов» («Хафт авранг») из семи дастанов. Хотя свое произведение он начал раньше Навои, завершил его позже. В последнем дастане «Книга мудрости Искандера» («Хирадномаи Искандарий») Джами прославляет Навои и его «Пятерицу». Своим произведением Навои поставил узбекскую литературу вровень с высоко развитой, богатой художественными завоеваниями персидско-таджикской литературой.

Навои писал «Пятерицу» для широких масс народа. В этом произведении он прежде всего отобразил его боль и страдания, мечты и надежды, высокие порывы к лучшей жизни. В «Лейли и Меджнуне» он писал:

Печален я и печален мой напев,
Поэзия моя выражает горести и боль людей...

Но простой народ из-за неграмотности не мог познакомиться с этим народным по содержанию и совершенным по художественной форме произведением. Только в советское время «Пятерица» стала достоянием широких народных масс.

«Смятение праведных». Передовые люди эпохи стремились решить важнейшие общественные проблемы, поставленные временем. И Навои, приступая к созданию крупного эпического полотна, должен был как поэт-мыслитель задуматься над решением актуальных этических и социально-экономических проблем времени.

Современник Навои Хондамир, когда писал о «Пятерице», что это «тонкая и глубокая по смыслу книга полна прекрасных мыслей», имел в виду идеи и содержание дастана «Смятение праведных»⁵⁵. Рассматривая творчество Навои, исследователи прежде всего обращаются к этому философскому произведению. В 1936 г. Айбек писал о поэме «Смятение праведных»: «Смятение праведных» занимает особое место в «Пятерице». По своему содержанию и композиционному построению поэма эта стоит особняком. В этом произведении нашли выражение думы великого поэта, художника-философа, тонкого государственного деятеля, сущность поэтического творчества которого составляла мысль о вселенной

⁵⁵ Хондамир. Книга благородных качеств, с. 33.

и повседневной жизни, нравственных концепциях, о добре и зле, о праве и несправедливости, беззаконии, о народе и правителе, о понятии совершенного человека»⁵⁶.

Поэму «Смятение праведных» Навои строит на основе реальной жизни общества, вдохновляясь задачами и целями, которые ставила перед литературой второй половины XV в. историческая обстановка в Хорасане и Мавераннахре. При этом поэт опирается на традиции Низами. Его «Сокровищница тайн» — наиболее совершенный образец жанра философско-дидактического дастана, оказала немаловажное воздействие на идейно-художественное формирование поэмы Навои «Смятение праведных».

Навои не ограничился лишь освоением эпических традиций Низами. Он глубоко овладел эпическими традициями крупных представителей персидско-таджикской литературы — Шейха Саади («Бустан»), Насыра Хосрова («Книга света»), Саная («Сад истин»), Хосрова Дехлеви («Восход светил»), Ходжи Кермани («Сад лучей»), Котиби («Цветник благородных») и др. Навои был знаком с произведениями Саади с детства.

Определенную роль в создании «Смятения праведных» сыграл философско-дидактический дастан Джами «Дары благородных». Однако Е. Э. Бертельс справедливо подчеркивает, что на композиционное построение «Смятения праведных» дастан Джами не оказал никакого влияния⁵⁷.

Навои познакомился с дастаном Джами еще в рукописи, он с большой радостью приветствовал его создание, дав ему высокую оценку. Хотя дастан «Дары благородных» и не велик по объему, но, как считал Навои, по оригинальности и значимости содержания близок «Сокровищнице тайн» Низами и «Восходу светил» Дехлеви. В «Смятении праведных» Навои пишет:

А я — я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не оттирая слез,
«Дар чистых сердцем» тут же прочитал,
Как будто чистый жемчуг подбирал.
То — третий был дастан⁵⁸, хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

⁵⁶ Айбек. Навоий гулшани, 73—74-бет.

⁵⁷ Бертельс Е. Э. Избранные труды. Низами и Физули. С. 213.

⁵⁸ Имеются в виду указанные дастаны Низами и Дехлеви.

В нем скрыто содержание первых двух,
Но есть в нем все, чтоб радовался дух⁵⁹.

Джами свой дастан закончил в 1481—1482 г./889 г. х., Навои дастан «Смятение праведных» начал в 1482 г. и закончил в 1483 г./888 г. х. Таким образом, поэма Навои — одновременно и ответ на философско-дидактическое сочинение Джами.

Главы дастана «Восхваление богу» («хамд»), «Обращение к богу» («муножат»), «Восхваление пророка» («наът»), «Смятение» («хайрат») религиозного содержания, и именно в этих главах ясно выражены противоречия в мировоззрении Навои. Поэт подтверждает здесь мысль о единстве бога, первичности идеи; происхождение и существование мира он связывает с явлением божественной воли, проповедует бессмертие души. Но взгляды Навои на бога, бытие, природу, человека определялись не ортодоксальными постулатами ислама, а суфийским учением, точнее, прогрессивным направлением суфийской философии. Навои поддерживает и развивает передовые идеи своего времени.

Поэт сравнивает мир с доской для игры в нарды, а луну и солнце — с двумя ее фишками. Бог же угодляется игроку, бросающему эти фишки. Непрерывающаяся борьба между добром и злом, справедливостью и бесчеловечностью, правдой и ложью напоминает картину игры в нарды:

В этом мире все доброе и плохое,
Являет собой игру Бога, забавляющегося игрой в нарды.

Бог на все взирает равнодушно. Наделив человека умом, чтобы он мог различать правду и ложь, он дал ему любовь, которая, делая его безумным, развеивает, словно пепел по ветру, его разум, мучает его. Человек хочет радоваться любви, быть верным ей, но любовь приносит ему страдания:

Того, кому он привил чувство верности,
Наделил он и судьбой, полной горьких слез.

Бог сверху взирает на все происходящее и остается безразличным. Больше всего на свете он любит себя. Слезы он воспринимает как знак любви к нему. Ему нет дела до страданий рода человеческого:

⁵⁹ Поэтический перевод поэмы Навои «Смятение праведных» с некоторыми сокращениями осуществлен Вл. Державиным. См.: Навои. Соч.: В 10 т. Т. 3. Ташкент. 1968.

Ты видишь все и проявляешься во всем,
Доволен своей любовью, горд своей красотой.

Он не знает ни милосердия, ни пощады. Такая несправедливость угнетает, вызывает протест поэта. Обращаясь к богу, он заявляет, что скатерть необходимо расстилать перед голодным, а не перед сытым, что туча должна орошать не море, а жаждущие воды поля, что халатом необходимо наделять не того, у кого он есть, а раздетого:

Ты на просящих зорко посмотри;
Тем, кто в нужде,— по их нужде дари.
А ты пресыщенному ставишь стол,
Даришь халат тем, кто и так не гол.
Ты посылаешь лучших скакунов
Владеющему сотней табунов.
Рубины посылаешь в Бадахшан,
Тмин посылаешь в тминовый Керман.

И хотя бог в представлении Навои идеален, но, как поэтический образ, он далек от идеала. Восхваляя по традиции абсолютное могущество и совершенные достоинства, красоту бога, Навои оставляет место и для глубокой иронии по отношению к несовершенству мира, созданного богом. В пятом макалате дастана дано объективное изображение бездушных феодалов, их лицемерия и низкопоклонства:

По воле бога ты султаном стал —
А ты народ измучил, обобрал!
Молитва, пост завещаны тебе,
А ты привык к веселью и гульбе⁶⁰.

(Перевод В. Державина).

Осуждение феодалов перерастает в осуждение самого бога; Навои призывает правителя быть справедливым и милосердным по отношению к угнетенным и нуждающимся, голодным и раздетым.

Но самое важное в «обращении к богу» и в «смятении» — отношение поэта к человеку, объяснение его в пантеистическом духе.

Заслуживают самого пристального внимания эстетические воззрения Навои на художественное творчество. Давая высокую оценку таким выдающимся мастерам поэзии, как Низами, Хосров Дехлеви, Джами,

⁶⁰ Навои. Библиотека поэта. Л. 1983. С. 227.

Навои продолжает прогрессивные традиции предшественников. По его мнению, в мире нет ничего ценнее слова:

Слово в сокровищнице вселенной как жемчуг
Первой величины...

Мысли Навои о единстве формы и содержания, о примате содержания над формой выражены ясно и афористично:

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержание, смысл живой.

«Смятение праведных» — программное произведение Навои. Философские, социально-политические, экономические, научные, просветительские, этические взгляды Навои впервые получили полное выражение именно в этом произведении, которое можно назвать идейным введением ко всей «Пятерике».

Поэма «Смятение праведных» состоит из макалатов — глав. В первом макалате осмысливается понятие «вера» («имон»), во второй — ислам. По содержанию они религиозны. В последующих главах отражены самые важные и актуальные социально-политические проблемы времени. В этих макалатах поэт выражает свое отношение к жизни; обращаясь к различным условиям общества — ремесленникам и мастерам — своим читателям, дает советы, как определить свой жизненный путь, чтобы стать достойным членом общества и подлинным гражданином. Эта назидательная направленность характерна для дастана. Следуя высоким гуманистическим идеалам, Навои призывает людей различных социальных сословий к честности, справедливости, человеколюбию, к тому, чтобы они овладевали знаниями и культурой, вырвались из плена низости и жестокости, активно относились к жизни. Основные идеи поэта выражены преимущественно в яркой дидактической форме.

В третьем макалате поэт высказывает свои мысли о правителях. По его мнению, правитель — это человек, похожий на других людей, но более подверженный слабостям. Занимая более высокое положение, он часто стоит гораздо ниже их, так как не обучен ремеслу и наукам, лишен справедливости и терпимости и многих других достоинств:

Как все, ты — прах и обречен земле,
Как все, ты — сгусток тьмы, не свет во мгле.
Своим рабам подобен ты во всем,
По внешности и в существе своем.
Но красотой речи и умом
Но совершенством в мастерстве любом,
Упорством каждодневного труда,
И честностью — со всеми и всегда,
Но преданностью богу твоему,
И полным подчинением ему,
Ты уступаешь — не мужам святым,
А самым низким подданным своим.

По мнению поэта, если народ стадо, то правитель — пастух, если страна — цветущий сад, то правитель — хранитель, возделывающий его земледelec. Сад высохнет, стадо овец будет зарезано волками, если правитель будет ленивым и нерадивым:

Народ — твой сад. Будь мудрым, садовод!
Будь, пастырь, добрым! Стадо — твой народ.
Пастух задремлет — волки нападут,
Урон великий стаду нанесут.
Забросишь сад — засохнут деревья,
И пригодятся только на дрова.
Благоустройству и орошай —
Свой сад. Волков от стада отгоняй!

Своей художественной мыслью и использованным параллелизмом эти строки созвучны обращению Саади к правителю в «Бустане»:

Для подданных ты будь оплот и заслон,
Ведь держится ими венец твой и трон.
Они точно корень, а дерево — шах,
Ослаблены корни — нет сил в деревьях.

(Перевод К. Чайкина).

Таким образом, суждения Навои о справедливом правителе в определенной мере носят традиционный характер. Улучшение положения народа, считает Навои, прежде всего зависит от деятельности правителя, и он искренне призывает его к мудрости и справедливости, напоминая об ужасах судного дня и муках ада. В этом с особой наглядностью проявляется определенная историческая ограниченность, свойственная его мировоззрению. Он не может понять подлинных социально-экономических причин классового угнетения народа.

В пятом макалате поэт возвеличивает мудрость и доброту. Щедрость Навои превозносит как достоинство, а затем и скупость осуждает как самое дурное духовное качество:

Ведь щедрость — знак душевной красоты,
А жадность — знак душевной нищеты.

Поэт клеймит расточительность, переходящую в мотовство, когда она продиктована тщеславием:

Кто щедр без меры — шум пойдет о нем,
И назовется щедрость мотовством.

Щедрость, обращенная не на нужды беднейших слоев населения, подсказана не добрыми намерениями, а корыстными целями, т. е. желанием получить взамен другие блага, иногда не материальные ценности; а высокую должность. Поэтому такую щедрость поэт не считает истинной. Подлинную щедрость он ищет в простых людях, которые ничего не ждут, но всегда готовы помочь ближнему:

Вот щедрый муж: богат иль не богат,
Но всем, что есть, помочь в беде он рад.
Не только деньги бедным он несет,
Скажи — он им всю душу отдает.
Он знает, что дарить добром сердца —
Веление милосердного творца.

Глава о щедрости перекликается с одним из эпизодов «Шахнаме» Фирдоуси. Рустам и его сын Сухраб, не узнав друг друга, вступают в жестокую и длительную борьбу. Наконец, Рустам, прибегнув к коварству, вонзил кинжал в Сухраба и стал победителем. Перед смертью Сухраб открыл свое происхождение, отец и сын узнали друг друга. Рустам раскаивается. Чтобы вылечить Сухраба, он посылает человека к правителю Ирана Кайкавусу и просит его дать *нушдару* — лекарство. В свое время Рустам спас шаха Ирана от иноземного нашествия. Кайкавус боится могущества Рустама, которое удвоится, если его сын останется в живых. Ведь, объединившись, отец и сын могут отнять у него трон. И он не дает этого целебного лекарства, сославшись на то, что не может найти ключ от казны, в которой оно хранилось. Сухраб умирает. Искусно используя традиционный для восточной поэзии изобразительный прием *талмех*, Навои резко осуждает безнравственность господствующего класса.

В дастане Навои талантливо применяет и другие традиционные приемы восточной поэтики. Он не только использует, но и развивает их. Говоря о бескорыстии человека, Навои пользуется приемом гиперболы *таблиг*.

В поэме часто встречаются свойственные поэтическому искусству Востока оригинальные *ташбих* (сравнение), *истиора* (метафора), *таджнис* (омонимия), *киноя* (ирония), *тазод* (контраст), *мхом* (двусмысленность), *гарси* (использование внутренней рифмы) и др.

Нравственно-этическим проблемам Навои придает особое значение. В этом плане примечателен шестой макалат дастана. Поэт говорит:

Служа добру, пылинкой ты взлетелшь,
Глаза высокомерья ослепишь.

И хотя Навои не смог осознать классовую сущность этики, осмыслить ее как категорию историческую, тем не менее он рассматривает этику как гуманистическую проблему, имеющую социальное значение в жизни общества. Навои сам был чрезвычайно скромным человеком, посвятившим себя служению народа, для него защита интересов народа была главным смыслом жизни. Поэт призывает современников служить народу.

Большое внимание Навои уделял воспитанию детей. Немаловажное значение, считает он, имеет для человека имя:

Ты должен хорошо детей наречь,
Чтоб их потом насмешкам не обречь.

Поэт говорит об уважении к отцу и матери:

Главу свою перед отцом склоняй,
А сердце матери своей отдай.

Пишет Навои и о почтении к старшим, чуткости, снисходительности к младшим:

Коль старше муж тебя — ему служи,
А если младше — помощь окажи.

Проблемы нравственно-этического воспитания занимают большое место не только в одном-двух дастанах Навои, а и во всей его дидактике. По мнению поэта, улучшить и изменить общество прежде всего следует посредством воспитания людей, совершенствуя нравы и обычаи.

Седьмой макалат посвящен слову о терпении. Он начинается с бейта:

Тот, кто путем воздержанных идет,
Сокровище довольства обретет.

Не надо всем существом стремиться к накоплению богатства, следует терпением преодолевать трудности и честным трудом, нравственным поведением добиваться уважения. В этих суждениях Навои нашли отражение отдельные моменты философии суфизма. Но и в этом вопросе позиции Навои близки к народным, он мыслит, исходя из психологии народа, его восприятия жизни. Поэт с ненавистью и пренебрежением относится к накопительству, алчности, любителям легкой жизни. Он учит жить честно, жить трудом, гордиться своим человеческим достоинством.

Восьмой макалат начинается с поэтического восхваления бесчисленных жемчужин, усеявших небосвод, т. е. звезд. Есть ли жемчужины дороже этих? Навои отвечает, что есть. Такой драгоценной жемчужиной является жемчужина верности. Верность и любовь он понимает как чистые, добрые взаимоотношения между людьми. Он сетует на отсутствие этих качеств у людей его времени. Тому, кто верен, чуток и добр, нелегко живется на этом свете:

Кто этот перл несет в груди своей,
Тот примет на голову град камней...

Тем не менее, считает Навои, человек должен быть верен любимой, другу. Таким людям поэт готов отдать свою жизнь.

В следующей главе поэт возвеличивает любовь:

А если нет любви — зачем она,
Вселенная? Зачем и жизнь нужна?
Любовь — душа души, она чиста,
А без нее мертва и красота.

Навои порой воспринимает любовь как нечто чудодейственное. Чтобы возвысить это чувство, он связывает его с божественным началом. Здесь опять ощущается некоторое влияние суфийской идеологии.

Одна из самых оригинальных по тематике глав в поэме «Смятение праведных» — десятая. В этом макалате поэт рассуждает о правдивости. Навои с горечью утверждает, что в его время нет правды, справедливости, честности. Поэт пишет:

О, если б каждый лживый человек,
Поменьше лгал! Но не таков наш век!

Однако нельзя сказать, что все макалаты в «Смятении праведных» посвящены дидактике, наставлениям, поучениям. Большое место в них поэт уделяет и художественному изображению положения человека различных сословий в обществе. Этой теме посвящена одиннадцатая глава поэмы. Навои с горечью пишет о положении ученых в обществе, где они часто унижены, терпят лишения, бедствия, в то время как невежды вознесены. И пока угнетение будет господствовать и торжествовать в обществе, это положение будет неизменным:

Везде, где угнетение царит,
Познания сад запущен и забыт.
Плоды опали, гнить обречены,
Сухие ветви вверх вознесены.

В одном из самых замечательных макалатов «Смятения праведных» — тринадцатом, пишет о том, что люди должны быть чуткими и внимательными друг к другу, должны думать о благе ближнего, избегать зла. Здесь гуманизм Навои получает наиболее яркое выражение. По мысли поэта, тот, кто делает добро другому человеку, печется о его благе, приносит пользу самому себе. В тринадцатом макалате Навои углубляет философские положения, изложенные в вводной части дастана. Здесь он высказывает мысль, что человек — венец творения, венец всего сущего.

Пятнадцатый макалат посвящен критике и осуждению пьянства. Появление такой главы в поэме Навои было вызвано объективными причинами: во времена Навои во дворцах тимуридов пьянство было одним из самых укоренившихся пороков.

Пьяницу поэт уподобляет малой связке сена. Его тело — «горсточка праха», а то, что он выпил, — «огонь и вода». В конце концов «огня становится больше, чем воды», — этой метафорой он передает сущность пьянства, разрушающего личность. И хотя в изображении этого зла широко используются традиционные поэтические приемы, тем не менее описание конкретно.

Восемнадцатый макалат — также глубокое социально-философское сочинение. Поэт приходит к выводу, что вселенная создана плохо, и возражает против того, чтобы люди всю жизнь проводили в горе и трауре, думая о потустороннем мире. Пока человек жив, он дол-

жен радоваться жизни, а не умирать прежде, чем наступит смерть. Поэт призывает к полнокровной жизни, к тому, чтобы собственная радость не влекла за собой горе другого человека, учит не покушаться на чужие земли и семьи, ценить достоинство людей, если понадобится, отдать жизнь ради родных и близких.

Дастан завершается одой в честь Герата (девятнадцатый макалат) и наставлением царевичу Бадиуззамону (двадцатый макалат).

Свои дидактические, философские, социально-политические идеи поэт выражает в поэтической форме. Именно поэтому ему удалось создать произведение в полном смысле поэтическое. В дастане Навои использует различные жанры художественных произведений — рассказы, басни, притчи. В нем более отчетливо выражены дидактические моменты, т. е. идеализация природы и обычных явлений действительности, которые представляются читателю как пример для подражания. То, что серп луны с каждым днем увеличивается и становится полной луной, — научно обоснованная истина. Прибегая к поэтической метафоре, поэт утверждает, что луна достигает своего полного развития, потому что скромна.

Чтобы возвысить правду и честность, Навои также создает развернутую метафору:

Ведь не помеха мчащейся стреле
Бугры и буераки на земле.
Высокого познания мужам
Любезен звонкий най за то, что прям.
А чангу крутят каждый раз колки,
Чтоб струны были прямы и звонки.

Навои отличался активным отношением к общественным проблемам эпохи, изображая ее в достоверно художественной форме; ему удалось в рамках художественного метода вдохнуть в поэзию жизнь. Именно поэтому в истории узбекской литературы создание дастана «Смятение праведных» было шагом вперед в развитии реалистического метода изображения.

В центре произведения — образ самого поэта-мыслителя, чьи мысли и идеи связаны с высокими человеческими устремлениями. В дастане вырисовывается личность поэта, романтически возвышенная, обладающая мудростью и мощью реалистической мысли.

В дастане «Смятение праведных» значительны по содержанию «малые» рассказы, завершающие каждый макалат, в которых подводится итог, идея каждой главы, выявляется ее основная мысль. В этих притчах повествуется о реальных событиях, об известных личностях, сведения о которых почерпнуты из преданий, легенд. Некоторые рассказы носят характер басен.

Каждый человек должен жить своим собственным трудом, считать бесчестной жизнь за счет другого — такова концепция рассказа о знаменитом на Востоке Хотам Тае. Старик, согнувшись под тяжестью, нес вязанку дров. Хотам Тай, увидев его, пригласил к себе: «Зачем мучить тебе себя и тащить эту вязанку дров, когда у меня для тебя готово угощение», — сказал он и услышал в ответ:

Поверь: мой тяжкий труд не тяжелей,
Чем иго благодарности твоей.
И лучше мне трудом дирхем добыть,
Чем от Хотамы стадо получить.

Притча Навои, как и рассказы и басни Низами Гянджеви, Саади, Аттара, Руми, по простоте языка, доступности и морали близки к фольклорным рассказам.

Поучительна в поэме басня о Льве и Павлине, где поэт создает образ обманщика, которого в конце концов губит собственная глупость. Лев дружит с Павлином. Однажды он слышит крики Павлина, попавшего в силки охотника. Подумав, что Павлин по своему обыкновению снова хочет обмануть его, Лев не спешит на помощь. Мораль басни такова:

Тому, кто никогда не лжет,
Без спора верит на слово народ.

Сентенции подобного рода точно раскрывают и подчеркивают идейную направленность стихотворных новелл Навои.

Один из самых прекрасных и значительных хикайатов в «Смятении праведных» — рассказ о двух верных влюбленных, приводимый в конце восьмого макалата. Двое влюбленных попадают в плен к Амиру Тимуру Курагану. Он отдает приказ казнить их и большую группу пленных из Индии. Во время этого убийства каждый влюбленный молит палача убить его первым, чтобы продлить жизнь другому. Поэт пишет:

Ты хочешь голову?— Мою руби!
 Но пощади его и не губи.
 Убийца-воин повернулся к ней,
 А друг ее вскричал: «Меня убей!»
 И вновь убийца двинулся к нему,
 И вновь предстала женщина ему.
 Тот, со стальными пальцами, барлас
 Разгневался: «Убью обоих вас!»

Когда об этом узнал Тимур, сила любви двух влюбленных поразила его, и он отменил свой приказ, объявив всеобщее помилование. Настоящая любовь побеждает смерть.

Рассказы дастана «Смятение праведных» прославили Навои как искусного новеллиста. Талант Навои-новеллиста достиг наивысшего расцвета позже, в поэме «Стена Искандера» и, особенно, в «Языке птиц».

Своими идейно-художественными достоинствами дастан «Смятение праведных» как первое крупное эпическое произведение занимает важное место в творчестве Навои. Среди философско-дидактических поэм восточной литературы «Смятение праведных» считается одним из самых великих произведений.

✓ «Фархад и Ширин». В основе этой поэмы Навои лежит давно сложившийся в фольклоре и литературе Востока традиционный сюжет. Но обращение поэта к известной легенде не было копированием предшествующих произведений. Относясь с должным уважением к Низами, Хосрову Дехлеви, Джами, Навои решил обновить сюжет и образы. Вот что пишет об этом сам поэт:

А подражать другим певцам — к чему?
 Дам волю изложению своему.
 Коня гонять чужим коням во след —
 Ни наслаждения, ни почета нет⁶¹.

Новаторское отношение Навои к существующим канонам в художественном творчестве не противоречило духу истинного поэта и мыслителя, понимавшего роль традиций и необходимость их обновления. Ведя в свое время признанные мастера поэтического слова как Фирдоуси, Низами, Саади, шли не проторенными путями, а дорогой, подсказанной им самой жизнью и их творческим гением.

⁶¹ Поэму «Фархад и Ширин» Навои на русский язык перевел Лев Пеньковский.

Новаторство Навои в поэме «Фархад и Ширин» выразилось прежде всего в его отношении к героям. Оно получило социальную окраску.

Фархад — человек труда, сочетающий в себе высокие качества, способный по настоящему любить и страдать. Социальная же сущность царя Хосрова выражается в коварстве, неспособности к истинным чувствам. По мнению Навои, Хосров не имеет морального права на любовь к Ширин. Фархад же — человек большого и горячего сердца достоин великого, всепоглощающего чувства любви.

Сюжет поэмы Навои заимствован из устного творчества народов Средней Азии и Ближнего Востока. Различные вариации данной легенды издавна бытовали в этих краях; одну из них известный азербайджанский поэт Низами использовал в своей поэме «Хосров и Ширин». Фархад изображен здесь человеком творческим, верным любви. В одной из своих газелей узбекский поэт Гадои отметил сказание о Фархаде как наиболее важную часть поэмы Низами. Но несмотря на это, и у Низами, и у других предшественников Навои Фархад был героем второго плана, часто изображаемым лишь как эпизодический персонаж.

В своей поэме Навои синтезировал все достижения произведений на этот сюжет, художественно развил и углубил образ Фархада, создал гимн труду и истинной любви, придав тем самым народной легенде общечеловеческое звучание.

Фархад у Навои — сын китайского хакана. Как и во многих народных сказаниях и дастанах, богатый, но бездетный правитель лишь к старости был осчастливлен рождением наследника престола. Поэтому его воспитанию и обучению уделяется большое внимание. Фархад «львенком рос», «в три года он, как в десять, возмужал», быстро научился читать и писать. С раннего возраста проявляется у Фархада особая любознательность и способность к быстрому овладению всеми науками. Навои пишет:

Когда Фархаду стало десять, — он
Во многих был науках искушен.
И в десять лет имел такую статью,
Какой и в двадцать не дано блистать.
Все знать и все уметь хотел Фархад,
Оружием наук владел Фархад.

Фархад развивается не только умственно, но и физически. Достигает он совершенства и в военных науках. Изображая военное искусство Фархада, Навои использует гиперболы:

Под палицей его Альбруз бы сам
Взлетел мельчайшим прахом к небесам.
Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил...

Фархаду чужды бахвальство, заносчивость, его отличает небывалая скромность. Нищету Фархад предпочитал богатству, избегал общения с людьми, остерегался обидеть кого-либо:

Не только сам обидеть он не мог,—
Ничьих страданий видеть он не мог.
Всегда душой болея за других,
Он, как мудрец, был молчалив и тих.

Такие настроения тревожат и огорчают хакана. Стремясь развеять его тоску, внимая советам мудрецов, правитель дает указание построить четыре дворца, соответствующих четырем временам года.

Навои сам неплохо знал процесс строительства, поэтому описание сооружения дворцов дано в поэме очень правдоподобно и красочно. Фархад с любовью наблюдает за действиями строителей, вникает во все детали этого ремесла.

Он изучает все тонкости искусства каменотеса Карена. Это пригодилось ему в будущем при рытье канала. «Настоящему джигиту мало и сорока искусств»,— гласит узбекская пословица, и Фархад следует ей. У Карена он учится ремеслу каменотеса, у художника Мани — настенной живописи и т. п. И ко времени завершения строительства дворцов Фархад в совершенстве овладевает всеми тайнами строительного ремесла. Так Навои убедительно, в рамках романтического изображения, показывает постепенное формирование характера Фархада как человека труда.

Когда Фархад достигает совершеннолетия, отец предлагает ему свой престол. Но Фархад под различными предложениями отказывается от трона. Это один из самых трогательных эпизодов поэмы, где обаяние образа Фархада, его воспитанность и скромность вырисовываются особенно отчетливо:

Но хоть и прах я,— на твои слова
Осмелюсь я ответить слова два.
Одно бесспорно: молод будь иль стар,
На всех обрушит время овой удар...
Но гибнут тьмы и тьмы травинок в год,
А мощный кипарис лет сто живет,
Хоть сто холмов снесет иной поток,
Стоит Альбруз неизбежно высок...

Отец растроган таким неожиданным и достойным ответом Фархада и все-таки в надежде, что бремя государственных дел развеет печаль сына, настаивает на своем решении. Фархад просит отсрочки.

В один прекрасный день хакан приглашает сына осмотреть свою сокровищницу. В великолепных ларцах жемчуга, на полках красочные ткани, расшитая золотом и драгоценными камнями одежда, различные благовония, золото, хрусталь, яшма... Но внимание Фархада привлекает стоящий в стороне ларец. В нем — что-то тайное. Хакан старается отвлечь внимание сына от него, так как ключа от ларца все равно нет. Но Фархад настаивает на своем. Наконец, ларец открывают и вынимают оттуда магическое зеркало, изготовленное когда-то мудрецами Искандера. Секрет этого зеркала, как объясняет хакан, знает лишь мудрец Сократ, живущий в горах Греции. Фархад загорается желанием немедленно отправиться туда. Во главе войска и в сопровождении отца он пускается на поиски Сократа. Начинается сказочная часть поэмы. По дороге Фархад убивает дракона, изрыгающего огонь, одолевает страшного дива Ахримана — властителя джунглей, одерживает победу над железным человеком и ста железными лучниками. Победы эти приносят ему несметные богатства, а самое главное — чудесное зеркальце, имеющее отношение к секрету тайного ларца в сокровищнице хакана. При помощи чаши Джамшида, изображающей географическую карту, заблудившийся в лесах Фархад находит дорогу к Сократу. Доживающий последние дни мудрец встречает Фархада и его отца, дает им наставления и предсказывает Фархаду печальное будущее, горячую и трагическую любовь, которая во все времена сделает его символом истинной любви и труда. Благословив Фархада и его близких, мудрец умирает. С почестями похоронив Сократа, Фархад возвращается на родину.

Вернувшись, Фархад обращается к магическому зеркалу. Вглядевшись в него, он видит незнакомую и прекрасную местность, людей, трудящихся в горах. Описание чудесного зеркала — самостоятельный рассказ в поэме Навои.

В зеркале, среди работающих каменотесов совсем неожиданно Фархад увидел и себя. Вдруг появляется группа наездниц, одна из них — девушка неопишуемой красоты:

Был облик пери лучезарно юн,
Она казалась солнцем среди лун...

Фархад теряет сознание. Придя в себя, он вновь желает увидеть девушку, но зеркало уже ничего не показывает. И с этого момента Фархад теряет покой, чахнет день ото дня. Он влюблен. Отсюда начинается любовно-романтическая часть поэмы.

Встревоженный отец по советам лекарей отправляет сына на остров, чтобы влажный климат помог ему. Во время шторма происходит кораблекрушение. Фархада, потерявшего сознание, но чудом удержавшегося на обломке корабля, подобрала купцы, направляющиеся из Индии в Йемен. В дороге на купеческие корабли нападают пираты. Беспрецедентным боевым умением и мужеством Фархад завоевывает восхищение и признательность своих спасителей.

Среди купцов был талантливый художник по имени Шапур — человек открытой души. Отвага, честность и скромность Фархада покоряют его, и между ними завязывается дружба. Он раскрывает Шапуру причину своей рассеянности и тоски. В описываемом Фархадом крае, изображенном в зеркале, художник узнает страну Армении, а в красавице — принцессу Ширин.

Вдвоем они достигают Армении. Фархад узнает местность, людей, с невероятными трудностями пробирающихся в горах канал:

Кляня свою судьбу, самих себя,
Крепчайший камень этих гор дробя,
С надсмотрщиком суровым во главе,
Трудились человек там сотни две,
Издурены, измучены трудом —
Бессмысленно порученным трудом...

Навои остается верен себе, поэтически изображая тяжелый труд угнетенного народа в условиях средне-

вековья. Каждый эпизод его романтического произведения раскрывает конкретные стороны современной ему общественной жизни.

От каменотесов Фархад узнает, что канал этот проводят с Запада на Восток по указанию Ширин — прекрасной племянницы правительницы Армении — Михинбану для орошения и благоустройства земель. Искренне сочувствуя людям, с великим усилием пробивающим горную породу, Фархад говорит:

Беречь зачем мне ремесло свое?
В могилу унесу ли я ремесло свое?

И он берется помочь каменотесам. Изготовив себе кирку по способу мастера Карена, он начинает свой богатырский труд:

Ударом посильней валит он,
Такую глыбу не осилит слон!
А послабее нанесет удар,
И то обломка хватит на харвар...

Работу, рассчитанную для двухсот мастеров на три года, он завершает за один день. Чудесная кирка Фархада — народная мечта о совершенных орудиях труда. Образ Фархада — высокий пример преданности народному делу, символ самоотверженного труда.

Весть о героической работе Фархада доходит до Михинбану и ее племянницы. Восхищенная трудовым подвигом чужестранца,

Воскликнула Ширин: «Кто же он такой?
Наш гость, творящий чудеса киркой?
Он добровольно нам в беде помог,—
Действительно, его послал к нам бог!»

И в сопровождении царицы и свиты Ширин решает известить Фархада, поблагодарить его за титанический труд.

Встреча с Ширин для Фархада — огромная радость, бесценная награда за его самоотверженный труд. Увидев ее, он «окаменел», сердце его «замерло».

Красота Ширин описана поэтом традиционным набором эпитетов и сравнений, но речь ее, обращенная к Фархаду, звучит своеобразно и искренне:

О доблестный витязь, в добрый час
Пришедший к нам, чтоб оесчастливить нас!
С обычными людьми не схож, ты нам
Загадка по обличью и делам...

Сердечное обращение Ширин вдохновляет Фархада, и он с еще большим усердием принимается за строительство канала.

В поэтическом описании трудовых подвигов Фархада более всего проявляется романтический характер художественного метода Навои. Как личность исключительная, Фархад героически справляется со всеми работами, которые не под силу и сотням людей: без чьей-либо помощи он выравнивает и выкладывает плитами, подобными зеркалам, обе стороны канала, роет озеро-водохранилище на вершине горы, а рядом с ним при помощи Шапура сооружает великолепный замок для Ширин.

Пуск воды — источника жизни и радости по руслу новой искусственной реки — начало всенародного торжества.

Обаятельной, яркой и вместе с тем глубоко человеческой изображена в поэме Ширин. Красота ее не только внешняя. Богат и прекрасен ее духовный мир. Главная забота Ширин — благосостояние страны. Ее идея строительства канала социально значима и глубоко народна.

Ширин росла в кругу родных, воспитанных и образованных людей. Поэтому она сдержанна и стеснительна. Несмотря на страстную любовь к Фархаду, она скрывает свое чувство от окружающих:

Ширин таилась: с кем ей говорить?
Какому другу сердце ей открыть?
Ах, первая любовь всегда робка,—
Ширин блюла достоинство пока...

Более близкое общение Ширин с Фархадом происходит на пиру, устроенном в честь Фархада и его друга Шапура. Здесь разгораются дискуссии по различным вопросам науки и искусства. Фархад проявляет глубокие знания и в этой области. Его ответами поражены окружающие, и Михинбану согласна выдать замуж свою прелестную племянницу за самоотверженного и одаренного юношу.

Казалось, ничто не угрожает соединению влюбленных и их безоблачному счастью. Но неожиданно прибывают сваты, посланные Хосровом — могущественным царем Ирана. Этим эпизодом начинается третья часть поэмы, полная социальных контрастов и острых драматических коллизий.

Недовольный первым браком и своим сыном Шеруей, наслышанный о красоте Ширин, Хосров просит ее руки. Михинбану растеряна. И все же под различными предложениями она отсылает сватов. Но грозный Хосров решительно настаивает на своем. Ширин и слышать не хочет о нем. Истинные человеческие качества ей дороже богатства и трона. На слова Михинбану о том, что ей пора сделать выбор, Ширин отвечает:

Однако — знай: когда б и лучший друг,
Своей любви меня лишил бы вдруг,
То с гордостью своей прожила б я век,
В сознание, что я все же — человек...

Она готова скорее убить себя, чем выйти замуж за Хосрова. И во второй раз Михинбану вынуждена отказать послу. Тогда разгневанный Хосров идет с огромным войском на мирную Армению. Михинбану предпринимает меры защиты: население запасается продовольствием, укрепляет крепости, готовится к бою с противником. Ширин сообщает Фархаду о надвигающейся опасности. Всегда отличавшийся человечностью и отзывчивостью к чужому горю, Фархад идет на помощь армянскому народу. Путь иранскому войску преграждают глыбы камней, которые бросает с горы Фархад. Он метко кидает камни и не дает врагу подойти к городской стене.

Своей героической борьбой Фархад защищает от захватчиков не только свою возлюбленную, но и весь армянский народ, что еще более облагораживает его образ.

Понимая свое бессилие перед Фархадом, Хосров прибегает к хитрости. Воспользовавшись простотой и доверчивостью Фархада, людям Хосрова удается наконец захватить в плен богатыря. Связанный Фархад держит себя перед противником гордо и независимо. В каждом слове, обращенном к Хосрову, слышится презрение. В диалоге с ним Фархад предстает перед читателем не только как возлюбленный, готовый к самопожертвованию ради своей любимой, но и как мыслитель. Личность для него должна проявляться в честности, верности и человечности:

Хосров: Каким владеешь в жизни ремеслом?

Фархад: Горением любви, враждой со злом...

Хосров: Не сказка ли твоя любовь навек?

Фархад: То знает лишь горящий человек...

Хосров: За дерзость ты заплатишь головой.

Фархад: Уж лучше казнь, чем разговор с тобой...

Услышав подобные ответы, Хосров выходит из себя. Описывая слова и действия иранского царя, Навои ярко воспроизводит здесь реальный тип невежественного владыки.

Хосрову не понятна и чужда гордость простого ремесленника-влюбленного. Он решает погубить Фархада. Но так как покончить с противником подобным образом унизительно для его царского сана, Хосров приказывает заточить Фархада в Силасильскую крепость.

Для Фархада начались тяжелые дни разлуки. Его страдания и вздохи печалят даже горных зверей и птиц. А тронутые его скорбью стражники решают отпустить его на волю. Но благородный Фархад отказывается от побега, так как этот поступок стоил бы стражникам жизни.

Образ Шапура в поэме — один из самых нравственно-высоких. В нем Навои воплотил все прекрасные черты человека, преданного другу в самые горькие минуты жизни. Преодолев все трудности, Шапур доставляет письмо Ширин, полное любви и верности, нежности и печали. Подобным же образом он приносит ответ Фархада тоскующей Ширин.

Из письма Ширин Фархаду, отобранного у схваченного Шапура, Хосров узнает, что Ширин все еще любит Фархада и верна ему. Теперь Хосров решает навсегда избавиться от Фархада. Подосланная им в Силасильскую крепость старуха-колдунья ложно извещает Фархада о смерти Ширин. Мысленно простившись со всеми близкими, безутешный Фархад расстается с миром, так как жизнь без Ширин для него бессмысленна.

Под нажимом вероломных дворцовых вельмож, Минхану заключает мир с Хосровом. Хосров рад, он, казалось, достиг своей цели. Но однажды сын Хосрова Шеруйя, случайно увидел Ширин и безумно влюбился в нее. Чтобы самому завладеть Ширин, он убивает отца. Ширин, получившая письмо от Шеруйи с предложением выйти за него замуж, подумав, соглашается, но с условием, что ей доставят тело Фархада. По приказу

Шеруйи мертвого Фархада доставляют в покои Ширин. Обняв Фархада, Ширин умирает.

Весть о смерти Фархада доходит до Китая. С огромным войском в Армению прибывает двоюродный брат Фархада — Бахрам. Разгромив Шеруйю, он вместо умершей от горя Михинбану назначает на престол одного из достойнейших, а сам вместе с Шапуrom, став отшельником, доживает свои дни у могилы Фархада.

Многоплановость и многопроблемность поэмы «Фархад и Ширин» сделали сложной и ее художественную структуру.

Описывая героические подвиги главного героя, Навои пользуется возвышенным романтическим стилем, а ведя речь о событиях во дворце Михинбану, о ее отношениях со своими вельможами, с Хосровом, с хитрым и опытным визирем Бузург-Умидом, увлеченно рассказывая о процессе строительства, он более склонен к исторически конкретному описанию событий и характеров. В целом Навои мастерски сочетает героическое с романтическим, романтическое с реальным. Гуманистические идеи о добре, справедливости, патриотизме и интернационализме Навои поэтически воплотил в образах главных героев — Фархада и Ширин, Шапура и др. Гуманизм Навои в подлинном смысле слова активен. Все его положительные герои — люди деятельные, самоотверженно борющиеся за осуществление своих благородных идеалов. И хотя главные герои гибнут, они все же одерживают моральную победу над своими врагами, именно их имена во все века будут олицетворять любовь, дружбу и мирный труд.

«Фархад и Ширин» — самая популярная поэма Навои. Прозаические изложения, созданные впоследствии, способствовали самому широкому ее распространению. А русский перевод, выполненный Львом Пеньковским, сделал поэму доступной и советским читателям братских республик. Народ увековечил память своих любимых героев: ГЭС имени Фархада, канал, названный именем Ширин, памятник Фархаду в г. Навои — замечательные свидетельства огромной любви народа к вечно живой поэме Навои.

«Лейли и Меджнун» — третья поэма «Пятерицы» Навои. В восточной поэзии и до Навои на сюжет «Лейли и Меджнун» были созданы многие поэмы, а вели-

кий Низами поднял эту тему на столь высокий идейно-художественный уровень, что только немногие осмеливались соперничать с ним. Одним из таких «смельчаков» был Хосров Дехлеви, поэма которого «Меджнун и Лейли» была удачным воплощением традиционной темы. Характерной особенностью предшествующих поэм было то, что все они написаны на фарси»

Навои же решил создать поэму на тюрки, чтобы дать возможность приобщиться к великому творению и узбекскому читателю. В заключительной части своей поэмы Навои пишет:

На том языке были сложены стихи,
Которым радуется понимающий по-персидски.
Я, начав передавать предание по-тюркски,
Рассказал эту повесть,
Чтобы, когда она станет известна миру,
И тюркский народ получил свою часть (радость).

Как и при создании предыдущих поэм, Навои старается быть оригинальным, дать своеобразную интерпретацию распространенного сюжета. По его мнению, сфера художественного поэтического слова настолько обширна и глубока, что истинный художник и на традиционный сюжет может создать оригинальное во всех отношениях произведение. Сравнивая художественное слово с неумирающей песней, с неисчерпаемой сокровищницей, поэт пишет:

Ты — такая песня, которая никогда не умолкает,
Ты — такая сокровищница, которую нельзя исчерпать.

Сказание о Лейли и Меджнуне, возникшее у арабов, впервые мастерски нанизанное на жемчужную нить поэзии рукой Низами, благодаря Навои родилось заново, обрело новое идейно-поэтическое звучание на узбекском языке. Целью Навои было не только переложить поэму на другой язык, но и выразить в ней свои мысли и взгляды на современную эпоху, решить важные проблемы развития общества. Легенда, говорит поэт, послужила «подходящей одеждой» для выражения общественно значимых идей:

При описании этой вечной любви,
Моей целью было не само предание.
Мой дух желал передать самую суть,
Предание было лишь поводом для этого. }

(Подстрочный перевод).

Это означало, что по идейно-художественному содержанию поэма Навои имела непосредственное отношение к общественно-политической и духовной жизни Хорасана и Мавераннахра второй половины XV в.

Завязка сюжета традиционна: у престарелого старейшины одного из арабских племен рождается сын. Его нарекают Кайсом — по имени дедушки по отцу. У мальчика с раннего детства наблюдались сообразительность и живой ум. У него были странности, отличающие его от сверстников: он рос очень впечатлительным, чувствительным, иногда подолгу оставался один с природой, любил смотреть на огонь.

В школе Кайс проявляет склонность к девочке по имени Лейли — приятной и нежной, как цветок жасмин, но хрупкой и болезненной. Она — дочь крупного феодала, обладающего огромным богатством и сильным влиянием на другие племена. Именно в этой поэме Навои ярче всего выражается социальная дифференциация основных героев.

Со временем болезнь Лейли проходит. Своей красотой, скромностью и прилежанием она привлекает внимание окружающих:

Она красива с головы до ног,
Являет диво с головы до ног⁶².

(Перевод Т. Стрешневой).

С каждым днем растет привязанность Кайса к Лейли, которая также проникается к нему глубокими чувствами: ей приятны его характер, душевные качества. Со временем душевная близость превращается в пламенную любовь. Странные вещи творятся с Кайсом: при встрече с Лейли он приходит в смятение, сердце его сжигает огонь, из глаз текут слезы. А без нее он не находит себе места. И однажды в весенний день происходит объяснение влюбленных.

Взаимное чувство молодых людей не остается незамеченным окружающими. Узнает о нем и отец Лейли. Он возмущен. Вызвав отца Кайса, он требует унять сына, чтобы тот не позорил его имя и честь дочери. Тиранический характер отца Лейли выражен посредством прямой речи персонажа: >

⁶² Навои. Стихотворения и поэмы. Л. 1983. С. 511.

«Впредь сумасбродства больше не терпи,
 Держать безумца надо на цепи.
 Напоминаю не сочти за грех —
 Среди арабов я сильнее всех.
 Ты поступал как истинный злодей,—
 Пренебрегал советами людей.
 Тебя и весь твой род смету, как сор,—
 Бесповоротен этот приговор»⁶³.

Увещевания отца Кайса ни к чему не привели, и он по настоянию отца Лейли вынужден одеть оковы на любимого сына, запереть его как сумасшедшего в отдельной комнате. Люди нарекают его Меджнуном — безумным, одержимым.

Кайс недоумевает: чем он заслужил столь суровое наказание? Почему его не понимают, лишают радости, любви? Свет ему не мил, жизнь не нужна без Лейли. Навои трогательно описывает состояние Меджнуна, его жалобы и страдания. Внутренний монолог героя звучит как осуждение существующего социального положения. Как активный протест против предрассудков невежества звучат его слова:

О нет, о нет! Дозвольте лучше мне
 Испепелиться в яростном огне...
 ...А чтоб мой след истаял и исчез,
 Развейте легкий пепел до небес.
 Но коли это все не свершено,
 И телу жить, страдая, суждено,
 Сносить насилие волею судеб...
 Зачем, зачем я в детстве не ослеп?⁶⁴

Разорвав цепи, Меджнун бежит от людей в степь. Родители глубоко опечалены разлукой с сыном. Надеясь на его выздоровление, они решают отправить его к священной Каабе. Разыскав Меджнуна, отец совершает с ним паломничество в Мекку. Но Кайс не просит бога об излечении от своего недуга, он умоляет всевышнего усилить пламень его любви к Лейли, превратить все его существо в любовь. Надежды безутешных родителей не оправдались. Меджнун теперь окончательно порывает с обществом и уходит жить в степь. Там он тоскует, слагает печальные стихи о своей незабвенной Лейли. Его дружба со степными животными, особенно с оленями, описаны поэтом романтично и тро-

⁶³ Там же, с. 527.

⁶⁴ Там же, с. 532.

гательно. Кажется, что природа и животные лучше людей поняли душу и боль несчастного влюбленного.

В степи происходит встреча Меджнуна с охотником Навфалем. Гуманный Меджнун умоляет его не трогать зверей, упрекает Навфаля и его людей в том, что они ради пищи убивают животных. В свою очередь разумный и благородный Навфаль стыдит Меджнуна за то, что он отверг людей, их обычаи и ушел в степь, к диким зверям. Навфаль, сам много перенесший, уговаривает Меджнуна вернуться домой и обещает сделать все, чтобы соединить его с возлюбленной.

Навфаль, человек искушенный, сначала пытается уладить конфликт с отцом Лейли мирным путем, а после его отказа идет с большим войском на племя Лейли. Среди воинов находится и Меджнун. Войска отца Лейли терпят поражение, но тем не менее он извещает Навфаля, что скорее убьет свою дочь, чем выдаст ее замуж за Меджнуна. Услышав это, Меджнун умоляет Навфаля прекратить сражение и опять уходит в степь. Там он встречает Зайда, слугу племени Лейли, который пострадал из-за распрей Навфаля с отцом Лейли. Меджнун отдает бедняге все, что у него есть (саблю, коня, щит, лук) и просит лишь об одном — верно служить Лейли и передать возлюбленной весточку от него.

Трогательна сцена посещения Меджнуном бывшей стоянки племени Лейли. Меджнун разговаривает с покинутым старым паршивым псом. Он близок Меджнуну, ибо когда-то принадлежал Лейли:

Гнушаются тобою люди, пусть!
Твоим доверьем я один горжусь⁶⁵,—

говорит Меджнун верному псу.

Глубоким лиризмом и задушевностью проникнуты письма Лейли и Меджнуна друг к другу. В послании Меджнуну Лейли выражает свои чувства в разлуке:

Знай, я живу, страданья гнет терпя,
Он, может, тяжелей, чем у тебя⁶⁶.

Несчастье сына — большое горе для его родителей. Они бессильны что-либо предпринять. Реалистически описывая их душевную боль, Навои использует тончайшие конкретные детали:

⁶⁵ Там же, с. 579.

⁶⁶ Там же, с. 587.

Песком он кудри посыпал свои,
 В отчаянье грыз ногти до крови.
 Вдруг исшипав себя до оиняков,
 Жевал лохмотья грязных рукавов⁶⁷.

Стремясь помочь Меджнуну и его родителям, Навфаль решает выдать за него свою дочь. Меджнун, любивший Навфалья за благородство и под влиянием уговоров своих родителей соглашается. Во время свадьбы Меджнун узнает, что у его невесты есть возлюбленный. Сам испытавший разлуку с любимой, Меджнун не желает мешать счастью двух влюбленных, и в день свадьбы опять удаляется в степь.

В этот вечер Лейли насильно выдают за богатого, но легкомысленного человека Ибн Салама. На свадьбе он напивается до такого состояния, что теряет сознание. Воспользовавшись этим, Лейли бежит в степь от ненавистного ей жениха. Там она встречает Меджнуна.

Встреча Лейли и Меджнуна является кульминационным моментом поэмы. Природа словно приветствует и благоприятствует соединению влюбленных. До утра она охраняет их. Здесь, как и во всей поэме, мастерское описание природы способствует гармоничному раскрытию внутреннего мира героев, их переживаний, главной идеи и цели произведения.

Глубоко несчастные, кляня свою судьбу, умирают родители Меджнуна. Горе возлюбленного переживает и Лейли. Воспринимая его несчастье как свое, безутешная Лейли в отчаянии проклинает небо:

О небоовод, сгори, развейся в прах,
 Испепелитесь звезды в небесах!
 Вы тело растерзали мне, увы!
 Вы душу растоптали мне, увы!
 Доколе мне клониться на ветру,
 Пшеницею гореть в печном жару?..
 ...Тоокует он и плачет по родным,
 Стал траур друга трауром моим.
 Он чахнет там, с тоской наедине,
 Мне тяжелей от этого вдвойне⁶⁸.

В честной и пылкой натуре Лейли сочетаются нежность и протест, любовь и ненависть.

Наступает осень. Здоровье Лейли безнадежно ухудшилось. Свои последние, мучительно грустные мысли

⁶⁷ Там же, с. 596.

⁶⁸ Там же, с. 630.

она поверяет матери. Чувствуя, что Меджнун после нее не будет долго жить, она завещает похоронить их вместе.

Все происходит так, как предчувствовала Лейли. Весть о ее смерти привела безутешного Меджнуна в дом Лейли. Мать его возлюбленной, внимая завещанию дочери, принимает его с сочувствием. Приблизившись к Лейли, в последний раз взглянув на нее, Меджнун тут же у ее ног умирает. Хоронят их вместе:

В одни носилки положив двоих:
Мертва невеста, мертв ее жених.
Тела обвиты саваном одним,
Накрыты покрывалом пробовым.
Направились носилки по тропе
В них ядрышками в тесной скорлупе⁶⁹.

Горестная судьба Лейли типична для женщин эпохи феодализма. Образ Лейли свидетельствует о том, что после поэмы «Фархад и Ширин» Навои продвинулся далеко вперед в художественном изображении сильного целеустремленного женского характера. По социальной значимости этот образ занимает достойное место среди женских персонажей узбекской литературы.

События, изображенные в поэме, происходят в Аравии,— в далеком, пустынном и знойном крае. По существу же в ней отражены социальные и духовные взаимоотношения людей Средней Азии времени Навои, когда феодальные противоречия достигли своей вершины. Посредством художественно-поэтического изображения жизни, обычаев, образов главных героев Навои глубже, чем в своих предыдущих произведениях, развил гуманистическую концепцию защиты человеческих прав в условиях феодального гнета и невежества, свободы личности, милосердия к угнетенным слоям общества.

Хотя Навои называет поэму легендой, изображенные в ней события реальны. Традиционность сюжетной линии и образов неощутима. Как истинный художник, Навои выстрадал их. «Со слезами на глазах окончил (поэт) написание» этой печальной повести.

Трагедия Лейли и Меджнуна — трагедия века. Сочувствуя своим героям, Навои обращается к небу-року:

⁶⁹ Там же, с. 643.

О небо, как ты несправедливо!
 Доколе ты будешь угнетать своих же детей?
 Ведь убивая этих двух влюбленных,
 Ты ранишь себя само.

(Подстрочный перевод)

В начале поэмы Навои предупреждает читателя, что эта повесть будет обжигать и воспламенять сердца. Поэтический размер и многочисленные лирические отступления, использованные поэтом, способствовали эмоционально-лирическому тону повествования. Говоря, например, о тоске Меджнуна, Навои прибегает к изящной манере условно-романтического изображения: словно сурьмой обводит свои глаза Меджнун дымом, поднимающимся из труб домов племени Лейли. Эта деталь свидетельствует о необычайно высокой любви и преданности Меджнуна своей возлюбленной.

Всесторонне раскрывая внутренний мир своих героев, Навои делает их образы правдивыми, убедительными. Они становятся близкими конкретной исторической эпохе автора. Нельзя сказать, что Навои ничего не изменил в сюжетной линии и в разработке образов героев поэмы. Это убедительно доказано навоиоведами Т. Ахмедовым и С. Нарзуллаевой⁷⁰. Без такого подхода нельзя представить истинную гениальность поэта и писателя. Оригинальность Навои проявляется прежде всего в том, что он индивидуализировал своих героев.

Синтезировав лучшие традиции произведений на эту тему, дав ей новую идейно-поэтическую трактовку, Навои создал оригинальный образец лиро-эпической поэмы. И по сей день эта поэма о трагической любви читается с большим волнением и грустью, вызывает у читателя непримиримость к феодальному прошлому и заставляет восхищаться чистой немеркнувшей любовью Лейли и Меджнуна.

Хотя поэма Навои — это произведение о печальной судьбе и трагической гибели двух влюбленных, она является гимном высоким, предельно чистым и благородным чувствам. Лейли и Меджнун, умирая, верят, что свет победит тьму, высокое и светлое возьмет верх

⁷⁰ Ахмедов Т. Алишер Навоийнинг «Лайли ва Мажнун» достони. Тошкент, 1970; Нарзуллаева С. Тема «Лейли и Меджнун» в истории литературы народов Советского Востока. Ташкент. 1983.

над низменным. Уподобляя себя цветку и солнцу, умирающая Лейли говорит:

Один цветок завял, но сад цветет,
Померкнет солнце — вечен небовод⁷¹.

Оптимизм великого Навои и его героев близки советским читателям, осуждающим зло и несправедливость, черпающим из его бессмертного творчества любовь к добру, к прекрасному.

«Семь странников». Эта поэма несколько специфична. Здесь для передачи своих мыслей, взглядов автор обращается к поэтическим образам и картинам устного народного творчества, помогающим читателю постичь сущность реальной жизни и ее событий. Сюжетная структура поэмы приближает ее к приключенческому жанру, напряженная ситуация, наличие резко противоположных по характеру героев, специфичность средств их изображения делают ее близкой к народным сказкам.

В основе сюжета произведения — семь рассказов семи путешественников из семи климатических поясов земли. Навои удачно использует литературный прием обрамления, позволяющий ему ввести в произведение самостоятельные законченные рассказы, несущие определенную идейно-художественную нагрузку.

Чтобы поэма казалась достоверной, Навои строит ее на исторической основе. Прототип главного героя — конкретное историческое лицо — иранский царь Бахрам. С этим именем связаны и поэмы Низами Гянджеви, Хосрова Дехлеви и др. Шах Бахрам — представитель династии Сасанидов — правил в 421—438 гг. Он отличался неуравновешенным характером и вел беззаботный образ жизни. В народе о нем бытовало множество легенд и преданий.

В отличие от своих предшественников, Навои изобразил Бахрама не только как царя, но и как человека с присущими ему эмоциями. Хотя главный герой был историческим лицом, тем не менее, в целом — это яркий литературно-художественный образ, созданный великим поэтом в соответствии со своими эстетическими принципами и идейным замыслом поэмы.

Поэма начинается с поэтического описания справедливого правления Бахрама, его мыслей об ответствен-

⁷¹ Указ. соч., с. 636.

ности правителя за судьбу и благополучие народа:

Хвала Аллаху, что он
 Меня сделал шахом этого народа,
 Теперь мне надо сделать
 Этот народ счастливым и радостным.
 Надо быть к нему милосердным.
 Я должен сделать недовольных довольными.
 А несчастных обрадовать вниманием.

Вместе с тем пристрастие к охоте, музыке, пению — слабость Бахрама. Даже на охоте его сопровождают искусные певцы и музыканты: там, где Бахрам, всегда звучит музыка, дымится шашлык, льется вино. Однажды Бахрам заметил путника на дороге и велел привести его к себе. Путник оказался знаменитым художником Мани, много повидавшим на своем веку. На вопрос царя «Чего он хочет в этих краях?», тот изъявляет желание увидиться и побеседовать с самим шахом Бахрамом. Бахрам называет себя. Тогда Мани показывает ему свою работу с изображением девушки небывалой красоты. Шах тут же влюбляется в нее и спрашивает художника, как найти эту девушку.

Девушка по имени Диларом — рабыня одного из китайских купцов, который согласен продать ее за годовой харадж всего Китая. Сообщив царю все подробности о ней, Мани дарит портрет Бахраму. Бахрам тотчас снаряжает караван в Китай, с требуемой суммой. Девушку привозят. Бахрам женится на ней. Диларом становится ему не только женой, но и неразлучным другом, сопровождающим его повсюду.

Диларом изумительно играет на чанге, прекрасно поет, чем окончательно покоряет ум и сердце Бахрама, привязанность которого к ней крепнет день ото дня. Используя игру слов, Навои пишет:

Охоту превратил в добычу он,
 Но сам для пери стал добычей он.

Влюбленный Бахрам забросил государственные дела. Он не сведущ в военном деле, не разбирает и жалоб людей. Постепенно страна приходит в упадок, нарастает недовольство среди населения.

Шах, однако, не в силах разорвать узы любви, отказаться от развлечений и серьезно заняться государ-

ственными делами. «Любовь и правление — несовместимые понятия», — замечает Навои.

Однажды на охоте подвыпивший Бахрам похваляется перед Диларом своей меткой стрельбой из лука:

Он сказал красавице: О периподобная,
Вот олень бежит, мчится,—
Скажи, куда мне направить стрелу?
Я убью его так, как ты захочешь».
Диларом отвечает ему многозначительно:
«Ты сперва пронзи одной стрелой его передние ноги,
Чтобы он сразу остановился.
Затем прищелься в него как следует
И издалека сразу его порази».

Бахрам убивает так, как сказала Диларом: одной стрелой он пронзает и связывает воедино обе передние ноги оленя, другой — горло, смертельно ранив животное. Довольный своим мастерством, Бахрам ждет восторженной похвалы Диларом. Но она хладнокровно замечает:

Сказала: «Любой, кто упражняется в каком-либо деле,
Может так довести дело до совершенства».

Разгневанный таким ответом, шах велит убить ее. Но, поддавшись уговорам приближенных, решает сохранить ей жизнь, жестоко наказав гордячку. Он приказывает связать красавице руки ее же косами и оставить в пустыне на съедение диким зверям. Навои правдиво рисует жестокость характера Бахрама, его надменность.

На следующее утро, очнувшись, Бахрам, не увидав рядом с собой Диларом, вспоминает происшедшее. Мучительно раскаиваясь в содеянном, он направляется в пустыню, но уже не находит там своей возлюбленной. Жить без нее в этом мире Бахраму грустно и тягостно, смысл существования исчез. С этого дня он теряет покой, его стоны и рыдания достигают неба, телом его овладевает немощь. Постепенно от плача он теряет голос:

У него не хватало силы, чтобы стонать,
Люди его не слышали.

Поэтическому описанию душевных переживаний Бахрама Навои отводит несколько глав. В них проявляется большое мастерство поэта в изображении психологического состояния и внутреннего мира тоскующего

героя. Именно здесь Бахрам предстает перед читателем не как царь, а как простой человек, влюбленный, страдающий от мук разлуки.

Состояние Бахрама день ото дня ухудшалось и внушало беспокойство его приближенным. Посоветовавшись, они решают построить семь роскошных дворцов, женить его на семи красавицах — дочерях семи царей из семи частей света. Так и сделали.

Каждый день недели Бахрам развлекается в определенном дворце, и по его приказу вечерами приводят к нему путников, повстречавшихся на дороге, которые в течение всей ночи своими рассказами и фантастическими приключениями развлекают безутешного Бахрама. Это отвлекало царя от его горестных мыслей.

Суббота. Рассказ первого странника в Черном дворце. Он начинается с традиционного «жил-был...» Сын могущественного царя страны Сарандип Джасратхана Фаррух видит себя во сне в степи. Его окружает много людей, перекочевывающих из какой-то страны. Их внимание обращено на красавицу, сидящую на верблюде. Ее лучезарная красота настолько поражает его, что он теряет сознание, услышав от людей лишь следующие слова: «Здесь земля Куддусская» (Иерусалимская).

Отказавшись от предложения отца занять его место на престоле, Фаррух отправляется на поиски красавицы. По пути он распускает свое войско и остается лишь с несколькими преданными ему людьми. Они достигают страны Халап (Алеппо). Близ города они замечают женщину, сидящую на верблюжонке. Фарруху она напоминает увиденную во сне красавицу.

Ворота закрываются, и странники остаются за пределами города. Ночью, переодевшись в одежду нищего, царевич направляется к городу. Несколько дней он бродит по улицам, избрав местом ночлега руины, подушкой — камень, а одеялом — старый выброшенный палас. В одну из таких ночей его будит знатный горожанин по имени Ахи, интересуется им, чувствуя, что этот нищий — человек не случайный, и приглашает к себе домой. Приснившаяся Фарруху красавица оказывается женой Ахи, известного в этих краях благородством и добротой. Ахи, узнав о цели Фарруха, решается отдать влюбленному свою жену, ибо для Ахи любовь гостя и нового друга дороже личных интересов и

чувств. Благодарный Фаррух, добившись своей цели, возвращается домой.

На этом Навои, казалось бы, мог завершить сюжет. Но он развивает его дальше, так как не желает оставлять благородного Ахи в положении пострадавшего.

По дороге домой Фаррух узнает от красавицы, что она горячо любит своего мужа. Растроганный Фаррух решает объявить себя ее братом. Возвращение Фарруха в свою страну было встречено толпами людей, приветствовавшими его как нового царя, ибо к этому времени отец Фарруха скончался.

После отъезда Фарруха стихийное бедствие губит посевы Ахи; терпит он крах и в торговых делах. К тому же царь, повернув клевете недругов Ахи, обвиняет его в шпионаже в пользу врагов. Ахи вынужден укрыться в стране Сарандип. Фаррух, имеющий привычку по ночам проверять порядок в городе, однажды наталкивается на спящего в руинах нищего, укрывшегося знакомым паласом. Он будит чужестранца и узнает в нем Ахи. Радостно обнявшись, Фаррух приводит своего старого друга во дворец и соединяет с его же женой, честной и чистой. Так Навои создает образы благородных людей в рамках восточных традиций.

В конце своего рассказа странник сообщает о том, что сам он из рода Ахи и относится с большим почтением к царю Бахраму.

Воскресенье. Рассказ второго странника в Золотом дворце. В отличие от первой повести, Навои повествует здесь о проделках мастера золотых дел Зайда Заххаба, не брезгующего ради своей выгоды никакими средствами, даже самыми низкими.

В стране Рум в эпоху Джамшида проживал искусный ювелир по имени Зайд Заххаб, известный своим тонким мастерством даже самому шаху. В этом образе Навои соединил противоречивые черты характера. С одной стороны мастер был сведущ и в своем деле, и в философии, и в медицине, с другой стороны — обладал бесстыдством и алчностью стяжателя.

Он был собеседником правителя, который доверял ему, и Зайд бессовестно грабил доверенную ему царскую казну. Осведомленный об этом царь так поклонился его искусству, что закрывал глаза на его бесчин-

ства. Такого же отношения к мастеру придерживались и придворные.

Однажды Зайд высказал шаху намерение изготовить оригинальный золотой трон, способный поднимать человека и двигаться с ним. Для этого он запросил 2000 батманов золота. Шах удовлетворил его просьбу. В скором времени трон был готов. Это новшество вызвало удивление всех окружающих. Но коллеги Зайда, знающие о ювелирных проделках Зайда, решают разоблачить его перед шахом. Поскольку сделать этого открыто они не могли, то пошли на хитрость, обучив двух попугаев словам: «Престол позолочен лишь сверху». «Автор изобретения — обманщик». Услышав повторяемые слова, царь велит немедленно проверить устройство. И действительно, несмотря на то, что вес трона был равен количеству отпущенного золота, в его составе оказалось намного больше серебра. Разгневанный царь приказывает заточить Зейда в темницу. Но хитрому и проворному Зайду удается бежать в Европу, во Францию, а оттуда в Константинополь (Кустантанья). Выдав себя за благочестивого паломника, он устраивается в одной из церквей, где безнаказанно продолжает свои проделки. Золотые и драгоценные вещи, принадлежащие церкви, он подменяет железными, покрытыми позолотой. Достигнув своей корыстной цели, он просит разрешения у служителя отправиться домой, сославшись на болезнь своей матери, у которой он был единственным сыном. Благочестивые служители отпускают его. На прощание Зайд говорит им, что оставил письмо. Забрав награбленное богатство, он скрывается. В указанном письме Зайд описал все свои бесчестные проделки. Одураченные священники падают в обморок.

Прибыв в Рум, Зайд через ту же щель в темнице вновь проникает в нее. Заболевший в его отсутствие царь велит привести Зайда к нему. Но мастер отказывается, требуя определения суммы его хищения, и изъявляет желание расплатиться за свой поступок в двойном размере; лишь тогда он выйдет на свободу. Узнав об этом, царь приказал заточить в темницу врагов Зайда, а его прощает и предлагает мастеру прежнее место. Зайд вылечил царя и еще прочнее укрепил свое положение при дворе. Шах на радостях поделил все

золотые вещи между подданными и вызволил, по настоянию Зайда, из темницы заключенных.

В этом рассказе Навои создал образ плута типа «трикстери», распространенного и в западном и в восточном фольклоре.

Понедельник. Рассказ третьего странника в Зеленом дворце. Любознательный и энергичный юноша Са'д — сын египетского богача — любил беседовать с путешественниками и узнавать от них сведения о разных странах. В одной из таких бесед юноша узнает о чудесной стране Шахрисябз, население которой предпочитает всем цветам цвет деревьев — зеленый. Особенно захватывает Са'да рассказ о чудесном сне, приснившемся человеку в саждагохе (место поклонения богам). Он видит двух девушек, одна из которых говорит о радостях, ждущих его, а другая предупреждает о будущих неприятностях. Са'д едет туда. Все случается так, как ему рассказали. При помощи советов мудреца Файлакуса и различных заклинаний он одолевает силача — негра Катрана и совершает ряд подвигов. В конце он разоблачает тряпичную «колдунью», выдаваемую за живое чудовище.

Этот рассказ напоминает читателю сказочные подвиги Фархада; во многом схож он и с узбекскими сказками. Рассказ увенчивается счастливым концом. Са'д не только женится на своей возлюбленной — дочери Шахрисябзского правителя, но и становится царем этой страны.

Вторник. Рассказ четвертого странника в Красном дворце. Надо сказать, что география действия героев рассказов поэмы довольно широка и разнообразна. На этот раз действие происходит в Индии. В центре рассказа — социальные проблемы, проблема общественной справедливости и борьбы против жестоких проявлений патриархально-феодалного образа жизни.

Делийский шах Джуна прослышал о том, что в его владениях, в области Тараз, проживает некий человек по имени Ма'суд, который намного щедрее и благороднее самого Джуны. Задумав проверить правдивость этих слухов, царь решает под видом простого гостя навестить Ма'суда. Удивленный и довольный гостеприимством Ма'суда, царь спрашивает о причине такой щедрости. Ма'суд отвечает, что это исходит от государя, т. е. самого Джуны:

Наш царь — человек удивительно справедливый,
Его справедливость известна всем народам мира.
Он так порвал струны насилия
И так (искусно) играет музыку справедливости,
В его правление народ не знал ничего, кроме
мира и спокойствия.
Если в стране царят мир и спокойствие,
То и к народу придет всегда благополучие.

Довольный ответом Масъуда, шах назначает его правителем этой области и уезжает. Несогласный с подобным решением прежний правитель провинции Джайпур при помощи коварного Маллу поит Масъуда вином и, связав его, заточает в темницу. Положение Масъуда Навои сравнивает здесь с состоянием легендарного Юсуфа, брошенного в колодезь. Но с помощью дочери Маллу, влюбленной в него, Масъуд был вызволен из темницы, и они вдвоем бежали в столицу. Джуна, узнав об этих событиях, одаривает Масъуда и девушку и жестоко наказывает Джайпура и Маллу.

По мнению Навои, несмотря на все противоречия и трудности, самое прекрасное на свете — жизнь. Рассказ завершается строками, полными глубокого философского оптимистического содержания:

Прекрасен цветок в саду вселенной;
Но лучше всего на свете — цветок жизни!

Среда. Рассказ следующего странника в Голубом дворце повествует о гнусных деяниях пирата Джабира, о смелой борьбе с ним юного Сухейля ради спасения плененной пиратом возлюбленной — Мехр. Этот рассказ тоже очень увлекателен. Мужественный поступок Мехр — вызволение Сухейля из глубокого колодезя — заслуживает уважения. Образ Мехр — эпизодический, но яркий. В поединке с Джабиром Сухейль говорит:

Хоть ты и проявил в обращении со мной свои собачьи повадки,
Я поступлю с тобой, как благородный человек.

Расправившись с пиратом, Сухейль освобождает всех заключенных, в том числе и своего отца Навдара и отца Мехр Нуъмана. В заключение Навои приводит народную поговорку:

«Кто роет яму для другого,
Сам угодит в эту яму».

Четверг. Рассказ шестого странника в Сандаловом дворце. Сюжет данного повествования очень увлекателен, в целом носит дидактический характер.

В рассказе описывается честность Мукбила и корыстные, нечестные проделки Мудбира. В итоге правдивость и благородство побеждают алчность и лживость.

Пятница. Заключительный рассказ седьмого странника в Камфорноцветном дворце. Этот рассказ — своеобразное завершение главного сюжета поэмы. Странник из Хорезма извещает Бахрама о Диларом, которую нашел в степи ее прежний хозяин, ехавший ее навестить. Услышав об этом, Бахрам вновь оживает и немедленно посылает гонцов в Хорезм. Они привозят Диларом.

Однажды во время охоты увлеченные погоней за дикими ослами Бахрам и его люди не заметили, как попали в болото. Почва, не выдержав тяжести людей, разверзлась и поглотила и самого Бахрама, и его свиту.

Как видим, конец поэмы символичен. За себялюбие, нерадивость по отношению к судьбе своего народа и природе Бахрам жестоко наказан. В Бахраме Навои сочетал многие черты современного ему правителя Хусейна Байкары, ведшего разгульный образ жизни. В заключительной главе поэмы изображен сон Навои, в котором Бахрам приветствует Султана Хусейна и призывает его справедливо править страной.

В образе Диларом Навои воспел мужество перед сильными мира сего, верность женскому долгу, любовь к искусству. В поэме она становится жертвой царских увлечений Бахрама. Образ Диларом, как образ мужественной женщины, привлек внимание советского композитора М. Ашрафи, написавшего на эту тему оперу «Диларом».

Таким образом, поэт умело связывает основной идейный смысл поэмы «Семь странников» с современными социально-нравственными проблемами.

● «Стена Искандера» — самая большая по объему и сложная по композиции поэма «Пятерицы». Вместе с тем она завершающая, подытоживающая в какой-то мере все творческие замыслы великого поэта в его «Пятерице». Здесь Навои снова выдвинул на первый план

социально-политические и философские проблемы общества. Как великий гуманист, Навои поставил вопросы о справедливости, о необходимости овладения огромными знаниями тех, кто управляет страной, народом. В подобном художественно-поэтическом осмыслении эти проблемы ставились и до Навои, но конкретно-исторические условия Хорасана XV в. заставили поэта снова обратиться к ним, рассмотреть с новых идейно-художественных позиций, с позиций гуманиста, передового человека того времени.

Основная сюжетная линия произведения — героико-поэтическое описание военных походов Искандера, его блистательных побед над другими государствами, конец его жизненного пути — вбирает в себя 17 глав, сопровождаемых небольшими заключениями, содержащими рассуждения автора по философским, социально-нравственным проблемам; притчами и баснями дидактического характера; беседами Искандера и Аристотеля о разных жизненных проблемах. Это говорит о том, что в этой поэме Навои стремился синтезировать особенности философско-дидактического и героического жанров. Прекрасно использованный в свое время Фирдоуси для «Шахнаме» и Саади для «Бустан» поэтический размер *мутакариб* (фаулун-фаулун-фаулун-фаул) великолепно послужил успешному поэтическому воплощению замысла Навои и в этой поэме.

Как известно, и до Навои на Востоке существовало множество легенд об Искандере (Александре Македонском), были созданы и художественные произведения. Самое крупное из них — поэма Низами Гянджеви «Искандернаме», в которой государственный деятель и полководец древности наделен и качествами пророка. Впоследствии появились подражания этой поэме, самыми удачными из которых признаны поэмы Амира Хосрова Дехлеви и Джами.

В отличие от своих предшественников Навои решил показать Искандера прежде всего как государственно-го деятеля и полководца, как ученого-мудреца и первооткрывателя-исследователя тайн природы.

Научной достоверности описываемых в поэме событий Навои придает определенное значение. Для этого он в начале произведения совершает небольшой своеобразный экскурс в историю иранских царей. Делает

он это с целью доказать непричастность Искандера к иранской родословной, утверждая, что отцом его является румский царь Файлакус и что Искандер — правитель не обыкновенный, не похожий ни на одного из известных истории иранских владык.

В художественном толковании Искандера Навои во многом ссылается на Низами, считая его наиболее глубоким знатоком истории и биографии этого полководца. Но несмотря на это, истинная история и истинное лицо Александра Македонского, кровавого завоевателя Средней Азии и многих других стран, для Навои и других авторов в целом оставались неизвестными.

В поэме Навои приводит множество исторически достоверных деталей, что говорит о его желании изобразить Искандера как реальное лицо. Однако многое ему было не известно и не доступно, не на все интересные его вопросы он мог получить убедительные ответы из существующих источников. Поэтому он решает дополнить свою поэтическую книгу об Искандере творческой фантазией. Вот что пишет об этом сам Навои:

Мне пора воссесть на трон познания,
Пора послать во все стороны гонцов своей мысли.

Поэма начинается с описания возвращения царя стран Рума и Руси Файлакуса и его свиты из похода. По дороге они находят мертвую женщину и новорожденного младенца. Приказав похоронить тело матери, Файлакус с любовью берет на руки мальчика и усыновляет его. Мальчика нарекают Искандером. Его воспитанию царь уделяет большое внимание. Искандер учится вместе с будущим мудрецом Арасту (Аристотелем), овладевает всеми науками, ремеслами и, особенно, военным делом. Перед смертью Файлакус завещает ему свой трон. Но тот не сразу соглашается, ибо управление страной — дело сложное, и не каждый способен на это. Но подданные, осведомленные о глубоких знаниях и способностях юноши, настаивают на том, чтобы он взял бразды правления в свои руки, заверяя, что будут всесторонне его поддерживать.

Первое дело Искандера-царя — освобождение населения от различных податей на два года. Лично разобрав жалобы и прошения, он устанавливает рыночные цены, наказывает виновных. Постепенно в стране уста-

навливается мир и спокойствие. Так, в лице Искандера Навои создает образ идеального правителя, главная черта которого — справедливость.

По мнению Навои, справедливый царь-иноверец во много раз лучше, чем царь мусульманин-угнетатель. В дальнейшем именно мудростью и справедливостью Искандера автор оправдывает все его поступки при покорении других стран.

Первое военное столкновение Искандера происходит с Дара — царем Ирана. Моральное преимущество Искандера в том, что он стремится освободить свою страну от иранского властителя. Он отказывается платить очередной харадж и другие подати. Дара принимает Искандера за безумного (девана), а опровергнутое его мнение посла приказывает заточить в темницу. Дара изображен поэтом как деспотичный, надменный и не думающий о последствиях своих действий правитель.

Дара посылает Искандеру узелок с кунжутом, намекая, что численность его войска велика. Разгадав это, Искандер велит принести кур. Куры в присутствии посла склевывают все рассыпанные кунжутные зерна. Таким образом, Искандер отвечает Дара, что сколько бы у него ни было войск, он их уничтожит так же, как куры расправились с зернами.

Битва между войсками Искандера и Дара описана с большим эпическим размахом. С обеих сторон в ней участвовало несколько сотен тысяч людей различных народностей. Воссоздание картин боя свидетельствует о глубоком знании Навои особенностей военного дела.

Измена подданных своему царю Дара и его убийство ими решают исход боя в пользу Искандера. Перед смертью побежденный Дара просит Искандера жениться на его дочери Равшанак и наказать изменников. Искандер выполняет это завещание. Здесь Навои удачно показывает единство взглядов лиц, принадлежащих к правящему классу. Победа Искандера над Дара открывает ему дорогу к новым успехам. Его власть признают все страны, бывшие в подчинении Дара, кроме Кашмира, Индии и Китая.

Для покорения Кашмира Искандер прибегает к военной хитрости. Правитель Кашмира — Маллу со своими людьми скрывается высоко в горах, в неприступной

крепости. По совету всегда сопровождающих его мудрецов Искандер велит заполнить огромный железный шар быстро воспламеняющимся веществом. При помощи укрепленного в нем фитиля шар, брошенный в крепость, взрывают. От мощного взрыва распахиваются городские ворота, люди ослеплены невероятно ярким светом и разбегаются от взрыва. Для образной передачи этой картины Навои использует узбекскую народную поговорку «Тысяче воронам довольно одного камешка». Маллу вынужден подчиниться.

В своих оборонных действиях Маллу в большинстве случаев применяет волшебство и гипноз. Таким путем он выкрадывает ветер и огонь, но мудрецы Искандера во главе с Афлотуном разгадывают эту хитрость. Взрывающиеся шары и другие изобретения Искандера заставляют признать Маллу превосходство научных знаний над чародейством.

Узнав, что Искандер не намерен отнимать у него царства, Маллу на радостях умирает от разрыва сердца. На его место Искандер назначает его сына Фируза. Этот эпизод показывает поддержку Искандером правящей верхушки, единство их социальных интересов.

Победоносное шествие Искандера продолжается. Из Кашмира Искандер идет в Индию. Раджа и его советники считают бесполезным сопротивляться Искандеру и в знак покорности идут к завоевателю, неся с собой саван и саблю, и предлагают Искандеру провести зиму в Индии, где так много лесов с разнообразными дикими животными и птицами.

Здесь автор дает поэтическое описание богатой природы и животного мира. Подобное мастерское изображение земель Хорасана и Мавераннахра у Навои встречалось и до этого: природные особенности родных мест он изобразил со знанием и точностью.

В характере Искандера Навои подчеркивает еще один положительный момент: Искандер не только разрушает все, что препятствует ему, но и строит города, благоустраивает местности. Ссылаясь на легенды, Навои создает образ завоевателя и как создателя, основателя древних городов Герата и Самарканда.

Далее войска Искандера движутся в Китай. Китайский хакан не решается на прямое столкновение с за-

воевателем. Но грозный Искандер, воодушевленный прежними победами, решителен и неуступчив, требует безоговорочной капитуляции. Войска и неприступных крепостей у китайского хакана тоже немало, но у него нет военного гения и колоссального боевого опыта, как у Искандера. В одной из битв Искандер применяет тактику устрашения вражеского войска криком. Подняв ужасный крик, воины Искандера идут на приступ. У китайцев пропадает охота воевать, так как этот рев они принимают за шум неисчислимого войска. По просьбе своих сановников, безоружный хакан идет к Искандеру, чтобы заключить с ним мир. Этим он предотвращает кровопролитие, избавляет страну от разрушения и сохраняет за собой престол. Следует отметить, что поход Искандера в Китай — событие явно вымышленное, ибо, как известно, Александр Македонский такого не совершал.

Проводя зиму в Китае, Искандер при помощи своих ученых изобретает два металлических зеркала, одно из которых отражает то, что происходит на небе, другое — то, что делается на земле:

Все отразилось в зеркале стальном,
 Что в мире совершается земном.
 В одном — небес являлась глубина,
 В другом же — вся земля была видна⁷².

Так Навои связывает осуществление мечты многих народов Востока об изобретениях, которые сродни современному телевидению, с именем своего героя. А увлечение этой идеей началось у Искандера с того, что хакан подарил ему необычайное зеркало, в котором лицо говорящего правду отражалось четко и ясно, а лицо лгуна не появлялось, что посрамляло его перед окружающими. Это характерная деталь. В ней отразилась мечта Навои о решении нравственных, более того, социальных проблем при помощи науки.

Искандер совершает походы и в страны Африки и Европы. Но в отдельных местах он встречает упорное сопротивление. Например, люди Искандера не сразу смогли одолеть диких, дивоподобных людей, оружием которых были длинные железные палки с закрученными наконечниками. Одеты дикари в шкуры, их пища —

⁷² Здесь и далее поэтический перевод принадлежит В. Державину.

сырое мясо животных. Недаром одного из них называли Носорогом. В поединках с воинами Искандера они выходили победителями, цепко хватали неприятеля и дарили его своему предводителю. Войско Искандера внезапно выручает богатырь, одержавший победу над Носорогом и его помощниками. Все восхищены подвигами незнакомца. Богатырь оказывается дочерью китайского хакана, переодевшейся в воинские доспехи. Любовь к Искандеру привела девушку на поле боя. После победы над племенем царь женится на ней.

Хотя в поэме нет детализированных женских образов, тем не менее эпизоды, связанные с именами Мехр-наз, Равшанак и дочерью китайского хакана, трогают читателя.

Кульминационной частью поэмы является глава, в которой Навои описывает возведение Искандером Великой стены, отделяющей мирное население от ужасных чудовищ — яджуджи и маджуджи (Гогов и Магогов).

Направляясь в Рум, Искандер по дороге делает привал в горах, неподалеку от страны Кирван. Узнав об этом, население этих мест посылает к нему своих ходатаев с просьбой избавить их от звероподобных существ, живущих в горах и два раза в год, как смерч, пронсящихся по долине, уничтожая и пожирая все на своем пути. Вот как выглядят чудовища в описании просителей:

На их макушках волосы — копной,
Торчат их космы — в семь пядей длиной,
Ничем не одеваются они,
Ушами укрываются они.
Страшны их лица — желты и черны,
Их бороды, как ржавчина, красны,
У них глаза свирепых обезьян:
Их темный разум злобой обуян.
Даны еще, как печи, ноздри им,—
Они их чистят языком своим...
Они клыками, словно кабаны,
Изрыли землю нашей стороны.

Искандер сочувственно отнесся к жителям этой страны, и для спасения ее объединяет усилия всех народов мира против этих диких племен. Собрав самых талантливых мастеров, кузнецов, литейщиков, каменотесов из Рума, Руси, Фаранга, Шама, он велит воздвигнуть стену, преграждающую путь чудовищам. Ге-

роически работая и днем, и ночью, сотни тысяч людей за полгода строят Великую стену с башнями и дозорными вышками. Так Искандер защитил народ и его мирный труд от неисчислимых бед. Благодарный народ назвал эту стену именем Искандера.

По предположению некоторых востоковедов, под «Стеной Искандера» подразумевалась Великая китайская стена, построенная в далекой древности и простирающаяся на несколько сот километров. Как пишет Е. Э. Бертельс, «предание о постройке Зу-л-карнайном (Искандер.— А. Х.) этого вала есть уже в Коране»⁷³.

Покорив все земли, Искандер принимается за исследование морей и глубин. Для этого он строит огромный флот из тысячи кораблей. Своим помощником он назначает Сократа — лучшего знатока морских дел.

Надо сказать, что изображение и толкование образов древних ученых и мудрецов в поэме условны, далеки от исторических прототипов. Так, Афлотун — Платон, Арасту — Аристотель, Аршамидус — Архимед, Букрот — Гиппократ и другие исторические личности, изображенные в поэме, не являются современниками Александра Македонского. Собственно говоря, здесь ярко проявилась идейная концепция Навои, заключающаяся в том, что правление должно осуществляться сообща с учеными, т. е. на научной основе. Подобная идея не только в XV в., но и во все времена была справедливой и прогрессивной.

Во время своего путешествия флот Искандера сталкивается с различными явлениями морской стихии — бурями, водоворотами, туманами и т. п. При содействии своих ученых Искандер ведет наблюдения и записи о природе моря. В специально изготовленном стеклянном ящике он опускается на дно океана, где исследует глубинные тайны. Закончив исследования, Искандер возвращается. На обратном пути он заболевает. Чувствуя приближение смерти, он пишет сердечное письмо матери (это, по-видимому, мачеха, так как мать его умерла.— А. Х.), в котором рассказывает, что был слишком увлечен идеей покорения мира, просит прощения у нее за неисполнение своих сыновних обязанностей. Своим приближенным он высказывает свою просьбу: на похоронах вытащить одну его руку из гроба,

⁷³ Бертельс Е. Э. Навои. М.; Л. 1948. С. 216—217.

чтобы люди видели, что покоривший весь мир человек уходит из него с пустыми руками. Здесь чувствуется явное осуждение им своих захватнических походов. Искандера торжественно хоронят в Искандерии (Александрии).

В описании Навои Искандер предстает перед читателем не только как великий полководец и справедливый царь, но и как ученый и изобретатель. Основные идеи автора о справедливом, просвещенном правителе, идеи осуждения зла, направленного против народных интересов, о роли познания и науки в управлении страной, в постижении сущности природы и общества, в становлении настоящей личности и т. д. воплощены именно в образе Искандера.

Несомненно, что при создании образа главного героя не обошлось без определенного преувеличения, идеализации, да и сам метод изображения — условноромантический.

По замыслу Навои произведение это должно было стать руководством для современных ему правителей о разумном управлении страной.

Поэма не только многопланова, но и насыщена множеством проблем социально-политического и философско-нравственного характера. Например, такие части поэмы, как «О справедливости», «Осуждение вражды», «О достоинствах великодушия», «Восхваление правдивости», «О благородных лицах» и т. п., — это своеобразные гимны благородным человеческим качествам. Многие из глав проникнуты духом современного поэту общества. В частности, одна из таких глав сатирически описывает взаимную неприязнь членов царской семьи, что было характерно для родственных отношений элиты двора Султана Хусейна Байкары:

Отец возжаждет сына истребить,
И сын возжаждет кровь отца пролить,
И брат на брата обнажит меч,
Чтоб голову мечом ему отсечь.
И отчужденье разведет друзей,
И воюду рознь пойдет среди друзей.
Когда два шаха затевают спор,
Возникнут злоба, ненависть, раздор.

В предыдущей поэме своей «Пятерицы» — «Семь странников» — Навои на примере семи рассказов семи путешественников показал себя как мастер развернуто-

го повествования. Здесь же вторично после «Смятения праведных» он пробует свои силы в жанре миниатюрных рассказов, каждый из которых и в тематическом, и в художественном отношении оригинален и впечатляющ. В одном из таких рассказов Навои повествует о пламенной любви двух влюбленных, контрастом которой изображает кровавое завоевание Чингизханом Хорезмской земли:

Когда Чингизхан победу одержал,
Он города в стране с землей сравнял.
Он все живое истреблять велел,
Всех без разбора убивать велел.
Нахлынуло, вскипело море зла,
Волна всеокрушающая шла.
Отцы оплакивали сыновей,
А матери — несчастных дочерей...

Такие поэтические экскурсы в разные страны и отдаленные от времени Искандера эпохи характерны для этой поэмы Навои.

Каждое поэтическое описание, рассуждение, назидание выполняет определенную идейно-художественную функцию. А в целом великий поэт стремился связать свое произведение и в идейном, и в художественном отношении со временем.

Как и в предыдущих своих поэмах, Навои в «Стене Искандера» излагает мысли о проблемах поэтического творчества своей эпохи, о вопросе литературных взаимосвязей, рассуждает о своем творчестве и, особенно, о своей «Пятерице».

Так Навои завершает «Пятерицу» — великую эпопею своего века, в пяти книгах охватившую все стороны духовной жизни родного народа и оказавшую значительное влияние на дальнейшее развитие различных аспектов узбекской литературы.

ПОЭМА «ЯЗЫК ПТИЦ»

Через 13—14 лет после создания «Пятерицы» Алишер Навои вновь вернулся к эпическому творчеству. Это свидетельствует о его постоянном интересе не только к лирике, но и к эпосу. «Язык птиц» («Лисон уттайр») — последнее крупное стихотворное произведение Навои, выделяющееся среди других произведений стилевым разнообразием. Данная поэма — ответ на

произведение Фаридиддина Аттара «Мысли птиц» («Мантик ут-тайр»). Из скромности Навои назвал свою поэму «Комментариями» к произведению Аттара. И хотя на первый взгляд «Язык птиц» представляется подражанием, в сущности, это самостоятельная, оригинальная во всех отношениях поэма. Используя отдельные элементы композиции и образов поэмы Аттара, автор условно называет свое произведение «Комментариями». В таком случае его можно назвать творческим комментарием. Известно, что на Востоке и Западе в некоторых случаях комментируемое произведение оказывалось противопоставленным «комментариям».

«Язык птиц» посвящен важной проблеме средневековой жизни — сущности человека. Навои признает существование бога. Однако он понимает это по-своему. По его мнению, бог составляет начало и конец всех вещей и явлений мира, ничто не предшествовало ему, во всех вещах мира, даже в самых маленьких, есть его отражение, его отблеск. Поэтому сущностью мира является сам человек, пребывающий ни вне, ни в самом мире, а в самой сущности всего сущего. Иначе говоря, весь мир — это зеркало, отражающее красоту божества.

На первый взгляд, в этих положениях Навои нет ничего нового. Однако при более глубоком изучении воззрений поэта заметна принципиальная разница между ним и взглядами Аттара. Особенно ярко это проявляется в их понимании проблемы человека. Мистики, подобные Аттару, считали человека невзрачной тенью бога и проповедовали необходимость быстрее соединения с всевышним. Навои же считает мир неким садом, наслаждается его красотой, а человека представляет самым прекрасным и совершенным проявлением бога. По его мнению, лишь человек может воплотить в себе внутренние и внешние свойства бога, всю его красоту. Обращаясь к читателю, а в его лице к каждому человеку, поэт пишет:

Если ты это все до предела поймешь,
Если тайну вот этого дела поймешь,
Если будешь дарами отмечен от бога,—
Просветленным рассудком усвоишь ты строго,
Что ты сам есть предел всех желаемых сует,—
Вне тебя нет иных создаемых сует⁷⁴.

⁷⁴ Здесь и далее перевод С. Н. Иванова.

Конечно, Навои не видит в человеке некое застывшее, божественное существо. В отличие от других существ человек может расти, развиваться, избавляться от дурных качеств, обретать достоинства и тем самым стать равным богу. Эти гуманистические идеи, облеченные в пантеистическую форму, Навои выражает не прямо, не через образы людей, а аллегорически, говоря словами поэта «языком птиц». Вместо людей здесь изображены птицы. Однажды все птицы мира собрались в одном месте. Однако при рассаживании их была допущена несправедливость: добродетельные птицы оказались сидящими не на почетном месте, а позади всех, в то время как на почетных местах оказались те, кто этого не заслужил. Это вызвало ссоры и беспорядок. Собравшиеся выразили сожаление об отсутствии мудрого и справедливого шаха, не допустившего бы подобной несправедливости. В разговор вступает Удод и заявляет, что такой шах уже есть и, хотя никто не знает о нем, он в курсе всех дел, его имя — Симург. Птицы радостно встретили это известие Удода и стали просить его подробно описать Симурга, проводить их к нему:

И про сущность его нам рассказ повел бы ты,
 Как вожатый под сень его нас повел бы ты!
 В тьме неведенья гибнуть не дай ты нам, грешным,
 Ты не дай нам погибнуть во мраке кромешном.
 Если ж ты нас о тайнах его проосветишь,
 И даруешь сердцам нашим благодать и тишь,
 Если всем нам, невежества мраком объатым,
 В наших поисках шаха ты будешь вожатым,
 Если наши мечты не погибнут напрасно,
 Мы тебе благодарными будем всечасно.

В образе Симурга поэт представляет бога, а в образе Удода — шейхов и пиров. В средние века каждому человеку вменялось в обязанность быть учеником какого-либо шейха или пира, ибо считалось, что лишь с помощью их наставлений можно достичь религиозных идеалов. Роль шейхов в духовной жизни того времени была очень велика. Итак, под предводительством Удода птицы отправились на поиски Симурга. Однако трудный и длительный путь заставил некоторых подумать о возвращении, ибо большинство из них до этого путешествия вело легкую и спокойную жизнь, по которой они стали скучать. Так, Попугай стал вспоминать

о том, как он ел сладости из рук красавицы; Павлин — о своем прекрасном хвосте, поражавшем окружающих; Соловей — о своих чарующих песнях в садах, цветниках, о своей любви к розе; Сокол представлял себе, как он принимал пищу из рук царей, об окружавшем его уважении. Удод стал обвинять их в безволии, чревоугодии, зависти, высокомерии, лени и в назидание каждому из них стал рассказывать притчи. Из более чем шестидесяти рассказов лишь десять повторяют сюжеты из «Мыслей птиц» Аттара. Все остальные оригинальны и в своем большинстве носят не аллегорический, а реалистический характер. Поиски Симурга, которые птицы вели во главе с Удодом, — своеобразный композиционный прием. С этой точки зрения поэмы «Мысли птиц» Аттара и «Язык птиц» Навои близки к зародившейся в Индии литературной традиции обрамленного рассказа, в частности, к таким произведениям, как «Рассказы попугая», «Четыре дервиша» и т. д. Вошедший в «Язык птиц» рассказ о шейхе Санъоне — это любовно-романтическое повествование в стиле дастанов о любви.

Таким образом, в поэме Навои путешествие птиц к Симургу под предводительством Удода дано в аллегорическом стиле, большинство рассказов Удода ведется в реалистическом, а некоторые из них — в романтическом стиле. В этом проявляется стилевое разнообразие и сложность поэмы. Поэтому было бы неправильным требовать исследования «Языка птиц» лишь с позиций одного какого-либо метода.

Птицы продолжали свое путешествие с Удодом. По пути они пересекают долины Исканий (Талаб), Любви (Ишк), Познания (Маърифат), Безразличия (Истигно), Едлнения (Тавхид), Смятения (Хайрат), Отречения (Факру фано), которые были описаны и у Аттара. Аттар, а вслед за ним и Навои под этими долинами имели в виду семь ступеней тариката суфиев. Со многими трудностями птицы добрались до того места, где должен был жить Симург. Однако там они увидели не его, а самих себя. К тому времени их осталось тридцать. Поэт мастерски обыгрывает это⁷⁵:

А узрели себя — вет пред взором много!
О аллах, это слово — чудесное слово!

⁷⁵ Симург по-персидски означает сн — тридцать, муфт — птицы. т. е. тридцать птиц.

Тридцать птиц на Симурга стремились взглянуть,
И в себе увидали симургову суть!

Они были поражены, но, по мнению поэта, здесь удивляться было нечему. В последнем бейте раскрывается основная идея произведения. Оказалось, что пройдя столько дорог, преодолев столько трудностей, они искали лишь себя. Ибо бог, его воля воплощается в каждой вещи, в каждой частице, особенно, в каждом человеке. Бог не во вне, а во всем сущем, в его структуре. Поэтому глубоко ошибочны поиски бога вне себя, где-то далеко. Словом, они сами — боги. Поэтому человек должен искать и находить все необходимое в самом себе. Обращаясь к человеку, Навои писал:

Поразмысли над сутью — своею потребой,
Все, что нужно тебе, от себя и потребуй.

В. Ю. Захидов впервые раскрыл основную идею «Языка птиц», философский смысл аллегорий этой поэмы, показал важное принципиальное различие между философскими концепциями Аттара и Навои. Если Аттар в своей поэме считает человека тенью бога, то Навои утверждает, что человек и есть сам бог. Эта философская мысль была чрезвычайно смелой для своего времени, ибо противостояла суфийскому мировоззрению и религиозно-ортодоксальной идеологии. Это хорошо понимал и сам Навои. Поэтому он просит читателя не комментировать идеи книги перед другими, ибо это может принести ему большие неприятности. Он пишет:

Птичьи речи познавший поймет мое слово,
А еще — сверх понятия — примыслит иного.
И смышленная птица, поняв эту речь,
Все поймет, что из слов ее можно извлечь.
Ведь трудней всех речей вперечет эта повесть,
Языком бессловесных речет эта повесть.
Только пусть кто поймет — не проронит ни слова,
Как бы с речью его не случилось дурного.

Таким образом, Навои в гуманистических целях использует некоторые суфийские аллегории. Конечно, в отдельных рассказах, в частности о Махмуде, Аязе, проявляются некоторые суфийские устремления. Согласно суфийской терминологии, Аяз выступает конкретным

символом бога. По нашему мнению, подобные настроения можно объяснить преклонным возрастом Навои.

Н. Маллаев правомерно трактует образ Удода как отрицательный. Действительно, Удод, несмотря на красноречие, вынуждает птиц искать вдали то, что заключено в них самих и многих из них приводит к гибели. При этом Навои аллегорически критикует шейхов и пиров своего времени, вводящих людей в заблуждение. Удод призывает птиц к отрешению от реальной жизни. Содержащиеся в поэме рассказы лишь условно связаны с именем Удода. В действительности, большинство из них заключают в себе прогрессивные идеи.

В одном рассказе речь идет о тунеядце. Чтобы как-то жить, он в базарные дни выходил на улицы, слонялся среди людей и за хлеб, деньги, пищу позволял себя пинать. Однажды он встретился с таким человеком, от удара которого уже не мог подняться и умер. Так Навои осуждает тунеядство.

В другом рассказе выведен купец, собравший богатство путем нечестной перепродажи вещей. Даже амулет осла он ухитрился выдать за бирюзу. Однажды, раскрасив камень, он продавал его как золотой. Однако опытный покупатель быстро разобрался в обмане и разоблачил купца. Мошенник понес наказание.

Навои был противником всякого безделья. Поэтому в поэме «Язык птиц» он посвящает этой теме десятки рассказов. В одном из них повествуется о нищем, который ничем не занимался и мечтал об обретении богатства не работая. Копаясь в развалинах, он искал сокровища. Однажды он действительно наткнулся на такой клад и от радости потерял сознание. В это время туда пробрался один бродяга. Увидев большое сокровище и лежащего без сознания хозяина, он убивает его и скрывается, прихватив клад. Навои высмеивает нищего, который в поисках дарового богатства теряет самое дорогое сокровище — душу.

«Язык птиц» — заключительная поэма Алишера Навои. Ею он внес крупный вклад в развитие реалистических, романтических и метафорических стилей и направлений. В частности, нет сомнений в том, что произведение «Спор птиц» («Кушлар мунозараси») узбекского поэта XVIII века Нишати появилось под влиянием метафорического стиля Навои.

Таким образом, создание великим поэтом поэмы «Язык птиц» стало одним из крупных событий в истории узбекской литературы.

ПРОЗАИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАВОИ

Как человеку, активно влиявшему на культурную жизнь эпохи, Алишеру Навои, бесспорно, были ведомы особенности эпоса — рода искусства, имеющего более широкие возможности по сравнению с лирикой. Все прозаические сочинения, кроме «Вакфия» (она написана в 1481—1482 гг.), великий поэт создал в последнее десятилетие своей жизни. Столь позднее обращение к эпическому жанру, да еще в прозе объясняется несколькими причинами. Первой и главной следует считать конкретную цель, сущность проблемы создаваемого произведения. Авторские замыслы новых сочинений возможно было воплотить только в эпосе, в жанре, наиболее масштабно отображающем жизнь.

Другая, не менее важная причина — прочное и многолетнее господство поэзии в литературе, во всех ее видах и жанрах.

Приступая к созданию прозаических произведений, Навои освоил лучшие традиции уже существовавшей восточной прозы. Особое значение он придавал овладению художественных достижений прозы выдающихся мастеров персидско-таджикской литературы. Исследования показывают, что на формирование стиля его прозаических произведений определенное влияние оказала проза таких великих художников, как Авфи, Низами Арузи, Саади и Джамии.

Разумеется, Алишера Навои не мог не волновать тот факт, что литература на родном языке менее развита, чем на фарси, что проза представлена в ней ограниченным количеством произведений. Так в многожанровом творчестве Навои появились 13 произведений, занявших особое место в узбекской прозе и вообще в тюркоязычной литературе.

По жанровой классификации проза Навои состоит из произведений: 1) мемуарно-биографического характера — «Холоти Сайид Хасан Ардашер» («Жизнеописание Сайида Хасана Ардашера»), «Холоти Пахлавон Мухаммад» («Жизнеописание Пахлавана Мухаммада»), «Хамсат ул-

мутахайрин» («Пятерница изумленных»); 2) научно-филологического характера — «Мажолис ун-нафонс» («Собрание избранных», «Мухокамат ул-луғатайн» («Суждение о двух языках»), «Мезон ул-авзон» («Весы размеров»), «Рисолаи муаммо» («Трактат о муамма»); 3) исторического и религиозно-философского характера — «Тарихи мулуки Ажам» («История аджамских царей»), «Насойим ул-мухаббат» («Ветерки любви»), «Тарихи анбие ва хукамо» («История пророков и мудрецов»), «Вакфия» («Дарственная запись»); 4) эпистолярного характера — «Муншаот» («Письмовник») и 5) общественно-политического и дидактического характера — «Махбуб ул-кулуб» («Возлюбленный сердце»).

К художественному наследию Навои в прозе относятся также и вступления к сборникам стихов и предисловие к «Назм ул-жавохир» («Жемчужины поэзии»), прозаические фрагменты и названия глав в поэмах и кыт'а.

В мемуарно-прозаических произведениях Навои стремился создать творческие портреты известных деятелей науки и литературы — Абдуррахмана Джами, Сайида Хасана Ардашера и Пахлавана Мухаммада, сыгравших значительную роль в развитии культурной жизни эпохи. Автор приводит интересные сведения и факты о своем содружестве с этими людьми во многих сферах общественной жизни, о их взаимоотношениях и т. д.

Жизнеописания, созданные на узбекском языке, — наиболее характерные и значительные образцы тюркоязычной мемуарной прозы. Изобразительные средства и приемы художественной прозы с особой наглядностью и яркостью проявляются в искусстве создания портретов тех лиц, о которых идет речь.

Все три произведения мемуарно-биографического характера проникнуты общим для эпохи Восточного Ренессанса духом гуманизма. Чувство уважения к человеку, к его прекрасным душевным качествам и высоким общественным устремлениям сближает жизнеописания Навои с его же «Собранием избранных» («Мажолис ун-нафонс») и с трактатом об Абдуррахмане Джами.

Своей антологией «Собрание избранных» Навои не только продолжил, но и развил традиции исторической прозы своих предшественников — «Сердцевина сердец» («Лубоб ул-албоб») Авфи и современников — «Антология поэтов» («Тазкират уш-шуаро») Давлатшаха и «Цветник весны» («Бахористон») Джами.

Однако в отличие от предшественников Навои обращается к материалам тазкира не только как большой художник слова, но и как незаурядный литературный критик. Литературу эпохи Навои рассматривает в аспекте передовых идей времени, с точки зрения прогрессивных устремлений общества. Вместе с тем он стремится как можно шире охватить культуру своего времени.

Еще одно достоинство мемуарно-биографической прозы Навои заключается в том, что она посвящена современникам. Своеобразие, передовые тенденции, глубинная сущность произведений Навои этого цикла способствовали усилению в его творчестве реалистической направленности и народности.

Научная проза Навои содержит суждения о таких важных вопросах, как язык и мышление, своеобразие староузбекского и персидского языков, лексическое богатство узбекского языка, его стилистические особенности и т. д.

В работах филологического характера Навои проделал первоначальный (разумеется, на уровне развития науки того времени) сопоставительный анализ узбекского языка с персидским и персидско-таджикской литературы с узбекской. Он выявил их исторические корни и связи, определил причины тесного взаимодействия.

Высказывания Навои о путях развития литературы вообще и узбекской поэзии в частности, сопоставление узбекской народной поэзии с персидской системой стихосложения аруз и других проблемах литературоведения своего времени имели важное теоретическое и практическое значение.

В сочинениях исторического и религиозно-философского характера наиболее полно отразились и передовые воззрения автора, и неизбежная ограниченность его мировоззрения, обусловленная его собственным социальным положением, уровнем развития естественных и общественных наук того времени. Наряду с глубокими и правильными мыслями о добре и зле, о войне и мире, с обличением захватнических войн, насилия и несправедливости, когда Навои предстает перед читателем проницательным и мудрым философом, государственным деятелем, в тех же произведениях содержатся хвалеб-

ные строки в адрес добрых и справедливых правителей. Рассмотрением деятельности выдающихся ученых и мыслителей в одном ряду с шахами, служителями культа и шейхами, восторженная оценка достоинств последних — явное свидетельство идеалистического понимания истории развития общества у Навои.

Противоречивость взглядов и оценок писателя в его прозе — это противоречивость всего его мировоззрения, естественная и типичная для представителей Восточного Ренессанса.

Для нас в творческом наследии Навои ценно преобладание рационального начала, логического мышления и правильного понимания сущности человека и его деяний. Именно с этих позиций следует рассматривать и его историко-философские прозаические сочинения.

Особняком в этом цикле стоят его «Записи о вакфе» («Вакфия»). Это документ о передаче средств, земли, воды, сооружений, находящихся в распоряжении Навои, в общественное пользование — вакуф, но этот документ одновременно и своего рода пособие для изучения общественно-экономической жизни XV века, источник сведений о биографических фактах жизни, деятельности и творчестве писателя.

Вся научная проза Навои представляет широкие возможности для суждений о языке и своеобразии авторского стиля.

В «Письмовнике» на примере эпистолярного искусства (*иншо фани*) Алишер Навои раскрыл богатство староузбекского языка и показал его возможности. Кроме того, это произведение содержит сведения, помогающие современному читателю глубже проникнуть в суть некоторых политических и общественных проблем той эпохи, ближе познакомиться с различными сторонами творчества самого Навои, лучше понять сложную систему его мировосприятия.

«Возлюбленный сердце» — весьма своеобразное и наиболее сложное по мысли творение Навои. Это обобщение жизненных наблюдений и раздумий писателя, их итог, своеобразная концентрация результатов художественного мышления.

В «Возлюбленном сердце» Навои синтезировал передовые, реалистические традиции, нашедшие воплощение в наиболее совершенных произведениях персидской прозы, в частности в «Гулистане» Саади, «Поведении

достойных» («Ахлок ул-ашраф») и «Трактате о бороде» («Рисолаи риш») Убайда Закани.

Это произведение — образец нового решения традиционных проблем, иного осмысления прежних литературных концепций, плодотворного использования устного народного творчества, остросовременного восприятия нравственно-этических категорий.

В «Возлюбленном сердец» возвеличивание человека, желание автора видеть его совершенным определяют общую идейную направленность произведения — гуманизм; сатирические портреты правителей, сила разоблачения их фальши и лицемерия, последовательное отрицание всяческого зла и насилия наполняют его духом протеста. Нравственно-этические сентенции и поучения показывают читателю веру автора в силу дидактики, а многообразие стилей изложения, ясность и точность описаний, использование разнообразных средств и приемов изобразительности, включение в повествование большого числа афоризмов, крылатых слов, пословиц, народных речений и стихотворных фрагментов свидетельствуют о высокой художественности сочинения.

В прозаических «Вступлениях» (дебоча), «Предисловиях» (мукаддима) Навои, следуя традициям персидско-таджикской литературы, широко использует также приемы *мадх*, *фахрия* и, говоря об истории составления дивана, создания тех или иных произведений, орнаментально украшает и усложняет стиль собственной прозы. Не отступает Навои от существовавшей в то время литературной традиции и в заглавиях разделов, поэм, кытъя. В одних случаях эти заголовки бывают помпезными, ритмичными, в них используются архаичные слова и обороты, иногда с нагромождением всевозможных фигур и украшений, что затрудняет их понимание; в других они бывают простыми, ясными и краткими, раскрывающими основное содержание глав.

Как известно, любое произведение крупного писателя выражает его мировоззрение, духовный мир, эстетические идеалы. Высокая художественность прозы Навои прочно связана с авторским идейным замыслом, твердостью его позиций, эстетическими идеалами и мировоззрением.

«Жизнеописание Сайида Хасана Ардашера» написано через два года после смерти Сайида Хасана Арда-

шера, в 1490—1491 гг./896 г. х. Всю жизнь их связывали чувства дружбы и творческой близости.

Сайид Хасан родился в 1425—26 г./821 г. х. Его отец — кушбеги во дворце Султана Байсункара Мирзы — дал сыну прекрасное образование, что помогло ему стать одним из самых эрудированных людей своего времени. Он владел арабским языком, изучил языковедение, риторику, юриспруденцию, поэзию, историю, астрономию, музыку. Говоря словами Навои, «это был образованнейший и достойнейший человек своего времени, доставлявший много радости мудрецам, ученому сословию».

На формирование Навои как поэта Сайид Хасан оказал безусловное влияние: давал ему советы, делился с ним своими творческими планами, оказывал поддержку и помощь в трудные для младшего собрата периоды жизни. Он очень любил светскую поэзию, знал наизусть много стихотворений, в частности, газели Навои, особенно увлекался творчеством Хафиза.

После вступления на престол Хусейна Байкары Сайид Хасан стал служить у него. Однако вскоре, несмотря на доброе отношение и особое внимание к нему шаха, он оставил службу.

Навои подчеркивает в характере Сайида Хасана чрезвычайно привлекательную для него черту: Сайид Хасан был ровен в своем отношении и к младшим и к старшим, и к обездоленным и к сильным мира сего. Это был человек, всегда готовый прийти на помощь нуждающимся. Но сам он никогда не рассчитывал на благодарность за это:

От него людям река — как капля,
А ему от людей — капля, как река.

Так Навои подчеркивает доброту его натуры. Сайид был человеком душевно мягким, впечатлительным, способным сопереживать. Чрезвычайно сильное впечатление производили на него поэзия и музыка. Вместе с тем это был человек сильной воли. Навои рассказывает, что смерть своего сына Сайид Хасан перенес с поразительной стойкостью и выдержкой.

По своим взглядам Сайид Хасан был риндом. Навои приводит некоторые эпизоды из жизни Сайида Хасана, свидетельствующие о его внутреннем недовольстве эпохой, атмосферой дворца, несправедливостью и косностью.

Не случайно первое крупное поэтическое произведение Навои — стихотворное послание, написанное им в юношеские годы в Самарканде, было адресовано именно этому человеку, олицетворяющему для него идеал гармонически развитой личности.

В конце «Жизнеописания» приведена марсия Навои на смерть Сайида Хасана. В ней поэт говорит об этом человеке, который был единомышленником и близким другом.

«Жизнеописание Сайида Хасана Ардашера» написано с большой искренностью и душевной теплотой. Оно, бесспорно, имеет чрезвычайно большое значение в деле воспитания прекрасных качеств и высокого строя чувств во взаимоотношениях людей.

«Жизнеописание Пахлавана Мухаммада». Пахлаван Мухаммад был одним из энциклопедически образованных людей своего времени. Он обладал глубокими познаниями в астрономии, математике, литературе, музыке, философии, праве, медицине и естествознании. Он был известен и как теоретик музыки, слыл незаурядным певцом и исполнителем на многих музыкальных инструментах того времени. Навои упоминает, что Пахлаван Мухаммад создал ставшие впоследствии весьма известными мелодии «Чоргох», «Сегох», «Панжгох».

Наряду с музыкальностью Пахлаван Мухаммад был наделен и поэтическим даром. Его рубаи, месневи, кыт'а и тарихи были совершенны по форме и глубоки по содержанию.

Эмоциональный, жизнерадостный, остроумный, добрый и отзывчивый человек, Пахлаван Мухаммад обладал большой физической силой. Участие и многочисленные победы в состязаниях по борьбе, распространенному тогда виду спорта, принесли ему не только славу, но и прозвище «Пахлаван».

Раскрывая внутренний мир и показывая характер Пахлавана Мухаммада, Навои особое внимание уделяет его одаренности, прекрасным человеческим качествам.

О чуткости и заботливости своего друга Навои рассказывает в таком эпизоде: «Во время правления Султана Абусаида жители Хорасана были зависимы от жителей Самарканда, и всевозможный гнет и другие тяжкие действия и произвол, чинимые ими, обрушивались

на забитое и покорное население. Как раз бедствия и несчастья, превратности и страдания судьбы привели меня в это время в Мешхед. По прибытии я захворал болезнью суставов и слег в уединении. К счастью, в то время в Мешхеде служил Мухаммад. Когда он узнал о моем состоянии, он ежедневно достаивал меня своим посещением и выполнял обязанности друга, проявляя заботливость, он оказывал милосердие и сочувствие до тех пор, пока не отступила болезнь»⁷⁶.

В другом эпизоде Навои показывает остроумие Пахлавана Мухаммада, его юмористическое отношение к окружающим людям⁷⁷.

Завершая характеристику двух сочинений Навои мемуарно-биографического жанра, можно заключить, что этими произведениями великий поэт увековечил память Сайида Хасана Ардашера и Пахлавана Мухаммада, замечательных деятелей своего времени, стремился показать в сжатых, беглых упоминаниях, характерных эпизодах многогранность их личности.

Два этих сочинения Навои близки к традиционному в литературе Востока жанру «житие» (*манокиб*). Но Навои, отходя от литературной традиции, создает не «житие» о праведной жизни святого, полной чудес и превращений, а живую жизнь близких ему людей, товарищей и единомышленников, отличающихся от остальных и степенью таланта, и пользой, приносимой обществу.

В этих произведениях Навои создал основу этого жанра, отличительной чертой которого являются устойчивые элементы реалистической художественной образительности. Навои раскрывает характер изображаемых героев на примере их отношения к среде, к действительности, при этом он, не скупясь, высказывает свою любовь, симпатию к ним, что усиливает силу художественного достоинства и убедительности произведений.

«Пятерица изумленных» написана в 1494 г. и состоит из предисловия, трех глав и заключения.

Личность классика персидско-таджикской литера-

⁷⁶ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 9/Перевод и комментарии С. Ганиевой. Ташкент. 1968. С. 212.

⁷⁷ Там же, с. 212—214.

туры Абдуррахмана Джами (1414—1492) не нуждается в особых рекомендациях. Его лирические стихи, поэмы, сочинения по теории литературы, философии и музыки, утверждение передовых идей и гуманизма в искусстве, принесли ему всемирную славу. Не менее широко известна и приверженность Джами к суфизму, религиозно-мистическому течению, что нашло образное воплощение и в его художественном творчестве.

Создавая специальное произведение о Джами, Навои должен был раскрыть многогранность этого великого художника, прокомментировать его творчество, рассказать о сложившихся между ними взаимоотношениях, о наиболее характерных его чертах, о его идеалах. Навои успешно решил поставленную задачу.

В предисловии он пишет о происхождении Джами, месте и времени его рождения, о воспитании и формировании его как поэта, ученого и мыслителя, описывает свою первую встречу с ним.

Он стремится раскрыть личность этого сложного и выдающегося художника и мыслителя, с раннего возраста и до последних дней жизни занимавшегося поэзией, прошедшего длительный путь в суфийском познании. Авторитет Джами для Навои был чрезвычайно велик. Навои считает Джами выдающимся поэтом, обладающим необыкновенным талантом и силой воздействия, другом, мудрым своим наставником и руководителем. Касаясь вопроса известности Джами как теоретика суфизма, Навои подчеркивает преимущества его толкования положений суфизма, основополагающих постулатов: четкость и ясность изложения теории, доступность их для большинства читателей и слушателей.

В первой главе Навои интересно и увлекательно рассказывает о встречах и общении с Джами, приводя неожиданные эпизоды и события из их взаимоотношений.

На примере 14 эпизодов Навои, с присущим ему мастерством, удалось раскрыть духовную и общественную сущность Джами.

В этой главе не только достигнута основная цель произведения — создать образ Джами, но и показана целая группа деятелей культуры того времени: поэтов, писателей, музыкантов и композиторов, государственных деятелей и лучших представителей трудового народа.

Рассказы первой главы представляют собой, можно сказать, совершенные образцы жанра событийных преданий. В одном из них рассказывается о том, как Навои заказал известному каллиграфу Герата Абдусамату переписать диван Джами. Когда тот завершил работу, Навои принес переписанный экземпляр Джами с просьбой сличить с оригиналом. Тот сказал: «Оставьте на один-два дня. Говорят, каллиграф способный человек. Дай бог, чтобы он проявил осторожность и нам не пришлось заниматься сличением». На другое утро Навои узнал, что переписчик очень красиво переписал текст, но при этом допустил много ошибок, а в некоторых местах пропустил один, два и даже более бейтов. Навои попросил Джами исправить своим священным пером все ошибки, что стало бы самым лучшим украшением рукописи. Джами изрядно потрудился над этим списком дивана и, когда завершил работу, в конце рукописи приписал кытъя, в котором говорится, что каллиграф прекрасным почерком переписал его диван, но из-за небрежности сделал много ошибок. Поэту пришлось своей рукой все исправить. Одним словом, то, что переписчик сделал с его текстом, поэт сделал с его искусным почерком, тем самым как бы отомстив ему за небрежность. Эти рассказы отличаются живостью и конкретностью описаний, точностью передачи содержания споров и диспутов: о проблемах художественности, о долге поэта перед обществом и т. д. Они дают представление и о литературных вкусах обоих поэтов и одновременно отражают отношение Навои к произведениям Джами, в частности, к его касыде «Побелела голова моя, подобно расцветшему дереву», к газели Ходжи Хасана Дехлеви, элегии Ахмада Хусейна и т. д.

Чтобы создать живой, конкретный образ друга, Навои отбирает наиболее значительные события, характеризующие те или иные стороны творчества или натуры Джами. Перед читателем встает Джами — вершитель судеб, активно вторгающийся в самые значительные события, происходящие в стране, и конечно, действующий в условиях сложной, полной борьбы, интриг и противоречий придворной жизни.

Интересен рассказ о том, как Джами всего одним вопросом убедил поэта, разочаровавшегося в государственной службе и решившего покинуть ее, продолжать службу при дворе.

В 1472 г. Султан Хусейн Байкара отправился в поход на Балх, а Джами только вернулся из хаджа и его положение было непрочным. Его выступления в Багдаде во время странствий были восприняты как ересь, как вероотступничество. Этот эпизод столь исчерпывающе характеризовал придворную среду, что Навои решил уйти с государственной службы. Узнав об этом, Джами пытается выяснить причину такого решения. Навои сказал: «Мне надоело иметь дело с родом человеческим, это-то и было причиной такого решения». Джами ответил: «Кого же ты принимаешь за людей? Покажи их нам!» Эти слова, сказанные с горечью, показывают, что пребывание такого человека, как Навои при дворе, по мнению Джами, необходимо для спокойствия страны и народа.

Дальнейшее освещение взаимоотношения Навои и Джами получают в их эпистолярном наследии, составляющем содержание второй главы. Многолетняя непрерывная дружба Джами и Навои отражена и в их письмах. Включенные в этот раздел тридцать писем — лишь часть их переписки.

Эпистолярное наследие Джами изучено А. Урунбаевым и в фотофаксимиле изданы автографы писем поэта. В книге наряду с письмами к другим адресатам есть сведения и о письмах Джами к Навои⁷⁸.

По содержанию представленную во второй главе переписку можно разделить на три группы: 1) письма информационного характера со сведениями об обыденной жизни; 2) письма, связанные с фактами художественного творчества; 3) письма, рассказывающие о событиях общественно-политического характера.

Письма первой группы свидетельствуют о взаимной привязанности Джами и Навои, о том, что разлука приносила им обоим страдания. Поэты справлялись о здоровье, о настроениях друг друга. В письмах второй группы содержатся сведения об истории создания какого-либо произведения Джами или Навои. Например, выясняется творческая история касыды Навои «Подарок размышлений» («Тухфат ул-афкор»): как-то Навои и Джами беседовали о творчестве Низами Гянджеви и

⁷⁸ Письма-автографы Джами из «Альбома Навои»/Введение, перевод, примечания и указатели А. Урунбаева. Ташкент. 1982.

лирике Хосрова Дехлеви. Навои высоко ценил касыду Хосрова Дехлеви под названием «Река праведников» («Дарёйи аброр»). Джами же своего мнения не высказал. Вскоре Навои пришлось выехать в Мерв, и накануне отъезда он пришел к Джами проститься. Когда он уходил, Джами протянул ему листок бумаги, который поэт смог развернуть только в пути. Оказалось, что это ответ на названную касыду Хосрова Дехлеви, озаглавленный «Море тайн» («Лужжат ул-асрор»). Касыда Джами произвела на Навои большое впечатление и у него сложился начальный бейт ответа на нее. Он записал этот бейт и отправил к Джами с письмом, где спрашивал, следует ли продолжать касыду. Гонец принес ответ Джами, который советовал продолжить ее. Навои заканчивает свою касыду в Мерве и дает ей название «Подарок размышлений» («Тухфат ул-афкор»).

Особенно интересна переписка друзей на общественно-политические темы. Рассматривая взаимоотношения двух таких выдающихся деятелей своего времени, следует помнить, что Джами и Навои были единомышленниками, друзьями, делившимися сокровенными мыслями. И, естественно, в нескольких письмах Джами и Навои выражают свое отношение к злободневным и острым проблемам эпохи. Так, в одном из писем Джами убеждает Навои предпринять все меры, чтобы не допустить предполагаемого похода Султана в Кундуз, ибо каждое военное выступление чревато новым порабощением народных масс, кровопролитием и враждой между наследниками, усилением их непокорности властителю. В письме Джами настоятельно просит Навои: «В силу всего возможного не допускай, чтобы (Султан) осуществил этот поход. Если не удастся достичь (желаемой) цели, напиши мне письмо». Навои из местности Тахти хотун отправляет письмо Джами, в котором сообщает, что ему не удалось предотвратить это. Поняв сложившуюся ситуацию, Джами старается в ответном письме успокоить Навои и приводит рубаи:

Великий творец, создавая тебя и меня,
Приобщил нас к вечным тайнам,
Сердца наши его стараниями (сотканы) из легких перьев,
Которые ветер может унести в любом направлении.

В другом письме Джами, отправленном в Мерв, он уговаривает Навои не расстраиваться из-за государ-

ственных дел, но, не зная усталости, продолжать служить в интересах народа. Письмо завершается рубай, где советы Джами выражены с еще большей прямоотой:

Ничем другим да не быть тебе занятым
 Под сенью шахской власти.
 Вырвав зелень своей выгоды,
 Будь опорой для народа, ради бога!

«Ради бога» в последней строке можно истолковать и в смысле «ради правого дела».

Джами понимал и осознавал возникающие перед Навои трудности и всячески оберегал его. Когда благородные устремления Навои, его прогрессивные начинания не осуществлялись, когда сложная и трудная работа не приносила ожидаемых результатов, впечатлительный поэт впадал в уныние. В эту пору разочарований и сомнений на помощь Навои приходил Джами. Он одобрял поэта, поддерживал и вдохновлял на новые начинания. Порой он просто заставлял Навои не отчаиваться и обращаться к поэтическому творчеству. Так, когда Навои был в Андхуде, Джами ему писал: «...тот человек — блáгоразумен, который на развалинах мира стучится в дверь сокровищницы тайн, кто, бросив преходящее высокое положение под ноги, руки протягивает к вечным ценностям» (имеется в виду творческая деятельность.— С. Г.).

Идейно-художественное и социально-историческое значение этих писем чрезвычайно велико: это не только ценный материал для изучения личности двух художников, но и яркий образец эпистолярного жанра.

В третьей главе рассказывается о том, что Джами и Навои не раз обменивались советами по поводу различных проблем своего творчества, отдавали друг другу на суд и редакцию свои произведения. Джами высоко ценил «Пятерицу» Навои и то, что она написана на родном языке, считал великим художественным событием эпохи. Он первый определил место Навои в узбекской литературе: место ее основоположника и родоначальника.

Именно по совету и настоянию друг друга каждый из великих поэтов составил из своих стихотворений сборники и дал им названия. В результате были созданы три дивана Джами («Откровения юности» — «Фатихат уш-шабоб», «Средняя жемчужина в ожерелье» — «Ва-

ситат ул-икд», «Завершение жизни» — «Хатимат ул-хаёт») и четыре дивана Навои («Чудеса детства» — «Гаройиб ус-сигар», «Редкости юности» — «Наводир уш-шабоб», «Диковины среднего возраста» — «Бадоеул-васат», «Полезные советы старости» — «Фавонд ул-ки-бар»), объединенных общим названием «Сокровищница мыслей» — «Хазойин ул-маони».

В начале этой главы Навои приводит список 38 произведений Джами, некоторые из которых были написаны по инициативе и рекомендации Навои.

Как известно, в 1476 г./881 г. х. по обычаям того времени Навои избрал Джами своим духовным наставником по суфийской идеологии и начал изучать обширную литературу суфизма. В эпоху Навои было распространено учение известного суфийского идеолога Мухиддина ибн Ал-Араби. Каждый образованный человек старался познать сущность его учения. Навои начинает изучать и книгу Фахриддина Ибрагима Ираки (1213—1289/610—688 г. х.) «Сияние» («Ламаот»), где были изложены основные положения доктрин ал-Араби. Книга была весьма сложной, теоретически запутанной, и Навои приходилось часто обращаться за помощью к Джами.

Перед Джами встает необходимость написать толкования к данному трактату, и таким образом появляются его «Отблески сияния» («Ашиъат ул-ламаот»). По свидетельству Навои, по его настоянию Джами написал также свою знаменитую книгу об известных суфийских шейхах и их учениях «Веяния дружбы» («Нафахот ул-унс»).

Когда у Навои появился интерес к музыке, Джами тотчас взялся за создание трактата по музыке. Такого характера сведений в данной главе не мало. Далее приводятся отдельные отрывки из поэм Джами «Четки праведных» («Субхат ул-ахрор»), «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун», «Книга мудрости Искандера», содержащие сведения о личности Навои, о посвященных ему произведениях или созданных по его инициативе. Навои считает целесообразным также включить сюда фрагменты из своих поэм «Смятение праведных», «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Стена Искандера», из антологии «Собрание избранных».

Таким образом, материал третьей главы «Пятерицы изумленных» Навои позволяет сделать выводы о том,

что отношения двух великих поэтов имели неоценимое значение в жизни каждого из них, что они были взыскательными критиками произведений друг друга; совместно изучали, разрабатывали проблемы научно-теоретического и литературного творчества, совершенствовали каноны поэтического мастерства. Джами считал «Пятерицу» Навои величайшим завоеванием тюркоязычной литературы, а его автора — родоначальником литературного языка. В свою очередь, Навои высоко ставил авторитет Джами как художника-поэта и как мыслителя-наставника. Наконец, оба были бескорыстными друзьями, единомышленниками, что доставляло им огромное удовлетворение.

Заключение содержит перечень произведений, прочитанных Навои по совету духовного учителя, и рассказы о некоторых необычных событиях из жизни Джами, о случайных, неожиданных совпадениях, которыми так богата жизнь.

В заключении с большим эмоциональным накалом и жизненной достоверностью описаны кончина и похороны Джами. Смерть Джами, явившаяся большой потерей для всех литераторов, для Навои, бесспорно, была горькой и невозполнимой утратой, так как он потерял не только наставника, но и друга.

Свои чувства Навои выразил в марсии в форме таркиббанда. Каждая из семи строф произведения состоит из десяти бейтов. Садриддин Айни назвал эту марсию самым совершенным, воспламеняющим душу образцом элегии, в которой отражена вся художественная мощь творчества Джами⁷⁹. Этой элегией и завершается «Пятерица изумленных» — произведение, соединяющее в себе и изображение различных сторон социальной жизни эпохи, и целостную творческую и общественную биографию Джами.

«Собрание избранных». Возникновение произведений Навои научно-филологического цикла непосредственно связано с его активным участием в литературной жизни.

«Собрание избранных» — антология, но по содержанию и жанровой структуре близка к первой группе

⁷⁹ Айни. Образцы из таджикско-персидской поэзии Алишера Навои (Фани) (на тадж. яз.). Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. Душанбе. 1963. С. 468.

произведений Навои. Она ценна тем, что в ней отражена интенсивная литературная жизнь эпохи, показаны участвующие в ней зрелые и молодые творческие силы, приведены суждения и споры о литературных жанрах и их образцах и т. д.

Антология была составлена в 1491—1492 гг./896 г. х., а в 1497—1498 гг./903 г. х. автор внес в нее дополнения, переработал восьмой раздел и каждый раздел снабдил отдельным заключением⁸⁰. Цель произведения определена во введении: «Поэты и мудрецы благословенного и счастливого времени, которые, благодаря успехам правления и в результате назиданий могущественного Султана, во многих видах поэзии и в особенности в газелях способствовали успокоению сердец и возвышению радости, довели сочетание ясности и изящества до совершенства своих предшественников, а тонкость и изысканность смысла — до требований меры. Из-за того, что их имена были лишены упоминания среди сонма тех избранных, а слова их оставались неизвестными в тех упорядоченных сводах, в мой сокрушенный разум и сломленное печалью сердце снизошло желание, чтобы было написано хотя бы несколько страниц, и чтобы там были имена тонких знатоков слова, слывающих поэтами этого века. Да будут и эти взыскующие милости упомянуты в ряду великих поэтов прошлого, да будут и эти достойные приобщены к сонму тех славных»⁸¹.

Иными словами, Навои хотел сохранить для потомков имена и образцы творчества славных поэтов и мудрецов эпохи, увековечить память о них. С этой целью он и создает тазкире-антологию на родном языке.

Как известно, до Навои уже были созданы тазкире на персидском языке. Это «Сердцевина сердец» («Лубоб ул-албоб», 1222 г.) Мухаммада Авфи, «Тазкире Давлатшаха» («Тазкираи Давлатшохий», 1487 г.) Давлатшаха Самарканди, «Бахаристон», 7 часть (1486/87 г.) Абдуррахмана Джамии. В них были собраны образцы творчества того или иного автора с краткими сведениями о самом авторе.

В отличие от предшествующих составителей тазкире, Навои предстает перед нами не только как большой

⁸⁰ Этим объясняется то, что одни рукописи этой антологии представляют собой первый вариант — редакцию, а другой — вторую редакцию.

⁸¹ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 9. Ташкент. 1968. С. 9.

знаток и тонкий ценитель литературы (то, что теперь называется «литературный критик»). Благодаря общественному положению и высокому авторитету в литературной среде, идеалы и оценки Навои имели огромное значение и становились определяющими.

Тазкире Навои сложна по жанровой структуре. Композиционно оно состоит из восьми частей. Материал расположен на основе хронологического, географического и династического принципов и содержит сведения о 459 поэтах и писателях, об интересных событиях и фактах литературной жизни. О чем бы ни писал поэт, он либо сам был очевидцем того случая, о котором идет речь, либо знал о нем из достоверных источников.

Однако не все упомянутые в тазкире были профессиональными поэтами. В антологию включены представители различных сословий, профессий, ремесел. Это свидетельствует о стремлении Навои как можно шире охватить литературную жизнь своей эпохи и изучить все ее стороны. Наличие большого числа литераторов из разных сословий не должно приводить нас к ошибочному выводу о всеобщей грамотности и образованности. В феодально-клерикальном обществе широкие массы народа были безграмотны и бедны. В своем тазкире Навои приводит биографические данные и образцы стихов тех поэтов, которые вышли из народной гущи, зарабатывали на жизнь своим ремеслом, но одновременно писали стихи, принесшие им известность. Таких непрофессиональных поэтов среднего уровня, разбирающихся в поэзии и поэтических жанрах, умеющих правильно, в соответствии с размером читать и понимать стихи, а порой создавать и собственные удачные бейты, было очень много. Определенную часть городского населения составляли люди, участвовавшие в литературных собраниях (маджлис), литературных диспутах (мунозара), поэтических состязаниях (мушоира), с увлечением слушали стихи и были в курсе всего нового, что происходило в поэзии.

Таким образом, Навои показал кипучую литературную жизнь своей эпохи, ее интенсивность, определяющуюся, во-первых, многочисленностью поэтов и обширностью их социальной среды, во-вторых, тем, что поэтическая деятельность охватывала большой круг людей, протекала не в камерных условиях, не замыкалась в

узком кругу приверженцев какой-либо одной литературной или общественно-политической школы, а буквально бурлила в местах большого скопления людей — на базарах, улицах, площадях, «высоких маджлисах»⁸², и, в-третьих, — разнообразием поэтических жанров и стихотворных размеров.

Кроме того, автор рассказывает и о музыкантах, знакомит читателя с музыкальной культурой своего времени, попутно сообщая необходимые сведения по теории музыки конца XV века.

Каждому из поэтов Навои дает особую характеристику, акцентируя внимание на их человеческих достоинствах и качествах (нравственности, воспитанности, трудолюбии, принципиальности во взаимоотношениях с людьми), на уровне их образованности и, конечно, поэтического мастерства. Характеристики эти конкретны и объективны.

Причиной того, что творчество некоторых поэтов (например, Хусейна Хорезми, Абдуллатифа Мирзо, Мир Шахи и др.) осталось вне поля зрения читателей и не снискало славы, Навои считает их оторванность от культурной жизни общества. Он резко осуждает случайных в литературе людей, тех, кто занимается явным плагиатом; тех, кто за одну ночь слагает по 200 бейтов (например, Наргиси, Аниси, Ходжа Мусо и др.). Уже в то далекое время Навои глубоко осознавал важность и действенность литературной критики.

Материалы тазкира дают возможность убедиться, что Навои чрезвычайно бережно и внимательно относился к молодым талантам, что великий поэт связывал будущее литературы с расцветом их творчества. Навои знал об их нуждах, постоянно заботился о них, помогал материально, тем самым способствуя развитию их художественного таланта.

«Собрание избранных» содержит и ценные автобиографические сведения: о семье и родственниках Навои, его учителях, учениках, о друзьях и знакомых, о его поездках и встречах и т. д.

⁸² «Высокими маджлисами» назывались собрания ученых и поэтов, писателей и других образованных людей, на которых присутствовал сам Хусейн Байкара. На них читались и обсуждались новые произведения, велись диспуты по литературным вопросам и т. д.

Антология Навои—это одно из самых увлекательных, самых жизненных произведений писателя. Живое, ясное и точное выражение мысли, короткие, сжатые фразы — вот язык и стиль Навои, простой, и лаконичный.

Все вместе, отбор и своеобразная интерпретация фактов, юмористическая, саркастическая или имеющая какой-либо другой оттенок характеристика персонажа, живость эпизода, использование различных средств и приемов художественной изобразительности придают «Собранию избранных» специфическую, неповторимую особенность, делают книгу необыкновенно интересной и занимательной.

Уже вскоре после появления антология Навои привлекла к себе внимание литературной общественности, и только в XVI в. ее трижды переводили на персидский язык: первый перевод был осуществлен в Герате в 1521-22 г./928 г. х. Фахри Хироти (Гератский), второй— в Стамбуле в 1522-23 г./929 г. х. Мухаммадом Казвини⁸³, третий— в Нишапуре в 1598 г./1006 г. х. Шахом Али Абдуали⁸⁴. Все это свидетельствует о повышенном интересе к тазкира Навои в Мавераннахре, Иране и Турции.

Кроме того, произведение Навои благотворно повлияло на творчество других писателей; целый ряд подобных тазкире был написан, безусловно, в подражание и по примеру Навои: «Сборник избранных» («Маджма ул-хавас») Садыка Китабдара, «Упоминания о друзьях» («Музаккир ул-ахбоб») Хасана Нисари, «Дар Соми» («Тухфаи Соми») Соми Мирзо, «Сборник поэтов» («Мажмуат ут-шуаро») Фазли, «Сборник поэтов Ферузшаха» («Мажмуат ут-шуарои Ферузшохи») Табиби и др.

«Собрание избранных» Навои послужило основным источником для «Страниц Ибрагима» («Сухуфи Иброхим») анонимного автора XVIII в., «Свечи собрания» («Шамъи анжуман») Сайида Мухаммада Сиддика,

⁸³ В 1945 г. оба этих перевода, снабженные предисловием и комментарием, были изданы в одной книге в Тегеране проф. Али Асгаром Хикметом. На русский язык «Собрание избранных» было переведено автором данной работы. См.: Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 9. Ташкент. 1978.

⁸⁴ Незаконченный единственный вариант рукописи этого перевода находится в Британском музее.

Хасана Бахадира, «Усердия ученых» («Риёз ул-орифин») Ризокули-хана Хидоята, двухтомной антологии «Харобот» неизвестного автора.

Завершить краткий анализ знаменитого тазкире Навои следует перечислением основных ее достоинств: 1) сохранение для истории узбекской литературы образцов творчества тех поэтов, о которых нигде больше нет никаких сведений; 2) фиксация имен и образцов произведений поэтов-выходцев из трудового народа — факт огромной важности для исследуемого исторического периода; 3) изображение, притом весьма живое и художественное культурной жизни Герата XV века.

А тщательность разбора собратьев по перу, доброжелательность и уважение к личности художника, умение выделить главное и самое ценное в литературном или другом явлении — свидетельствуют о многогранности таланта самого Навои. Именно «Собрание избранных» явилось концентрацией и художественности, и народности его творчества, в нем он проявили свои незаурядные способности ученого-литературоведа и беспристрастного и проницательного критика.

«Суждение о двух языках». Языку как средству повышения народной культуры Навои уделял особое внимание. Благодаря практическому творчеству Навои литературный язык эпохи — тюрки — был значительно обогащен и достиг высокой степени выразительности.

Теоретические же основы тюрки Навои изложил в 1499 г. в специальном сочинении. Название «Суждение о двух языках» само определяет его содержание — в нем идет речь о языках тюрки и персидском. Поэт сравнивает уровень развития узбекского языка с уровнем развития персидского, который в ту эпоху являлся языком поэзии на Востоке.

Значение этого произведения для развития узбекского литературного языка исследователь творчества Навои и языка его эпохи А. Рустамов определяет так:

1) Навои обогатил узбекский литературный язык за счет коренных тюркских говоров и наречий;

2) опираясь на лексическое богатство узбекского языка и его словообразующие возможности, неологизмы, он разработал новые способы и приемы образования лексем, обеспечивающие словарное единство тюрки, отвечающее требованиям художественности;

3) обогатил новыми значениями и смыслом слова, употреблявшиеся до него в тюркских говорах и фольклоре.

Навои ввел ряд грамматических форм и элементов, характерных для узбекской разговорной речи, доказал, что фонетические особенности узбекского языка более способствуют богатству и оригинальности рифмы, нежели персидского языка⁸⁵.

Литературное значение этого труда о языке заключается в том, что Навои, сравнивая узбекскую и персидскую литературы, исследует историю этих литератур, культурную среду и связывает настоящее узбекской литературы с борьбой за ее будущее.

В своей работе Навои разъясняет, почему на фоне широкого распространения и развития персоязычной поэзии тюркоязычная поэзия развита недостаточно. По мнению Навои, это происходит по нескольким причинам: тюркоязычные поэты не используют все богатство и тонкости родного языка, не всегда могут понять и осмыслить многозначность тюркских слов, сложность синтаксических конструкций, многогранность фразеологизмов, глубокий смысл идиом и т. д. Поэтов отпугивают трудности, неизбежные при обращении к родному, литературно еще не признанному языку, поэтому они предпочитают выбирать легкие и проторенные пути.

Некоторые талантливые поэты считают для себя и своего положения более достойным творить в русле господствующих традиций персидской литературы. А молодые поэты пишут на фарси потому, что устазы, известные мастера персоязычной поэзии, которым они приносят свои стихи на суд и от которых ждут одобрения, поддержки, не знают тюрки.

Однако подлинные таланты верно понимали и значение своего творчества и свой долг перед народом и отечеством. Навои призывает молодых поэтов овладеть широкими возможностями родного языка, отстаивая его полное соответствие требованиям поэзии. И образцы тюркских стихов, которые Навои приводит в качестве доводов, подтверждают верность утверждения великого поэта.

⁸⁵ История узбекской литературы: В 5 т. Т. 2. Ташкент. 1977. С. 420—421 (на узб. яз.).

Известно, что и до Навои поэты писали на тюркском и ими был создан целый ряд художественных произведений. В «Суждении о двух языках» Навои приводит имена таких тюркоязычных поэтов, как Саккаки, Хайдар Хорезми, Атои, Лутфи, Якини, Амири, Гадон. «Но кроме Мавляна Лутфи, — утверждает Навои, — ни одного поэта нельзя поставить в ряд с персоязычными поэтами». Тем самым Навои высоко оценивает творчество Лутфи и определяет его место в истории узбекской литературы.

В «Суждении о двух языках» некоторые особенности литературы и языка исследованы в диалектическом единстве и рассмотрены те грани языка, которые непосредственно связаны с литературой.

Сравнительное изучение проблем узбекского языка и литературы с проблемами персидского языка и литературы связывается у Навои с историей, фактами и событиями общественно-политической жизни. Пути дальнейшего развития родного языка и литературы, основные их моменты осмыслены в «Суждении» как в теоретическом, так и в практическом планах. Доводы, аргументирующие каждую теоретическую установку или проблему, изложены простым и ясным языком, со свойственной Навои глубиной и научной обоснованностью, в перспективе развития национальной культуры.

«Суждение о двух языках» — это не только исследование, сыгравшее чрезвычайно важную роль в развитии узбекского языка и литературы, но и яркий образец научной прозы в творчестве Навои.

«Весы размеров». Это научно-теоретический трактат о критериях, определяющих стихотворные размеры. Написан в 1492 г. Появление этого произведения связано с большими литературными и научными замыслами поэта: обобщить 500-летний путь развития тюркской поэзии, снабдить начинающих поэтов и любителей литературы руководством по арузу. Такое теоретическое руководство по стихосложению для практического использования должно было быть и обстоятельным и популярным.

Навои создает теорию аруза на родном языке и дополняет его стихотворными размерами, которые появились в узбекской поэзии.

По утверждению И. А. Султанова, исследователя данного произведения, подготовившего его научно-критический текст, Навои вводит девять новых размеров и

поэтических форм. В тюркоязычной литературе, подчеркивает Навои, кроме аруза, есть и другие стихотворные размеры⁸⁶. В «Весах размеров» Навои выступает как теоретик стиха, обстоятельно и глубоко освоивший и раскрывший тайны стихосложения, его размеры, виды, поэтические формы.

«Трактат о муамма». Одним из наиболее распространенных во времена Навои поэтическим жанром была муамма.

Муамма — стихотворные шарады. Стих состоит из одного-двух бейтов, в которых загадывалось и разгадывалось какое-то слово, обычно имя собственное. В основном муамма содержит намеки на буквы арабского алфавита, из которых должно сложиться зашифрованное имя.

Искусству написания и расшифровки смысла и содержания муамма посвящено много исследований и руководств. Сам Абдурахман Джами написал о муамма четыре трактата, в том числе и «Стихотворный трактат о муамма» («Рисолаи муаммой манзум»). Так как поэтический трактат Джами был труден для восприятия, Навои счел необходимым написать руководство о муамма, которое было бы доступно любому неискушенному читателю. В 1485 г. он пишет такое произведение на персидском языке, ибо муамма, на основе которых четко излагаются правила этого своеобразного малого жанра, созданы на персидском языке.

В трактате отмечается 15 видов муамма и 48 стилей его составления. В качестве примеров приводится 121 образец⁸⁷.

«Трактат о муамма» написан простым, ясным и доступным читателю языком. Легка и понятна система доказательств, объясняющая специфику муамма как жанра и тайны расшифровки загаданного слова. Навои всегда подчеркивал, что поэтическую основу муамма двустипшие (фард) следует сочинять для выражения значительных идей, а не только для того, чтобы показать свое умение; двустипшия должны быть совершенными образцами поэзии. Подтверждение тому является большое количество муамма самого поэта.

⁸⁶ См.: Алишер Навои. Соч.: В 15 т. Т. 14. С. 267 (на узб. яз.).

⁸⁷ История узбекской литературы. В 5 т. Т. 2. С. 439 (на узб. яз.)

«Письмовник». Хотя это и не научное сочинение, оно относится к произведениям филологического плана. Поэтому целесообразно, несколько нарушив последовательность изложения, рассмотреть его прежде исторических и религиозно-философских трудов Навои. Произведение составлено из личных писем Алишера Навои, отправленных им в разное время различным людям.

До эпохи Навои эпистолярное искусство («Иншо санъати») прошло несколько стадий развития. Были письма — послания (они назывались *хитобия* — обращение, *арзадошт* — пожелание, *рукъа*, *нома*, *хат*, *мактуб* — письмо), были письма — *джавобия* (ответы). Писали их либо усложненно-орнаментальным, возвышенно-помпезным стилем, либо сухо и деловито.

До Навои и в его эпоху по теории эпистолярного жанра появился ряд работ, где в качестве практических пособий предлагались специальные сборники, составленные из образцов писем различного содержания и назначения: деловых, дружеских, любовных и т. п. Алишер Навои был первым составителем такого письмовника в тюркоязычной литературе.

Сведений о времени создания «Муншаот» Навои нет. Но по содержанию и датировке событий в некоторых письмах, по отдельным фактам и намекам можно предположить, что составлен он в 1498-99 г./904 г. х.

Во вступительной части к письмовнику Навои объяснил цель его создания: показать, что его родной узбекский язык и с эстетической точки зрения, и по лексическим возможностям вполне пригоден как для ведения государственных дел, так и для переписки любого характера.

Кроме того, Навои считал, что его мысли и суждения, назидания и замечания, высказанные в письмах, принесут пользу обществу, всему поколению:

Какие бы ни хранились в сокровищнице драгоценные
камни и жемчуга

Взгляни, ключом (к ней) служит железо.

Для того, кто мечтает о сокровищнице желаний,

Эти назидания явятся ключом.

Чтобы открыть замок, и шаху и нищему нужен ключ.

Великий поэт как бы вручает своим читателям ключ от сокровищницы, хранящей тайны благоденствия, процветания народа и страны.

Таким образом, Навои рассматривает письма не только как вид художественной прозы, но и как своеобразное средство информации, способ передачи потомкам его гуманистических идей и идеалов. Именно поэтому Навои не указывает, кому и когда, откуда и куда направлялись его письма. Разумеется, это затрудняет определение конкретных адресатов, но с полной уверенностью можно сказать одно: письма Навои адресованы широкой массе читателей, всему обществу в целом.

По художественным достоинствам, широте охвата событий и масштабу затронутых проблем эти письма имеют особое значение для общественно-политической жизни и культуры эпохи. В соответствии с содержанием все письма Навои можно подразделить на 1) политические и государственные; 2) личные, адресованные людям, занимающим высокие посты; 3) письма о художественном творчестве; 4) личные, касающиеся собственных переживаний. При этом часть их является обращениями — *хитобия*, а часть ответами — *джавобия*.

Письма первой группы, в основном, адресованы Хусейну Байкаре, его сыну Бадиуззамону и другим царевичам. В них Навои в деликатной форме старается привлечь внимание правителей на наиболее важные проблемы государства, дает мудрые и деловые советы по управлению страной, по наведению в ней порядка и спокойствия.

Как государственного деятеля Алишера Навои прежде всего занимали вопросы, связанные с политическими разногласиями, дворцовыми интригами. Он со всей серьезностью старался укрепить центральную власть и авторитет государя, добиться послушания царевичей султану, ибо от этого во многом зависели спокойствие страны и благосостояние народа.

Из писем очевидно, что Навои очень тревожили все более и более обострившиеся отношения между Хусейном Байкарой и Бадиуззамоном. Используя любую возможность поэт старался их улучшить. Он призывал царевича вести дела в полном согласии с центральной властью Султана, говоря, что ему не следует уподобляться Абдуллатифу Мирзе, убившему своего отца — Улугбека Мирзу, или Хасану Али, свергнувшему Джахана Шаха Мирзу. В каждом письме Навои уверяет царевича в том, что его добрые советы порождены любовью, при-

вязанностью наставника к ученику, а не продиктованы (как подчеркивает Навои в одном из писем) государем. Навои напоминает царевичу, что посвятив всю свою жизнь его воспитанию, он, Навои, учил его добру и милосердию, надеясь, что из царевича вырастет мудрый и просвещенный государь, который будет заботиться о благе страны и своих подданных.

Письма свидетельствуют о мудрости Навои и незаурядном опыте в управлении государством. Когда дело касалось проблем управления, для него не было мелких вопросов. Установление единых мер веса на всех базарах страны, закрытие питейных и публичных домов, нравственный облик государя, его каждодневные поступки, принимаемые им решения, поведение царевичей, их окружение и образ жизни, круг чтения — все это, по мнению Навои, имело чрезвычайно важное значение для судеб страны и народа.

В письмах второй группы обсуждаются дела и заботы высокопоставленных лиц. Одно письмо (оно адресовано или Хусейну Байкаре, или Бадиуззамону) содержит результаты переговоров с римским царем, необходимые советы и указания, связанные с этими переговорами. В другом письме Навои обращается к шаху с просьбой простить его близкого родственника Мир Хайдара Сабухи⁸⁸, проявить по отношению к нему милость и вновь принять его на службу при дворе.

Другие письма этого цикла — это либо поздравления по случаю рождения детей, внуков или иных светлых событий из жизни домочадцев Султана, либо выражения соболезнования по случаю кончины его сыновей и т. п. В одном письме выражена скорбь по поводу смерти царевича (нам удалось уточнить, что речь идет о Шахе Гарибе Мирзе), адресовано оно Султану Хусейну Байкаре. Есть письмо, отправленное Бадиуззамону, как мы установили, в связи с казнью его сына Мухаммада Мумина.

По циклу писем, в которых затрагиваются вопросы художественного творчества, можно проследить интенсивную работу Навои над лирическими произведениями.

⁸⁸ Хайдар Сабухи был обвинен в клевете на Султана и его приближенных в том, что они пытались отравить Алишера Навои, который был правителем Астрабада. Хайдар признался в клевете, Султан будто бы простил его. Однако позднее он был казнен.

Особенно часто упоминаются те сочинения, которые поэт посылал Султану Хусейну для ознакомления и редактирования.

Из писем личных, касающихся собственных переживаний поэта, можно назвать письмо, адресованное приемному сыну Навои. Это как бы патетический монолог отца, обращенный к человеку, не оправдавшему его доверия и надежд. В нем и сожаление, что труды по воспитанию этого молодого человека пошли прахом, и огорчение тем, что он свернул с правильного пути, пренебрег назиданиями отца, и «занялся сплетнями и интригами», проводит время в разгуле и беспутствах. Недостойный молодой человек морально наказан самим Навои: его имя исключено из антологии «Собрание избранных», он лишен права называться сыном Навои, отныне он обречен на всеобщее презрение.

В своих письмах Навои отказывается от риторики, витиеватости, орнаментальной усложненности, украшения слога высокопарными выражениями, т. е. от всего того, что было присуще восточной эпистолярной литературе. Стиль писем Навои ясен, точен и рационален. Спокойный ритм изложения и логическая обоснованность главной мысли также являются достоинством писем великого художника, мыслителя и государственного деятеля.

Следует отметить, что в письмах есть места, где автор мастерски использует особый художественный прием — подтекст, составляющий особенность большей части прозы Навои. Например, письмо о правлении страшной царевичу Бадиуззамону, письмо приемному сыну, письмо о защите прав некоего Абушахмана и др.

Принадлежность адресата к тому или иному сословию, его социальное положение можно определить по стилю письма. Так, письма Хусейну Байкаре написаны высоким стилем, в них, особенно во вступительной части и концовках, используется прием «утонченной лести», выражающийся в пожеланиях благополучия и здоровья адресату.

Письма Навои воссоздают образ самого поэта. В них он предстает как яркая личность, тонко чувствующий человек, живущий в разладе с эпохой, активный общественный деятель, практик, отдающий много сил и весь жар души для развития и процветания страны.

Письма показывают, что в борьбе за благоденствие народа он и побеждал, и терпел неудачи. Но всегда Навои был тверд и непреклонен в следовании своим высоким идеалам и художественным принципам.

«Муншаот» Навои — своеобразный документ эпохи, первый образец эпистолярного жанра в истории узбекской литературы.

Исторические произведения Алишера Навои и сочинения по истории религии вообще и по философии суфизма в частности созданы в какой-то степени в соответствии с традициями, сложившимися прежде. Однако нет сомнений, что вдохновлялись они вполне конкретными целями.

«История аджамских царей» — первое историческое сочинение, написанное на узбекском языке (1488 г.). По утверждению автора, оно систематизирует и обобщает те сведения и факты, которые приводились в прежних источниках по истории. И хотя Навои не обогащает свое произведение новыми фактами, но в пределах возможного восстанавливает хронику четырех царствовавших династий и их государств, упорядочивает и вносит ясность в противоречивые и неточные сообщения.

В оценке исторических событий проявились как высокие гуманистические идеи Навои, так и его идеалистический подход к общественным явлениям. Мирозрение его было сложным и неоднозначным. С одной стороны, он выступал защитником централизованного монархического государства, что было, безусловно, результатом воздействия исламской религиозной идеологии, с другой — как гуманист, заботился о процветании страны, развитии ее экономики и культуры, осуждал угнетение и несправедливость. Об этом впервые ясно сказано в исследованиях А. Хайитметова⁸⁹.

«История аджамских царей» — это только первое историческое сочинение на узбекском языке. В «Суждении о двух языках» свое историческое сочинение Навои называл «Зубдат ут-таворих» и писал о нем следующее: «Получив успокоение от создания «Пятерицы», я на правил коня моего воображения в степь летописания

⁸⁹ См.: Хайитметов А. Гений Навои // Сб. ст. О сочинениях Навои. История аджамских царей. Ташкент, 1970. С. 76—88; Его же: История аджамских царей // История узбекской литературы: В 5 т. Т. 2. С. 440—449 (на узб. яз.).

деяний султанов; когда я вызвал из мрака черноты письма «Избранной летописи» (буквально: «сливки истории»), то их живой водой воскресил исчезнувшие имена султанов»⁹⁰.

Свое повествование о династии четырех персидских царей Навои начинает с легендарного падишаха Каюмарса и заканчивает убийством сасанида Язди Шахрияра, уже в период арабского нашествия.

Особо следует подчеркнуть, что Навои обстоятельно изучил историю Ирана и мог свободно, без затруднения отличить подлинные факты от легенд о них. Идеей о добром и справедливом правителе, которой отмечены все творчество и деятельность Навои, пронизано и это произведение.

Рассказывая о том или ином падишахе, Навои обязательно останавливался на его деятельности, полезной для страны и народа. Так, он отмечал, что Хушанг из династии пешдадидов был справедливым и мудрым правителем; что Джамшид в свое царствование наладил строительство общественных зданий; что Манучехр большое внимание уделял строительству ирригационных сооружений, развитию садоводства и земледелия, а Тахмас — работам по благоустройству страны.

В то же время он резко осуждает завоевательные походы Афрасиаба, разорившие страну и ухудшившие и без того тяжелое положение народа, порицает жестокость Дария III, кровожадность мифологического царя Заххака. Акцентируя внимание на положительных или отрицательных качествах личности аджамских правителей или отмечая их полезную деятельность, Навои преследует главную цель: побудить современных правителей извлечь из приведенных примеров нравственные и поучительные уроки мудрого ведения государственных дел.

Приводимые в «Истории аджамских царей» сведения неопределимы для правильной оценки восточной мифологии и исторической хроники вообще.

О стиле и языке исторической прозы Навои можно сказать, что он в основном стремился не использовать вычурные, помпезные фразы, трудные, сложные оборо-

⁹⁰ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 10. Суждение о двух языках//Перевод А. Малеховой.

ты, непонятные, отвлеченные изобразительные элементы. Хотя содержание этих сочинений и сугубо традиционно, толкование исторических фактов и событий ведется с передовых для того времени общественных и научных позиций, вносит нечто новое и в стиль повествования.

«История пророков и мудрецов» воспринимается как логическое продолжение «Истории аджамских царей». Книга состоит из двух частей: в первой излагаются исторические и хроникальные сведения, всевозможные предания и сообщения типа притч о деятелях; вторая состоит из небольших статей о мудрых деятелях истории, их достоинствах, поучительных качествах. Характеристика каждого пророка и мудреца завершается стихотворной сентенцией.

Характеристики, даваемые пророкам, среди которых были крупные мыслители и великие ученые, отличает в конкретных случаях точность логических оценок и рационализм. В определении закономерностей развития общества, в их толковании отразились противоречия и ограниченность мировоззрения Навои, обусловленные объективными причинами: временем и уровнем развития общественного самосознания.

Большая часть хикоятов я. кисса, приводимых в сочинении, сильна своим земным, «светским» содержанием. Стиль изложения близок к фольклорному, точнее, к стилю народных сказок и рассказов. Это сочинение дает возможность судить и о философских взглядах Навои, передовых в оценке «совершенного человека» (*комил имсон*) и его качеств и ограниченных в тех случаях, когда в них содержатся религиозно-мистические элементы.

«Ветерки любви» — это перевод известного сочинения Абдуррахмана Джамии «Веяния дружбы» («Нафохат ул-унс»), в котором даны сведения о суфийских деятелях, мыслителях и поэтах. В свое время это произведение было написано по настоянию самого Навои. Поскольку тюркоязычным читателям оно было не доступно, Навои решил перевести его на староузбекский язык (1495-96 гг./901 г. х.). Свой вольный перевод он дополнил некоторыми сведениями из произведений суфийских авторов Фаридиддина Атгара, Шейха Фариды Шакарсанжа и др.

В «Ветерках любви» приведены сведения о 750 шейхах и других деятелях суфизма. Поскольку это произведение выходит за рамки перевода и содержит много нового материала и новых мыслей, следует считать, что его идейный пласт сформирован и Джами, и Навои.

Отдельные характеристики «Ветерков любви», данные тому или иному шейху, заканчивались рассказом-иллюстрацией—*хикоят*. Они перекликаются с народными сказками, притчами и являются замечательными образцами этико-дидактических рассказов.

«Вакфия» — произведение в жанровом отношении сложное и синкретическое. С одной стороны, это важный документ, с другой — исторический трактат, чрезвычайно важный для изучения культурной, экономической и общественной жизни XV в., а также различных сторон жизни и деятельности самого Навои.

«Вакфия» написана в 1481 г./886 г. х., по построению разделяется на две самостоятельные части со стихотворными вставками.

В первой части описывается, как особым указом Навои был приглашен во дворец Хусейна Байкары, на строение Навои до этого события, его вес и авторитет во время службы при дворе, его отношения с Хусейном Байкарой, круг его государственных обязанностей и деяний.

Атмосфера этой части создает впечатление, что Навои, бывший свидетелем междоусобной борьбы и феодальных распрей тимуридов, их разорительных войн, сборачивавшихся бедствием для народа и страны, переживший тяготы учебы и материальных трудностей в Мешхеде и Самарканде: как бы разочаровался в возможности осуществления своих надежд и чаяний. Именно поэтому, когда Хусейн Байкара, воссевший на престол Герата в 1469 г., призвал Навои в столицу (в это время он находился в Самарканде в изгнании), он долго колебался, прежде чем согласиться на приезд: «...Всякого рода службу, от которой есть польза миру, я посчитал своим долгом, всяческие дела, которые заслуживают молитвы людей, я сделал обязательным и для себя», — признается он после раздумий.

В «Вакфии» сжато и обобщенно изложены конкретные благотворительные замыслы Навои и его деятель-

ность по их осуществлению. Из произведения явствует, что из того жалованья, которое было установлено правителем, и тех доходов, что принадлежали ему по праву государственного деятеля, Навои оставлял себе незначительную часть, необходимую скромному человеку на текущие расходы. Все остальные деньги он тратил на оплату воинов, слуг, на содержание медресе, постоянных дворов и домов, на строительство других общественных зданий.

Первая часть «Вақфни» заканчивается своего рода лирическим отступлением, в котором Навои обращается к Султану Байкаре с просьбой отпустить его в хадж и разрешить целиком заняться художественным творчеством. Из просьбы Навои становится ясно, что его многогранная государственная деятельность протекала в сложной и чрезвычайно трудной обстановке и тяготила его.

Во второй части сочинения речь идет о благотворительных делах, вакуфных землях и недвижимости, о средствах, выделенных на содержание вакуфных учреждений и оплату должностных лиц в них. Особенно интересны сведения о системе оплаты мударрисов и порядке установления стипендий ученикам и жалованья преподавателям медресе. У каждого мударриса должно быть по 11 учеников. В зависимости от успеваемости учеников распределяют по трем группам: отличную, среднюю, низкую. В соответствии с этим устанавливается оплата мударрисам и пособие ученикам. Мударрисы должны жить при медресе, иначе их жалованье будет сокращено наполовину.

Здесь же говорится о добрых начинаниях Хусейна Байкары вскоре после его вступления на престол. Навои с одобрением сообщает о том, как Хусейн Байкара сумел установить в своем государстве справедливое и равное отношение к выходцам из разных родоплеменных союзов и сословий. Происхождение не было препятствием для государственной службы. Навои подчеркивает, что это было положительной мерой для устранения недовольства и разногласий между родоплеменными союзами, которые объясняются в сочинении их неравным положением в государстве.

Из некоторых стихов можно сделать вывод, что временами отношения между Навои и Хусейном Байкарой

портились и возникали противоречия. Это подтверждает следующее рубаи, приведенное в «Вакфии»:

Если кто захочет служить шаху,
 То он должен быть слепым, глухим и немым.
 Если он позволит себе распустить язык в раскрытии
секрета.

То это опасно, то это опаснее всего.

Надо подчеркнуть, что все произведение от начала до конца пронизано гуманистическим и патриотическим мироощущением:

Пока не разорится хирман алчности и вожделения,
 Пока не разрушится крепость жадности и высокомерия,
 Пока не исчезнет дух притеснения и произвола,
 Не будет радостным народ, не будет расцветать страна.

Итак, «Вакфия» — не только историческое произведение. В нем есть биографические сведения, фрагменты мемуарного характера, прекрасные образцы стихов. Особое обаяние произведению придает образ автора, его личность, тесно связанная с историческими реальными лицами, конкретными противоречивыми и драматическими обстоятельствами эпохи. Навои предстает в «Вакфии» как личность, активно отстаивающая справедливость, как мудрый государственный деятель, мыслитель-гуманист, патриот, как человек, радующийся добру и ненавидящий зло, стремящийся утвердить своей многогранной деятельностью начала добра и справедливости.

«Вакфия» — это важнейший документ по изучению истории культуры, экономики гератского общества XV в., многих сторон жизни и деятельности самого Алишера Навои.

«Возлюбленный сердце» — самое значительное произведение Алишера Навои. Написано в 1500—1501 гг./906 г. х., в последний год жизни великого поэта. Оно вобрало в себя глубоко содержательную, активную деятельность великого мыслителя. Сам Навои в предисловии пишет: «Во времена довольства, когда нес службу, с людьми царства вел я дружбу, в кресле эмира я сидел..., с добродетельными людьми я дружил, немало общественных зданий я соорудил.... Цель моего вступления такова. Я в разных побывал местах и разнообразных

людей повидал; кто добрый человек, а кто злодей, изучил благое и худое поведение людей. Я изведал и добро, и зло, сердцу было и тепло, и холодно. Изранена была душа моя людским коварством, но благосклонность хороших людей была мне лекарством. Но не знают, как жизнь радостна и тяжела, многие мои друзья, не изведавшие добра и зла...»⁹¹.

Навои хочет, чтобы его сомнения помогали людям, стремится к поступкам благородным и нравственным, утверждает прекрасное, порицает зло и несправедливость.

«Возлюбленный сердцец» занимает значительное место не только в прозе самого Навои, но и в истории художественной мысли Востока в целом. Опираясь на свой богатейший жизненный опыт, великий поэт и мыслитель, образно говоря, создает такое зеркало, в котором человек ясно видит нравственное и безнравственное, прекрасные и безобразные свои поступки. Иначе говоря, Навои в сочинении ставит прежде всего такие нравственно-этические и философские проблемы, обращение к которым поможет читателям в меру их развития познать себя и осмыслить характер своих поступков. С этой точки зрения «Возлюбленный сердцец» созвучно таким произведениям нравственно-этического и дидактического характера как «Кабуснаме» Кайковуса, «Гулистан» Саади Ширази, «Бахаристан» Абдуррахмана Джамии. Однако нигде нет намека на то, что этим своим сочинением Навои хотел следовать названным выше сочинениям или ответить на них.

Навои хотел создать иной по типу эпический труд, отличный от «Кабуснаме» Кайковуса, «Гулистана» Саади, «Бахаристана» Джамии. Если в «Кабуснаме», «Гулистане», «Бахаристане» главное — дидактика, то в «Возлюбленном сердцеце» силен социально-публицистический, обличительный дух. Это произведение, в котором в концентрированном виде, сжато и изящно выражены переломные этические и эстетические воззрения великого поэта и мыслителя. В этом сочинении Навои предстает прежде всего как ученый-энциклопедист: Навои здесь—

⁹¹ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 10. Возлюбленный сердцец/Перевод А. Рустамова. Ташкент. 1970. С. 9.

поэт, прозаик, философ, воспитатель, ученый, сатирик. В ювелирно точном использовании народных пословиц, поговорок, крылатых выражений сказался Навои — тонкий знаток богатейшего, многовекового устно-поэтического творчества народов Востока.

«Возлюбленный сердец» Навои состоит из трех частей. В первой, названной «О нравах и поступках людей», исследуется социальная структура феодального общества: речь идет о сословиях, их месте в обществе и долге каждого перед обществом. Автор считает, что взаимоотношения между сословиями должны строиться на основе равенства и справедливости. Те, кто не придерживается этих принципов, достойны осуждения и беспощадно обличаются. Навои создает реалистические и сатирические портреты справедливых и злых правителей, просвещенных и невежественных царей, талантливых поэтов и бездарных литераторов-ловкачей, алчных представителей духовенства и т. д.

Навои видит, что общество его времени полно «хамелеонообразных», «низких и грязных», «бессовестных» людей и всегда сочувствует угнетенным. Но он не только сострадает: как человек передовых взглядов, Навои постоянно ищет средства преодолеть бедственное положение страны.

К сожалению, путь к спасению страны Навои видит только в «справедливом правителе», в «беках, проповедующих ислам», в мудрых визириях. Все это объясняется тем, что Навои был сыном своего времени. Именно поэтому в своих сочинениях «Фархад и Ширин», «Стена Искандера» и других, выражая свой идеал, он создавал образ «идеального государя», превознося его, злых же и несправедливых правителей беспощадно обличал.

В «Возлюбленном сердце» Навои дополняет свое учение об идеальном правителе новыми чертами. Сущность и подлинный нравственный облик государя наиболее четко проявляется на фоне изъянов и недостатков, присущих всему феодальному обществу. Навои делает такое противопоставление: «Справедливый царь подобен зеркалу, несправедливый — на его обратную сторону похож; тот озарен, как светлое утро, у этого сходство с ночной темнотой найдешь». После этого он переходит к описанию разоряющейся и гибнущей страны, где правит злой шах. «В опустошении страны он

ищет покой, обездолив население, он доволен собой. Он обращает голубятни в гнезда сов, в развалины — дома процветающих городов... Когда светлый день он темной ночью считает, будешь наказан, если не скажешь, что звезда мерцает. Тот, кто скажет правду, расплатится головой. Тот, кто призывает к добру, простится с душой... Своим народом он недоволен, никому он не рад, никто не знает, куда он закапывает клад. Он жаждет людей казнить и разорять, его великая радость — всех грабить и убивать»⁹².

К тем, кто долго и верно служит жестокому царю, нет у него доверия и внимания. Он готов уничтожить их даже за малейшую провинность. Он несправедлив и любит только подхалимов и льстецов, охотно слушает интриганов и клеветников.

Характеристика Навои несправедливого шаха от начала до конца пронизана пафосом обличения.

Характеризуя же остальных: придворных, разных должностных лиц, окружающих шаха, и людей более низкого звания, — определяя их роль в обществе, Навои исходит из своих гуманистических взглядов на человека.

Оценивая различные сословия феодального общества, Навои не находит положительных качеств у представителей правящей верхушки. Он везде отмечает их недостатки и низость, а порой, с точки зрения своего идеала, показывает, какими в действительности должны быть люди, от которых зависит судьба страны и народа. Так, о визирях он пишет: «Эти угнетатели подтачивают страны могущество, растрачивают накопленное народом имущество... Они таких лекарей напоминают, которые больных отравой убивают... Им нипочем людские стоны, они жалят людей, как скорпионы»⁹³. Навои признается, что за всю жизнь он не встретил ни одного порядочного визиря. Каким же может быть строй, где визирями становятся рвачи, хищники, убийцы? Но Навои не ограничивается обличением жестокого и бездарного главного визиря, нечестных чиновников. Он обнажает недостатки всего общественного устройства государства. О прислужниках-охранниках во дворце шаха, на содержание которых расходуются большие средства, Навои говорит:

⁹² Там же, с. 13.

⁹³ Там же, с. 14—15.

«При царском дворце эти люди растрачивают казенные деньги зря и не признают ни бога, ни царя. Им привычно хвастовство, им свойственно мотовство. Их дело — пьянство, а занятия их — чванство»⁹⁴. Судьба государства, доверившего им свое благосостояние и охрану, — заключает Навои, — в опасности.

Важные мысли высказаны в сочинении о войнах. Навои осуждает захватнические войны, единственной целью которых является грабеж. Они разоряют государство, обрекают на голод и бедствия народ.

В этом сочинении Навои раскрывает подлинное лицо шейхов и представителей духовенства: их окружает золотой блеск, но в действительности это просто медь; их кажущаяся святость состоит из плутней и хитрости; и хотя их тюрбан огромен и импозантен, но в их головах грязных мыслей больше, чем волос; одеяния на них — это просто занавес, скрывающий их прегрешения; чтобы обманывать народ, они демонстративно играют своими четками и подолгу читают свои длиннющие молитвы; все их благословения — это хитрость, все их поступки — сплошной обман.

Все сказанное относится ко всем служителям культа, начиная от казия и кончая шейхом; порочны и лживы все чересчур ретивые богомольцы, начиная от шейха ул-ислама до отшельника.

Говоря о купцах, которые во времена Навои играли значительную роль в обществе, писатель отмечает, что основой их деятельности были нечистоплотность, двойной обман: и производителя, и покупателя. Обманывая обе стороны, купцы богатели, увеличивая свое состояние.

Обличая в произведении правящие сословия общества, Алишер Навои порою выражал восхищение перед трудовым народом. Так, тридцать первая глава посвящена описанию дехкан.

Характерно, что в людях других сословий Навои отмечает недостатки не только существующие, но и возможные. И лишь о делах трудового крестьянства он говорит с уважением. В соответствии с характеристикой Навои именно крестьяне, являющиеся основной производительной силой общества, создали его материальную базу. Навои подчеркивает: «Благодаря крестьянам, благоустроен мир... Когда крестьянин добросовестно сеет

⁹⁴ Там же, с. 16.

зерно... пока всходы дадут семена, пока урожай дойдет до гумна, черви и птицы зерном питаются, звери степные на него надеются...»⁹⁵.

Великий поэт признается в «слабости», своем «бессилии» дать достаточно полную и исчерпывающую оценку достоинствам и значению дехканина для общества: «...другие благодаяния крестьян просто не описать. Сад его — это рай земной, огород его — источник духовной пищи. Мы не ошибемся, если каждое дерево его небесным сводом назовем, а плоды его — звездами на нем... Крестьянин — это сын Адама, человек настоящий, а вернее, другие — его сыновья, а он — Адам, их кормящий...». Эту главу в сочинении можно назвать гимном, одой в прозе во славу труда земледельца.

Заслуживают внимания и мысли, высказанные великим поэтом о мударрисах, писцах-катибах. Как всегда, он останавливается на положительных и отрицательных сторонах этой профессии вообще и дает высокую оценку труда писцов-катибов, определяет их место в обществе.

Иными словами, ко всем сословиям и прослойкам общества, живущим честным трудом, трудом своих рук и разума, Навои относится объективно и уважительно, так, как они того заслуживают.

Характеризуя различные сословия общества, Навои определяет степень общественной ценности того или иного сословия пользой, которую оно приносит народу.

Чрезвычайно важны и интересны суждения Алишера Навои о представителях литературы и искусства. При этом мысли Навои — это не просто взгляд теоретика литературы или историка; это оценка великого общественного деятеля, направившего развитие культуры целой эпохи и определявшего долг художника перед народом и страной.

Нет сомнения, что Алишер Навои ясно осознавал и понимал, что литература и искусство — это важное оружие общественного развития. Именно поэтому во многих своих сочинениях — и в тазкира, и в рисола, и в дастанах — особое внимание он уделяет характеристике представителей литературы и искусства.

Материалы этой части «Возлюбленного сердец» пока-

⁹⁵ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. 10. С. 34.

зывают, что на протяжении всей жизни Навои оставался верен народной, гражданской и гуманистической точке зрения на литературу, на ее высокое общественное предназначение.

Разделение поэтов на различные группы, критика бес-содержательных произведений воспринимаются как итог тех мыслей об идейности искусства и о долге художника перед обществом, которые еще ранее поэт высказывал в «Собрании избранных».

В этой же первой части есть глава «О супружеской жизни и женщинах», где Навои признает и утверждает роль женщины в обществе и возвеличивает ее в эпоху господства религиозных предрассудков и суеверий.

Вторая часть «Возлюбленного сердец» состоит из десяти глав, посвященных нравственно-этическим проблемам. Поэт дает трактовку тем категориям, которые занимали значительное место и в жизни, и в этическом учении Востока. Писатель комментирует и по-своему интерпретирует некоторые этические категории, которые соприкасались с религией, такие как *зухд* (подвижничество), *тавба* (покаяние), *каноат* (довольство малым), *сабр* (терпение), и неоднократно истолковывались писателями средневековья. Как всегда, особое внимание он обращает на те стороны явления, которые полезны человеку, служат его интересам. Так, например, и в «Гулистане» Саади, и в «Бахаристане» Джамии, и в «Латойиф ут-тавойиф» Али Сафи категорию каноат каждый из авторов толковал в соответствии со своим мировоззрением в разных аспектах и масштабах. Большинство из них понимало каноат как непротивление, рабскую покорность слуги своему хозяину. Мистическое толкование понятия каноат превращало его в орудие эксплуатации.

В интерпретации Алишера Навои каноат — это полная противоположность алчности, жадности, скупости. Это одно из лучших человеческих качеств, присущих передовым личностям. Говоря о природе и специфике этического понятия каноат, Навои сравнивает его с неиссякаемым родником, неисчерпаемым кладезем сокровищ, с фруктовым деревом, щедро одаривающим человека плодами духовной красоты. Стоицизм дервиша, довольствующегося куском черствого хлеба, выше роскошного дастархана алчного падишаха, считает поэт. По

мнению Навои, человек, привыкший к самоограничению, избавляется от унижения зависимости, от связанных с этим всевозможных душевных страданий. Каноат как довольство малым помогает человеку сохранить свою свободу.

Раскрывая сущность таких этических категорий, как *тавозуъ* (приветливость и вежливость), *одоб* (воспитанность), Навои резко критикует такое противоположное явление, как *такаббурлик* (заносчивость).

В его толковании любовь обретает социальное значение, хотя это толкование и не свободно от суфийско-мистической трактовки. По классификации Навои любовь бывает трех видов: обычная, любовь избранных и праведных. Второй вид любви — жизненный, и, как было сказано выше, является чувством, несущим социальное содержание.

Поклонниками и представителями такой любви Навои называет Амира Хосрова Дехлеви, Хафиза Ширази, Абдуррахмана Джамии. Чрезвычайно интересна и ценна здесь интерпретация реального чувства любви, его проявлений и их художественного изображения.

Навои считает, что слово поэта, его произведение должно быть пронизано состраданием и воспламенено огнем, пламенем любви. Поэзия, лишенная этих качеств, — «Свеча без сияния, речь, в которой нет поэтического дара, скучное общество — поэзия, в которой нет любовного жара..., настоящие слова говорят про любовь: это суть жизни и ее кровь». Таким образом, непосредственность реального чувства, сила страстей и надежд — душа поэзии.

Третья часть «Возлюбленного сердец» состоит из различных сентенций, назиданий, мудрых наставлений. По содержанию эта часть органично связана с двумя предыдущими единством общественно-политической и нравственно-этической проблематики. Только те же проблемы рассмотрены в концентрированной, спрессованной философской форме. Здесь возвеличиваются прекрасные человеческие качества и обличаются антигуманные свойства и поступки, противостоящие человечности. По содержанию третьей части можно судить, как умело использует Навои народные пословицы, поговорки, мудрые изречения, поучительные сентенции и сам создает новые идиомы, крылатые выражения, афориз-

мы. Навои сокрушается о болезнях века, осуждает жестокость и насилие власть имущих, призывает алчных и корыстных правителей подумать о благосостоянии страны и спокойствии народа.

Ценны и поучительны мысли Навои о языке, об искусстве отбора и употребления слова, о культуре речи. Его мысли о дурных последствиях лжи, грубом слове и неуместной шутке, наносящих человеку незаживающие душевные раны и приводящих к потере уважения, о пользе правдивости и приятного обхождения не утратили воспитательной ценности и поныне.

Себялюбие, жажду богатства, стремление приумножить его Навои считает большим недостатком, но с глубоким уважением относится к науке и ученым. Благосостояние страны, облегчение положения народа он связывает с их деятельностью. Поэт пишет:

Если человек попадет в затруднительное положение,
То выручают его знания и ум.

Говоря о нравственном облике и образованности ученого, Навои подчеркивал, что ученый должен пользоваться своими знаниями не во вред обществу и народу, а только в их интересах. Многие сентенций не случайно превратились в народные афоризмы:

За каплей каллю накопив, текут потоки рек,
По крохам знания копя, мудреет человек.

Кто был обучен буквке одной,
Для достиженья истины земной,

Чем своему учителю заплатит,
На это всех земных богатств не хватит!

Коль нужно слово говорить — скажи,
Не нужно — слово придержи.

В «Возлюбленном сердце» выражена твердая уверенность, что все общественно-политические, нравственные недостатки со временем будут устранены, и в жизни человека восторжествуют добро и справедливость. Отразившиеся в предисловии настроения уныния и безнадежность не характерны для всего сочинения в целом. Наоборот, оно пронизано духом оптимизма и веры в будущее. Гуманистические взгляды, надежды и предвидения, связанные со светлым будущим новых поколений, мудрые наставления выражены в «Возлюбленном сердце» смело и категорично, художественно совершенно и многокрасочно.

Особую прелесть и без того занимательному повествованию Навои придают стихотворные вставки или маленькие изящные прозаические хикояты. В поэтических отрывках обычно автор обобщал мысли, изложенные прозой. Такую же функцию обобщения выполняют и прозаические хикояты. Порой эти художественные сцены, притчи как бы дополняют, подтверждают верность мысли, высказанной в повествовании.

В кратких, сжатых и изящных хикоятах, явившихся ранними образцами узбекской прозы, выразилось новеллистическое искусство Навои.

Художественное мастерство Навои помогло ему рельефно и выпукло выразить свои воззрения на литературу и искусство, свое отношение к существующему строю, социальной несправедливости и веру в светлое будущее народа.

Образы, богатство приемов, средств художественной изобразительности и литературных стилей выделяют «Возлюбленного сердец» среди прозаических произведений Навои.

По масштабности и эпической емкости, по критицизму и резкости обличения, по глубокой философичности «Возлюбленный сердец» значительно выделяется среди других произведений Навои; особняком оно стоит и по совершенству художественного воплощения столь многогранного содержания.

Алишер Навои обогатил узбекскую прозу новыми жанрами. Используя в «Возлюбленном сердец» и «Собрании избранных» опыт персидской литературы в создании произведений философско-дидактического и антологического характера, он значительно расширил их жанровые возможности. В соответствии с требованием времени он изменил жанровую структуру этих произведений, выразив в них новое содержание.

Основываясь на существовавших на персидском и арабском языках произведениях в жанре *манокиб* (жизнеописание), Алишер Навои создал новую форму жизнеописания, где изобразил не святых, а реальные исторические лица, славных своими деяниями и образом жизни. Так, он создал общественные биографии своих знаменитых современников — Абдурахмана Джамии, Сайида Хасана Ардашера, Пахлавана Мухаммада.

Своим «Собранием избранных» Навои развил тради-

ционный жанр тазкире. Большая часть произведения посвящена характеристике современников. В нем дан очерк культурной жизни эпохи, широко и обстоятельно воссоздана литературная среда. Эпоха средневековья изображена в «Собрании избранных» в аспекте критического восприятия великого гуманиста и мыслителя.

В «Собрании избранных» не только существенно развита и обогащена структура жанра тазкире, но и заложено начало новой традиции.

В «Муншаот» Навои показал, что его родной язык пригоден и для написания многообразных по стилю, сложных по структуре произведений эпистолярного жанра, создав тем самым первый образец письмовника, насыщенного общественно-значимым и ценным содержанием.

В центре произведения «Возлюбленный сердец» поставлена проблема гармонически развитой личности, изображенная в соответствии с авторским идеалом. Сочинение проникнуто мятежным и активно публицистическим духом. Таким образом, узбекская литература обогатилась новым по общественно-политической проблематике и содержанию и совершенным по форме произведением.

«История аджамских царей», «Ветерки любви», «История пророков и мудрецов», «Вакфия» — это не обычные для средневековья традиционные сочинения в жанре *тарих* (исторический) или *дин тарихи* (религиозно-исторический), это первые на узбекском языке образцы подлинно исторического жанра, определившие его дальнейшее развитие.

Продолжая традиции персидской литературы, Навои внес в свою прозу новое содержание, новый дух, иную идейную направленность и иные трактовки. В соответствии с содержанием изменялась и форма, жанровая структура сочинений.

Произведения Навои в прозе нельзя назвать художественными в полном смысле этого слова, но в них силен художественный элемент. В его прозе широко и искусно использованы разнообразные средства и приемы художественной образительности, многообразие стилей. Художественность придает высказанным мыслям, изображенным персонажам, освещаемым проблемам яркость, выпуклость, образную форму, эмоциональную впечатляемость.

Ряд прозаических сочинений Навои написал относительно простым и ясным языком и стилем. Но простота свойственна не всей его прозе. Навои не смог полностью избежать воздействия средневековой традиции персидской прозы, где, по мнению известного чешского востоковеда Яна Рипки, вычурность стиля достигла степени эксцентрической. Поэтому в прозе Навои немало сложных оборотов, отвлеченных образов, арабизмов и иранизмов. Узбекские ученые объясняют это положение наличием элементов условности в творческом методе Навои, считая их в определенной мере недостатком.

Отличительной особенностью прозы Навои является то, что она вышла из-под пера талантливого поэта. Цельность его произведений, прежде всего, в органическом единстве прозы и поэзии, мысли и чувства, содержания и формы. Появление стихотворных фрагментов в его прозе объясняется характером повествования: поэтические сентенции подводят итог, в обобщенной форме выражают идейную направленность произведения, его концепцию.

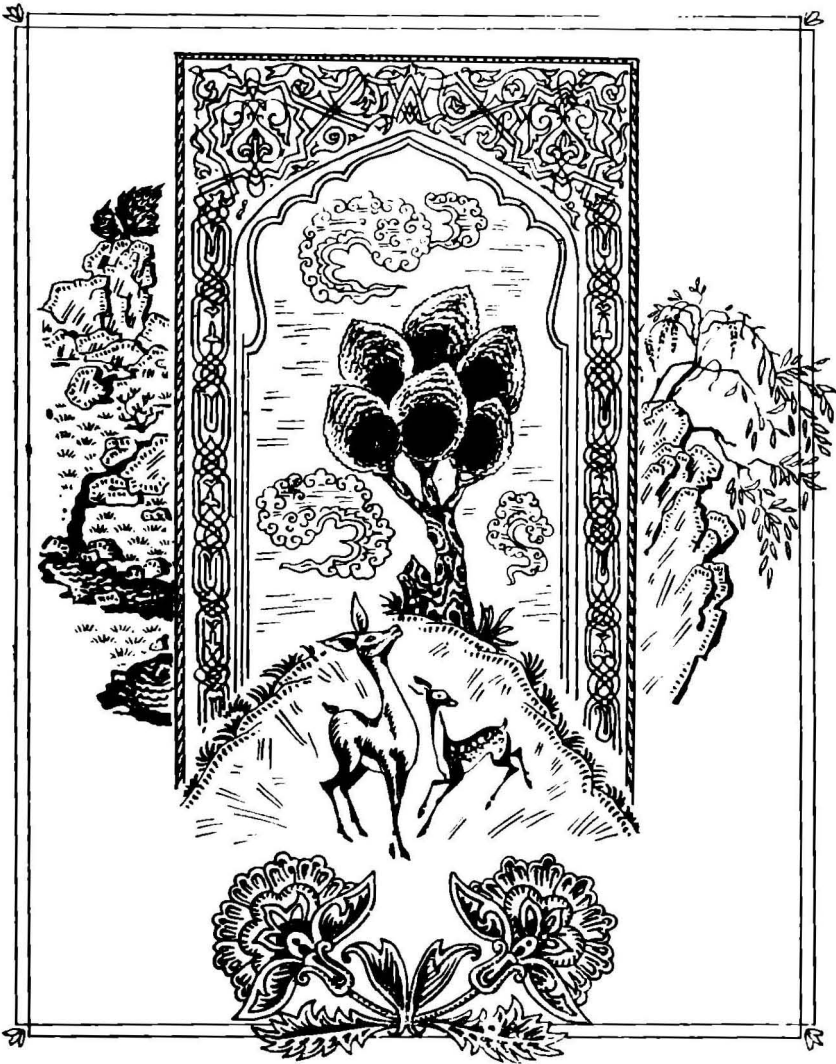
Специфика прозы Навои заключается еще и в том, что сюжетно все ее части, крайне сложная и разнообразная тематика и проблематика объединены и скреплены личностью автора, мощью его мысли. В каждом новом произведении открывается новая грань личности государственного деятеля Навои, какая-нибудь необычайная, еще не известная черта его художественного гения.

Проза Навои чрезвычайно важна для правильной оценки его творчества и мировоззрения в целом. Своими прозаическими произведениями, разнообразными по жанру и богатыми по содержанию, Навои заложил фундамент прозы на узбекском языке.

Влияние творчества Навои на последующее развитие узбекской прозы было плодотворным и глубоким.

*Культурная и литературная
жизнь XVI века*

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

•

Приход к власти шейбанидов в начале XVI в. сопровождался определенными изменениями в общественно-политической, культурной и литературной жизни Мавераннахра, отразившимися в некоторых исторических сочинениях. Особое место среди них занимают «История аббасидов» («Тарихи олам оройи абоссий») Искандера Мунши, «Привлекательные истории» («Таворихи гузида — Нусратнома») неизвестного автора, «Книга завоеваний» («Фатхнома») Шади, «Записки бухарского гостя» («Мехмонномаи Бухоро») Рузбехана Исфакхани, «Шейбанинаме» Мухаммада Салиха, «Книга почета государя» («Шарафномаи шохий») Хафиза Таниша Бухари и другие произведения. Здесь следует выделить такие произведения мемуарного характера, как «Бабурнаме» Захириддина Мухаммада Бабура, «Удивительные события» («Бадосъул-вакое») Зайниддина Васифи, тазкира Ходжа Хасана Нисари «Упоминание о друзьях» («Музаккир ул-ахбоб»), «Антология поэтов» («Тазкират ушшуаро») Мутриби, «Собрание желанных» («Мажма ул-хавас») Садыкбека Садыки, не только запечатлевших историю эпохи, но и давших широкое представление о культуре и литературе XVI в. Существует ряд работ, изучивших социально-экономическое положение, культурную и литературную жизнь эпохи Шейбанидов. Особого внимания заслуживают монографические исследования П. П. Иванова, Е. А. Давыдовича, А. А. Семенова, Р. К. Мукминовой, Я. Гулямова, посвященные историческим и социально-экономическим проблемам, А. Ю. Якубовского, Б. П. Денике, М. М. Ашрафи, Г. А. Пугаченковой о культурной жизни этой эпохи, В. Ю. Захидова, А. Н. Болдырева, А. Каюмова, А. Ибрагимова, С. Жамолова, Н. Маллаева, Б. Валиходжаева о жизни и

творчестве Бабура, Мухаммада Салиха, Ходжи, Маджлиси, Байрамхана и др.

С начала 80-х годов XV в. непрерывные распри за власть между царевичами-тимуридами во главе с Хусейном Байкарой подточили политические силы этой династии.

Кочевые узбекские племена, живущие по нижнему течению Сырдарьи, под предводительством Шейбанихана, воспользовались сложившейся обстановкой и начали поход на Мавераннахр. После смерти Хусейна Байкары царевичи, еще больше разобщенные, требовали самостоятельности и действовали только во имя этой цели. Вследствие этого не встретивший сопротивления Шейбанихан завоевал северную часть принадлежащих тимуридам земель. Покоренный Самарканд стал его столицей; младшего брата Махмуда Султана Шейбанихан назначил наместником Бухары; Ташкент и его окрестности он разделил между Суюнчходжой и Кучкунчходжой, а сам, как предводитель войск, стал готовиться к завоеванию огромного государства Султана Хусейна. В 1504—1507 гг. народы Гиссара, Кундуза, Хорезма, Балха и, наконец, Герата были покорены беспощадно и жестоко. Как свидетельствуют источники, Шейбанихан был деспотичным правителем, без колебания каравший огнем и мечом тех, кто осмеливался сопротивляться¹.

Шейбанихан жаждал расширения территории своего государства, поэтому напал на Иран. Однако этот поход закончился неудачей, а сам Шейбанихан был убит. Обескураженные этим известием шейбаниды были вынуждены пойти на перемирие с шахом Ирана Исмаилом Сафави и отдать ему большую часть Хорасана.

Ставший после гибели Шейбанихана главой династии Суюнчходжа не сумел установить мира между родственниками, потому что и Кучкунчходжа, и сын Шейбанихана Темур Султан не отказались от мысли занять царский престол. В 1510 г. на престол взошел Кучкунчходжа, считавшийся старшим в семье ханов. Однако и он не сумел положить конец распрям между султанами-шейбанидами, не смог их объединить. Воспользовавшись этой обстановкой, тимурид Захириддин Мухаммад Ба-

¹ Хабиб ус-сияр. Рук. фонда ИВ АН УзССР. Инв. № 5222. С. 301.

бур, обосновавшийся в Кабульском княжестве, напал на Мавераннахр, легко занял Самарканд, Бухару и вилаяты Ташкента, однако через год в результате нападения Убайдуллахана на Бухару Мавераннахр снова переходит в руки шейбанидов.

Начиная с 1512 г. до конца XVI в. Мавераннахр и его окрестности оставались в руках шейбанидов. За этот период ханский престол занимали Кучкунчходжа (1510—1530), Убайдуллахан (1533—1539), Абдулла I (1539—1540), Абдуллатиф (1540—1551), Баракхан (1551—1556), Пирмухаммадхан (1557—1561), Искандерхан (1561—1583). Последний из этой династии Абдулла II (1583—1598) отдал много сил борьбе за ханский престол, чтобы стать единственным престолонаследником; он казнил всех потомков своих дядей Кучкунчходжи и Суюнчходжи, которые могли претендовать на престол. Однако со смертью Абдуллы II династия шейбанидов пришла в упадок.

Государство шейбанидов, царствовавших почти целый век, было типичным феодальным государством, во главе которого стоял хан, имевший неограниченные права. Несмотря на свою вассальную зависимость, султаны часто не признавали господства хана и выступали против него. В подобных случаях отец не признавал власти сына, сын — других родственников.

Начиная с Шейбанихана все царевичи в продолжение своей деятельности были мюридами какого-нибудь крупного шейха и действовали как бы под его покровительством. Можно привести много примеров, подтверждающих, насколько могущественно было духовенство в политической жизни: взойти на престол одному из виднейших шейбанидов Абдуллахану помогла, в основном, поддержка Джуйбара Ходжи. Сам Шейбанихан действовал по указаниям Махдума Аъзама из Касана и т. д. Велика была роль авторитетных духовных лиц и в обострении феодальных войн. Иногда они предпринимали серьезные усилия, чтобы обеспечить победу правителям, находящимся под их воздействием и ищущим у них поддержки; взамен их вознаграждали высокими постами, даже доверяли управление отдельными провинциями; кроме того, они получали во владение огромные земли. Как свидетельствуют источники, влиятельный шейх Ходжа Ислам, крупный феодал во времена Абдул-

лахана, сыгравший определенную роль в политической жизни Мавераннахра, владел 2,5 тысячами гектаров плодородной земли в провинциях Бухары, Миянкула, Насафа, Каракуля, Мерва, 10 тысячами овец, 700 лошадами, 500 верблюдами. У него было триста рабов, более тысячи торговых лавок, различных промышленных заведений, мастерских и мельниц².

Безусловно, существовала веская причина столь исключительной приверженности ханов к духовным лицам, чьей поддержкой они пользовались. Обладавшее большими материальными средствами духовенство стремилось сохранить централизованное государство и укрепить его роль. Кроме того, используя религию, шариат под личиной человеколюбия вел за собой отсталые слои общества.

Народ, зависимый и от политического правителя и от духовных лиц, изнемогал под двойным гнетом. В ту эпоху землю дехканам выделяли на непомерно тяжелых условиях: по договору производитель-дехканин отдавал владельцу земли две трети собранного урожая, выплачивая сверх этого разнообразные феодальные подати, которых в то время существовало более 10 видов и взимались они натурой или деньгами³.

Шейбаниды увеличивали источники своих доходов путем неоднократных денежных реформ, что еще более ухудшало условия существования дехкан-бедняков: среди безземельных дехкан и обнищавших ремесленников зарождалось недовольство, возникали вооруженные восстания.

Как пишет автор «Привлекательных историй», из-за голода и свирепствовавших болезней в Каракульской провинции, где правителем был один из шейбанидов — Хамза Султан, народ восстал. Люди, вооруженные копьями, штыками и дубинками, изгнали Хамзу Султана и вместо него избрали своего предводителя — бедняка. Встревоженный усиливающимися волнениями, Шейбанихан отозвал Хамзу Султана и попытался успокоить восставших. Однако народ продолжал борьбу. Не найдя иного выхода, Шейбанихан бросил на восставший народ

² Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л. 1954. С. 52.

³ Узбекистон ССР тарихи. 1 т. Тошкент, 1970.

Каракуля объединенную армию Махмуда Султана, Мухаммада Темура Султана. Долгое время они не могли покорить провинцию и только после четырехмесячной осады войска Шейбанихана прорвали оборону города и вошли в город: героическое восстание под предводительством представителя народа было жестоко подавлено. Шейбанихан беспощадно истребил почти всех жителей провинции и повелел выстроить на базаре минарет из 400 человеческих голов⁴. Народные восстания прошли и в других провинциях Мавераннахра, в том числе в Самарканде, Бадахшане, Ташкенте и Карши. Однако везде бунт народа жестоко подавлялся. Тем не менее, как сообщают исторические источники, в эпоху шейбанидов экономика страны развивалась, особенно в годы правления Абдуллахана; дипломатические и торговые отношения с зарубежными и соседними государствами приобрели широкий размах. Шейбаниды торговали с государством бабуридов, Малой Азией, Сибирью, с казахскими ханами и Россией. Именно поэтому династия шейбанидов сыграла большую роль в установлении международных связей с другими государствами. Рост торговли с соседними странами привел к определенным сдвигам в экономической и культурной жизни Мавераннахра (особенно в городах). Деятели искусства и культуры получили возможность знакомиться с культурой, искусством и литературой соседних стран. Таким образом, и при господстве шейбанидов культура не остановилась в развитии. Как только кто-либо из шейбанидов захватывал власть, он стремился увековечить свое имя, воздвигнуть такие сооружения, которые своим величием затмевали бы предшествующие. В результате в Самарканде, Бухаре, Ташкенте и Балхе были созданы образцы малой и крупной архитектуры. Такие великолепные архитектурные памятники, как медресе Мир Араб, Масжиди Калон, Масжиди Магак, здание Чорсу в Бухаре, множество мечетей, медресе, крупных парков, библиотек, караван-сараяв, бань, водохранилищ, плотин и мостов, различных торговых и промышленных мастерских, медресе Шейбанихана, мечеть Джами в Самар-

⁴ Таворихи гузида — Нусратнома. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. Акрамова. Ташкент. 1967. Рис. 302—303б. С. 306—307.

канде, медресе Кукельдаш и усыпальница Баракхана в Ташкенте были воздвигнуты по повелению того или иного правителя. В годы своего правления Абдуллахан построил 1001 разнообразное сооружение (начиная с мечетей и кончая караван-сараями)⁵. Сохранившаяся до наших дней часть этих сооружений свидетельствует о применении мастерами и ремесленниками, чьи имена преданы забвению, прочных растворов и материалов, выдержавших испытание временем. Украшения и орнаменты этих зданий, резьба по камню, ганчу и дереву, в которых ясно ощущается традиция гератской школы, определили своеобразие зодчества того времени⁶.

Как и тимуриды, шейбаниды после завоевания власти приглашали в свой дворец известных поэтов и ученых, живописцев, каллиграфов, мастеров искусств, покровительствовали развитию науки и культуры. Именно поэтому начиная с правления Шейбанихана многие служители искусства были привлечены к придворной службе. Среди них знаменитый мастер миниатюры Камолиддин Бехзад (определенное время он находился при дворе шаха Исмаила), Махмуд Музаххиб, Шах Музаффар и мастер по резьбе Мирак, в чьем творчестве достигло расцвета психологическое и реалистическое изображение.

Созданный Бехзадом портрет Шейбанихана, Махмудом Музаххибом — портрет Алишера Навои, реалистические миниатюры к «Шахнаме» и «Бабурнаме», широкоплановые иллюстрации к отдельным эпизодам произведений Джами, Саади и другие, заслуживающие внимания полотна, свидетельствуют о высоком искусстве мастеров и живописцев того времени.

В миниатюрах той эпохи особенно выделяется тяготение к созданию портретов, жизненных картин. Изображение на рисовом зерне всадника, поднявшего на копье льва⁷, изображение серебряного красавца-коня, испугавшегося грозного вида степного тигра, пронзенно-

⁵ Ибрагимов А. XVI аср ўзбек адабиётининг асосий хусусиятлари. Тошкент 1976. 44-бет.

⁶ Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л. 1939.

⁷ Тарихи Рашидий. Рук. фонда ИВ АН УэССР. Инв. № 1430; Норкулов Н., Низомиддинов И. Очерки из истории миниатюры. Ташкент. 1970.

го копьём в лоб, и прекрасного юноши — хозяина коня привлекали внимание многих современников, вызывая восхищение и одобрение⁸.

Особое место занимают роспись золотом, украшение изящным орнаментом, миниатюрой исторических и литературных произведений, созданных в годы правления шейбанидов и до них. Произведения, освещающие историю шейбанидов, были тем благоприятным предлогом для проявления таланта мастеров по резьбе, художников и живописцев.

Когда речь идет об искусстве XVI в., следует обратить особое внимание и на искусство каллиграфии. Как свидетельствуют источники, в Бухаре существовала библиотека, связанная с именем Абдулазизхана, при библиотеке работали каллиграфы, переплетчики, миниатюристы.

Знаменитый каллиграф Мир Али⁹ не только управлял библиотекой, но и обучал своих учеников библиотечному делу. Он создал произведения «Рисолаи хат», посвященное искусству каллиграфии, и «Медод ул-хутут», в котором в виде спора излагал правила правописания. Эти труды свидетельствуют о том, что Мир Али не только владел тайнами каллиграфии, но и творчески осмысливал их. Среди каллиграфов XVI в. можно встретить имена видных поэтов и литераторов того времени — Мухаммада Салиха, Зайниддина Махмуда Васифи, Султана Али Убахи.

В эту эпоху значительные успехи отмечались и в области музыкального искусства. К XVI веку Самарканд и Бухара прославились среди других городов Средней Азии своими высокопрофессиональными музыкальными школами. Сюда из разных стран приезжали музыканты, чтобы получить образование: здесь они обучались исполнительскому и композиторскому искусству, создавали новые музыкальные инструменты и научные работы о музыке.

Музыкальная культура того времени особенно примечательна своим вниманием к народным мелодиям и напевам, стремлением изучить, собрать и создать научно-теоретические основы классических макамов.

⁸ Восифий. Бадоеъ ул-вакое. Научно-критический текст/Составитель А. И. Болдырев. М. 1961.

⁹ Нисорий. Музакир ул-ахбоб. Рук. фонда ИВ АН УзССР Инв. № 7760; Ибрагимов А. Указ. соч., с. 51.

Один из талантливых музыковедов того времени Нажмиддин Кавкаби создал большой трактат о макомах. В этом произведении, написанном в стихотворной форме, автор с удивительным мастерством в аллегорическом плане использовал названия макомов и их разветвлений. Некоторые исторические источники, сообщающие о музыкальной науке и ее представителях, наряду с именем Нажмиддина Кавкаби, внесшего ощутимый вклад в развитие этой науки, упоминают имена Мавляны Хасана Кавкаби, Мавляны Ходжи Мухаммада, Ризы Самарканди, Абдусаттара Кануни, Устада Тулани, Наи и др.

Экономическая отсталость, как результат жестокой и непрерывной борьбы за престол после смерти Шейбанихана, междоусобных распрей султанов, ощутимо повлияла на развитие науки, культуры и литературы Средней Азии. Научная мысль, взлетевшая столь высоко в годы правления Улугбека и Султана Хусейна, к тому времени в определенной степени уступила свои позиции под влиянием духовенства и феодальных раздоров.

Хотя XVI век не дал известных миру деятелей науки и культуры, в исторических источниках приводятся имена ученых, живших и творивших в те годы. Они достигли значительных успехов в математике, астрономии, медицине и фармакологии.

Султан Али Хорасани — лекарь, живший в Средней Азии и Хорасане, подарил правителю Самарканда Кучкунчхану свое «Пособие по медицине» («Дастур ул-илож»). В этом труде речь идет о болезнях и их лечении. Другой самаркандский ученый Арабшах Исфарани был известен как математик, законовед, ученый-филолог. Его труды по морфологии, синтаксису, риторике, алгебре и измерениям, рецензии на ряд книг стали большим вкладом в развитие современной ему науки.

Когда речь идет о науке XVI в., прежде всего нужно назвать произведение Бабура «Трактат об арузе» («Рисолаи аруз»), посвященное вопросам литературной теории, в частности арузу и связанным с ним проблемам, и созданное как продолжение трактата Навои «Весы размеров» («Мезон ул-авзон»). Здесь на примере творчества великих представителей узбекской и персидско-таджикской литературы освещены такие важные проблемы, как аруз восточной классической поэзии, узбекский

руз и его фонетические особенности, его взаимодействие с художественными приемами.

В те годы в различных областях науки творили Рузбехан Исфохани, Хирави, Мавляна Убайдуллах, Мухаммад Мазих, Шах Али, Мавляна Абдулхаким¹⁰.

Как свидетельствуют источники, почти все члены ханской семьи шейбанидов в определенном смысле увлекались литературой и искусством¹¹. Шейбанихан, Убайдуллахан, Абдулазизхан, Абдуллахан пробовали себя на литературном поприще. Это увлечение создавало при дворе благоприятные условия для деятелей науки, литературы и искусства.

В исследуемый период, богатый историческими событиями, было создано, как сказано выше, множество исторических произведений. Их появление было продиктовано, во-первых, требованиями времени, во-вторых, стремлением шейбанидов оставить для потомства историю своей династии. История писалась иногда под непосредственным влиянием того или иного правителя, или в честь какого-либо хана. Среди исторических трудов особое место занимает трехтомное произведение Гиясиддина Мухаммада Хондемира «Достоинства друзей» («*Хабиб ус-сияр*»). В этом сочинении, охватывающем историю конца XV — начала XVI в., описаны феодальные войны между тимуридами и шейбанидами. Такие исторические труды, как «Тарихи Рашидий» Мирзы Хайдара Дуглата, рассказывающего о борьбе узбеков против монгольских ханов, «Привлекательные истории», воссоздающие историю жизни Шейбанихана, «Книга завоеваний» Муллы Шади, написанная по поручению Шейбанихана и воспевающая его деяния, заслуживают внимания как своеобразный материал для изучения истории и культуры Средней Азии в эпоху правления шейбанидов. Однако следует учесть, что исторические события в этих произведениях излагаются с точки зрения интересов феодального класса, борьба за престол между тимуридами и шейбанидами описывается тенденциозно: почти во всех Шейбанихан идеализирован. Так, персидский ученый Фазлуллах Рузбехан Исфохани, вынужденный

¹⁰ Хожа Хасан Нисорий. Музакир ул-ахбоб. Рук. фонда ИВ АН УзССР. Инв. № 7760. С. 72—73; Абдуллаев И., Хикматуллаев Х. Самаркандлик олимлар. Тошкент, 1969.

¹¹ Хожа Хасан Нисорий. Музакир ул-ахбоб. Рук. фонда ИВ АН УзССР. Инв. № 4882. С. 32.

покинуть Иран, нашел убежище при дворе шейбанидов, где создает «Записки бухарского гостя» («Мехмонномаи Бухоро»), в котором отразились исторические события XVI в. Начальные главы этого труда дают богатый материал для изучения культурного уровня и идеологии династии шейбанидов, а последние содержат сведения о походе Шейбанихана против казахов. Кроме того, в нем можно почерпнуть некоторые заслуживающие внимания сведения о казахском народе, его быте и обычаях. Произведение написано в форме дневника; автор не только видел описываемые им события, но и был их участником, благодаря чему произведение содержит достоверный материал по истории и культуре Средней Азии XVI в.¹²

В исследуемую эпоху наряду с созданием оригинальных исторических произведений многие сочинения переводились с персидско-таджикского языка. Например, по указу Кучкунчхана бухарец Мухаммадали бин Дарвешали перевел на узбекский язык «Жамеъут-таворих» Рашидиддина, написанное в конце XIII — начале XIV в., и «Книгу побед» («Зафарнаме») Шарафиддина Али-Язди, посвященную походам Тимура. Эти переводы предназначались не только для местной аристократии, прекрасно владевшей персидско-таджикским языком, и культурных кругов, но и для переселившихся из кипчакских степей узбеков.

Особое место в изучении литературной жизни каждой эпохи занимают тазкире — антологии. Поэтому когда речь идет о литературном движении XVI в., прежде всего нужно отметить произведение Ходжи Хасана Нисари «Упоминание о друзьях» («Музаккир ул-ахбоб») ¹³. Это тазкире, составленное в 1566-67 г., посвящено одному из шейбанидов — Искандеру Бахадирхану. В нем упоминаются имена более 250 поэтов и писателей, людей искусства и науки.

¹² Салье М. Малоизвестный источник по истории Узбекистана «Мехманномаи Бухара»/ Труды ИВ АН УзССР. Вып. III. Ташкент. 1954; Жалилова Р. Записки бухарского гостя. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1965.

¹³ Ходжа Хасан Нисари родился в Бухаре в I половине XVI в., умер в 1597—98 г. Хасан Нисари был сыном талантливого писателя Ходжи. Его братья также увлекались литературой и отличались поэтическими способностями. Хотя в истории литературы Нисари известен как автор «Упоминания о друзьях» («Музаккир ул-ахбоб»), по свидетельству Мутриби, он был ученым, сведущим в аст-

В этом произведении, задуманном как своего рода продолжение «Собрания избранных» Алишера Навои, отмечается приверженность к традиции учителя. Это прежде всего отразилось на объективном отношении к каждому художнику слова, правильной оценке их деятельности, стремлении не оставить без внимания и поэта-правителя, и поэта-ремесленника, на внимании к своеобразию, характерным особенностям их творчества. Тазкире Нисари имеет большое значение для изучения литературной жизни XVI в., дает обширные сведения о малоизученном периоде истории культурной жизни Средней Азии.

В «Упомянутом о друзьях» содержатся сведения о многих деятелях науки, поэтах, представителях искусства, сыгравших важную роль в культурной жизни в эпоху правления шейбанидов, о которых не упоминается в других источниках. Достаточно назвать имена Хафиза Убахи, Мухаммада Салиха, Зайниддина Васифи, Маджлиси, Рузбехана Исфакхани, Ходжи и других.

Для исследования литературного процесса XVI в. наряду с тазкире большую роль играют произведения историко-мемуарного и дневникового характера. Они сообщают о поэтах и писателях, стоящих на различных идейно-социальных позициях.

Одним из таких произведений являются «Удивительные события» («Бадоеъ ул-вакое») Зайниддина Махмуда Васифи¹⁴. Это произведение мемуарного характера создано в 1532 г. и выделяется среди подобного рода произведений достоверностью сведений об общественно-

рономии, географии и геометрии. В тазкире Мутриби приводится составленная Нисари географическая и физическая карты и отмечено, что в поэзии он был учеником Навои, а в светских науках — Улугбека, даны образцы его газелей и мувашшахов. О диванах Нисари ничего не известно; о Нисари и его тазкире см.: Болдырев А. Н. Тазкире Хасана Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. Труды отдела востоковедения при Эрмитаже. Т. 3. Л. 1940; Айнйи К. Тазкираи Хасан Нисори ва нухаҳои он//Известия АН ТаджССР. Вып. 9. 1956; Мирза ахмедова М. Хасан Нисорий ва унинг «Музакир ул-ахбоб» тазкираси//Узбек тили ва адабиёти. 1965. № 4.

¹⁴ Зайниддин Махмуд Васифи (1485—1566) родился в Герате. Он побывал в Самарканде, Бухаре, последние годы жизни провел в Ташкенте. При дворе исполнял обязанности писаря. Он — автор ряда касьд, сатирических стихотворений «Тошкент мадхи» («Восхваление Ташкента»). Васифи считал Навои своим учителем.

политической жизни, культуре и литературе конца XV — начала XVI в.¹⁵

Васифи, живой свидетель происходящих вокруг него событий, в своем труде использует и некоторые документы, говорит о литературных спорах, приводит воспоминания, связанные с определенными фактами литературной жизни, включает в повествование рассказы и легенды, что весьма важно для уточнения отдельных исторических событий, исследования различных литературных связей.

Воспитанный «гератской школой», высокоодаренный человек с тонким вкусом и обширными знаниями, Васифи, создавая свои произведения, исходил из интересов трудящихся масс. В его «Касыде о голоде», «Касыде о Ташкенте», в ряде лирических произведений и различных рассказах и легендах, вошедших в «Удивительные события», убедительно и правдиво отображены горести трудящихся, безразличие представителей высших слоев общества к их нуждам, усугубление и без того тяжелого положения народа стихийными бедствиями.

В воспоминаниях, рассказах и легендах о великих ученых и поэтах — Ибн Сине, Улугбеке, Абдуррахмане Джамии, Алишере Навои — высоко оценен вклад этих гениальных деятелей в развитие культуры, науки и литературы Средней Азии, их роль как наставников и высокая эрудиция. Эти портреты творцов выполнены в реалистической (а иногда и в романтической) манере. Однако порою бросаются в глаза высокопарность, риторичность, некоторая ограниченность взглядов автора «Удивительных событий»¹⁶.

Писателей, живших в ту эпоху (как, впрочем, и в предыдущую), в соответствии с их классовой и идейной позициями можно разделить на две группы: одна — представители феодально-дворцовой литературы во главе с ханом и правителями, другая — представители литературы прогрессивного направления, творившие во имя народных интересов, целей и идей.

В условиях XVI в. феодально-дворцовая литература

¹⁵ Болдырев А. Н. Зайниддин Васифи. Сталинабад. 1957.

¹⁶ Это произведение — редкий образец персидско-таджикской литературы — как важнейший источник при изучении истории, литературы и культуры, науки узбекского народа неоднократно переводилось на узбекский язык (переводы Дилаварходжи и Огахи).

в сущности (с точки зрения классовых интересов) сливалась с религиозно-мистической литературой того времени. Представители этой литературы прославляли эмиров, ханов и придворных, оправдывали именем шариата все их неблагоприятные деяния и поддерживали религиозные догматы. Такие поэты, как Мавляна Хозири, Бакон, Фазои, Ходжа Юсуф Маломати, Афсари, нашедшие прибежище при дворе Шейбанихана, Убайдуллахана и верные принципам дворцовой литературы, выражали интересы династии шейбанидов.

Глава династии Шейбанихан сам увлекался стихосложением. Хотя и нет достоверных сведений о существовании какого-либо крупного его произведения или дивана, несколько газелей и стихотворных отрывков, приведенных в «Шейбанинаме» Мухаммада Салиха, «Упоминании о друзьях» Нисари и др., свидетельствуют о поэтических упражнениях хана. Правда, в некоторых источниках упоминается о существовании поэтического произведения под названием «Ему — всевышнему» («Бахр ул-худо»), написанного в форме касыды¹⁷. Если обратиться к газелям Шейбанихана, приведенным только в «Шейбанинаме», можно увидеть, что они были написаны по случаю завоевания им того или иного вилаята и в основном являются самовосхвалением.

Автор «Привлекательных историй» («Таворихи гузида — Нусратнома»), посвященных походам Шейбанихана, также включил в свое произведение некоторые газели хана. Одна из них, начинающаяся со строки «Увидел я лицо твое в том шатре», написана в честь правителя Гиссара Хосровшаха; газель автобиографического характера о падении хана с лошади во время похода на Самарканд, газель, рассказывающая о том, что в своих действиях хан руководствуется законами шариата. Эти и другие газели свидетельствуют об ограниченности, художественном несовершенстве стихов Шейбанихана, чаще всего создававшихся ради забавы¹⁸.

¹⁷ Семенов А. А. Культурный уровень первых шейбанидов // СВ, 1956, № 3. В 1982 г. исследователь из Лос-Анджелеса А. Е. Бодроглигети издал «Бахр ул-худо» Мухаммада Шейбанихана в транскрипции с переводом на английский язык, снабдив его большим предисловием и комментариями на страницах международного журнала «Урало- и алтаеведение». Ural-Altai Yearbook 1982. 54.

¹⁸ Таворихи гузида — Нусратнома / Исследование, крит. текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. Акрамова. Ташкент. 1967. Рис. 311, 314, 317, 319 и др.

Еще один типичный представитель феодально-дворцовой литературы — племянник Шейбанихана Убайдуллахан. Он создавал стихи под псевдонимом «Кул Убайдий» («Раб Убайди»). В своем творчестве он подражал и Ахмаду Яссави, и Сулейману Бакиргани, и представителям светской литературы. Полный сборник стихов Убайдуллахана — «Куллиёти Убайдуллахон» («Сочинения Убайдуллахана») — включает в себя его произведения на арабском, персидском и узбекском языках¹⁹.

В творчестве Убайдуллахана отчетливо проявляется высокомерие победителя, покорившего чужие страны и безнаказанно разграбившего их; он открыто заявляет, что мечтает стать «покорителем всего мира». И в газелях, и в рубаи он горделиво говорит о своих мечтах и стремлениях:

О всевышний, дай мне счастье, престол и богатство,
Врагам (моим) дай труд и невзгоды...
Милостью и благосклонностью всегда (моему)
Каждому намеренью дай благословение на победу²⁰.

Второй ведущий мотив произведений Убайдуллахана — воспевание религиозных догматов, аскетических настроений. В этих стихотворениях ясно ощущается воздействие назидательно-дидактических стихотворений Яссави, проповедующих отказ от мирской жизни, беспрекословное подчинение господствующим классам, покорность воле всевышнего и смиренное терпение. Его назидательные высказывания и месневи свидетельствуют о незыблемости этой идейно-эстетической позиции автора.

Последний правитель из династии шейбанидов Абдуллахан II также был одним из представителей феодально-дворцовой литературы. В его поэтическом творчестве отразились все его коварные замыслы, направленные на сохранение престола и расширение территории своего владычества.

Шейбаниды, завидуя и подражая «гератской школе», которая во главе с Алишером Навои украшала двор тимуридов, собрали при своем дворе людей науки, искусства, литературы. Однако представители «школы», возглавляемые ханами (сначала Шейбаниханом, затем — Убайдуллаханом и Абдуллаханом), в основном

¹⁹ В истории узбекской литературы диван Убайдуллахана примечателен своим трехязычием (Куллиёти Убайдий. Рукописный фонд ИВ АН УзССР. Инв. № 8931).

²⁰ Куллиёти Убайдий, с. 558.

создавали лишь панегирики, преследуя единственную цель: укрепить свои классовые позиции в обществе. Замкнутая кругом узко интимной тематики их литература служила только интересам высших слоев общества.

Дворцовая литература не могла дать духовную пищу народу, существенно повлиять на его внутренний мир, ибо преимущественное внимание ее авторов было направлено не на идейное содержание, а на форму произведений.

Далекая от жизни, реакционная и мистическая по сущности эта литература превратилась в орудие эксплуатации трудящихся и не имела будущего.

Как и во все времена, в литературе XVI в. в противовес реакционной придворной литературе существовала прогрессивная народная литература, отражавшая реальные события и явления, защищавшая интересы народа. Продолжая прогрессивные литературные традиции прошлого, она правдиво освещала актуальные проблемы своего времени, стремясь дать читателю духовно-эстетическую пищу и воспитать его вкус. Эта литература закалилась в идейной борьбе с феодально-дворцовой литературой и поднялась на новую ступень развития.

Когда речь заходит о передовых узбекских писателях этой эпохи, прежде всего следует назвать поэта и ученого Захириддина Мухаммада Бабура, автора лирических и лироэпических произведений Мухаммада Салиха, Маджлиси, талантливого писателя и поэта Ходжу. Созданные ими исторические и литературные памятники позволяют определить своеобразие узбекской литературы того периода.

Плодотворное влияние традиций узбекской литературы второй половины XV века и ее величайшего представителя Алишера Навои испытали передовые поэты и писатели узбекской (не только узбекской) литературы последующей эпохи. Лирическое наследие Бабура, большинство рассказов Ходжи были созданы под непосредственным влиянием Навои²¹.

²¹ См.: Шайхзода. Навоий ва Бобур. Соч.: В 5 т.; Хаккулов И. Анъана ва маҳорат. Навоий ва ижод сабоклари. Ташкент. 1980; Мирзаахмедова М. Ходжа ижодида Навои традициялари//Навоий ва адабий таъсир масалалари. Ташкент. 1975; Ходжа (Жизнь и творчество). Ташкент. 1975.

Кроме того, «Упоминание о друзьях» Нисари и «Собрание желанных» («Мажма ул-хавас») Садыкбека Китабдара были написаны как продолжение тазкире Навои «Собрание избранных». Авторы этих произведений считали Навои своим учителем и с гордостью и удовлетворением отмечали, что свое творчество посвятили продолжению его дела.

Вместе с тем, непосредственные участники возглавляемой Алишером Навои гератской школы (Хулки, Зиёи, Кишвари, Басри), коренные мавераннахрцы (Абулкасым Кахи, Мир Дусти, Назири Самарканди), эмигрировавшие в зарубежные страны из-за развернувшихся политических событий XVI в. в Турции, Афганистане и Индии, продолжая традиции Навои, расширили территориальные границы узбекской литературы и узбекского языка. Мастера поэтического слова, четко представляя себе всю ответственность создания произведений типа «Пятерицы» Навои, пишут аналогии к его отдельным дастанам. К их числу относятся «Максуд ул-атвор» Ходжи и не обнаруженный до сих пор дастан Ходжи и Мухаммада Рахими «Лейли и Меджнун».

Как известно, в первой половине XVI века после завоевания Бабуром Индии и установления там его господства, продолжалось художественное творчество и на узбекском языке. Этот литературный процесс содействовал сохранению позиций узбекского языка. Хумаюн Мирза, Комрон Мирза, Мулла Яри, Хушхолбек, Мухаммад Байрамхан писали на узбекском языке, что способствовало его распространению за рубежом.

Особое внимание заслуживает среди упомянутых поэтов творчество Мухаммада Байрамхана²². Он жил в годы правления бабуридов (Хумаюна и Акбаршаха) в Индии. О его жизни и литературном наследии не сохра-

²² Мухаммад Байрамхан (1504—1561) — туркмен по происхождению, его предки своими корнями в какой-то степени примыкали к роду Бабура. Поэтому Байрамхан поступил на службу к Хумаюну и добился больших успехов в военных походах. Хумаюн высоко оценил его заслуги, присвоил ему звание «хони хон» («хан ханов») и назначил его наставником своего сына Акбара. После смерти Хумаюна Байрамхан управлял государством от имени Акбара. Однако вскоре после воцарения Акбара он был убит. См.: Кусасев М., Алиев Р. Байрамхан. Сайланан эсерлер. Ашхабад 1969; Алиев Г. Ю. Байрамхан — туркменский поэт. Ашхабад 1970; Байрамхан. Ғазаллар. // Асрлар нидоси. Тошкент. 1982. 42—83-бетлар.

нилось достаточных сведений. Существует только диван поэта, впервые изданный в 1910 г. в Калькутте Денисоном Россом. В нем собраны газели, рубаи, кытъя, касыды, фарды — всего более 160 наименований (около двух тысяч строк), написанных на персидско-таджикском и тюркском языках. Первые 50 страниц этого произведения на фарси и тюрки под названием «Диваны Байрамхана — хана ханов» занимают стихотворения на персидском языке («Персидский диван» включает более тысячи строк), остальные 40 страниц — на тюркском языке («Тюркский диван»).

Произведения Байрамхана, особенно газели и рубаи, свидетельствуют о том, что ряд его газелей был создан под воздействием произведений Лутфи и Навои, а рубаи — под влиянием рубаи Бабура.

Газели Байрамхана демонстрируют хорошее знание поэтом быта и обычаев узбекского народа, чуткое понимание тончайших сторон поэзии.

В узбекской литературе XVI в. заметно более частое, чем прежде, обращение к исторической теме, стремление зафиксировать и художественно отобразить увиденные воочию события и явления. Этот интерес к истории был в какой-то степени вызван политическими событиями современности, хотя отчасти и поощрялся шейбанидами.

Наиболее значительные произведения на историческую тему в своеобразной форме описывали правду жизни. В этом отношении примечательно «Бабурнаме» Захириддина Мухаммада Бабура, правдиво отобразившее политические, исторические и культурные события современной автору эпохи. Объективность воспроизведения и оценка изображаемого сделали это произведение, несущее историко-мемуарный характер, очень важным, достоверным и авторитетным историческим источником (материал о Бабуре и «Бабурнаме» приведен ниже).

Было создано несколько произведений, посвященных Шейбанихану и его походам и отразивших крушение династии тимуридов, кровопролитные войны, которые вели шейбаниды за власть. В таких произведениях, как «Шейбанинаме» Мухаммада Салиха, «Фатхнаме» Муллы Шади, «Абдулланаме» Хафиза Бухари, авторы отображали события, участниками которых были они сами, или моменты, связанные с деятельностью Шейбанихана или Абдуллахана. По манере изложения, тематике, объектам

изображения эти произведения в корне отличаются от традиционных (любовно-романтических и философских) поэм. Поставив перед собой цель художественно изобразить те или иные исторические события, участниками которых они были или о которых имели достоверные сведения, авторы, хотя порою и не сумели избежать субъективизма и тенденциозности, не могли все же закрыть глаза на правду жизни и отображали события правдиво. Ярким примером может служить поэма Мухаммада Салиха «Шейбанинаме»²³.

Наряду с историческими дастанами в форме месневи в узбекской литературе XVI в. встречаются и поэмы на традиционные темы, характерные для восточной литературы. Хотя упомянутая поэма Ходжи и Рахими «Лейли и Меджнун» не дошла до нас, по ее названию можно предположить, что она должна быть близка к типу ранее созданной поэмы «Лейли и Меджнун».

В узбекской литературе этого периода достойное место занимает поэма Маджлиси о Сайфульмулуке²⁴ как своеобразный образец узбекской эпической прозы. Новое, не известное в узбекской литературе оригинальное содержание, романтический характер, выразительность средств изображения, народность языка—все это сделало поэму любимой и популярной среди широких народных масс. Поэма о Сайфульмулуке, любимая казахами, татарами и туркменами, заняла достойное место среди «народных книг».

В литературе XVI в. романтически-приподнятое изображение отмечается не только в поэтическом творчестве Маджлиси, но и в некоторых прозаических памят-

²³ См.: Мухаммад Салих. Шайбонийнома/Составитель и автор предисловия Н. Даврон. Ташкент. 1961; Маллаев Н. Узбек адабиёти тарахи. I китоб. Тошкент, 1963; Иброхимов А. XVI аср ўзбек адабиётининг ўзига хос хусусиятлари. Тошкент. 1976. Есть мнение, что «Узлекательные истории» принадлежат перу Мухаммада Салиха (Акрамов А. Таворихи гузида—Нусратнома. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. 1965); Стихотворный диван и поэма «Ноз и Ниёз» Мухаммада Салиха до нас не дошли. Поиски его стихотворений увенчались успехом в наши дни: Шадыев Э. Мухаммад Солих шеърлари//Узбекистон маданияти газ. 1972. Июль: Хайитметов А. Хаётбахш чашма. Ташкент. 1974.

²⁴ Маджлисий. Киссаи Сайфулмулук/Составитель и автор предисловия Н. Маллаев. Ташкент. 1959; Маллаев Н. Указ. соч.: Иброхимов А. XVI аср ўзбек адабиётининг ўзига хос хусусиятлари. Тошкент. 1976.

никах. Талантливый писатель того времени Ходжа в «Ключе к справедливости» («Мифтох ул-адл») и «Цветнике» («Гулзор»), используя отдельные эпизоды из жизни правивших ранее государей, создавал небольшие рассказы, основой которых служили современные писателю события. Таким образом, писатель сумел в возвышенном духе отразить реальные жизненные явления, актуальные проблемы своего времени (подробнее творчество Ходжи рассмотрено ниже, в специальном разделе).

В узбекской литературе XVI в. наряду с крупными эпическими и лирическими жанрами развивался и малый поэтический жанр. Однако поэтические диваны Бабура, Ходжи, Салиха и Маджлиси либо не дошли до нас, либо дошли неполностью.

Хотя, по утверждению Хасана Нисари, Ходжа составил два дивана (тюркский и персидский), они не найдены до сих пор. Нам известны лишь персидская газель Ходжи, приведенная в тазкире Нисари, и тюркская газель, получившая высокую оценку Бабура.

Из составленного Мухаммадом Салихом дивана сохранились несколько персидских и тюркских газелей и рубаи в отдельных тазкире и поэтических сборниках²⁵. В свое время лирические стихотворения Салиха привлекли внимание Навои и Бабура.

Нисари хорошо отзывался о стихотворениях, особенно касыдах Маджлиси, но нам они не известны до настоящего времени; мы располагаем только двумя матла на персидском языке.

В 1519 г. в Кабуле и в 1528 г. в Индии Захириддин Мухаммад Бабур составил диваны, которые впоследствии объединил. До наших дней сохранился только «Индийский диван Бабура»²⁶. В настоящее время лирическое наследие Бабура составляют более 110 газелей, около 200 рубаи, около 50 произведений других жанров (кытъя, фард, туюг, месневи).

Дошедшие до нас образцы поэзии позволяют судить о своеобразии поэтического творчества того времени.

²⁵ Хайитметов А. Указ. соч., с. 136; Шадыев Э. Указ. ст.

²⁶ Азимджанова С. Индийский диван Бабура. Ташкент, 1966.

В тематическом отношении в поэзии XVI в. не произошло больших изменений. Ведущей была традиционная любовная тематика. В творчестве прогрессивных представителей узбекской литературы того периода, как и в творчестве Алишера Навои и его предшественников, прозвучали социальные и дидактические мотивы; немаловажное значение придавалось и отображению событий, носящих автобиографический характер.

Из жанровых особенностей лирической поэзии следует отметить особенно заметное стремление, с одной стороны, к компактности, малому объему газелей, с другой стороны — к неукоснительному следованию образцам газелей таких поэтов прошлого, как Лутфи, Атои. Если в предыдущую эпоху большая часть газелей состояла из семи, девяти, одиннадцати бейтов (что характерно и для газелей Навои), то в исследуемый период большинство газелей состояло в основном из пяти бейтов. Это особенно заметно в газелях Бабура, Байрамхана, Ходжи, Салиха, характерно и для газелей Шейбанихана и Убайди.

Тематика рубаи в этот период несколько обогатилась, к традиционным философским, назидательно-дидактическим мотивам прибавились автобиографичность, стремление отобразить явления реальной действительности, осветить какую-либо конкретную проблему. Наиболее характерно это для рубаи Бабура.

Изменения коснулись и туюгов²⁷. Обычно в туюгах рифмовались омонимы, Бабур же отступил от этого правила: у него встречаются туюги с двойными омонимами или без омонимов (в форме кытъя).

Таким образом, хотя идейное содержание и поэтическая форма лирической поэзии сохраняли традиционность, в ней заметны и своеобразие и определенные достижения.

В узбекской литературе XVI в. нужно отметить стремление к простоте и народности языка художественных произведений. Поэтические и прозаические произведения Бабура, поэмы Салиха и Маджлиси и особенно рассказы Ходжи понятны и современному читателю.

Столь осязаемая простота литературного языка, вероятно, была следствием тематической связи в тот период

²⁷ В а л и х ў ж а е в Б. Алишер Навоий ва унинг издошлари талқинида туюғ. Адабий мерос. Т. 3. 1973; Захириддин Мухаммад Бобур. Мухтасар/Составитель С. Хасанов. Ташкент, 1974.

художественных памятников с фольклором. Так, «Поэма о Сайфульмулуке» и «Ключ к справедливости», «Цветник» написаны под плодотворным влиянием устного народного творчества. А «Бабурнаме» и «Шейбанинаме», где сам материал диктовал точность и доступность речи, посвящены исторической теме.

Примечательно, что в этот период в Мавераннахре тюркский язык был ведущим для литературного творчества. Хотя Бабур наряду с родным языком в совершенстве владел и персидско-таджикским, свое «Бабурнаме», имеющее мировое значение, и лирические стихотворения он написал на тюркском языке. Ходжа, Салих и Маджлиси, составившие персидские диваны, свои крупные произведения писали на узбекском языке и тем самым внесли достойный вклад в сохранение, совершенствование узбекского языка, в углубление его народности.

Таким образом, в своих произведениях прогрессивные представители узбекской литературы XVI в. продолжили и развили самые лучшие традиции литературы прошлого. Они стремились новаторски обновить, углубить содержание и усовершенствовать форму художественных произведений.

В эту эпоху были созданы произведения исторического, мемуарного характера, появились исторические дастаны-месневи. Тематическая новизна сказалась и на традиционных поэмах. Малый жанр чисто художественной прозы (рассказы) — также продукт этой эпохи.

По тематике художественная литература все более приближалась к жизни, что в свою очередь способствовало углублению народности языка произведений. В отображении современных событий был использован правдивый стиль изображения. Именно поэтому литература XVI в. стала новой ступенью в истории узбекской литературы.

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР

Для своих современников он был прежде всего правителем, основателем так называемой «Империи Великих моголов». Для потомков более ценна творческая деятельность Бабура. Он выступал как поэт и прозаик, вел научные исследования в области истории, литературове-

дения, искусствознания, теологии, естествознания и других наук.

Захириддин Мухаммад Бабур — один из последних тимуридов. Его отец, Омар Шейх Мирза, внук эмира Тимура, был правителем Ферганского удела. Его мать, Кутлуг Нигарханум, была дочерью правителя Ташкента Юнусхана. Бабур родился 14 февраля 1483 г. (888 г. х. 6 месяца мухаррама) в Андижане, по некоторым сведениям, — в городе Акси. Детские годы Бабура прошли главным образом в Андижане, Акси и его окрестностях. Бабур получил образование при дворе, с самого раннего детства в нем пробудился интерес к наукам и поэзии. Вместе с тем он был смелым, физически крепким, увлекался военным искусством и часто отличался во время военных учений и охоты. Именно поэтому уже в детские годы его прозвали «Бабуром» (лев).

В 1494 г. неожиданно трагически погибает отец Бабура. В июне этого же года двенадцатилетний Бабур был провозглашен государем. Как принято, некоторое время кто-то из доверенных лиц был опекуном и советником малолетнего правителя. Однако предпринятый вскоре после восшествия на престол поход на Самарканд свидетельствует о том, что Бабур быстро обрел самостоятельность.

В 1500 г. с двумястами сорока солдатами шестнадцатилетний Бабур второй раз покорил Самарканд. Однако на этот раз с севера Бабуру угрожал пятидесятилетний Мухаммад Шейбанихан (1451—1510), предводитель кочевых узбеков, представляющих огромную политическую силу, объединенную против тимуридов. Шейбанихан бросил на Самарканд огромное войско, заставил Бабура отступить в крепость и занять оборонительную позицию. Осада продолжалась три-четыре месяца и вконец изнурила защитников. В конце концов Бабур был вынужден заключить мир с Шейбаниханом и оставить ему Самарканд. «Будь у нас надежда на помощь, будь у нас припасы, кто бы стал слушать слова о мире? Однако необходимость заставила...», — вспоминает Бабур в «Бабурнаме».

Затем начались годы скитаний. Без войска и престола, с единственной целью где-нибудь установить свое правление Бабур метался между Джиззаком и Ура-тепой, Мастчахом и Ташкентом, Пскентом и Ангреном,

Фаркентом и Кокандом, Ошем и Ахсикентом. Нереальным казался и его план — отнять Андижанский престол у Ахмада Танбала. Царевичу-неудачнику отказал в благосклонности и ближайший родственник — правитель Ташкента Махмуд Султан. «Султан Махмуд не был человеком битвы. Он стоял вне ремесла война», — говорил о нем Бабур.

В 1504 г., не дождавшись помощи, Бабур с несколькими преданными ему людьми ушел через Гиссарский хребет в Кабул. Маршрут этой экспедиции по неизвестным горным тропам неизвестен до настоящего времени. В 1504 г. (909 г. х., месяца раби первого) Бабур напал на Кабульскую крепость, овладел ею без боя и установил там свое правление.

Кабульское шахство было независимо от Хорасанского государства, и в Кабуле Бабур стал претворять в жизнь свои не осуществленные на родине политические, экономические и культурные планы. Однако он еще окончательно не отказался от замысла завоевать Самарканд. В 1506 г. Хусейн Байкара отправился в поход против Шейбанихана, но по пути умер. Воспользовавшись распрями между тимуридами, Шейбанихан вскоре овладевает Гератом. К этому времени борьба между шейбанидами и иранским шахом Исмаилом Сафави достигла кульминационной точки. Правильно оценив создавшееся положение, Бабур снова направляет войско в Мавераннахр и опять овладевает Самаркандом. Однако местному населению не понравилось его сближение с шиитами Ирана. В результате 28 апреля 1512 г. на подступах к Бухаре Бабур потерпел поражение от шейбанида Убайдуллы-хана.

В Кабуле с 1504 по 1526 годы правил сам Бабур, затем его сын Камран Мирза. Чтобы создать централизованное государство Бабур стремился обуздать влиятельных эмиров, ограничить права феодалов на владение землями. «...Я дал кому деревню, кому удел, но по целой области не дал никому», — пишет он в «Бабурнаме». Такие меры были наиболее целесообразными для достижения политической стабильности и поднятия экономики страны.

Большое внимание Бабур уделял благоустройству страны: строил караван-сарай, налаживал внешнюю и внутреннюю торговлю; он понимал значение оросительных сооружений, ремонтировал плотины, закладывал

новые сады, открывал новые земли для посевов. Стремился предотвратить междоусобную борьбу и установить добрые взаимоотношения между племенами. Однако во всех своих начинаниях он преследовал интересы господствующего класса, вел беспощадную борьбу против непокорных племен, продолжая политику тимуридов с позиции силы, прибегал порою к жестокому меру наказания.

Поэтическим творчеством Бабур серьезно начал заниматься с 15—16 лет. Уже в шестнадцать лет он писал совершенные по форме и содержанию рубаи. Однако мастерством газели он овладел с большим трудом.

Вспоминая взятие Самарканда, он писал: «В те годы я сочинял по одному или два стиха, но не заканчивал газели». В Кабуле он часто собирал поэтов и вел поэтические беседы. Он писал в «Бабурнаме», что в 1503—1508 гг. «изобрёл» новый алфавит и назвал его «Алфавит Бабура» («Хатти Бобурий»). Начертание этого письма, где ни одна буква не имела диакритических знаков, отличалось простотой и удобством и было нововведением для мусульманского Востока. Впоследствии этим письмом был переписан Коран и отправлен в Мекку.

Между 1506—1507 годами Бабур по приглашению Бадиуззамона, который правил после Хусейна Байкары вместе с Музаффар Мирзой, побывал в Герате. Во время этого путешествия Бабур задумал посетить места, связанные с именем Алишера Навои.

В течение двадцатидневного пребывания в Герате он все время жил в доме Навои. «Пока я был в Герате, жил в доме Алишербека», — писал он в «Бабурнаме». Бабур с детства любил Навои, даже пытался вступить с ним в переписку. Он сам пишет в «Бабурнаме»: «Когда я в этот раз вторично взял Самарканд, Алишербек был еще жив. Ко мне однажды даже пришло от него письмо. Я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненный мною тюркский стих; раньше, чем успел прийти ответ, начались неурядицы и смуты».

В Герате Бабур посетил связанные с именем Навои Газургах, Тахти Навои, Пули Малан, Нийматабад, сады Алишербека, бумажную мельницу. — «...Дом, где жил Алишербек, называемый Унсия, его могилу и соборную мечеть, которую называют Кудсия, медресе и ханаку, называемые Халасия и Ихласия, баню и больницу, называемые Сафаия и Шифаия. Все эти места я посетил в то время», — пишет он в «Бабурнаме».

Острые противоречия между поэтическими замыслами, гуманистическими взглядами Бабура и его политической завоевателя и неограниченного владыки сопровождали его всю жизнь. Если стихотворения Бабура создавались в духе передовых литературных традиций своего времени, то его государственная деятельность была направлена на сохранение и упрочение господства своего класса.

В отношении ислама он стремился строго следовать букве закона шариата и согласовывать свои интересы с его установлениями. Это выразилось и в его интересе к личности крупного феодала, главы духовенства Средней Азии Ходжи Ахрора, чье произведение «Волидия» он, уже будучи в Индии, с увлечением перевел на тюрки и посвятил своему сыну Хумаюну.

Как типичный феодальный правитель, Бабур постоянно заботился о расширении и укреплении границ своего государства, ставшего известным под названием «Кабульский улус». В 1522 г. Бабур завоевал Кандагар, что позволило ему расширить границы своих владений до Индии, политическую обстановку которой он стал внимательно изучать. Там царствовали распри между различными индийскими князьями. В течение 1519—1525 годов Бабур несколько раз нападал на Индию с целью захвата и всегда осуществлял задуманное. В 1525 г. он подчинил себе Пенджабскую область. Эта победа воодушевила его. Но перед Бабуrom стояла серьезная сила — султан Дели Ибрагим Луди, располагавший стотысячной армией. В начале апреля 1526 г. в бою близ города Панипат Бабур с двенадцатитысячной армией разгромил войско Ибрагима Луди. Сам султан погиб в бою. В феврале 1527 г. Бабур близ города Сикри нанес поражение другому крупному индийскому правителю Рана Санграму. В этих сражениях Бабур мастерски применял узбекскую военную тактику «тулгама», одновременно используя европейские пороховые пушки, установленные на лафетах (эти войны показали низкий уровень экономики и развития средств производства в Индии и ее политическую разобщенность). Продолжая свои походы, Бабур завоевал территорию до границ Бенгалии и перевел столицу в Агру, заложив основу новой мощной империи, впоследствии известной как «Империя Великих моголов». В рядах войск Бабура сражались в основном люди из барласских, джалайирских и дулдай-

ских племен, моголов же было мало. Такое название империя Бабура получила, вероятно, из-за близости Бабура к тимуридам, а тимуридов в далеком прошлом — к моголам.

Хотя Бабур пришел в Индию как завоеватель, но в отличие от других захватчиков, он остался там, перенес туда центр своего государства, а затем начал объединять вокруг него разобщенных индийских феодалов, стремясь в то же время примирить различные религиозные секты. Бабур энергично взялся за оживление экономической и культурной жизни страны. В этот период укрепились связи Индии с другими странами, в том числе и с Россией. Бабур отправил в Москву своего посла Ходжу Хусейна, чтобы заключить договор о дружбе и сотрудничестве. В Индию стали переезжать многие ученые и поэты, историки и люди искусства из Средней Азии, Герата, Кабула. Об этом Бабур писал в одном из своих фардов. Большинство из переселившихся вскоре нашли общий язык с местными культурными силами и стали успешно с ними сотрудничать. Агра и Дели превратились в центр оживленной политической и культурной жизни.

Бабуру нравились природа Индии, мастерство и трудолюбие ее людей, древность культуры, но с неудовлетворением отмечал он жаркий климат и нехватку проточных вод.

В 1525 г. Бабур начал свое главное произведение — «Бабурнаме», которое писал до последних дней жизни. Значительная часть лирического наследия Бабура также создана в этот период. В 1528 г. он составил диван из стихотворений, созданных в Индии. Об этом сборнике он писал: «Когда я предпринял поход на Хиндустан, у меня накопилось несколько стихотворений. (Позднее) я отредактировал их и описал последующие события, которые отражены на этих страницах»²⁸.

Между 1523—1525 годами Бабур создает свой знаменитый «Трактат об арузе», который показывает, насколько совершенно и глубоко он знал поэзию Востока. На стихотворных примерах из творчества более чем ста авторов Бабур с удивительным мастерством ставит и объясняет проблемы аруза, развивая мысли, изложенные

²⁸ Этот сборник, известный под названием «Индийский диван», был опубликован в 1966 г. К изданию его подготовила С. Азимджанова.

в «Весех размеров» Алишера Навои. Бабур создавал трактаты и по военному делу и по музыке.

Если учесть, что именно в эти годы в Индии был написан его теологический трактат «Мубайян», а в 1528 г. переведено произведение Ходжи Ахрора «Волидия», то можно сделать вывод о плодотворности последних лет жизни Бабура. Бабур умер в Агре в декабре 1530 г. По завещанию его останки были перенесены в 1533 г. в живописный район Кабула, носящий название «Сад Бабура». В годы правления его сына Хумаюна и особенно внука Акбара индийское государство еще более упрочилось.

Лирика Бабура. В истории узбекской литературы Бабур прославился как лирический поэт. Существовал стихотворный диван, составленный самим Бабуром, несколько его рукописных экземпляров дошло до нас. В диване представлены 119 газелей, 201 рубаи и образцы других лирических жанров (месневи, кытъя, туюг, фард, муамма).

Любовные газели Бабура, воспевающие человека, красоту жизни, природу, носят прогрессивный характер. Волею за такими поэтами-гуманистами, как Навои, Лутфи, Ходжа Хафиз, Абдурахман Джамии, он воспевал любовь и верность, терпение и преданность, чистоту помыслов и благородство по отношению к любимому человеку. Величие он видит в простоте, красоту и смысл жизни — в скромности, искренности, счастье — в счастье возлюбленной. В разлуке лирический герой уподобляет себя осенним желтым листьям; сравнивая лицо возлюбленной с тюльпаном, он сетует на то, что лицо его пожелтело от печали и разлуки и умоляет любимую:

Я без тебя весь пожелтел, словно осенний листок поблек,
Щеки твои — алый тюльпан, строен и тонок стан —
стебелек.
Как ты горда, роза моя, как равнодушна к боли моей.
В прах я упал к милым ногам, словно осенний желтый
листок.
Роза моя, вечно цвети, — жизни цветник славен тобой,
Не увядай, хоть бы меня ветер печали на смерть обрек.
Кровь моих слез, лица желтизна — людям, как осень,
страшны,

Но от людей сам я давно, слава аллаху, очень далек.
Что за судьба выпала мне? Каждый находит счастье
звезду, —

Неба тетрадь я излистал, этой звезды найти я не мог.
 Что мне хула, что мне хвала, что мне Бабуру, мненье

людей?

Цену познав злу и добру, в мире земном я так одинок.

(Перевод Л. Пеньковского)

С большим мастерством Бабур использует в газелях традиционные изобразительные средства поэзии Востока; в приведенной газели он искусно пользуется таким поэтическим приемом как тазод (антитеза): лицо влюбленного пожелтело, как осенние листья, а возлюбленная — тюльпаноликая, она горда, словно кипарис, а он у ее ног подобен опавшим листьям, она весела и радостна в цветнике красоты, а он доживает последние дни и прощается с жизнью.

76 из 119 газелей в диване Бабура состоят из 5 бейтов, а 21 — шестибейтные, что свидетельствует о самостоятельности поэта в выборе формы, так как у других поэтов такие формы очень редки.

В то же время и по форме, и по содержанию газели Бабура совершенны: в ярких образах они выражают состояние души лирического героя, его печаль и надежду на счастье:

Вдалеке от тебя разве смысл в моей жизненной доле есть?
 А в душе разве что-нибудь, кроме волнения и боли, есть?
 В кровь ты сердце мое превратила, из глаз моих летится

кровь

Почему? Вот вопрос, что к тебе у меня поневоле есть.
 Давит злоба людская, заботами обременен я — пусть!
 Я снесу и поболее — ведь ты в этой брэнной юдоли есть!

(Перевод Р. Д. Морана)

Такие традиционные сравнения безнадежного состояния влюбленного — с черными кудрями любимой, алости ее губ — с кровью его растерзанного в разлуке сердца под пером Бабура нашли оригинальное, во многом неповторимое звучание. Более того. Талантливо найденная рифма и редифы сделали газель напевной и выразительной. Немаловажна и роль языка газелей Бабура, ясного и понятного, близкого к живому, народному.

Поэзию Бабура трудно представить вне влияния Навои. Несколько газелей Бабура с начальными строками «Ким кулар хуршидни ул мохисиймо булмаса...» («Кто же увидит солнце, если нет той луноликой...»), «Курмагай эрдим жамоле олам аро кошки...» («Лучше б не видал я ее красоты в этом мире...»), «Ё кошнинг янглиг эгилган жисму зорингниму дей...» («Поведать ли те-

бе о согнутом, подобно твоим бровям, моем стане»...), безусловно, написаны как татаббу на газели Навои. Большое влияние оказал великий гуманист и на формирование мировоззрения Бабура.

Среди газелей Бабура немало таких, которые носят автобиографический характер. С большой поэтической экспрессией выражены сетования поэта на мерзости окружающей его социальной среды, на поверхностность друзей, на неустроенность жизни в газелях, которые начинаются с матла:

Остались ли еще горести судьбы, которых я не испытал,
Остались ли еще беды и несчастья, которых не испытало
мое измученное сердце?
(Подстрочный перевод).

Однако как бы прекрасны и изящны ни были по форме газели Бабура, в них достаточно много традиционных изобразительных средств. Не всегда конкретно в них выявлена личность Бабура как человека своего времени. В рубаи же очень точно и глубоко отражены мировоззрение Бабура, его общественное, философское, политическое, культурное и литературное отношение к своему времени.

Обычно поэты, рискнувшие писать рубаи, — это люди с научными, философскими наклонностями, расположенные к глубоким размышлениям о жизни. Об этом свидетельствуют рубаи Омара Хайяма, Навои, Бедия. А рубаи Бабура, не только свидетеля, но и активного участника многих социально-исторических событий, конфликтов и битв, еще раз подтверждают эту мысль.

Рубаи Бабура в основном написаны от первого лица. Уже этот факт говорит о том, что большая часть из них имеет исторически конкретное содержание. Одно из его рубаи начинается так: «Дунё бариси менга мусаххар булса...» (Если бы все земли были покорны мне)... и отражает настроения и стремления Бабура, как феодального правителя. Однако в другом рубаи мы встречаем совершенно неожиданные настроения. Поэт с горьким сожалением признается, что его деяния принесли ему только несчастья, все это обрекло его на жизнь в чужой стране, вдали от родины.

В творчестве Бабура заметны определенные внутренние противоречия между его поэтическими мечтами и государственными стремлениями. Некоторые рубаи Бабура, выражающие интересы феодального класса, в

основном созданы на базе рационалистических взглядов. В них не ощущается свободная человеческая личность, вольнолюбивые мечты и чаяния.

К проблеме любви поэт подходит как к общественно-философской, оставаясь верным традициям предшествующей прогрессивной литературы Востока, опираясь на ее общественные идеи, стремится развить их в своем творчестве.

Одним из важнейших факторов жизненности и огромной воздействующей силы рубаи Бабура является их тесная связь с личной жизнью поэта и жизнью его современников. Существенно и то, что свои стихотворения, в том числе и рубаи, он создавал не только тогда, когда был государем, но и тогда, когда, лишившись престола, жил жизнью скитальца, претерпевая нужду. В одном рубаи поэт говорит, что читатели могут узнать о его жизни, прочитав «Бабурнаме» («Вакое»).

Каких страданий не терпел и тяжких бед Бабур?
Каких не знал измен, обид, клевет Бабур?
Но кто прочтет «Бабурнаме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур!

(Перевод Л. Пеньковского)

Рубаи Бабура — это плод интенсивных размышлений, рожденных на основе наблюдений.

Бабур занимал активную жизненную позицию, он всегда был в контакте с поэтами и представителями искусства. В рубаи удивительно красиво воспеты чувства дружбы, товарищества. Обращаясь к друзьям, он призывает противопоставить взаимную дружбу и согласие тяготам жизни и вероломству судьбы:

Друзья, встречи великим благом считайте,
Свое общество считайте своим богатством (т. е. властью).

Раз вращение небосвода таково,
Ради бога, в этой короткой жизни друг друга цените.
(Подстрочный перевод).

Во многих рубаи Бабура любовь воспета оригинально и конкретно. Поэт считает себя рабом любви и дружбы. Для него такое звание — не позор, а предмет гордости. Лирический герой — Бабур стоит перед возлюбленной не как всесильный правитель, а как раб; он считает любимую розой, себя — соловьем, ее пламенем, себя — золой; он ставит человечность выше любой высокой должности. Ему чуждо высокомерие:

Ты — роза яркая, но я — ничтожный соловей,
 Ты — пламя жаркое, но я — зола, возьми, развей!
 «Нет соответствия!» Но ты не избегай меня:
 Народам — царь, я стал рабом по прихоти твоей!

(Перевод Л. Пеньковского).

Еще одна примечательная особенность рубаи Бабура — глубина психологических переживаний. Это особенно заметно в рубаи, пронизанных тоской по родине, недовольством судьбой:

Я в жизни счастья не встречал, с несчастьем связан стал,
 Во всех делах — просчет, за все я всем обязан стал.
 Покинув родину свою, побрел я в Индустан,
 И черною смолой стыда навек измазан стал.

(Перевод Л. Пеньковского).

Как известно, в XV—XVI вв. требования к лирическим жанрам были строги. Кытъя, туюги, фарды и муаμμα Бабура не только полностью отвечали требованиям жанра, но и поднимали важнейшие общественно-политические и моральные проблемы своего времени.

Месневи Бабура, преимущественно состоящие из стихотворных посланий, можно считать высокими образцами этого жанра. Особое место среди них занимает месневи, носящее автобиографический характер. В этом произведении, состоящем из 73 бейтов и написанном в форме послания, Бабур, обращаясь к одному из своих близких, жалуется на плохое настроение, на то, что, будучи огорчен, он к тому же услышал дурные вести об одном близком человеке. Судя по содержанию, этому человеку Бабур доверил ответственный пост. Однако он не оправдал доверия Бабура, а занялся грабежом, предался разгулу. Бабур порицает столь низкое поведение, призывает к порядочности и человечности:

Радости где? Почести где? Слава? Их нет!
 Где все друзья? Слева их нет, справа их нет!
 Это же все было, а ты отнял, палач!
 Вопречу теперь людей — вслед слышу их плач.
 Что же ты меня возвеличил, если я мал?
 И для чего с прахом сравнял, коль поднимал?

Кары такой и не постичь здравым умом,
 Дом возвести и развалить собственный дом!
 Вовсе в тебе совести нет, жалости нет!
 Даже ума, видно, в тебе, малости нет!

(Перевод Л. Пеньковского).

В поэзии Бабур правдиво и высокохудожественно отобразились многие стороны жизни прогрессивных людей той эпохи, биографии поэта. Именно поэтому поэзия Бабур, несмотря на определенную ограниченность автора, занимает прочное место в истории узбекской литературы.

«Бабурнаме» — это монументальный историко-литературный памятник, обогативший не только узбекскую, но и мировую литературу и науку. Хотя оно создано в Индии в последние годы жизни автора, в нем содержатся ценнейшие сведения о событиях, произошедших с 1494 по 1530 г., о жизни многих исторических личностей и другие сведения, имеющие важное значение для науки, искусства и литературы. Так как в характере повествования обнаруживается достаточно много элементов художественной прозы, это произведение считается и классическим образцом ранней узбекской прозы, а Бабур — одним из художников, внесших весомый вклад в развитие жанра прозы в узбекской литературе.

Большой недостаток дошедшей до нас рукописи «Бабурнаме» — отсутствие в ней рассказов о событиях 1504—1505, 1509—1519, 1521—1524, 1529—1530 гг. Эти страницы рукописи были утеряны. Тем не менее «Бабурнаме» дает цельные и масштабные сведения об общественно-политической, экономической и культурной жизни своей эпохи. Произведение можно разделить на три части — жизнь и деятельность Бабур в Мавераннахре (1494—1504), в Афганистане (1504—1524) и в Индии (1524—1530). «Бабурнаме» — ценнейший источник для исследования истории Средней Азии, Афганистана, Индии второй половины XV — первой половины XVI в.

Повествовательный стиль Бабур своеобразен, прост и динамичен, основан на конкретных представлениях и знании материала. Это становится особенно ясным, когда Бабур рассказывает о родном городе — Андижане, о его окрестностях, природе и климате, жителях, языке народа, народных традициях и обычаях: «Река Сейхун..., один из городов на южном берегу — Андижан, который находится посередине. Это — столица области Ферганы. Хлеба там много и плоды изобильны, дыни и виноград хороши; во время созревания дынь (из-за обилия) не в обычае продавать их с бахчи, груш лучше андижанских не бывает.

В Мавераннахре, кроме Самарканда и Кеша, нет крепости больше Андижана. В городе трое ворот, арк Андижана находится на южной стороне. Вода поступает (в город) по девяти каналам, (самое) удивительное, что она (потом) не выходит ни в одном месте.

Вокруг крепости, с внешней стороны рва, большая дорога, вымощенная щебнем; крепость везде окружают пригороды, отделяемые от крепости рвом, по краю которого тянется большая дорога.

Дичи там много, фазаны невероятно жирны; рассказывали, будто четыре человека, приступив к фазану с приправой, не могут его прикончить.

Жители Андижана — все турки, в городе и на базаре нет человека, который бы не знал турецкий. Говор народа сходен с литературным...».

Бабур так подробно описывает общественно-политическое, природное и демографическое состояние всех городов Ферганской долины, что по его описаниям можно создать карту этих краев по всем этим областям.

Отец Бабура долгие годы правил в этом крае, и Бабур с большим знанием дела рассказывает о членах шахской семьи, о приближенных двора — об их личной и семейной жизни, о нравах, о военных походах.

В «Бабурнаме» с большой научной конкретностью говорится о политическом центре Мавераннахра — Самарканде, о его современном положении, географическом расположении, об орошаемых землях и водоснабжении, о сражениях за город, о роли тимуридов в благоустройстве города: «В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. Он находится в пятом климате, долгота его 99 градусов 56 минут, широта 40 градусов и 40 минут, (главный) город области — Самарканд, а всю область называют Мавераннахр. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, то его называют «город, хранимый («Аллахом»)».

Когда речь идет об Амударье и Сырдарье, Бабур поэтично сравнивает их с двумя косами возлюбленной.

Не ограничиваясь детализированным описанием картин природы, Бабур размышляет о тех ее особенностях, которые имеют какое-то отношение к народному хозяйству, орудиям производства, культуре. Как пишет Бабур, в те времена большим спросом пользовался самаркандский малиновый бархат. Самая лучшая бума-

га также вырабатывалась в Самарканде. «Виноград и дыня, яблоки и гранат, то есть все фрукты, довольно хороши. Особенно из фруктов Самарканда знамениты два сорта: самаркандское яблоко и самаркандский виноград».

Все сказанное о Самарканде так или иначе связано с походами на Самарканд, с удачами и поражениями Бабура, т. е. все рассказы в «Бабурнаме» находятся в тесной связи с жизнью и деятельностью Бабура, с важнейшими событиями тех времен. Автор стремится чтобы читатель получил полное представление о проблемах, о которых идет речь; он последовательно придерживается этого принципа.

Когда Бабур рассказывает о том, как после поражения оставил Мавераннахр и переправился в Кабул, как завоевал Кабульскую область, покорил ее племена, т. е. как он укреплял свое новое государство, устанавливал отношения с соседними государствами, нас изумляет всесторонность и глубина его познаний. На уровне научного исследователя он устанавливает границы области, описывает ее рельеф, природу и ее богатства, сельское хозяйство и садоводство, исторические памятники: «Область Кабула относится к четвертому климату, она находится посредине обитаемой земли. На Востоке от нее (лежат) Ламганат, Пуршавар, Хаштнагар и некоторые области Хиндустана. К западу находится страна, в которую входят Карнуд и Гур...

К северу (от Кабула) лежат области Кундуза и Андар-Аба, отделенные от него горами Хиндукуша, к югу — Фармул, Нага, Банну и Афганистан... По краям и границам ее везде горы, крепость Кабула примыкает к горам». О климате, фруктах мы читаем: «Жаркая и холодная полосы области Кабула (расположены) близко друг от друга. Из Кабула можно за один день пройти в такое место, где никогда не идет снег, за два звездных часа дойдешь до такого места, где снега никогда не становится меньше, хотя иногда бывает и такое лето, что снега (и там) не останется. Плодов из жаркой и из холодной полосы в местах, прилегающих к Кабулу, множество. Из плодов — винограда, гранатов, урюка, яблок, айвы, груш, персиков, слив, миндаля, орехов. Я приказал привезти туда и посадить вишневые саженцы; выросла хорошая вишня: деревья и теперь разрастаются.

Плоды жаркой полосы — это, например, апельсины, померанцы, амлук и сахарный тростник, которые привозят из Ламгана».

Вот как освещается состав населения этой области: «В Кабульской области живут различные племена. В долинах и равнинах живут аймаки, турки и арабы; в городе и некоторых деревнях живут сарты, в других деревнях и областях обитают (племена) пашан, параджи, таджики, бираки и афганы. В горах Газни живут племена Хазаре и Никудери; среди хазарийцев и никудерийцев некоторые говорят на монгольском языке...

В Кабульской области говорят на одиннадцати или двенадцати языках... Ни в какой другой области, насколько известно, не живет так много различных племен, говорящих на разных языках».

Убедительно обосновано международное значение большого караванного пути, проходящего через Кабул. Именно поэтому в городе можно было встретить товары с различных рынков мира: «В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирака, Рума и Чина; это как бы торговая гавань Хиндустана». Чтобы укрепить и повысить международное значение этого города, Бабур предпринимал всевозможные меры, лично занимаясь обеспечением безопасности торговых путей.

Бабур — автор и главный герой произведения. В книге уделено достаточно места для освещения его биографии. Но основная цель автора — не описание своей жизни.

Из приведенных выше примеров явственно видно, что «Бабурнаме» относится к произведениям, освещающим историю народов, стран. Достаточно упомянуть часть произведения, посвященную Индии. После Абу Райхана Беруни никто не создавал столь совершенного произведения об Индии. Когда Бабур пишет об Индии, что «это удивительная страна; в сравнении с нашими землями — это иной мир», он доказывает это многочисленными примерами.

Однако главная проблема «Бабурнаме» — это прежде всего анализ общественно-политических событий своего времени, трактовка со своей точки зрения борьбы между политическими группами, зарисовка портретов и характеров современников, стремление определить

ведущие тенденции в политической и культурной жизни. Когда Бабур, обладающий феноменальной памятью, размышляет и говорит о сотнях людей различных общественных слоев, об их деятельности в области политики и культуры об их судьбе, то его суждения конкретны и исторически обоснованы. Хотя в оценке событий и исторических личностей Бабур не отступает от позиций своего класса, все-таки он стремится следовать принципу правдивости. Например, когда речь идет о тимуридах, к которым принадлежал сам Бабур, он не только говорит о положительных моментах их истории и заслугах конкретной личности, но и открыто разоблачает их ошибки и недостатки. Так, говоря о Хусейне Байкаре «смелый и мужественный человек (многоопытный правитель)», он хвалит его внешность, умение владеть саблей, поэтический талант, но резко осуждает его склонность к увеселениям и разврату: «За те сорок почти лет, что был он государем в Хорасане, не было и дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы, и горожане вели себя так же: неумеренно предавались увеселениям и разврату». О бесчестных деяниях и вероломстве, малодушии Шейбанихана, Абдулатифа (сына Улугбека), Хосровшаха, Ахмада Танбала и других также можно прочитать в этом произведении. А царя Индии Ибрагима Луди Бабур критикует за то, что он плохо содержал своих солдат, не мог найти общего языка с придворными. Однако это не означает, что в освещении истории Бабуrom, в его оценках тех или иных личностей отсутствует тенденциозность. Естественно, что в оценке множества проблем он исходил с позиций своего класса, своей группы. Например, исторически достоверно, что авторитет государства Хорасан во второй половине XV в. в целом связан с именем Алишера Навои, который своей мудростью и предприимчивостью помогал Хусейну Байкаре управлять государственными делами, защищал справедливость. Касаясь этой проблемы, Бабур становится на сторону врага Навои — карьериста и грабителя Маджиддина Мухаммада, стремясь преувеличить его роль в истории, иногда даже неверно истолковывая принципиальные разногласия между этими двумя личностями. По его мнению, «Маджиддин со своей стороны, не щадя усилий и стараний, в короткое

время сделал народ и войско довольными и благодарными; в казну он же доставил много денег, и все области государства стали благоустроенными и процветающими. Однако Маджиддин враждовал с беками и должностными лицами, во главе которых стоял Алишербек; доносами и происками они заставили схватить Маджиддина Мухаммада и отрешить его от должности».

Автор «Бабурнаме» предстает перед нами и как серьезный исследователь и знаток литературы и искусства своего времени. Он на высоком профессиональном уровне анализирует гератскую литературную школу и гератское искусство, все области литературного процесса. Например, очень высоко оценивая мастерство художника Бехзада, он пишет: «...но лица безбородых изображает плохо, — слишком вытягивает подбородок, лица бородатых мужчин он рисует очень хорошо». Без «Бабурнаме» нам трудно было бы представить жизнь и деятельность многих ученых, поэтов и художников того времени.

В оценке событий и явлений своего времени Бабур стремился мыслить самостоятельно и объективно. Он даже пытался проявить известный скептицизм по отношению к религиозным взглядам. Характерным примером может служить его отношение к «святой могиле» в одной из деревень Газни. Говорили, что как только прочитают благословение, могильный камень качается. Бабур засомневался и решил это проверить. Как стало известно, местные шейхи «...приладили над могилой кольцо; всякий раз, как до кольца дотрагивались, оно качалось и чудилось, что качается камень. Так, людям, которые раньше никогда не садились в лодку, когда они сядут, кажется, что качается берег». Бабур разоблачил ухищрения святош, приказал сорвать кольцо и запретил впредь поступать так.

В «Бабурнаме» достаточно много сведений чисто научного значения. Например, в 1505—1506 гг., когда Бабур собирался в поход на Кандагар, произошло сильное землетрясение. Вот как сообщает об этом Бабур: «В это время произошло такое землетрясение, что большинство крепостных валов и садовых стен обрушилось. В городе и деревнях рухнуло много домов, под развалинами домов и (садовых) стен осталось множество мертвецов. В деревне Памган обвалились все дома,

семьдесят-восемьдесят зажиточных домохозяев погибли под стенами. Между Памганом и Бектутом кусок земли шириной в полет большого камня оторвался и упал вниз на расстояние полета стрелы. На самом месте провала появились ручьи. От Истергача до Майдана, т. е. примерно на расстоянии в шесть-семь йигачей, землю до того взрыло, что в некоторых местах она поднялась на высоту роста слона, в других настолько же провалилась вниз, в расщелинах кое-где уместился бы человек. Во время землетрясения над вершинами гор поднялась пыль... Большинство домов в Тепа развеяло в прах.

В тот день земля сотрясалась тридцать три раза. В течение месяца за сутки землетрясение случалось по три-четыре раза». Картину этого землетрясения Бабур описал, как ученый, точно и, как писатель,— живо, посредством конкретных деталей. Значит, сила Кабульско-го землетрясения достигала не менее 8—9 баллов.

Таким образом, из приведенных отрывков следует, что «Бабурнаме» принадлежит перу всесторонне развитого человека, обладающего энциклопедическим умом, здравым мировоззрением, богатой речью, глубоко думающего над каждым словом. Мы не ошибемся, если скажем, что по богатству слова «Бабурнаме» стоит на втором месте после «Хамсы» Навои. В произведении автор с большим чувством меры использовал народные пословицы и поговорки. Такие высказывания Бабура, как «Емон от билан тирилгандан яхши от билан ўлган яхшироқ» (букв. «Чем воскресать с плохим именем, лучше умереть с хорошим именем»), «Ҳар кимдан яхши қоида қолган бўлса, анинг билан амал қилмоқ керак» (букв. «Если от кого-то осталось доброе правило, нужно следовать ему») поднялись до уровня афоризмов.

Жизнь и деятельность Захириддина Мухаммада Бабура и особенно его «Бабурнаме» всесторонне изучаются в мировом масштабе. В 1586 г. «Бабурнаме» впервые было переведено Абдурахимханом на фарси, а в 1705 Витсен перевел его на голландский язык, в 1826 Ж. Лейден и Э. Эрскин перевели его на английский язык, в 1828 А. Кейзер — на немецкий, в 1871 г. Паведе Куртейл — на французский, а затем его перевели на русский язык Н. И. Пантусев, С. И. Ильминский, В. Вяткин.

В 1958 г. «Бабурнаме» было переиздано на русском языке в переводе М. Салье. В 1980 г. по решению ЮНЕСКО в ознаменование 500-летия со дня рождения Бабура это произведение было заново переведено на французский язык и издано в Париже. В 1982 г. в Ташкенте была издана большим тиражом «Избранная лирика» Бабура. 500-летие со дня рождения поэта широко отмечалось в Узбекистане, в том числе и в его родном крае — Андижане.

МУХАММАД САЛИХ

Достойное место в истории узбекской литературы конца XV — начала XVI в. занимает поэт Мухаммад Салих. Жизнь и творчество этого поэта привлекло внимание средневековых литературоведов еще при его жизни. Великий узбекский поэт и ученый Алишер Навои упоминает о нем в пятом маджлисе своей антологии «Собрание избранных».

Если принять во внимание дату написания «Собрания избранных», то становится ясным, что в произведении речь идет о раннем этапе творчества Мухаммада Салиха. Когда Навои писал, что «Салих был наблюдателен, обладал поэтическим вкусом», то имел в виду произведения поэта, созданные именно в этот период.

Достаточно много сведений о жизни и творчестве Мухаммада Салиха можно обнаружить в таких исторических и мемуарных произведениях, как «Бабурнаме», «Удивительные события», «Сборник летописей» Рашиди, «Дар Сами» («Тухфай Сомий»), «Упоминание о друзьях» («Музаккир ул-ахбоб»). В западном востоковедении имя Салиха стало известно в XIX в. В частности, в предисловии венгерского востоковеда и путешественника Г. Вамбери к немецкому изданию «Шейбанинаме» содержатся сведения о его авторе. Текст оригинала был издан в 1904 г. русским востоковедом П. М. Мелиоранским.

После Великой Октябрьской социалистической революции творчество Мухаммада Салиха стало объектом всестороннего изучения. В этом отношении особо следует подчеркнуть заслуги А. Шарафутдинова, А. Ибрагимова, Н. Маллаева, Н. Даврона, А. Акрамова. Важнейшим источником для исследователей жизни и твор-

чества Мухаммада Салиха служат не только материалы упомянутых выше исторических и мемуарных произведений, но и произведение самого автора — «Шейбанинаме». Хотя данные источники не могут дать исчерпывающих сведений о жизненном и творческом пути Мухаммада Салиха, они позволяют установить следующее. Мухаммад Салих родился в 1455 г. в семье правителя Хорезма эмира Нур Саидбека. Нур Саид был сыном Шаха Малика, который долгое время служил при дворе Тимура и тимуридов, а в годы правления Саида Мирзы был правителем Хорезма.

По рождению Мухаммад Салих принадлежал к высшему кругу общества и получил подобающее своему положению воспитание. Закончив начальное образование, он приезжает в Герат (культурный центр того времени) и продолжает учебу у Абдурахмана Джамии. Мухаммад Салих овладевает арабским языком, изучает литературу, историю, знакомится с философскими произведениями, увлекается каллиграфией и проявляет неплохие способности в этой области.

После смерти отца его материальное положение ухудшилось. В годы правления Хусейна Байкары, он недолго служил при дворе. В нем рождается непреодолимая ненависть к тимуридам, которые были истинными виновниками не только разорения отца, но и его гибели. Именно поэтому Салих «оставил службу у Султана Сахибкирана»²⁹. По его собственным словам, он жил то в Хорасане, то в Самарканде, не получая никакой радости от своей службы тимуридам. Ненависть к тимуридам привела его к Шейбанихану, который к тому времени неоднократно нападал на Мавераннахр. Шейбанихан с нескрываемым удовольствием принял его, наградив степенью эмира и дал звание придворного поэта. Благосклонность царя была, конечно, не бескорыстной. Ведя войну против тимуридов, он поддерживал любого, кто выражал недовольство ими, чтобы продемонстрировать свое превосходство «в великодушии» и таким путем отдалить многих людей от своих противников. Пользующиеся «великодушием Шейбанихана», в том числе и Мухаммад Салих, с усердием и преданностью служили ему.

²⁹ Алишер Навои. Мажолис ун-нафоис. Соч.: В 10 т. Т. 9. Ташкент. 1970. С. 127.

Салих стал одним из авторитетных людей при дворе Шейбанихана, участвовал в его походах, в штурме Хорезма, побывал в Кундузе, был назначен правителем Чарджоу (1504—1505 гг.). Когда тимуриды напали на Мавераннахр и Чарджоу, Мухаммад Салих организовал оборону города и ликвидировал угрозу. Затем он вернулся в Хорезм, к Шейбанихану, и остался там вплоть до завоевания края (1505—1506 гг.).

Сведений о жизни и творчестве Мухаммада Салиха после 1506 г. сохранилось очень мало.

Как сообщается в «Удивительных событиях»³⁰, Мухаммад Салих отправился в Герат, когда город был захвачен Шейбаниханом. Затем, как пишет автор «Упоминания о друзьях»³¹, Салих был назначен правителем Нисы. О последующих годах жизни Мухаммада Салиха никаких сведений нет. Разыгравшиеся после смерти Шейбанихана события, очевидно, заставили поэта вернуться в Бухару, где он прожил до конца своих дней. Лутфалибек Озар написал, что Мухаммад Салих умер в Бухаре в 1534—1535 г./941 г. х.³²

До настоящего времени ничего не известно о начале литературной деятельности Мухаммада Салиха. Однако высокая оценка Алишера Навои раннего творчества поэта свидетельствует о том, что Салих приобщился к поэтическому творчеству довольно рано. По традиции того времени он писал стихи на узбекском и персидском языках. Бабур, имея в виду эти стихи, писал: «Еще был Мухаммад Салих. У него есть газели со вкусом, но гладкости в них меньше, чем вкуса. Тюркские стихи у него есть тоже, он сочинял их недурно»³³.

Впоследствии Салих, собрав все свои стихи, составил диван, который, к сожалению, до сих пор не найден.

³⁰ В а с и ф и. Бадоеъ ул-вақое. Научно-крит. текст составил А. Н. Болдырев. М. Т. 1. С. 134—136.

³¹ Н и с а р и. Музаккир ул-ахбоб. С. 776.

³² Л у т ф а л и б е к. Оташкаде, с. 20. «Оташкаде» было создано через двести лет после смерти Мухаммада Салиха, т. е. в XVIII в. Никто из современников Салиха (ни Бабур, ни Хондамир, ни Мирза Хайдар, ни Сом-мирза, ни Нисари) не указывают дату его смерти. Автор же «Оташкаде» не сообщает об источнике информации, поэтому сведения о смерти Салиха можно принять условно.

³³ Бабурнаме, с. 210.

Однако образцы из него встречаются в ряде мемуарных произведений и антологиях³⁴.

Полностью до нас дошла поэма Мухаммада Салиха, известная всему миру под названием «Шейбанинаме». Один экземпляр поэмы, переписанный каллиграфом Касымом Али в 1510 г., в настоящее время находится в Вене. Именно этот экземпляр послужил источником для изданий Г. Вамбери, Н. М. Мелиоранского. Насрулла Даврон подготовил узбекское издание, основываясь на издании Н. М. Мелиоранского³⁵.

В самом произведении дата создания «Шейбанинаме» не указана. Однако ряд веских доказательств позволяет утверждать, что поэма написана в 1506—1507 гг. Во-первых, существует экземпляр поэмы, переписанный в 1510 г., во-вторых, в произведении изложены события до 1506 года, в-третьих, в нем нет сведений о захвате Шейбаниханом Герата и о событиях, связанных с свершением молитвы на имя Шейбанихана.

В ответ на благосклонность Шейбанихана поэт решил посвятить ему свое произведение. В частности он пишет:

Меня осенила мысль,
Получив благословение великого хана,
Посвятить хану сочинение.
Выразить ему этим свою дружбу,
Воспеть в стихах его свершения,
Постигнув тайны месневи.
С того времени, что я у него служил,
Все, что я у него в войске видел,
Все это я выразил в стихах.

Как видно, основное внимание Мухаммада Салиха было направлено на прославление Шейбанихана. Это предположение подтверждает и следующий бейт:

Люди его не знают,
Не идут к нему с душой служить.

Он стремился сблизить народ с Шейбаниханом, но при этом хотел воспеть хана не как простого человека, а как тень господ бога на земле, утверждая, что «хан святой» — не каждому дано знать его:

³⁴ Хайитметов А. Животворный источник. Ташкент. 1974 С. 136. (на узб. яз.); Шадыев Э. Стихи Мухаммада Салиха// Узбекистон маданияти. 1972. 11 июля (на узб. яз.).

³⁵ Мухаммад Салих. Шейбанинома/Подготовил к изданию Н. Даврон. Ташкент. 1960. Все отрывки приведены из этого издания в подстрочном переводе.

Много добра видел (я) от хана,
Много мудрых слов (я) слышал от хана.
Теперь обо всем этом
Я расскажу тем, кто его не знает.

Как и все его великие предшественники, Мухаммад Салих особо подчеркивал, что правитель должен быть справедливым, заботиться о благе народа, не притеснять его, не предаваться чрезмерным наслаждениям; поэт при помощи аллегорий и противопоставлений (правитель — это пастух, а его подданные — овцы; страна — это луга, поля, степи, а помощники правителя — псы пастуха) пытается обозначить социальные контрасты, делая это осторожно, не заостряя критики в адрес придворных.

Мухаммад Салих стремится воплотить в образе Шейбанихана и его приближенных именно этот свой идеал, а противников династии шейбанидов, в частности тимуридов, он изображал несправедливыми, бездарными и недостойными людьми.

В поэме описаны исторические события конца XV — начала XVI в. — непримиримая вражда между тимуридами и шейбанидами. Поэтому произведение Мухаммада Салиха с учетом его жанровых особенностей можно назвать летописью династических битв.

Салих вошел в узбекскую литературу, в ее эпическую поэзию как создатель произведения нового типа.

Нужно отметить, что эта поэма не просто история, изложенная в стихотворной форме, ибо изображенные в ней реальные события и реальные личности не воспроизведены с фотографической точностью, а отображены по законам художественного творчества. Поэт подошел здесь к созданию контрастных образов. Идеальному он противопоставил отрицательное, отбор фактов подчинил задаче раскрытия непримиримого конфликта двух полярно противоположных начал. Все это гравомерно с точки зрения поставленных автором задач.

Ранее мы отмечали, что Салих изображал те события, непосредственным свидетелем которых был он сам, поэтому как бы он ни старался показать Шейбанихана идеальным правителем, приведенные им факты неумолимо свидетельствовали, что Шейбанихан был типичным феодалом. Эта объективность изображения и реалистичность многих элементов во многом определяют значение творчества поэта и его «Шейбанинаме». Разве не

выразителен такой факт? После покорения Бухары Шейбанихан не только разграбил все богатство правителя города Бакитархана, но и женился на его двенадцатилетней внучке. Строки, описывающие этот эпизод, отношение Шейбанихана к несовершеннолетней девочке, безусловно, вызывают у читателя неприязнь. Накануне штурма Самарканда Шейбанихан обещает совершить обряд бракосочетания с матерью Султана Али — Зухрабегим; он пытается оправдать свой поход на Самарканд страстной любовью к сестре Бабура; пленив правителя Ташкента Султана Махмуда, он взял в жены его малолетнюю дочь. Жестокость Шейбанихана близка к садизму: он любит мучить беззащитных, испытывает наслаждение, издеваясь над поверженным врагом.

Безотносительно к той цели, которую преследовал автор, детализированное изображение самих фактов придало такую реальность и жизненность «Шейбанинаме», какую трудно представить в каком-либо другом, современном ему произведении. Сам автор в данном случае исходил, однако, не из интересов народа, а лишь стремился показать, какие страдания и невзгоды ожидают каждого, кто откажется подчиниться Шейбанихану. Но, как мы уже отмечали, эти факты, в основе которых лежали реальные события, описаны так точно и неприукрашено, что противоречат и авторской цели, и сущности создаваемого им образа.

Мухаммад Салих был свидетелем описываемых событий. Вероятно, поэтому его творческой манере изображения свойственны правдивость, стремление точно отразить увиденное.

Поэтому реалистический момент изображения господствует здесь над избранным им романтически-возвышенным замыслом описать Шейбанихана как идеального правителя. Однако это вовсе не означает, что в произведении изображены только подлинные события. Описывая их, Салих обращается и к поэтическому идеалу, рассказывая о событиях, свидетелем которых он был, он подчиняет их своим целям. Например, поэт приводит речь Бабура, произнесенную им перед жителями Самарканда, которую сам он не слышал. Обращение Бабура к народу передали ему очевидцы, но оно изложено так, будто Салих был в числе слушателей.

Таких примеров в «Шейбанинаме» много (маджлис у Хусейна Байкары, действия и поступки тимуридов). Иногда историзм и художественность сочетаются в этом произведении, однако нередко художественность подчиняется концепции поэта. С этой точки зрения заслуживают внимания следующие слова жителей Самарканда, обращенные к шейхульисламу:

Пять месяцев прошло, мы горемычные,
В преданности верные,
Исполняли все, что ты приказал,
(Нашу) преданность ты тоже узнал.
Теперь нет терпения, где же выход?
Собачье мясо сли, теперь что же делать?
Как нам эту крепость защитить?
Из-за тебя мы дошли до этого,
До семи небес дойдут наши стоны,
Разорились наши загородные сады,
Разрушились дома наши в городе,
Теперь дай разрешение Мирзе,
Убери эту занозу с нашего пути.

Таким образом, виновником бедствий Самарканда и его жителей Мухаммед Салих считает Бабура; он называет его «занозой», от которой хочет избавиться народ. Получается, что жители Самарканда, понявшие свое заблуждение и поддерживавшие Бабура, теперь хотят искупить свою вину и готовы сдать город Шейбанихану. Нет сомнения, что здесь художественное изображение всецело подчинено идейной концепции поэта.

В действительности же народ, измученный бесконечными войнами тимуридов за престол, кровавыми междоусобицами, жаждал мира, покоя и был согласен на любого правителя, который мог бы устранить все их беды. Нашествие же Шейбанихана разрушило их надежды.

Следовательно, выдвинутая в «Шейбанинаме» идея противоречит интересам и целям народа, в данном случае Салих изображает реальные события в свете собственных политических воззрений.

Однако самое существенное заключается в том, что факты далеко не всегда на стороне Салиха. Как бы ни старался он подчинять факты своей идеологической задаче, они сохраняют самостоятельность. Именно тогда побеждают реалистические тенденции произведения, когда они независимо от желания автора выступают

как суровый обличитель грабительских войн и междоусобиц при феодализме. Примером могут служить картины, описывающие разграбление захваченных городов и крепостей, истребление неповинных людей. Поэт пытается быть беспристрастным рассказчиком, но читатель не может оставаться равнодушным: строки об истреблении людей и беспощадном грабеже пробуждают в нем отвращение. Обратимся к описанию осады и захвата города Карши:

Людям снаружи (за городом) досталась добыча,
 На людей внутри (в городе) напал мор.
 Иногда триста человек умирали за день,
 Иногда жители десяти селений умирали за день.
 Был такой мор, что все,
 Увидев этот мор, поражались.
 Два месяца продолжалась осада,
 Осталось мало людей в крепости.
 Оставшиеся все были больными,
 Тисками печали и горя были раздавлены.

Заслуживает внимания и тот факт, что в самом авторе пробуждается сострадание к униженным и бесправным. Например, в описании осады Самарканда есть такой эпизод: чтобы подготовить сооружения для осады, воины Шейбанихана истребляют цветущие сады. Поэт испытывает глубокую горечь, увидев это зло, сотворенное человеческой рукой. Однако он не может обвинить своего «идеального правителя» и его воинов, потому всю вину за содеянное он перекладывает на плечи оставшихся в городе, в осаде. «Они бы могли пользоваться этими садами, — пишет он, — если бы не сопротивлялись».

Таким образом, порою сердце поэта смягчается, но, вспомнив о своем идеале, он обвиняет в жадности владельцев садов и пишет, что всевышний покарал их за это руками воинов Шейбанихана. Здесь интересна одна деталь. В мирное время владельцы садов наливались злостью, если какой-нибудь бедняк просил гранат для больного. Эта деталь прекрасно иллюстрирует жадность феодалов и баев; здесь обобщенный образ владельцев садов предстает как типичный образ бая того времени. Утверждать так нам позволяет то обстоятельство, что этот персонаж поэмы не только хозяин сада, но и рабовладелец.

Еще один творческий принцип автора «Шейбанинаме» — стремление косвенным путем показать силу и мощь своего «идеального героя». Исходя из него, он описывает каждый город, каждую крепость, как неприступную цитадель, которую охраняют многотысячный народ, опытные и закаленные в боях воины и искусные стрелки. Вот описание Дабусской крепости:

Действительно, крепость (их) была прочна,
Мстительный народ был поддержкой,
Крепость (их), как крепость Хайбара,
Народ, как народ Хайбара, неверный,
Вершина крепости недостижимо высока,
Крепостной ров словно река,
Еще вокруг много рвов,
Перейти их казалось невозможным.

Здесь Мухаммад Салих реалистически описывает крепости и курганы того времени, которые видел сам. С этой точки зрения весьма ценны содержащиеся в этих описаниях исторические и географические сведения.

• Характерный для Салиха стиль изображения встречается и в других главах произведения. Яркой иллюстрацией может послужить картина битвы с ханом Ташкента Султаном Махмудом и его войском:

Калмыков и монголов было тридцать тысяч,
Однако, казалось, что их сто тысяч.
Кони их — словно дивы, и сами они — словно дивы.
Их повадки и слова — как у дивов.
Многие воины были неверными.
От страха перед ханом воины
Не представляли себе иного поведения...

Однако реалистические моменты в произведении Мухаммада Салиха не ограничиваются приведенными примерами. Когда пал от руки соперника Махмуд Султан, Шейбанихан приказал похоронить его в медресе, построенном самим ханом в Самарканде. Мухаммад Салих сообщает много ценного об исторических памятниках того времени, когда пишет о медресе, построенном Шейбаниханом, о возникновении постаментов мавзолея Шейбанихана.

В воспроизведении исторических событий важна еще одна картина: описание жестоких морозов зимой 1501 г.:

В ту зиму были голод и мор,
 Так страшно она прошла.
 После снега начался мороз.
 Все живое со смертью повстречалось.
 Капли воды не осталось не замерзшей.
 Замерз крепко весь город Самарканд.
 От жестоких морозов, от голода погибли тысячи людей.

С исторической точки зрения большое значение имеют встречающиеся в произведении географические термины, названия городов и селений, родов и племен того времени, фруктов и птиц.

Небезынтересен тот факт, что в произведении по различному поводу полностью приводятся три законченные газели и один бейт Шейбанихана. Принадлежность этих бейтов перу Шейбанихана не вызывает сомнений, потому что некоторые бейты созданного в те же годы «Таворихи гузида-Нусратнома» имеют прямое отношение к Шейбанихану. В тех газелях и бейте отразились характерные для Шейбанихана мысли и чувства: стремление к захватничеству, разбою.

Наивысшая историческая правда произведения заключается в том, что перед читателем во всем трагизме предстают войны, междоусобицы, несущие гибель тысячам людей, повешенных, обезглавленных, раненых, умерших от голода и болезней во время осады:

Не только в городе погибли люди,
 Не только там, словно тюльпаны, осыпались люди.
 И в Кеше и Карши погибли многие.
 И там много народу зря погибло.
 Очень много погибло еще в Бухаре.
 Для многих настало время смерти.
 В этом крае сказали:
 Этот край смерть таким сделала,
 Около ста тысяч человек погибло.
 Дома их, возможно, разрушились.

Здесь очень сильно выражение страдания, боли человека, однако сам человек пассивен, здесь нет и тени протеста, нет активного сопротивления.

Вероятно, это один из поэтических приемов? Но чем объяснить тот факт, что после этого произведения, прославляющего Шейбанихана, поэт исчезает с литературной арены? Может быть, именно внутренняя тревога продиктовала ему следующие строки о Шейбанихане и шейбанидах:

Сказал: «Эй, народ, знай, если
Кто, подобно Шейбанихану,
Захватит эту крепость,
Кто в барабаны победы будет бить,
То сыновья ваши (все) станут пленниками,
Все богачи станут бедными,
Нуждаться будете в куске хлеба,
Все будет зависеть от хана,
И старшие и младшие сестры — все женщины,
Все будут растоптаны узбеками.

Эти строки написаны от имени противника Шейбанихана Абулмакарима, шейхульислама Самарканда.

Однако не всегда народ в произведении — безмолвная, бессильная толпа. Иногда он показан как активная сила, способная бороться против Шейбанихана, решать исторические проблемы. Это особенно важно. Так, в следующих строках отразилось непреклонное стремление народа к борьбе, к защите собственного достоинства:

Мы воевали, чтобы защитить крепость,
Мы дрались, чтобы защитить крепость.

В конечном итоге в различных городах и местностях поднимается восстание против Шейбанихана, учащаются случаи неповиновения и недовольства. Описывая восстание жителей Каракуля, их беспримерное мужество, автор говорит и о жестоком подавлении бунта. Таким образом, эти реалистические картины определяют не только ценность произведения, но и место его автора в истории узбекской литературы.

Поскольку «Шейбанинаме» Мухаммада Салиха — художественная летопись сражений, в ней много персонажей, названий мест, где происходили события, многие имена только названы, нет запоминающихся портретов.

Поэт использовал разнообразные художественно-выразительные средства, благодаря чему его поэтическое мастерство проявилось во всем блеске. Сравнения, эпитеты, гиперболы, олицетворения, метонимия и анафора использованы поэтом уместно и целесообразно.

Поэт стремился плодотворно использовать все богатство староузбекского языка. «Шейбанинаме» написано пластичным, простым и понятным языком. Иногда в языке произведения заметно влияние диалектного элемента, однако оно не выходит за рамки норм литературного языка.

В целом «Шейбанинаме», как и ряд многих других памятников узбекской литературы XVI в., выделяется пластичностью и простотой поэтической речи. Некоторые его слова и выражения архаичны, но только для нашего времени, для своего времени они были общепонятными и общеупотребительными.

Таким образом, Мухаммад Салих занимает достойное место в узбекской литературе, в частности в истории ее эпической поэзии. Несмотря на сложность мировоззрения поэта, тенденциозность в освещении событий, историко-литературное значение его поэмы определяют реалистические ее картины. Эта поэма занимает определенное место в истории узбекской литературы, ибо написана на историческую тему и в ней преобладает реалистический характер изображения.

МАДЖЛИСИ

Определенный вклад в историю узбекской литературы внес Маджлиси, автор поэмы «Сказание о Сайфульмулуке» («Киссаи Сайфулмулук»). Сведений о жизни и творчестве Маджлиси очень мало. Небольшой эпизод из жизни Маджлиси включен в известное нам произведение Хасана Нисари «Упоминание о друзьях». Из него мы узнаем, что Маджлиси находился при Захириддине Бабуре, писал разножанровые стихи.

Систематическое исследование творчества Маджлиси началось только после Великой Октябрьской социалистической революции. Появилась возможность опубликовать отрывки из его поэмы³⁶, статьи о его наследии, был создан творческий портрет³⁷.

Маджлиси — это псевдоним поэта. Сведений о его настоящем имени, профессии, общественном положении, жизненном пути и творческой деятельности очень мало. Он был выходцем из Хорезма, родился в 70-е го-

³⁶ Хрестоматия истории узбекской литературы, т. II. Ташкент 1945 (на узб. яз.); Узбекская литература, т. III. Ташкент. 1959 (на узб. яз.); Маджлиси. Киссаи Сайфулмулук. Ташкент. 1959 (на узб. яз.). Поэма издана в переводе В. Липко в 1961 г.

³⁷ История татарской литературы. Т. I. 1924 (на узб. яз.). История узбекской литературы: В 5 т. Т. 3. Ташкент. 1978. С. 105—117; Маллаев Н. История узбекской литературы. Кн. I. Ташкент. 1963 (на узб. яз.).

ды XV в. Некоторое время жил в Хорасане, последние годы жизни провел в Мавераннахре, умер в первой половине XVI в.

Избранный поэтом псевдоним Маджлиси, по утверждению Хасана Нисари, свидетельствует о том, что красноречивый поэт был высокообразованным и остроумным человеком, довольно хорошо знающим классическую литературу.

Он прожил жизнь, полную тревог и невзгод, жил на чужбине, испытал горести и страдания скитальца. Об этом говорят некоторые строки из его поэмы:

Немало дней был я угрюм и нем,
Бродил один, не говорил ни с кем.
В плену тоски, подавлен, раздражен,
Я потерял покой, утратил сон.
Кровь сердца моего рекой текла.
Стенаньям, вздохам не было числа!
Я исхудал, поблек в разлуке с ней,
Да, так в тоске прошло немало дней!
Сказала, облегчив мне горечь мук:
«О чем тоскуешь, Маджлиси, мой друг?»³⁸.

Как пишет Хасан Нисари, Маджлиси был известным стихотворцем; уже в начале XVI в. его газели и касыды заслужили одобрение многих, в том числе и Захириддина Бабура. Однако до нас эти стихотворения полностью не дошли. Кроме того, мы не располагаем сведениями о том, создал ли поэт диван, объединяющий все его стихотворения, или нет. Если учесть, что приведенные автором «Упоминания о друзьях» отрывки написаны на фарси, то Маджлиси займет достойное место среди поэтов, пишущих на двух (таджикском и узбекском) языках. Сам поэт писал:

Мое перо было покорно моему вдохновению,
И на двух языках создал я прекрасные стихи.

До нас дошло только одно произведение Маджлиси — поэма «Сказание о Сайфульмулуке» в нескольких рукописных экземплярах, переписанных в различных столетиях и начиная с XIX века публиковавшихся в печатных изданиях, что свидетельствует о ее широком распространении.

³⁸ Маджлиси. Сказание о Сайфульмулуке/Перевод с узбекского В. Липко. Ташкент. 1961. С. 10. Далее поэтические отрывки будут приводиться из указанного издания.

Сюжет, к которому обратился Маджлиси, не нов для устной и письменной литературы народов Востока. Он звучит в бессмертном творении арабского народа «Тысяча и одна ночь», на него были созданы и прозаические произведения на персидском языке. Маджлиси также был вдохновлен одним из прозаических вариантов. В предисловии к поэме Маджлиси сообщает, что начал писать свое произведение по просьбе «кого-то», что именно этот анонимный «кто-то» привлек внимание поэта к данной теме. Значит, до XVI в. эта тема, столь известная и разработанная в литературе большинства народов Востока, не была затронута в узбекской литературе. С этой точки зрения заслуживает внимание стремление Маджлиси ввести ее в узбекскую литературу.

Почему Маджлиси обратился именно к этой теме? Почему он пренебрег столь распространенными в те времена сюжетами, связанными с именами Юсуфа и Зулейхи, Лейли и Меджнуна, Фархада и Ширин? Какова была цель поэта?

У милой тоже рукопись была,
Она ее с собою принесла...
Но это не были стихи. Творец
Персидской прозы создал образец (с. 12).

Это, безусловно, один из художественных приемов (сновидение, волшебное видение портрета возлюбленной и др.), часто используемых в классической эпической поэзии, т. е. в определенной степени причина, побудившая Маджлиси создать поэму, субъективна. Существует, несомненно, и объективные, общественно-политические и художественно-эстетические причины обращения поэта к данной теме; выяснение этого вопроса имеет существенное значение для оценки заслуг автора произведения.

Как известно, во времена Маджлиси усилились междоусобные феодальные войны, страна была раздроблена, права и достоинство человека растоптаны. Было много погибших, народ истекал кровью. Эти жуткие картины реальной жизни в той или иной степени нашли отражение в прозаических («Бабурнаме») и стихотворных («Шейбанинаме» Салиха) произведениях того времени.

Однако народ — свидетель многих кровавых событий — не пал духом, не сложил руки, а жил неугасае-

мой верой в осуществление своих сокровенных мечтаний о счастье и прекрасном будущем. Маджлиси испытал горести и невзгоды скитальца и изгнанника, но всегда был с народом, жил его мыслями и чаяниями, всю свою жизнь мечтал посвятить угнетенным и обездоленным, чтобы облегчить их беды и страдания. Вот почему он обратился к новой теме, которая не была затронута в узбекской литературе, но была широко разработана в устном народном творчестве. Избранная тема и высокие цели привели Маджлиси к созданию произведения в романтическом духе.

Чтобы осуществить свой замысел в традиционной форме и стиле, Маджлиси излагает события, происшедшие между Султаном Махмудом и его визирями, как обрамляющие повести:

Для исцеленья повесть мне нужна,
Придумайте. Но быть она должна
Невиданной, особенной, такой,
Чтоб я, читая, вновь обрел покой (с. 13).

Таким образом, поэт стремится утешить горюющих, поддержать несчастных, развеять печаль страдающих, дать им, пусть небольшую, но радость. Это заставило его обратиться к сокровищнице народного творчества и письменной литературе, выбрать тему, наиболее соответствующую его замыслу.

Разрабатывая избранную тему, поэт обращается и к мифологии, широко использует изобразительные средства народного творчества. Его герои попадают то в трагические, то в комические ситуации, то горюют, то радуются. Хотя поэт назвал свое произведение «удивительной повестью о горестях и невзгодах», в финале страдающие и скорбящие радуются, окрыленные мечтой о добре и счастье. Бесспорно, эти объективные мотивы создания произведения еще более увеличивают ценность и значение, расширяют границы его воздействия.

Авторской задачей продиктован, во-первых, выбор жанра любовных приключений, во-вторых, выбор обрамленного повествования, изложенного от лица рассказчика. Таким образом, сюжет произведения требовал народности формы, пластичного выразительного языка, способствующего осуществлению задуманного.

Как уже отмечалось, «Сказание о Сайфульмулуке»

Маджлиси написал вдохновленный персидскими прозаическими повестями. Если сопоставить поэму Маджлиси с дошедшими до нас прозаическими источниками и новеллой в «Тысяче и одной ночи», то сразу можно заметить отличие от них «Сказания о Сайфульмулуке». Это и естественно, ибо каждый мастер художественного слова, создавая оригинальное произведение на основе известного до него кочующего сюжета, как бы перевоссоздает его в соответствии со своим мировоззрением, требованиями и художественно-эстетическими принципами своего времени. И Маджлиси создал повесть как оригинальный литературный памятник, отвечающий его замыслу и целям. Вероятно, это он имел в виду, когда писал:

Она, как гордый замок, хороша,
Прочтите — птицей воспарит душа (с. 15).

или

В крови груди, как лезвие остро,
Купалось вдохновения перо.
В безводных землях я цветы возрастил,
Сады влюбленных влагой напоил (с. 12).

«Сказание о Сайфульмулуке», созданное на основе нового для узбекской эпической поэзии сюжета, содержит более 4000 стихотворных строк. Повесть, связанная с Султаном Махмудом, играет своеобразную роль обрамления, которое включает основное повествование о Сайфульмулуке, выражающее идейно-художественную сущность всего произведения. Это любовно-романтическая повесть затрагивает такие нравственные проблемы, как благородство, целеустремленность, стремление бороться и побеждать; в повести воспеваются справедливость, добродетель, человеколюбие; порицаются зло, подлость, жестокость и насилие.

Такая направленность произведения не случайна, так как автор ориентировался на «Гуль и Навруз», где эти вопросы поставлены в тесной связи с такими жгучими общественными проблемами, как установление справедливости, воцарение справедливого правителя, создание централизованного государства. Маджлиси честно стремился следовать этим тенденциям. Однако в своем произведении он счастливо избежал повторов, копирования круга проблем и вопросов, затронутых в

«Гул и Наврузе». Его поэма была продуктом иных общественно-политических условий и соответственно этому изменилась общественно-политическая аргументация автора. В частности, если в «Гул и Наврузе» проблема создания централизованного государства была связана с идеалом справедливого правителя, то в поэме Маджлиси этот аспект не был главным. Для поэта важно показать приключения человека, стремящегося к счастью, раскрыть, как человек совершенствуется в процессе борьбы за осуществление благородных целей. Ярким подтверждением нашей мысли может служить судьба главного героя поэмы Сайфульмулука. Находчивый и ловкий, он как бы является стержнем всех описанных в произведении событий. Все персонажи так или иначе сталкиваются с ним, или помогают ему, или выступают против него. Сайфульмулук стремится соединиться со своей возлюбленной Бадеуль, изображение которой принц впервые увидел вышитым на подаренном ему родителями халате. Приключения Сайфульмулука автор изображает как процесс совершенствования героя, т. е. каждый эпизод раскрывает новые грани этого образа.

Маджлиси сталкивает своего героя и с реальными людьми, и с мифологическими существами, как бы отдавая дань традициям народного эпоса. Как и в сказках, Сайфульмулук влюбляется в пери, живущую в Эраме. Стремясь к ней, он вступает в единоборство с драконом, Симургом и дивами, вызволяет Малику из неволи. Но самое примечательное в том, что автор, стремясь более полно и всесторонне показать процесс совершенствования Сайфульмулука, отправляет его близкого друга Саида путешествовать в другие страны. Завершив рассказ о приключениях Сайфульмулука, автор вновь сводит их, и в дальнейшем они больше не расстаются, являясь участниками всех событий.

Сайфульмулук обладает богатырской мощью, всегда берет верх над темными силами, хотя иногда, проявляя слабость, терпит поражение, попадает в плен; его жизнь подвергается опасности. Но читатель так безгранично верит в силу и здравый ум Сайфульмулука, что не теряет надежды даже тогда, когда герой попадает в серьезную беду: на острове обезьян он оказывается в плену у людоедов. Читателя не покидает

уверенность в том, что герой одержит победу и соединится со своей возлюбленной Бадёулджамал, он вместе с Сайфульмулуком ищет выхода из трагического положения, смеется в комических сценах. И этот смех — смех радости, веры, смех чистых сердцем и помыслами людей.

Маджлиси изображает своего героя как верного возлюбленного, стремясь зародить в сердцах чувство доверия к Сайфульмулуку. В его образе автор сконцентрировал черты, характерные для положительного героя.

Нужно подчеркнуть, что Маджлиси создал отличающиеся совершенством и многогранностью прекрасные образы девушек. Одни девушки принадлежат к роду человеческому, другие — пери, третьи — к племени чернокожих людоедов. Но каждая из героинь наделена свойственными ей чертами. Малику, оказавшуюся в плену у дивов, спасает Сайфульмулук, а она в свою очередь, как и обещала, помогает Сайфульмулуку найти Бадёулджамал; девушка из племени людоедов, влюбившись в юношу, пытается заморозить его. В одном из этих эпизодов события, связанные с Маликой — Сайфульмулуком — Саидом, по закону соразмерности завершаются свадебным пиршеством (здесь немаловажна роль человеколюбия и целомудрия Малики), а в другом эпизоде, где столкнулись Сайфульмулук и девушка из племени чернокожих людоедов, возникает комическая ситуация из-за нарушения законов соразмерности.

Создавая образы девушек, Маджлиси в образе Малики восхваляет чуткость, искренность, а в образе чернокожей людоедки порицает легкомысленность, неспособность беречь свое достоинство. Два этих образа оттеняют и образ Бадёулджамал.

Хотя Бадёулджамал не является действующим лицом всех событий, она всегда (то в изображении на халате, то в рассказах подруги, то в мыслях героя) находится перед глазами читателя. В изображении поэта Бадёулджамал красива не только внешне; в ней гармонично сочетаются физическая и духовная красота. Это особенно явствует из последних событий поэмы, где она является непосредственной участницей. Именно потому что в ней сосредоточены столь необычайные

достоинства, поэт представляет ее в облике пери. И ее глазами он смотрит на людей: внимательно оценивает поступки, человеческие качества, видит их достоинства и недостатки. В этом отношении примечательны слова Бадеульджамал:

Сказала, улыбаясь: «Рассуди,
Могу ли верить я твоей любви?
Коварство, лживость у людей в крови.
Ты — человек, я — пери. Как нам быть?
Земле возможно ли с огнем дружить? (с. 62).

Здесь от имени пери высказана мысль о том, что непостоянство характерно для людей. Однако поэт не обвиняет все человечество, он говорит о несправедливости своего времени.

Поэт подвергает любовь Сайфульмулука к Бадеульджамал испытанию. Когда юноша выдерживает, Бадеульджамал влюбляется в него. Поэт утверждает, что возлюбленная должна быть рассудительной, обладать тонким вкусом; во имя любви ей следует действовать благоразумно и осмотрительно. Говоря о любви, Маджлиси всегда имел в виду активность обеих сторон и особенно верность воле и желаниям возлюбленной. Вслед за великим узбекским поэтом Навои Маджлиси считает любовь самым высоким и святым чувством:

Любовь свободна, — говорит поэт, —
Где нет согласия, там и счастья нет (с. 63).

По замыслу поэта образы девушек, подобных Малике и Бадеульджамал, должны служить примером для подражания, а образ чернокожей девушки, выписанной в негативных тонах, должен вызывать отвращение читателей. Кроме того, особо подчеркивается искренность и доброжелательность в отношениях Малики и Бадеульджамал.

Нет сомнения в том, что в своем произведении Маджлиси решает женский вопрос с прогрессивных позиций, косвенным образом разоблачая ничем не оправданную жестокость времени и господствующей идеологии по отношению к женщинам.

Все персонажи поэмы делятся на две противоположные группы в зависимости от их взаимоотношений с Сайфульмулуком и Бадеульджамал. Одну группу составляют те, кто доброжелательно относится к главным героям — это отец Сайфульмулука Осим, отец Бадеуль-

джамал Шахбал, отец Саида Хамид. Мифологические персонажи — чернокожая девушка, див, дракон и другие — противопоставлены этой группе. Противоборство двух враждебных групп и определяет динамику произведения, ярко выражает высокие человеческие достоинства положительных героев.

Хотя описанные в поэме события и созданные образы имеют романтическую окраску, в них не трудно увидеть отражение реальных событий и реалистические картины той эпохи. Описывая страну чернокожих, поэт останавливается на мельчайших деталях реальной жизни, словно хочет этим показать жестокости жизни своих современников, его соотечественников. Следовательно, его романтическое изображение основывалось на реальном, жизненном фундаменте, поэт сумел показать ужасные стороны своей среды. Это характерно не только для творческого стиля Маджлиси, но и для многих представителей народной литературы.

Цель произведения и созданные в нем образы героев с художественной точки зрения соответствуют его содержанию. Это прежде всего видно в прочной и последовательной связи событий произведения: одно событие непосредственно и логически вызывает другое, является его закономерным результатом. Иначе говоря, создавая цепь событий, поэт особое внимание уделил их органической и логической связи. Например, обрамляющая повесть послужила мотивом для создания повести о Сайфульмулуке, подношение Сайфульмулуку халата — для повести о любви юноши к девушке Бадеульджамал, а его стремление соединиться с возлюбленной — для других приключений. Таким образом, каждая повесть не только дополняет друг друга, но и гарантирует логическое продолжение основного идейного направления произведения. Фабула поэмы развивается динамически, в финале завершается весельем и пиршеством. Создавая некоторые эпизоды и образы, автор использовал антитезу, в результате чего расширилась панорама изображения, углубилась значимость образов. Прекрасной иллюстрацией нашей мысли могут служить образы Малики и чернокожей девушки, описание страны чернокожих и родины Малики и Бадеульджамал.

Маджлиси, плодотворно используя народные посло-

вицы и поговорки, традиционный образный строй устного народного творчества, художественные изобразительные средства классической литературы, продемонстрировал высокое мастерство зрелого поэта.

Преобладающая часть художественно-изобразительных средств служит достоверности и увлекательности изображения:

Чанг изогнулся около меня,
И стонет обо мне, судьбу кляня.
Узнав, что гибну я — твой верный раб —
Бьет в грудь себя рыдающий рубаб.
Увидев, что согбен я, вял и хмур,
Со мною вместе застонал танбур.
Страдает арфа от моей тоски...
Откликнись! Сердце рвется на куски! (с. 27).

Стремясь глубже раскрыть психологическое состояние, духовный мир главного героя, поэт одушевляет такие музыкальные инструменты, как чанг, танбур, арфа, рубаб, а их согласное звучание сравнивает с горестным плачем о судьбе героя. Использованные поэтом олицетворения, сравнения, эпитеты служат авторскому замыслу, помогая более глубоко понимать изображенных в произведении событий. Эти поэтические средства помогают поэту создать и другие прекрасные картины, например, картины природы, всегда зависящие от характера изображаемых событий и настроения героя.

Чтобы логически обосновать путешествие Сайфульмулука в город Фатина через море в поисках Бадеульджамал и последующие события (пленение Сайфульмулука чернокожими), автор нарисовал картину морского шторма с таким мастерством, что она явилась своеобразной провозвестницей бед и невзгод, ожидающих Сайфульмулука:

Он днем и ночью ездил по стране,
Повсюду спрашивал о Фатине,
Вернулся на стоянку кораблей,
Послав гонцов, созвал своих людей.
...Но вот ярьась, все доброе кляня,
Сел черный рок на своего коня.

Стонали волны: «Гни, круши, ломай!»
Ревели ветры: «Крови, крови дай!»

Сгушались тучи, дыбились валы,
Открылось небо за стеною мглы.

Куда ни глянь, вокруг лишь мгла одна,
Шапнешь, проглотит алчная волна (с. 33—34).

Таким образом, автор мастерски использовал богатый арсенал художественно-изобразительных средств, чтобы достичь конкретности, логической обоснованности событий и многогранности создаваемых образов.

С большим чувством меры поэт употребил народные пословицы и крылатые слова; многие строки и бейты произведения не уступают им по своей художественной выразительности. Язык его произведения прост и отточен. «Сказание» Маджлиси завоевало широкую известность именно благодаря неповторимым художественным достоинствам и увлекательности сюжета. Оно было популярно и среди других тюркоязычных народов.

«Сказание о Сайфульмулуке», воспевающее прогрессивные идеи, величие человека и благородство его души, привлекло внимание большого круга читателей глубиной идейного содержания, осветило их жизнь радостью и верой в счастливое будущее.

Таким образом, это произведение, рожденное на основе народного творчества и памятников письменной литературы, продемонстрировало нерасторжимую связь двух видов творчества, постоянно обогащающих друг друга и являющихся благодатной почвой для создания подобного рода произведений. Бесспорным примером могут служить такие литературные памятники, как «Тахир и Зухра» (Сайёди), «Бахром и Гуландом» (Сайкали). С этой точки зрения значение «Сказания о Сайфульмулуке» в истории узбекской литературы неоспоримо.

ХОДЖА

Подшоходжа бинни Абдулваххоб Ходжа (литературный псевдоним — Ходжа) — один из видных представителей узбекской литературы конца XV — начала XVI в. Его произведения «Ключ к справедливости» («Мифтох ул-адл») и «Цветник» («Гулзор») — высокие образцы художественной прозы.

Главным и почти единственным источником, дающим биографические сведения о Ходже и его литературном наследии, является антология «Упоминание о друзьях» («Музаккир ул-ахбоб») ³⁹ Хасана Нисари, составленная при жизни Ходжи в 1566—1567 гг.; существенные данные о жизни и творчестве писателя приведены также во введении к сборнику «Цветник».

Подшоходжа бинни Абдулвахоб Ходжа родился в 1480—1481 г./885 г. х. в семье духовного наставника. Еще в самом начале своей деятельности, сразу же после окончания медресе, Ходжа занимал пост «садра» — чиновника по вакуфным делам. При правлении Кистан Кара Султана он был шейх ул-исламом. Иногда в отсутствие султана Ходжа заменял его. В антологии Хасана Нисари подчеркивается, что в своей общественной деятельности Ходжа не пренебрегал интересами народа, положительно относился к нему ⁴⁰.

В существующих первоисточниках не указано, как и когда началась литературная деятельность Ходжи, но в антологии Нисари особо подчеркнуто, что он был мастером в стихосложении и в эпистолярной литературе, что им созданы великолепные, высокохудожественные образцы рубаи, газели, кытъя, касыд.

Знакомство с образцами дошедших до нас лирических стихотворений Ходжи показывает, что в них он мастерски использовал сложные поэтические приемы, богатство, гибкость родного языка для выражения настроений и переживаний своего лирического героя.

В тазкире особо упоминается, что Ходжа составил диван на турецком языке и на фарси; оба пока не обнаружены в рукописных фондах. Но в тазкире приводятся две газели Ходжи: одна на фарси, другая — на турки. Судя по ним, по их социальной направленности и поэтическим особенностям, Ходжа был одаренным мастером стиха.

Его газель, демонстрирующая богатство узбекского языка, с редифом «Кечадур» получила высокую оцен-

³⁹ О тазкире см.: Болдырев А. Н. Тазкире Хасана Нисари как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в. ТОВЭ. Т. III. Л. 1940; Айни К. Тазкираи Хасан Нисорий ва нусхаҳои он//Известия АН ТаджССР. Вып. 9. 1956; Мирза-ахмедова М. Хасан Нисорий ва унинг «Музаккир ул-ахбоб» тазкираси//Узбек тили ва адабиёти. 1965. № 4.

⁴⁰ Рукопись ИВ АН УзССР. Инв. № 4282. С. 153.

ку Захириддина Бабура. В ней рассказывается о душевных переживаниях поэта на пути к своей возлюбленной. Газель состоит из пяти двустиший, служащее редифом слово-омоним *кечадур* употреблено в нескольких значениях: *вечер, ночь, проходить, прощать*. Такая многозначность редифа требовала от автора строгого единства формы и содержания, особой тонкости языка и мастерства в отборе выразительных средств.

В газелях и рубаи, написанных им на персидском языке, наряду с описаниями красоты возлюбленной, жалобами на разлуку с любимой, звучат и социальные мотивы — возвеличивание человека и порицание отдельных догм ислама.

В истории узбекской литературы Ходжа более всего известен своими произведениями в прозе — «Цветник» («Гулзор») и «Ключ к справедливости» («Мифтох ул-адл») ⁴¹. Недавно найдена его поэма «Цель поведения» («Максад ул-атвор») ⁴², написанная в 1528 г. как своеобразный ответ на «Смятение праведных» Алишера Навои. Это произведение Ходжи создано, как первая поэма из цикла «Пятерицы», и по сути имеет традиционный характер.

Как и у предшественников, поэма Ходжи не имеет единого сюжета. Каждая глава посвящена определенной теме. Поэма состоит из семи вступительных глав, где наряду с традиционными посвящениями есть и наставления автора правителю государства (Султана Джанибека) быть благочестивым и справедливым. Далее в поэме идет основная часть — семь разделов, снабженных притчами, наставлениями и пятнадцатью предостережениями.

В них поэт особое внимание уделяет описанию справедливого правителя (в лице Нуширвана), щед-

⁴¹ До недавнего времени считалось, что «Мифтох ул-адл» написан в XIV в. и его автор не известен. Исследования В. Ю. Захидова показали, что он создан в XVI в. Ходжой, автором «Гулзора» (Захидов В. Ю. О «Мифтах ул-адле» // Ученые записки ТашГПИ. Вып. IV. Филология. Ташкент. 1957; Его же. Огни истории. М. 1977. С. 134; Мирзаахмедова М. Хожа (хаёти ва ижоди). Ташкент. 1975).

⁴² Тохиржонов А. Хожанинг янги топилган асари. // УТА. 1975. № 3; Мирзаахмедова М. Хожа — дostonnavis // Адабий мерос. 1981. № 1. Ее же. Хожа. Максад ул-атвор. Предисловие и текст // Асрлар нидоси. Ташкент. 1982.

рости к народу (притча о Хотам Тае), храбрости (выступать против неверных), внимания султана к науке и ученым. В отдельных главах поэмы Ходжа остро критикует казиев — судей и суфиев — представителей духовенства, резко осуждает их ханжество и лицемерие.

Из краткого изложения структуры поэмы видно, что здесь автор в поэтической форме излагает свои философско-дидактические взгляды, проникнутые духом гуманизма.

До какого времени жил Ходжа точно не известно, но автор антологии «Упоминание о друзьях», рассказывая в заключительной части о своих родственниках (Ходжа — отец автора антологии), умерших до ее написания (1566 г.), указывал, когда и в каком возрасте постигла их смерть и где они похоронены. Говоря о Подшоходже, он не приводит такой даты; очевидно, Ходжа в это время еще был жив, ему было 87 лет и, следовательно, он дожил до последней четверти XVI века.

По утверждению самого автора, «Цветник» написан в 1538/39 г./945 г. х. в Балхе в период правления Убайдуллахана и был посвящен племяннику правителя Балха Кистан Кара Бахадур ибн Джанибеку. Во введении к «Цветнику» даны краткая история написания произведения и некоторые сведения о самом авторе.

Назначение своей книги, написанной на тюрки, Ходжа видел прежде всего в том, чтобы она, как он сам пишет, послужила руководством для Кистан Кара Султана и вельмож в их государственной деятельности⁴³.

«Гулзор», подобно «Гулистану» Саади, прежде всего — сборник поучительных рассказов и притч. В нем содержится около сорока социальных, морально-этических рассказов, несколько кытъя, рубаи, месневи, газелей и др. В ряде случаев они носят поучительно-назидательный характер. Книга заканчивается стихотворным заключением, в котором поэт символически описывает красоту цветника — гулзора.

Стихотворные фрагменты «Цветника» во многом отличаются от других образцов лирики Ходжи. Это

⁴³ Рукописный фонд ИВ АН УзССР. Инв. № 7796. С. 546, 55а.

стихотворные заключения автора, подытоживающие тот или иной рассказ, и как бы акцентирующие основную идею рассказа, его мораль.

Каждое произведение, входящее в этот сборник, в основном посвящено какому-нибудь одному конкретному вопросу. Автор высказывает свое отношение к поднятой в произведении проблеме и заканчивает рассказ вытекающими из его содержания моральными сентенциями в стихотворной форме.

Идейная позиция Ходжи, человека крайне сложного времени, глубоко противоречива. Некоторые его рассказы написаны на религиозные темы и основаны на легендах, преданиях о жизни пророка и его сподвижников. Однако большинство рассказов и стихотворных фрагментов пронизаны идеями гуманизма и патриотизма, выходят за рамки феодально-клерикальных и социально-политических убеждений автора, содержат критику ряда сторон деятельности и морально-этических норм представителей господствующих социальных групп, правителей, духовенства и т. п.

Второй сборник рассказов Ходжи «Ключ к справедливости» состоит из пятнадцати глав. В них речь идет о справедливых правителях и угнетателях; о повинении султанам и вынесении приговоров, о необходимости правителям советоваться со своими визирями и других важных вопросах управления государством.

Сборник посвящен сыну Шейбанихана — Мухаммаду Темуру Султану, молодому правителю города Бухары, а затем Самарканда.

По теме и содержанию, идее и системе образов, по языку и стилю «Ключ к справедливости» очень близок к «Цветнику». Оба произведения тесно связаны между собой, одно из них как бы продолжает другое. Исходным материалом для рассказов Ходжи послужила жизнь народа — его история, быт, общественные взаимоотношения, верования, обычаи и т. п.

Язык и стиль обоих произведений свидетельствуют о том, что в развитии и совершенствовании литературного творчества Ходжи важную роль сыграло устное народное творчество, его идейные мотивы, сюжеты, образы, изобразительные средства, богатство языка.

Особенно привлекала Ходжу народная сказка, ее доходчивость, лаконичность и смысловая емкость. Для

образного выражения своих дидактических, назидательных мыслей Ходжа обращался к бытующим в народе сказкам и вводил их в письменную литературу.

В истории узбекской литературы, как и в персидско-таджикской, этот прием широко используется, убедительным примером чего является творчество Низами, Джамии, Навои. По форме литературные сказки родственны народным притчам, басням, представляют собой моральные (порой религиозные) поучения или проводят определенную дидактическую идею в инскапательном виде⁴⁴. Сказанное можно полностью отнести и к рассказам Ходжи.

Об удобстве литературной формы сказки для выражения взглядов писателя Г. Х. Андерсен писал: «Каждую вещь нужно называть ее настоящим именем, и если это опасно в действительной жизни, то надо сделать это хотя бы в сказке»⁴⁵.

Духовный наставник и первый помощник хана Ходжа как блюститель законов и защитник простого люда в своих рассказах («в сказке») требует, чтобы беки и визири во главе с правителем заботились о народе, выслушивали жалобы бедняков, были справедливы, следили, чтобы сильные не обижали слабых. С этой целью писатель и обращался к сюжету народной сказки, по-новому истолковывая ее. Наряду с этим он создает и такие рассказы, сюжетные аналогии которых можно найти в произведениях Низами, Джамии, Навои и других его предшественников.

Многие хикояты Ходжи, хотя и основаны на уже бытующих сюжетах, настолько творчески переработаны, что их вполне можно считать оригинальными художественными произведениями.

Ведущая идея большинства рассказов «Ключа к справедливости» и «Цветника» — утверждение победы добра над злом.

Во многих рассказах Ходжа рисует образ идеального правителя, который, руководствуясь идеями справедливости, защищает интересы своих подданных. В этих произведениях отразились мировоззрение Ход-

⁴⁴ Нагишкин Д. М. Сказка и жизнь, письма о сказке. М. 1957. С. 20—37.

⁴⁵ Ганс Христиан Андерсен. Сказки и истории. М. 1955. С. 364.

жи, его мечты о справедливом правителе и свободном обществе без насилия, где жизнь народа расцветает с каждым днем.

В рассказах этого цикла Ходжа стремился обратить внимание правителей — своих современников — на то, что «будучи удостоенными той высокой чести (власти. — М. М.), необходимо быть благословенными правителями. Полагаясь на свой разум и знания, они должны быть осведомленными о жизненных условиях своих подданных и всячески проявлять по отношению к ним милость и доброту»⁴⁶.

В рассказе о Нуширване, старухе и азербайджанском беке Ходжа, иллюстрируя сказанное выше, создает образ справедливого шаха — Нуширвана, стремящегося улучшить жизнь народных масс, сохранить мир и спокойствие в стране.

В этом рассказе к Нуширвану приходит бедная старуха. Она жалуется на бека, отобравшего у нее последнее средство на существование — клочок земли. Старуха просит наказать бека, и Нуширван исполняет ее просьбу.

В рассказе Ходжи шах не совершает насилия над подданными, а жестоко карает тех, кто покушается на покой и имущество народа. Этот образ воплощает черты справедливого правителя — идеал народа и самого писателя.

Другой положительный персонаж рассказа — старуха-вдова, представительница трудового народа. Это обобщенный образ человека труда.

Бек в рассказе объединяет в себе все отрицательные качества «сильных мира сего». Для достижения своих корыстных целей он не останавливается ни перед чем. Он силой захватывает землю старухи и присоединяет к своему саду.

Рассказ короток, немногословен, но образы его выразительны, контрастны. Язык рассказа прост, понятен, лаконичен.

В других рассказах Ходжи («Искандер и Хаган из Чина», «Султан Малик и старуха», «Махмуд Газневи

⁴⁶ Пошшо хужа. Муфтох ул-адл ва Гулзордан (Подшоходжа. Из «Ключа справедливости» и «Цветника»)/Текст подготовлен В. Захидовым и С. Ганиевой. Ташкент. 1962. С. 21. Далее — ссылки на это издание.

и дервиш», «Махмуд Газневи и две совы», «Беседы шаха с отшельником») также выражены надежды и ожидания народа, идеалом которого были мудрые и справедливые, гуманные и миролюбивые властители, заботящиеся о благе своих подданных и государства.

Особое место в творчестве Ходжи занимают рассказы, осуждающие вельмож, чиновников и их нерадивые деяния. Таков, в частности, рассказ «О Бахрамгуре и пастухе». Основная идея этого рассказа — заслуженное поражение тех, кто способен на измену и предательство, и неизбежное торжество правды и справедливости.

Здесь рассказывается о том, как Шаху Бахраму приносят весть о нападении врагов. Он приказывает собрать войско, но сделать это трудно, потому что воины разбрелись кто куда. Шах заходит в казну — там пусто. Правитель не понимает, в чем дело, и решает на время уйти из города, чтобы поразмыслить обо всем. По дороге Бахрам встречает пастуха, повесившего своего пса за предательство. Этот пастух и его поступок заставляют правителя призадуматься — нет ли у него во дворце предателей? Возвратившись, он начинает проверять дела визиря Ростравшана и обнаруживает его предательскую деятельность. В конце рассказа визиря казнят, войско возвращается, казна вновь наполняется, а враги, собиравшиеся напасть, уходят.

В образе визиря Ходжа типизирует характеры вельмож феодального двора: визирь грабит народ, опустошает страну. Для достижения своих низких целей он даже вступает в сговор с врагами. Визирию Ростравшану свойственны ненасытность и жестокость, он преследует тех, кто помогает голодным и обездоленным. Безграничны его зависть и злоба. Он беспощадно карает неповинных людей. Ходжа не изображает того, как он совершает то или иное несправедливое дело, а мастерски обличает его пороки устами заключенных в зиндане, рассказывающих правителю о причине заключения их в темницу.

Образ правителя Бахрамгура динамичен. В начале рассказа он выступает как владыка, проводящий свое время в утехах и наслаждениях. Чтобы образумить правителя, Ходжа сталкивает его с пастухом. Правдивые и искренние слова пастуха помогают правителю

осознать всю глубину своего падения, изменить образ жизни и вступить на путь справедливости.

В этот рассказ вложена социально-политическая концепция Ходжи о том, что даже самому могущественному властителю могут принести большую пользу советы человека из народа.

Ряд рассказов Ходжи посвящен разоблачению мусульманского духовенства — воплощения порока и лицемерия, ханжества и алчности. В этом отношении характерен рассказ о Султানে Махмуде Газневи и талиб ул-илме — ищущем знания, студенте⁴⁷.

Казий обманывает студента, оставившего ему на хранение свои сбережения. Он подменяет его золотые деньги медью и клянется священным Кораном, что не делал этого. Студент жалуется правителю. В подтверждение своих слов он приводит рассказ об аисте, который, осквернив минарет, садится на купол мечети и смывает свой грех.

В эпоху господства религии уподоблять представителя духовенства аисту, подчеркивать, что «казии дено и ночью тянут взятки, и не стыдятся клятв», писать, что «даже собаки бесконечно рады, что родились собаками, а не казиями», что «даже земля брезгует трупом казия» и т. д. было, несомненно, большой смелостью. Для более глубокого и убедительного обличения мошенника-казия Ходжа пользуется приемом «обрамления» — дает рассказ в рассказе, который помогает читателю увидеть все мерзкие поступки казия.

И в этом рассказе Ходжа утверждает идеал справедливого царя в образе Махмуда Газневи. В разоблачении хитростей и пороков казия основная роль принадлежит студенту. В процессе обучения студент постигает силу правды, верит в нее. В трактовке этого образа Ходжа излагает свои передовые воззрения на социальное устройство своего времени.

Рассказ построен на изображении действий персонажей и событий. Сюжет и композиция, развитие мысли даны в тесной логической связи. Обрамляющие рассказы помогают правдивому воплощению основной идеи — торжеству правды и справедливости над злом и жестокостью.

В течение многих веков человечество мечтало о свободной жизни, о равноправии людей, о процветающем

• ⁴⁷ Там же, с. 25.

обществе и искало пути осуществления этих идеалов. Светлые умы того времени мечтали о мудром и справедливом государе, в котором видели избавителя народа от нищеты, о правителе, в чьей стране царят правда и счастье.

Ходжа, являясь одним из передовых людей того времени, воспел мечты и чаяния простого народа. «Искандер Зулькарнайн и нищий принц» — один из рассказов «Цветника» Ходжи — посвящен этой теме⁴⁸.

Герой рассказа нищий принц отказывается от предложенного Искандером престола и говорит, что согласится принять его в том случае, если Искандер выполнит четыре условия: «Ты даруй мне жизнь, в конце которой не было бы смерти, даруй мне молодость, которая не знала бы старости, даруй мне богатство, которое никогда не сменилось бы нищетой, и последнее — даруй мне радость, которую не омрачала бы печаль».

Удивленный этими условиями Искандер говорит, что все это может быть ниспослано только всевышним; хотя Искандер и «всемогущий государь», он не в силах удовлетворить просьбу нищего. В рассказе чувствуется печаль автора, недовольного современной ему властью и властителями. Выраженные в условиях нищего принца мысли — это мечты Ходжи о лучшей жизни на земле.

Цикл рассказов Ходжи затрагивает морально-этические и нравственно-воспитательные проблемы. Особого внимания заслуживает характерный для этого цикла рассказ «Султан Санджар и старуха, владеющая прямым деревом»⁴⁹.

Однажды Султан Санджар, признанный народом справедливым правителем, ищет длинное и прямое дерево для колонны в строящемся дворце и находит его у одинокой старухи. Шах не прибегает к насилию, а покупает дерево, заплатив старухе золотом. Установили дерево, украсили его позолотой. Старуха была в числе приглашенных на осмотр дворца. Когда она подошла к колонне, то, обращаясь к ней, сказала: «О дерево, ты своей прямоотой озолотило и себя и меня».

⁴⁸ Там же, с. 33.

⁴⁹ Там же, с. 38.

Главная идея данного рассказа выражена весьма метко и лаконично в стихотворном заключении, основной тезис которого сводится к следующему: «Каждому, кто сделал своим девизом правдивость и прямоту, любое задуманное дело, несомненно, удастся претворить в жизнь».

В этом рассказе Ходжа использовал прием уподобления: прямота дерева соотносится с правдивостью, стойкостью человека и с начертанием первой буквы (тогда арабского) алфавита «Алиф» (/) прямой формы, с понятием, каким должен быть положительный человек.

Нравственно-воспитательной теме посвящен и рассказ Ходжи «Шейх и наставник», в котором шейх указывает путь исправления развращенному человеку. Свои этические воззрения автор выражает в этом рассказе словами шейха. Он говорит о тех чертах, которые должны быть в характере человека — честность, трудолюбие; в рассказе разоблачаются предательство и злословие.

В некоторых рассказах Ходжа обличает захватнические войны и бессмысленные причины, порождающие распри среди придворной знати. Саркастически высмеиваются предательство, корыстолюбие и другие отрицательные качества, присущие феодальной верхушке.

В рассказе «Искандер Зулкарнайн и Дара» Ходжа дает реалистическое изображение образа жестокого завоевателя, готового на все для достижения своих захватнических целей. Но вместе с тем он беспощаден и по отношению к лицемерам, предателям. Этим объясняется и жестокая казнь приближенных противника Искандера — Дара, изменивших последнему.

Оба произведения Ходжи содержат еще множество рассказов, в которых автор призывает к свершению добрых дел и говорит о бесполезности позднего раскаяния в совершенных проступках («Воробей и его назидания»), возвеличивает разум, знания, взаимную любовь и почитание родителей, предков, потомков («Искандер и старик мудрец»), воспекает дружбу, единство, братство, осуждает себялюбие («Сулейман и живая вода»).

Многие рассказы Ходжи, как мы уже подчеркивали, аналогичны произведениям его предшественников. Они

встречаются в сборнике рассказов Авфи, в «Сиясетнаме» Низамульмулка, в «Искандернаме» Низами, в некоторых поэмах Алишера Навои. Сопоставительное изучение их показало, что авторы, использующие тот или иной сюжет из фольклора, что-то добавляют, изменяют или дают своеобразное истолкование. Таким образом, у каждого автора один и тот же сюжет находит новое выражение, представляет новый вариант традиционного мотива и становится оригинальным произведением.

Например, уже упоминавшийся рассказ Ходжи «Бахрамгур и пастух» перекликается с сюжетами отдельных эпизодов из «Семи красавиц» Низами⁵⁰, «Сиясетнаме» Низамульмулка⁵¹. Некоторые моменты сюжета встречаются и в «Смятении праведных» Навои⁵². Но Ходжа ставит и решает основную проблему рассказа исходя из социальных условий и требований своей эпохи и вносит соответствующие изменения: у Низами визирь Бахрама связан с китайским хаканом, у Ходжи хакан заменен беком самого Бахрама. У Низами даны рассказы семи заключенных, у Ходжи — только троих заключенных, но алчность и ханжество бека разоблачены здесь так же глубоко и полно. У Низами чабан неоднократно прощает пса, зная его преступления, у Ходжи пастух, узнав о предательстве пса, тут же его вешает, беспощадно карает предателя. Рассказы Ходжи по форме также доступны и доходчивы для широких народных масс. В итоге они приобретают большую социальную заостренность. Кроме того, стихотворный текст Низами изложен у Ходжи в прозе.

У Ходжи есть рассказ, условно названный «Цветущая страна». В письменной литературе сходные с этим рассказом эпизоды встречаются у Низами. Но и здесь каждый поэт и писатель, воспевающий идеальное общество, создавал свой оригинальный художественный этюд, отражая в нем исторические условия, в которых он жил и творил, исходя из требований своего мировоззрения. Но всех этих авторов объединяла общая идея — мечта угнетенных народов, живших в разные

⁵⁰ Низами. Гулдаста. Ташкент. 1948.

⁵¹ Низамульмулк. Сиясетнаме/Перевод и подготовка текста Б. Н. Заходера. М.; Л. 1949. С. 25.

⁵² Навои. Хамса. Ташкент. 1960. С. 134.

времена, об идеальном обществе, справедливом правителе, о радостной, мирной и свободной жизни.

В условиях той эпохи Ходжа занимал прогрессивную позицию, выдвигал идеи патриотизма, справедливости, его симпатии были всецело на стороне угнетенного народа.

Он был писателем, творчески освоившим замечательные литературные традиции своих предшественников, использовавшим и развившим их исходя из требований своей эпохи. Ходжа внес значительный вклад в развитие прогрессивных идей узбекской литературы и обогатил ее новыми образами.

Произведения Ходжи «Ключ к справедливости» и «Цветник» — классические образцы узбекской прозы XVI в., содержащие ценнейший материал для изучения истории узбекского языка.

Послесловие

Тюркоязычная литература как одно из важных звеньев мировой литературы с интересом изучается в Советском Союзе и за рубежом. Древние устные и письменные памятники ее свидетельствуют о глубокой и богатой истории. Как показывают факты художественной культуры среднеазиатских народов, древние и средневековые образцы литературы тюркских народов, в том числе нынешних узбеков, рождались в тесном контакте с литературами других народов, опирались на взаимный их опыт. Это говорит о высоком уровне художественного восприятия народами природы общественных явлений. Десятки стихотворений, пословиц, приведенных Махмудом Кашгари в «Дивони лугатитурк» («Диване тюркских языков»), отличаются высокой художественной техникой, разнообразием жанров и тематики. На их основании можно утверждать, что до арабского нашествия тюркские народы обладали своей письменностью, развитой литературой и культурой.

Самым ценным из художественного арсенала тюркских народов древнего периода являются их мифы и легенды. В них запечатлено художественное стремление этих народов познать глубокие внутренние противоречия общества и природы, наличие в них духа преодоления этих противоречий; воплощено изображение человека как существа сильного, способного победить злых духов, натиск природной стихии, противопоставить всем явлениям свою добрую волю и активность. Мифы и легенды о Каюмарсе, Джамшиде, Снявуше, Аланкуве и многие другие, древние сказания о Томарис, Шираке, Искандере не только в древности, но и в период средневековья оказали положительное

воздействие на дальнейшее развитие литературы; их герои вошли в нее как положительные образы. Это подтверждает творчество Юсуфа Хас Хаджиба, Лутфи, Навои, Ходжи, Муниса, Агахи и др.

Арабское нашествие (VIII век) было серьезным экзаменом для среднеазиатских народов на дальнейшее существование, на развитие своей культуры и языка. Они героически пережили трудности и через некоторое время опять начали создавать произведения на родном языке.

Формирование узбеков, таджиков, туркмен и других народностей Средней Азии в X—XII вв. и появление художественно-поэтических произведений на их языках говорит о наступлении нового периода в истории культуры этих народов. Поэма Юсуф Хас Хаджиба «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), будучи общим достоянием всех тюркоязычных народов стало крупным событием в культурной жизни.

В истории общественно-политической и культурной жизни среднеазиатских народов отрицательную роль сыграло монгольское нашествие. Многие очаги культуры и науки были разрушены, а ее представители вынуждены были покинуть родину и искать приют далеко за ее пределами. Как правильно отмечают ученые-историки, в этот период в литературе господствовало религиозно-мистическое направление.

Постепенное освобождение Средней Азии от монгольского ига, усиление роли местных народов в управлении государством, решении проблем культуры, возникновение в XIII—XIV вв. светского направления стало как бы принципиальным поворотным моментом в истории узбекской литературы. Оно проявилось в форме непризнания абсолютного господства религиозного мировоззрения в жизни людей, в обществе в целом, полного отрицания аскетического образа жизни. Такие узбекские поэты, как Хорезми, Лутфи, Атои, Саккаки, Гадои и другие, — яркие представители этого направления — внесли существенный вклад в развитие узбекской литературы и узбекского языка. Их влияние на творчество Навои, на весь ход развития узбекской поэзии было огромным. Донавоинский период узбекской литературы характеризовался еще и тем, что в то время узбекская литература, особенно поэзия, обогати-

лась новыми жанрами, позволяющими глубже и разнообразнее выразить душевный мир человека. Помимо лирических жанров (газель, наме, рубай, туюг и т. п.), возник жанр мунозаре, социально насыщенный по содержанию, динамичный по форме. Поэмы Дурбека «Юсуф и Зулейха», «Гуль и Навруз» Лутфи, «Цветник тайн» Хайдара Хорезми и другие произведения значительно подняли узбекскую литературу на новую идейно-художественную высоту.

Событием мирового значения стало творчество Алишера Навои, великого гуманиста, государственного деятеля, мыслителя. Литературное наследие Навои, будучи вершиной узбекской литературы не только средневекового, но и всего дооктябрьского периода, вобрало и развило лучшие традиции узбекской и всей прогрессивной восточной литературы. Навои достойно оценил все жанры литературы своего времени — и лирические, и эпические. Но он не умалял и значения прозы. Когда он говорит о своих творческих достижениях, то не забывает и свои прозаические произведения, сыгравшие выдающуюся роль в развитии этого жанра, в его идейно-художественном совершенствовании:

Если бы стал писец переписывать мою поэзию в прозу.
Он насчитал бы в них бейтов не меньше ста тысяч»

(«Язык птиц»).

«Пятерица» Навои, включающая в себя пять его поэм, разнообразных по тематике и образам, — плод не простого подражания, а итог великого состязания с его предшественниками — Низами Гянджеви, Амиром Хосровом Дехлеви — основателями этого жанра, с его великим современником Абдуррахманом Джами. В этих поэмах Навои глубоко и разносторонне отразил жизнь и проблемы общественно-политической и культурной жизни своего времени, запечатлел немеркнувшие и по сей день образы таких положительных героев, как Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун, Диларом и другие, до настоящего времени являющиеся примером для подражания.

Сводный диван Навои «Сокровищница мыслей», охватывающий более 2600 газелей, более 200 кытъя, более 100 рубай и т. д., был и остается одним из непревзойденных шедевров в области лирической поэзии.

Он как бы вдохнул новую жизнь в каждый лирический жанр. Своей «Пятерницей» и сводным диваном Навои дал мощный импульс для дальнейшего развития литературы не только узбекского, но и всех тюркоязычных народов.

В XVI в. традиции Навои были продолжены в узбекской литературе. Бабур, Мухаммад Салих, Ходжа и другие поэты и писатели своими произведениями обогатили и развили традиции Навои. Примечательно, что в этот период в узбекской литературе заметное место стало занимать реалистическое начало, реалистическое осмысление событий жизни (например, в исторических мемуарах Бабура, в поэме Мухаммада Салиха «Шейбанинаме», также написанной на историческую тему).

Следует отметить, что произведения узбекских классиков средневекового периода, несмотря на отпечаток в какой-то мере признаков традиционности, на романтический характер изображения героя, на определенную отвлеченность авторских мыслей и идей, создавались, в основном, как художественно-поэтическая реакция на конкретные события общественно-политической и культурной жизни своего времени. Поэтому каждое из них сыграло огромную положительную роль для своего времени.

Значительные произведения узбекских классиков, разнообразные по жанрам, богатые по содержанию, оригинальные по художественной форме, показывают постоянное стремление их авторов к учебе у своих предшественников, у фольклора и лучших представителей соседних народов. Одно то, что уже с XIII—XIV вв. поэты стали переводить на тюрки такие шедевры мировой литературы, как «Хосров и Ширин» Низами, «Гулистан» Саади, говорит о высоком уровне этой творческой учебы. В этом видится один из ценнейших уроков узбекской литературы.

Конечно, историю узбекской литературы древнего и средневекового периодов нельзя рассматривать как явление единое, лишённое внутренних противоречий и ограниченности, не знавшее определенных периодов упадка. Во все периоды феодального господства религиозные мировоззрения, прежде всего ислам, не могли не оказывать идейного влияния даже на самых передовых ее представителей. Вместе с тем во все

периоды развитие узбекской литературы сопровождалось противоречиями между литературными течениями — прогрессивным, религиозно-мистическим и феодально-дворцовым. Но истинное развитие литературы всегда было связано с достижениями гуманистической литературы, выражавшей прогрессивные устремления и взгляды народных масс. Лучшие надежды и чаяния передовых людей общества идейно питали и вооружали литературу и благодаря талантливым произведениям вдохновляли людей на новые достижения в борьбе за свободную и счастливую жизнь. Таковы выводы и взгляды авторов данного коллективного исследования.

Узбекская литература древности и раннего средневековья — неотъемлемая часть всей узбекской литературы. Она органически связана с дальнейшим ходом ее развития. Светская литература, поэтические традиции Навои ценились и творчески осваивались всеми поколениями узбекских поэтов и писателей последующих периодов. В мировом литературном контексте произведения Юсуфа Хас Хаджиба, Лутфи, Навои, Бабура созвучны с лучшими достижениями литератур народов средневековых Востока и Запада — с «Шахнаме» Фирдоуси, с «Божественной комедией» Данте Алигьери, «Пятеричами» Низами Гянджеви и Хосрова Дехлеви, с произведениями Саади, с трагедиями Шекспира, с лирикой Петрарки, Хафиза, Физули и др. Прославление гуманистических идей, благородных стремлений, верность лучшим идеалам человечества, решительное осуждение социальной несправедливости, пороков, возвеличивание человеческого разума, любовь к природе, жизни, художественной культуре всегда будут составлять лучшие черты их творчества. Поэтому изучение истории и особенностей узбекской литературы и древнего, и средневекового периодов всегда представляло и будет представлять огромный интерес не только для ученых-специалистов, но и для ее почитателей. Популярность произведений Лутфи, Навои, Атои, Бабура среди современных читателей и слушателей, неоднократное их переиздание и переводы на многие другие языки, прежде всего на русский — дополнительное подтверждение этого.

Ў ҚАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдаррахман ибн Дуст 99
Абдукадыр Нойи 218
Абди 164
Абдувахабова М. 206
Абдул Джалил 223
Абдул Мумин 237
Абдукаххар 217
Абдулазиз 387, 389
Абдулазиз Самарканди 224
Абдулкасым Али бинни Джаффар 84
Абдулла I 383, 389
Абдулла Хотифи 220
Абдуллаев В. 18, 231
Абдуллаев И. 5, 93, 389
Абдуллатиф Мирза 144, 209, 351, 358, 383, 416
Абдуллахан II 383, 386, 394, 397
Абдураззак Самарканди 143, 211, 218
Абдурахим Хорезми 145
Абдурахимхан 418
Абдурахман Баркий Мунши 223
Абдурахман Джами (см. Джами)
Абдусаттар Кануни 388
Абдуссамад 343
Абу Абдаллах ал-Абиварди 95
Абу Али Завзани 83
Абу Бакр ал-Хорезми 94, 95, 100
Абу Бакр ар-Рази 61
Абу Бакр Кулуй 109
Абу Бахр Мухаммад ибн Джаффар Наршахи (см. Наршахи)
Абу Вафа Джурджани 58
Абу Джаффар ал-Кумми 96
Абу Джаффар Мухаммад бин Джариф Табарн (см. Табарн)
Абу Исхак ал-Фарси 82
Абу Исхак Нишапури 122
Абу Мансур Абдалмалик ас-Саалиби 92
Абу Мансур Бухари 58
Абу Мухаммад Суламми 82, 100
Абу Наср ибн Мирак 58, 61

- Абу Сахл Масихи 58
Абу Таййиби ат-Тахири 95
Абу Хайр Хаммар 61
Абу Шукухи Балхи 82
Абу Бакр Мирза 211
Абу-л-Аббас ал-Джармаки 95
Абу-л-Аббас Маъмун 93
Абу-л-Хасан ал-Лаххом 97
Абу-л-Васеъ Джабари 89
Абу-л-Касым ал-Динавари 86
Абу-л-Касым ал-Искафи 94, 100
Абулқасым Бабур 186, 187, 210, 233, 234, 262
Абулқасым Қахи 396
Абу Наср ал-Утби 100
Абу Шахман 360
Абу-л-Мухсин 212
Абу-л-Фатх ал-Бусти 93, 94, 95, 96, 98, 99, 100
Абу-л-Фадл ал-Микали 94, 99, 100
Абу-л-Фадл ал-Хамадани 93, 94, 95, 100
Абу-л-Фадл ас-Суккари 95
Абу-л-Хасан ал-Ифрики 100
Абу-л-Хасан ал-Талиб ал-Маъмуни 94, 97
Абу-л-Хасан Хисаи Марвази 59
Абулло Марварид Кирмани 220
Абу Саид 209, 210, 211, 213, 215, 216, 224, 231, 234, 235, 236, 271,
273, 275
Абу-л-Хайрхан 209, 211
Авфи 111, 335, 349, 451
Авхади 127
Агахи 392, 454
Адам 24, 122
Адиб Сабир Термизи 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90
Азиз 173, 174
Азимджанова С. 399, 406
Асхари Хирави 224
Айбек 231, 282
Айни К. 391, 441
Айни С. 231, 280, 348
Айтолды 76
Акбар 396, 407
Акрамов А. 385, 393, 398, 419
Ал-Хузайми 97
Аллаиддин Али Самарканди 226
Аланкува 453
Александр Македонский (см. Искандер) 36, 40, 41, 46, 326
Али Асгар Хикмет 352
Али ибн Махмуд 113
Алиев Г. 170, 396
Ализаде А. 104
Али Кушчи 143, 217
Али Сафи 372
Алим Якут (см. Ютакэ) 104, 106
Алишер Навои (см. Навои)
Алои Шаши 237

- Амир Могол 211
Амир Шайхим Сухейли 217, 230, 237
Амири 130, 145, 190, 193, 194, 196, 198, 205, 206, 355
Аморг 36, 37, 39, 40
Амъак Бухари 89
Анбар Атын 13
Ангра Манью 47, 48, 49
Андерсен Г. Х. 445
Анисий 351
Ансори 148
Арабшах Исфараини 388
Арасли Г. 82
Арасту (см. Аристотель) 321, 326
Ардвисура 37
Аржасп 45
Аристотель 41, 61, 63, 320
Арифи 148, 149
Арслан Ходжа Тархан 149, 153
Архимед (Аршамидус) 326
Ас-Сафи 142
Асади Туси 82
Атои 145, 154, 178—186, 355, 400, 454, 457
Аттар (см. Фаридиддин Аттар)
Афлотун (см. Платон) 323, 326
Афросияб (см. Франрасьян) 29—35, 83, 362
Афсари 393
Ахи 314, 315
Ахмад ибн Исмаил 95
Ахмад Мушток 211
Ахмад Танбал 403, 416
Ахмад Хаджибек 236
Ахмад Хусейн 343
Ахмад Югнаки 62, 65, 69, 70—72, 106, 149
Ахмад Яссави 64, 65, 113, 394
Ахмади 150, 194, 202—206, 219
Ахмадходжаев Э. 187, 188
Ахмедов Т. 6, 310
Ахриман 25, 27, 297
Ахурамазда 46—49
Ашраф 216
Ашрафи М. М. 319, 381
Ашрафхон Мир Мунший 220
Аяз 332
- Бабур 12, 18, 142, 163, 168, 215, 218, 220, 222, 224, 273, 381, 382,
388, 395, 397, 399, 400—412, 416, 418, 419, 421, 424, 425,
430, 442, 456, 457
Бадахши 145
Бадеъул джамал 436, 437
Бадиуззамон 212, 230, 243, 292, 358, 360, 404
Бадриддин Чочи 111
Байрамхан 382, 396, 400
Байсункар Мирза 195, 210, 214, 220, 339
Бакои 224, 393

- Банокати 24
Баракхан 383
Бартольд 57, 104, 212, 214, 251, 272
Басри 396
Бахман 165
Бахрам 168, 303, 311—315, 319, 447, 451
Башир 176
Биварасп 28
Бедил 409
Бедиллий 12, 148
Бертельс Е. Э. 27, 29, 45—47, 49, 63, 70, 82, 92, 156, 157, 161, 163,
169, 170, 227, 229, 271, 283, 326
Беруни 24—27, 29, 44, 45, 58—60, 72, 77, 93, 106, 415
Бехзад 220—223, 386, 417
Бехофарид 46
Бехишти 217
Биби Мунажжима 12
Бинае 207, 219, 220, 230
Блоше Е. 163
Бодроглигигети А. Е. 393
Болдырев А. 381, 387, 391, 392, 421, 441
Брагинский И. С. 110
Бузург-Умид 303
Букрот 41
Булбаков П. Г. 60
Бурханиддин 121
Бюрасп 28

Валиходжаев Б. 381, 400
Вамбери Г. 419, 422
Васифи 143, 381, 387, 391, 421
Витсен 418
Вомик 185, 229
Вяткин 418

Гавомард (см. Каюмарс)
Гавриил 101, 177
Гадои 18, 45, 150, 154, 186, 193, 217, 295, 355, 454
Газзали 24, 63, 217
Ганиева С. Г. 6, 186, 187, 341, 446
Гафурджанова Т. 5
Гев 31, 32
Геродот 38, 43
Геоцен А. И. 284
Гильшах 24
Гиппократ (см. Букрот)
Гиясиддин Али 143
Гиясиддин Мухаммад (Кичкина Бахадур) 231, 232, 233
Големба А. 253
Гудаоз 31, 32
Гулхани 11
Гуль 165, 166, 167
Гульбаданбегим 127
Гулямов Я. 142, 212, 213, 381
Гуштасп 45, 46

- Давид 122, 123, 124
 Давлатшах Самарканди 146, 155, 218, 230, 231, 232, 335, 349
 Даврон Н. 398, 419, 422
 Давыдович Е. А. 381
 Дакики 82, 83
 Данте Алигьери 457
 Дара 322, 450
 Дарвеш Али 211, 242
 Дарвеш Дехаги 216
 Дарвеш Ахмад Конуни 219
 Дарвеш Ахмад Самарканди 223, 237
 Дарвеш Мухаммад ибн Мухаммад Мумин 220
 Дарвеш Мухаммад Тархан 236
 Дарвеш Мухаммад Токий 223
 Дарий Ш. 39, 41, 42, 43
 Денике Б. П. 381, 386
 Денисов Росс 397
 Державин В. 284, 324
 Джабир 318
 Джайпур 318
 Джалалиддин 104, 107
 Джалалиддин Руми 112
 Джалал Табиб 165
 Джалили 24
 Джалилова Р. 390
 Джами 144, 161, 175, 215, 217, 219—221, 225—227, 229, 231, 236,
 240, 242, 260—262, 265, 268, 270, 277, 281—285, 294, 320,
 334, 335, 342, 344, 345—349, 356, 363, 364, 373, 375, 386,
 392, 407, 420, 455
 Джамшид (см. Рим) 27—29, 46, 143, 315, 362, 453
 Джанибек 111, 118, 133, 442
 Джасратхан 314
 Джахан Шах Мирза 358
 Джахангир 186
 Диларом 312, 313, 319, 455
 Джомасп 46
 Джувейни 104
 Джуйбар Ходжи 383
 Джуна 317
 Джунуни 148
 Джунайд 226
 Дилаварходжа 392
 Дурбек 145, 150, 151, 154, 169, 171, 172, 174, 177, 178, 455

 Жамолов С. 381
 Жирмунский В. 165
 Жобир ибн Ансори 122

 Зайд Захаб 315, 316
 Зайниддин Васифи (см. Васифи)
 Заратуштра (см. Зардушт) 44—47, 49
 Зардушт
 Зариандр 39, 40
 Захириддин Мухаммад Бабур (см. Бабур)

Захидов В. 63, 82, 110, 113, 156, 212, 232, 381, 442, 446

Заходер Б. Н. 451

Заххак 28, 83, 362

Зиё 250

Зиён 396

Зия Нахшаби 111

Зу-л-карнайн (см. Искандер, Александр Македонский) 40, 326

Зулейха 174, 176, 245, 432

Зухрабегим 424

Иблис 28

Ибн-ал-асир 33

Ибн Арабшоҳ 143

Ибн Батута 111

Ибн Имад 127

Ибн Салам 308

Ибн Сина 58, 60, 61, 63, 72, 77, 93, 106, 112, 194, 392

Ибн Ямин Фарьюмади 109, 115, 176

Ибрагим Луди 405, 416

Ибрагим Султан 141, 209

Ибрагимов А. 6, 381, 386, 387, 398, 419

Иванов П. П. 381, 384

Иванов С. Н. 73, 163, 180, 189, 250, 253, 254, 255, 274, 275, 329

Иисус 122

Ильминский С. И. 418

Ильяс 44

Исиф 184

Ирисов А. 61

Имам Мухаммад Газзали (см. Газзали)

Искандер 13, 40, 42, 43, 146, 297, 320, 321, 322, 324—327, 449, 450, 453

Искандер Мунши 381

Искандерхан 164, 383, 390

Исмаил Сафави 382, 386, 403

Исфандияр 45

Исхаков Я. 6, 132, 164

Йнм 46

Кавкаби 217

Кавсари 145

Қазизаде Руми (см. Руми) 143, 144, 226

Қайдафа 43

Қайкавус 29, 31, 32, 35, 288

Қайс 305, 306

Қайхусрав 30—34

Қаландар 145

Қамал Худжанди 111, 127, 179, 261

Қамоли 145

Қамрон Мирза 396, 403

Қарен 299

Қарими 145

Қаримов Г 18

- Қаримов Қ. 5, 74
 Қаримов Э. 6
 Қасым Али Чехракушо 220, 422
 Қасым Анвари 232, 261
 Қасым Раббони 219
 Қасымов С. 132
 Қатиб 261
 Қатиб Чалаи 164
 Қатиби 216
 Қатран 317
 Қаюмарс 23—25, 34, 49, 362, 453
 Қаюмов А. 3, 159, 381
 Кейзер А. 418
 Керосп 46
 Қир 37—39
 Қистан Қара Султан 441, 443
 Қишвари 396
 Қобули 216
 Қононов А. Н. 74
 Конрад Н. 58
 Костышева Г. И. 224
 Крачковский И. Ю. 92, 170
 Ктесий 37
 Кул Али 169
 Кул Мухаммад Шайхи 218
 Кул-Тегин 50, 51
 Кунтурды 76
 Қусаев М. 396
 Қутб Хорезми 14, 115, 117, 118
 Қутлуг Нигарханум 402
 Кучкунходжа 382, 383, 388, 390
- Латифи 145
 Латышков В. В. 38
 Лебедев Н. 248
 Лейден Ж. 418
 Липко 256, 431
 Ломидзе Г. 170
 Лот 122
 Лукман 125
 Лутф Алибек Озар 421
 Лутфи 11, 14, 18, 145, 150, 154—165, 179, 193, 217, 221, 235, 355,
 400, 407, 454, 457
 Лухрасп 33
- Мавляна Юсуф 220
 Маджиддин Мухаммад 241, 242, 416, 417
 Маджлиси 382, 391, 395, 397, 399—401, 430—433, 434, 436—439
 Маздак 46
 Малехова А. Н. 362
 Малик Таджир 173
 Малика 436, 437
 Маллаев Н. М. 18, 24, 38, 82, 149, 227, 333, 398, 419, 430

- Маллу 318, 322, 323
Малов С. Я. 50, 74
Мани 46, 222, 312
Мансур Халладж 85
Манучехр 362
Маркс К. 8, 107, 110, 214
Марьям 117
Массон М. С. 104, 144
Махдум Аъзам 383
Махмуд Газневи 95, 100, 332
Махмуд Джувайни 111
Махмуд Кашгари 12, 65—68, 194, 453
Махмуд Музахиб 220, 386
Махмуд Тараби 108
Махмуд Тархан 128
Махмуд Султан 382, 385, 403
Махмуд Югнаки 70
Машраб 10, 11, 85, 169
Маъсуд 317, 318
Меджнун 185, 229, 304, 306—310, 432, 455
Мелиоранский П. М. 419, 422
Мехинбану 60, 117, 118, 299, 300, 301
Мехр 318
Мехри 12, 148
Мехрназ 225
Мешам 176
Микоил 101
Мир Али 387
Мир Дуст 396
Мир Ислом Газзали (см. Газзали)
Мир Карши 144
Мир Муфлиси 216
Мир Саид 145
Мир Саид Кабули 232, 236
Мир Шахи 233, 351
Миради Маджнун бин Камолиддин Махмуд Рафики 223
Мирак Бухари 223
Мирак Наккош 220, 221
Мираншах Султан 130, 186, 209
Мирза Абдулла 209
Мирзаамедова М. 6, 391, 395, 441, 442
Мирза Алибек 145
Мирза Хайдар Дуглат 389, 421
Мирзабек 237
Мирзоев А. 82, 219
Мирхонд 201, 202, 218
Митра 37
Моисей 122, 125, 126, 229
Молчанов А. А. 213
Моран Р. Д. 408
Мудбир 319
Музаффар Мирза 243, 404

- Музаффар Али Наккош 220
 Муиниддин 146
 Муканна 46
 Мукбил 319
 Мукими 11, 145, 169, 355
 Мукминова Р. К. 381
 Мулла Яри 396
 Мумин 212, 359
 Мунис 10, 11, 454
 Мурадов А. 224
 Мусо 153
 Муталлибов С. 66, 67
 Муртриби 381, 390, 391
 Мухаммад ал-Хорезми 58
 Мухаммад Али 145, 236
 Мухаммад Али Гариби 230, 232
 Мухаммад Амин Бабаджан Гараби — Халвои 223
 Мухаммад бин Абу Бакир бин Абулфатхат — Тасвий Аддимши-
 ки 66
 Мухаммадали бин Дарвешали 390
 Мухаммад Бусайд 219
 Мухаммад Джуги 210
 Мухаммад ибн Мухаммад Фазл Бухари 113
 Мухаммад Казвини 148, 352
 Мухаммад Мазиз 223, 389
 Мухаммад Наккош 220
 Мухаммад Олим 217, 237
 Мухаммад Рахими 396
 Мухаммад Салих 127, 381, 382, 387, 391, 393, 395, 396, 398, 400,
 419—423, 425, 427, 430, 432, 456
 Мухаммад Самарканди 108, 112
 Мухаммад Темур Султан 186, 444, 382, 385
 Мухаммад Тарагай (см. Улугбек)
 Мухаммад Ходжа-бек 11, 132—134, 136
 Мухаммад Хусейн Мирза 212
 Мухаммад Шейбанихан (см. Шейбанихан)
 Мухаммад Ядгар 211, 238, 239
 Мухиддин ибн Ал-Араби 347
 Мушкин 168
- Навдар 165, 318
 Навои 10—14, 17, 18, 27—29, 70, 87, 90, 109, 116, 130, 145, 146,
 151, 155, 157—160, 163, 168, 178, 185—188, 193, 211, 215—
 218, 220—222, 224, 225—240, 242—279, 281—286, 288—298,
 302, 309—311, 313, 315, 317—325, 327—365, 368—377, 391,
 392, 394, 400, 404, 407—409, 416, 417, 419, 421, 436, 442,
 451, 454, 455, 457
- Навруз 165, 168
 Навфаль 307, 308
 Нагишкин Д. 445
 Наджип Э. Н. 132
 Надира 13
 Наджмиддин Кавкаби 219, 388

- Назири Самарканди 396
Наи 388
Накшбанди 113, 114
Наргиси 351
Нарзуллаева С. 310
Наршахи 33
Насими 10, 85
Наср ибн Ахмад 95
Насреддин Ток Буга 121, 122
Насреддин Туси 58
Насыр Бухари 111
Насыр Хосров 283
Несеви 104
Низами Арузи 235, 334
Низами Гянджеви 14, 90, 91, 116—118, 144, 146, 175, 221, 240, 277, 278, 283, 285, 293, 294, 295, 304, 320, 344, 451, 455—457
Низамиддин Ахмад 226
Низамиддин Шами 143
Низамиддинов И 212, 214, 221, 386
Низамулмульк 127, 242, 243, 244, 451
Нишати 333
Нозуки 230
Ной 122, 125
Норкулов Н. 212, 214, 221, 223, 386
Нурсайдбек 145, 420
Нушаба 42
Нуширван 442, 446
Нуъман 318

Одатидида 39, 40
Огдолмиш 70
Одгюрмиш 76
Омар Шейх Мирза 402
Омар Хайям 83, 87, 90, 136, 250, 263, 409
Осим 437
Отсиз 84, 85

Пантусов Н. И. 418
Паве де Куртейль 418
Парпиева Г. 6
Пахлавон Махмуд 116
Пахлавон Мухаммад 217, 335, 340, 341, 375
Пеньковский Л. 295, 410, 411
Петрарка 457
Петрушевский И. П. 104, 109
Пийран 31, 32
Пяр Саид Ахмад Табризи 221
Пирмухаммадхан 383
Пифагор 104
Плано Карпини 104
Платон 41
Подшоходжа бинни Абдулваххоб Ходжа (см. Ходжа)
Полисий 37
Пугаченкова Г. А. 220, 381
Пушкин 258

- Рабгузи 121—126, 169
 Равшанак 42, 328
 Раджабов И. 219
 Радлов В. В. 50
 Райян 174
 Рана Санграм 405
 Расулов А. 44
 Рафаэль 222
 Рахими 398
 Рашидадин 89, 104, 107, 108, 111, 200, 202, 390
 Рашидий 419
 Ремпель Л. М. 220
 Ризокулихан Хидоят 353
 Ризо Самарканди 388
 Рождественский Вс. 247, 248, 250, 253
 Рудаки 82, 90, 94
 Рузбехан Исфагани 381, 389, 391
 Руми 281, 293
 Рустам 30, 31, 32, 288
 Рустамов А. 6, 353
 Рустамов Э. 156, 165, 179, 186, 193, 195, 196, 210, 230
 Рьюн Гонзалес Клавихо 110
- Саади Ширази 14, 83, 90, 111, 119, 155, 221, 233, 261, 262, 264,
 265, 283, 293, 294, 320, 334, 337, 386, 443, 456, 457
- Сабирова Р. 6
 Сабуктегин 95
 Савсан 165
 Садыкбек Китабдар 352, 381, 396
 Саид Амир Кулами 113
 Саид Мухаммад Сиддик 352
 Саили 237
 Сайёди 440
 Сайд 317, 436, 437
 Сайид Ахмад 130, 131, 230
 Сайид Мирзо 420
 Сайкали 440
 Сайид Хасан Ардашер 230, 236, 270—276, 278, 335, 339—341, 375
 Сайфи 217
 Сайфи Сарои 14, 115, 118—120, 150
 Сайфиёв Н. 165
 Сайфульмулк 397, 436, 437—439
 Саккаки 145, 150—154, 193, 355, 454
 Сакесфир 39
 Салих 126, 401
 Салман Саваджи 11, 83
 Салье М. А. 44, 273, 390, 419
 Сам Мирзо 352, 421
 Самойлович А. 132, 157, 179
 Санан 283
 Саоцьян 49
 Сафид Туман 44
 Сахиб Балхи 148
 Свифт Дж. 125

- Северцев С. 224, 281, 339
Синявский Б. Я. 37, 39
Сирак (см. Ширак)
Сиявуш 29—35, 453
Сиямах 26
Согди 145
Сокий 230
Соколов С. Н. 47
Сократ 297
Соломон 122, 123, 126
Спарангис 38
Спаретра 36—38
Стеблева И. В. 50, 52
Стенли-Лэнь Чунь 164
Стрешнева Т. 305
Сулейман 450
Сулейман Бакиргани 64, 65, 394
Сулейманов Х. 271
Султан Али 211, 427
Султан Али Коини 223
Султан Али Мешхеди 223, 224
Султан Али Убахи 387
Султан Ахмад Мирзо 237, 238
Султан Ахмад Хурасани 211
Султан Али Мирза 237
Султан Искандер 146
Султан Махмуд 211, 212, 216, 217, 424, 427, 433, 448
Султан Мухаммад 220
Султан Мухаммад Хандон 223
Султан Хован 215
Султан Санджар 84, 85, 449
Султан Шабон 219
Султанов И. 231, 355
Сухейль 119, 318
Сухраб 288
Суюнчходжа 382, 383
Суюргамыш 141
- Табари 24—28, 43, 44
Тагирджанов А. 117, 442
Таймус 173
Тархан Абдуалли 142
Тахмурасп 28
Темкина И. 6
Тизенгаузен В. 104
Тимур 109—110, 119, 120, 130, 141, 144, 171, 186, 212, 213, 232,
233, 293, 294, 390, 402, 420
Тимур-Малик 107
Тинибек 111, 117, 118
Толстов С. П. 23, 24, 29, 30, 34, 57—59
Томарис 36, 38, 39, 453
Томсен В. 50
Тревер К. В. 24
Тура Братарвахш 45

- Турды 11
Туркан Хатун 104
- Убайд Закани 338
Убайдулла-хан 383, 389, 393, 394, 400
Убайдуллах 389
Увайси 13
Узбекхан 111, 117, 133
Узро 185
Узун Хасан 210
Улугбек 141—144, 151, 153, 209, 212, 213, 216, 217, 236, 272, 275,
358, 388, 392, 416
Улугтемир 133
Унсур 82
Урунбаев А. 344
Устад Тулани 388
Устал Шад 219
Ушаков Н. 252
- Фазои 393
Фазли 352
Фазылов Э. 164
Файзуллах Абулайс 144, 236
Файлакус 41, 44, 317, 321
Фалаки 90
Фани 233, 262, 264
Фапаби 58, 63, 72, 77
Фариддин Аттар 233, 281, 293, 329, 331, 332, 363
Фаридун 83
Фарухи 89
Фаррухи 165, 167, 168, 314, 315
Фархад 13, 37, 118, 169, 185, 229, 295—303
- Хадичабегим 243
Хаёли 145
Хайдар Сабухи 146, 244, 359
Хайдаров С. 169
Хайдар Хорезми 14, 145, 146, 150, 154, 163, 164, 355
Хайри 145
Хайруллаев М. 62
Хайтметов А. Х. 5, 66, 82, 109, 114, 115, 156, 216, 361, 398, 399,
422
- Хакани 90
Хаким 217
Хаким Табиби 148
Хаккулов И. 6, 395
Халил Султан 141, 151, 186, 182
Хамдуллох Мустафи 111
Хамза Султан 384
Хамид 438
Харез Митиленский 40
Хасан Басра Рахматулло 122
Хасан Али 358
Хасан Нисари 352, 381, 387, 390, 391, 396, 399, 421, 430, 431, 441

- Хасанов С. 400
Хафиз Аbru 143, 217, 265
Хафиз Бухари 397
Хафиз Таниш Бухари 127, 381
Хафиз Убахи 391
Хафиз Хорезми 145, 154
Хафиз Шерази 87, 145, 148, 155, 179, 194, 221, 261—264, 270, 339, 373, 407, 457
Хикматуллаев И. 389
Хилоли 217, 230
Хирави 388
Хитан 144
Ходжа 382, 390, 391, 395, 398—401, 440, 443—444, 453, 454, 456
Ходжа Абдулазиз Наккош 220
Ходжа Абдуллох Марварид Баёни 223
Ходжа Абдулвафо Хорезми 145, 217
Ходжа Абдулхасан Кутби 230
Ходжа Али Самарканди 224
Ходжа Авхад Муствафи 217
Ходжа Ахрар 142, 209, 212—215, 272, 404, 407
Ходжа Ислам 383
Ходжа Исматулло Бухари 145
Ходжа Мир Али Табризи 224
Ходжа Мусо 351
Ходжа Мухаммад Порсо 153
Ходжа Хурд 237
Ходжа Хусейн 406
Ходжа Юсуф Маломати 393
Ходжи 220
Ходжи Юсуф Андижани 219
Ходжи Мухаммад 388
Ходжи Кермани 127, 283
Ходи Зариф 156, 165, 179
Хозири 393
Хондамир 155, 202, 217, 218, 231, 235, 237, 282, 389, 421
Хордаки Бухари 109
Хорезми 11, 91, 115, 128, 130, 132, 150, 454, 455
Хосров 117, 118
Хотам Тай 293, 443
Хотифи 217
Худжанди 127, 129, 132, 133, 150
Худододод 141
Хулки 396
Хумаюн 396, 407
Хурмуз 117
Хусам Котиб 113
Хусамиддин Асими 112
Хусейн 110
Хусейн Байкара (Хусейни) 11, 210—212, 214, 219—224, 228, 229, 232, 234, 236, 237—245, 253, 265, 268, 271, 319, 327, 339, 344, 351, 357, 360, 364, 365, 382, 388, 403, 404, 416, 420
Хусейн Хорезми 145, 350
Хусейн Уди 218

- Хусрав Дехлави 194, 221, 240, 261—266, 270, 277, 278, 283, 285,
294, 304, 311, 320, 345, 373, 416
Хурдак ал-Самарканди 224
Хусрав 295, 300—302, 393, 416
Хушанг 362
Хушхолбек 396
Хызр 42
- Чагмини 112
Чайкин К. 287
Чарль Рье 163
Чингизхан 104, 106, 107, 113, 328
- Шади 381, 389, 397
Шадыев Э. 398, 399, 422
Шайх Абусайд Чанг 231
Шакар 117
Шамира 60
Шамухамедов Ш. 82
Шамъун 176
Шапур 117, 289, 300, 302
Шарафутдин Али Язди 143, 163, 221, 232, 390
Шарафутдинов А. 214, 231, 272, 419
Шах Али 389
Шах Али Абдуали 352
Шах Гариб Мирзо 359
Шах Музаффар 220, 386
Шахабиддин Мухаммад Джарджарми 226
Шахабиддин Хиябани 155
Шахбал 438
Шах Исмаил 222
Шахкули Гиджаки 218, 219
Шахмалик 141
Шахрух 109, 129, 141, 142, 148, 171, 210, 213, 220, 232
Шейбанихан 220, 222, 282, 383, 385, 389, 390, 393, 402, 403, 420,
421, 423, 426—429, 444
Шейх Кемал Турбати 234
Шейх Нажди 166
Шейх Санъон 332
Шейх Фарид Шакарсанж 363
Шейхзаде М. 395
Шекспир 8, 457
Шервинский С. 250
Шеруйя 301—303
Ширак 36, 39, 453
Ширин 117, 118, 169, 185, 299—303, 455
Шуханг 25, 26
- Щербак А. М. 132, 199, 201, 202
- Энгельс 8, 16, 37, 214
Экман Я. 187
Эркинов С. 5, 117, 156
Эрскин Э. 418

- Юсупов И. 39
Юсуф 74, 126, 172, 178, 185, 245, 318, 432
Юсуф Хамадани 64
Юсуф Хас Хаджиб (Баласагунский) 62, 65, 66, 73, 77—81, 93, 454, 456
- Язди Джурди Шахрияр 367
Язиж Оглы Али 127
Якини 145, 151, 193, 196—199, 201, 202, 205, 230, 355
Ялдо 166
Якуб 173, 176—178
Якубовский А. Ю. 212—214, 381
Ямин 172, 176
Ян Рипка 377
Ярославцев Г. 248
Яссави (см. Ахмад Яссави)
Яхудо 176
Яхья Себак 237

Указатель географических названий

- Абивард 210
Агра 405, 406, 407
Аден 166, 167
Азербайджан 210, 217, 222
Аирьянем ваежо (см. Хорезм) 47
Альбруз 296, 297
Амударья 24, 39, 47, 56, 85, 210, 413
Ангрен 402
Андар-Аб (область) 414
Андижан 62, 143, 402, 403, 412, 413, 419
Андхуд (местность) 346
Аравийский полуостров
Аравия 309
Армения 298, 299, 301, 303
Арсланбап 64
Ассирия 36
Астрабад 210, 211, 233, 241, 242, 243, 245, 252, 271, 359
Афганистан 55, 396, 412, 414
Африка 324
Афрасияб 83
Ахси (см. Ахсикент) 402
Ахсикент 403

- Багдадский халифат
Бадахшан 285, 385
Бактрия 36

Балх 25, 45, 82, 107, 112, 143, 148, 171, 211, 212, 242, 243, 344, 382, 443

Банну (область) 414

Бектут (селение) 417, 418

Бизан (город)

Ближний Восток

Бюласугун 73

Банну (область) 414

145, 209, 223, 382, 383, 384, 387, 391, 403, 421, 424, 444

Вавилон 44

Варшава 117

Вена 164, 422

Верхняя Волга 106

Вобкент 57

Восток 14, 26, 40, 43, 58, 61, 62, 63, 82, 88, 164, 170, 172, 185, 289, 293, 295, 299, 324, 353, 360, 404, 414, 457

Восточная Европа 120

Восточный Туркестан 156, 245

Газна 141

Газургах 464

Герат 82, 84, 92, 100, 141, 143, 148, 149, 155, 187, 210, 211, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 222, 224, 225, 230, 231, 235, 236, 238, 239, 242, 243, 244, 245, 252, 253, 272, 273, 274, 275, 288, 292, 299, 320, 342, 352, 353, 364, 382, 391, 403, 404, 406, 419, 422

Гиждуван 144

Гиссар 212, 382, 403

Гиссарский хребет

Греция 45, 297

Гурган 82

Давоменд 24

Даш Кипчак 57

Дели 405, 406

Джам (город) 226

Джейхун (см. Амударья) 152

Джизак 402

Европа 316, 324

Египет 111, 118, 173, 174, 176, 177, 194

Енисей 50

Запад 14, 26, 43, 299, 457

Золотая Орда 11, 111, 118, 128

Индия 44, 45, 56, 111, 145, 225, 298, 317, 322, 323, 396, 399, 405, 406, 407, 412, 416

Ирак 56, 156, 232, 415

Иран 23, 24, 30, 32, 34, 35, 36, 37, 43, 44, 45, 47, 58, 93, 104, 111, 141, 222, 225, 300, 322, 352, 362, 382

Испания 93

Истахр 24, 27

Истергач (селение) 418

- Истрвшан 55
Исфахан 84, 92, 164
- Пемен 30, 166, 167, 177, 237
- Кааба 181, 306
Кабул 141, 319, 403, 406, 407, 414, 415
Кавказ 91
Казань 117, 118
Каир 74, 92
Калькутта 397
Каядагар 42, 141, 417
Каньон 176
Каракул (область) 384, 385, 429
Каракумы 36
Карнуд (область)
Карши 385, 426
Касан 383
Каспийское море 39
Кашгар 57, 62, 73
Кашмир 322, 323
Керман 285
Кеш 413
Кирван 325
Китай 66, 120, 303, 313, 322, 324
Коканд 403
Константинополь 316
Куддуская земля (Иерусалимская) 314
Куил (город)
Кундуз 382, 414, 421
Кунстантаня (см. Константинополь)
- Ламганат (область) 414, 415
- Мавераннахр 46, 56, 57, 93, 109, 110, 141, 142, 144, 151, 152, 156;
178, 209, 210, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 222, 223, 225,
230, 235, 237, 278, 283, 305, 323, 352, 382, 383, 384, 385,
401, 412, 413, 414, 420, 431
- Майдана (селение) 418
Малая Азия 112, 245, 385
Мастчах 402
Магриб 173
Мекка 242, 244, 306, 404
Мерв 84, 234, 244, 345, 384
Мешхед 148, 210, 224, 234, 235, 244, 341, 364
Мидия 35
Миянкул (область) 383
Монголия 107
Москва 243, 406
Муган (степь в Азербайджане) 210
Мусалла (территория) 239, 245
- Навшад (страна) 167

- Навон (город)
Нага (область) 414
Наманган 74
Насаф (область) 384
Нахшаб 111
Неъматабад 404
Нил 175
Ниса 210, 421
Нишапур 46, 84, 92, 93, 96, 99, 352
- Оксус (см. Джейхун, Амударья)
Оксфорд 164
Орхон 50
Отекен 51
Отрар 107
Ош 403
- Памган 417, 418
Памир 36
Панипат
Париж 419
Паркан 36
Пенджабская область 405
Поволжье 58
Польша 50
Пскент 402
Пул-и Малан 404
Пуршавар 414
- Рабати Огуз 121
Раметан (см. Рамтин) 33
Рей 92
Россия 243, 385, 406
Рим (см. Рум)
Рум 65, 315, 316, 321, 325, 415
Русь 321, 325
- Сабзавар 108, 233
Саларжанг 145
Самарканд 55, 56, 57, 62, 67, 84, 107, 109, 111, 141, 142, 143, 144,
148, 149, 151, 209, 210, 211, 215, 216, 221, 223, 234, 236, 237,
253, 273, 275, 276, 332, 340, 364, 382, 383, 385, 388, 391, 403,
404, 413, 414, 419, 425, 427, 429, 444
- Сарай 118
Сейхун (см. Сырдарья) 152
Семиречье 55
Серендип (Шри Ланка) 314
Синстан 42
Сикри 405
Сирия 111
Согд 35
Средний Восток 55, 215, 227

Средняя Азия 5, 8, 9, 16, 17, 23, 24, 35, 36, 37, 38, 40, 43, 44, 47,
50, 52, 55, 56, 58, 60, 63, 66, 67, 81, 91, 92, 94, 97, 101, 104,
107, 108, 109, 111, 112, 113, 120, 121, 212, 223, 295, 321, 389,
390, 391, 392, 404, 406, 454

Стамбул 220, 352

Сыгнак 33

Сырдарья 39, 133, 382, 413

Табриз 222

Танаис 39

Тараз (область в Индии) 317

Таркен (см. Ташкент, Чач, Шаш)

Тафт 232

Тахти хотун (местность) 345

Ташкент 36, 67, 74, 111, 156, 382, 383, 385, 391, 402, 403, 419, 424,
427

Тегеран 352

Термез 57

Тибет 50

Тора 101

Тукуз Арсан 50

Туран 29, 30, 31, 32, 34, 35, 45

Туркестан 35, 55, 57, 141, 196

Туркмения 36, 106

Турция 50, 73, 74, 118, 156, 187, 352, 396

Тянь-Шань 36

Узбекистан 65, 188, 419

Ура-Тепа 402

Ургенч 55, 57, 62, 84, 106, 107, 111, 119

Фаранг 325

Фаркент 403

Фармул (область) 414

Фарс 164

Фарьяб 238

Фархар (местность) 165, 167

Фатина 439

Фергана 57, 62, 70, 402, 412, 413

Ферганская долина

Финляндия 50

Франция 316

Халап (Алеппо) 111, 314

Хамадан 92, 104

Харан 44

Хаштнагар (область) 414

Хиджас (область) 30

Хиндукуш (горы) 414

Хиндустан 414, 415

Ходжа Аббас (местность) 245

Ходжент 128

- Хорасан 56, 60, 84, 93—95, 101, 107, 108, 116, 141, 144, 156, 178,
209, 210—218, 223, 225, 226, 230, 232, 234—236, 239, 241, 243,
245, 272, 275, 283, 305, 320, 323, 340, 382, 403, 415, 416, 419,
431
- Хорезм 24, 29, 34, 36, 47, 57, 61, 85, 92, 93, 104, 106, 116, 117, 121,
319, 419, 430
- Чарджоу 421
- Чач 35, 55, 57, 62
- Чин 415
- Чинаран (селение)
- Шам (страна) 325
- Шатунга 50
- Шахрисябз 110, 317
- Шаш 67
- Шероз 209
- Шри Ланка 44
- Юг 14
- Яксарт (с.м. Сырдарья, Сейхун) 47
- Ясси 64

Указатель произведений

- Абдуллонаме 397
- Авеста 23, 27, 29, 44, 45, 46, 49, 50, 59
- Акбарнаме 127
- Альбом Навои 344
- Алфавит Бабура («Хатти Бобурий») 404
- Антология истории («Тазкират ут-таворих») 160
- Антология поэтов («Тазкират уш-шуаро») 146, 218, 335, 349, 381
- Антология узбекских поэтов 270
- Архитектурный орнамент Средней Азии 386
- Бабурнаме 12, 222, 224, 236, 273, 381, 386, 397, 401, 402, 404, 406,
410, 412, 413, 414, 415, 417, 418, 419, 421, 432
- Бахаристан 83, 226, 349, 372
- Бахром и Гуландом 440
- Библия 122, 126, 170
- Благодатное знание («Кутадгу билиг») 12, 65, 70, 73, 74, 75, 76,
77, 81, 83, 454
- Благородное качество 216
- Божественная комедия 457
- Бустан 233, 283, 287, 320
- Вамик и Узро 60
- Великий узбекский поэт («Улуг узбек шоири») 212
- Вестник древней истории 38

- Весы стихотворных размеров («Мезон ул-авзон») 217, 243, 335, 368, 376, 388, 407
Ветерки любви («Насойим ул-мухаббат») 242, 335, 363, 364
Веяния дружбы («Нафохот ул-унс») 242, 347, 363
Взаимосвязи литератур Востока и Запада 82
Взгляды жителей идеального города 58
Возлюбленный сердец («Махбуб ул-кулуб») 217, 244, 247, 335, 337, 356, 371, 372, 374, 375
Вольность 258
Восход светил 283
- Гияе ул-лугат 24
Гадои 187
Гений Навои 216, 331
Городища Ниссы в селении Багир и их изучение 104
Гуй и Чавган 149
Гулистан 14, 119, 233, 337, 372, 443, 456
Гулистан по-тюркски («Гулистони бит-туркий») 119
Гулливвер 125
Гуль и Навруз 156, 157, 163, 164, 165, 166, 168, 434, 435, 455
- Дар Соми («Тухфан Сомий») 352, 419
Дар благородных («Тухфат ул-ахрор») 226, 277, 283
Дары истины («Хибат ул-хакоик») 62, 69, 70, 71, 72, 106, 149
Дары мысли («Тухфат ул-афкор») 267
Дарственная надпись («Вакфия») 239, 241, 334, 337, 364, 365, 376
Десять посланий («Дахнаме») 127, 129, 130
Диван Амири 129
Диван мудрых изречений («Девони хикмат») 64
Диван тюркских слов («Девону лугатит-турк») 17, 43, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 75, 106, 151, 194, 453
Дивони Фаия 242, 261, 265
Диковины среднего возраста («Бадое ул-васат») 347
Древние писатели о Скифии и Кавказе 38
Дыхание друзей 226
- Евангелие 101
- Желание юных лет 226
Жемчужины поэзии 335
Жизнеописание друзей («Хабиб ус-сияр») 201, 218, 382, 389
Жизнеописание Сайида Хасана Ардашера («Холоти Сайинд Хасан Ардашер») 242, 270, 334, 338, 340
Жизнеописание Пахлавана Мухаммада («Манокими Пахлавон Мухаммад») 157, 242, 334, 340
Житие Ходжи Ахрара («Манокими Хужа Ахрор») 143
- Завершение жизни («Хатимат ул-хаёт») 347
Зайниддин Васифи 392
Законченные истории («Там ут-таворих») 237
Занд 44, 45, 46
Записки бухарского гостя («Мехмонноман Бухоро») 381, 390
Зариадр и Одатиди 40

- Зафарнаме 156, 163
 Зичи курагани 144
 Золотая цепь («Силсилат уз-заххоб») 226
- Из истории Бухары в XIII в. 104
 Из истории искусства каллиграфии в Средней Азии 224
 Из истории миниатюры 212
 Индия 59
 Искандарнаме 451
 История (Геродота) 38
 История Аббасидов («Тарихи олам оройи аббосий») 381
 История аджамских царей («Тарихи мулуки Ажам») 23, 24, 27, 41, 242, 335, 361, 362, 363, 376
 История Банакати 41
 История Бухары («Бухоро тарихи») 33
 История ибн-ал-Асир 41
 История искусств Узбекистана 220
 История монголов 104
 История народов Узбекистана 144
 История Наршахи («Тарихи Наршахи») 33
 История Рашиди («Тарихи Рашидий») 386
 История персидско-таджикской литературы 27, 46, 49
 История покорителя вселенной («Тарихи жажонкушоний») 111
 История пророков и мудрецов («Тарихи анбие ва хукамо») 178, 242, 335, 363, 376
 История Табари («Тарихи Табарий») 23, 24, 28, 30, 33, 40, 41, 44
 История татарской литературы («Татар эдэбияты тарихи») 117, 118, 490
 История Туркестана 57
 История Узбекистана («Узбекистон тарихи») 36, 37, 56, 60, 107, 212, 218, 221, 384
 История узбекской литературы (3-томная) 8, 18, 24, 38, 82, 149, 430
 История узбекской литературы (5-томная) 5, 14, 81, 82, 116, 156, 229, 354, 355, 430
- Кабуснаме 65
 Канон Маъсуда 59
 Канон медицины 60
 Кашфуз зунун 164
 Каюмарс 23
 Ключ справедливости 399, 401, 440, 442, 444, 445
 Книга ажурных узоров («Китоби жумжума») 113
 Книга Бакиргана («Бокирган китоби») 65
 Книга благородных качеств («Макорим ул-ахлоқ») 231, 282
 Книга завоеваний («Фатхнома») 381, 389
 Книга картин земли («Китобу сурат ал-арз») 58
 Книга кравчего 271
 Книга любви («Таашукнома») 130
 Книга мудрости Искандера («Хирадноман Искандарий») 226, 282, 347
 Книга о любви («Мухаббатнома») 10, 91, 115, 127, 128, 130, 132, 133, 136, 137, 199
 Книга побед («Зафарнома») 127, 143, 390

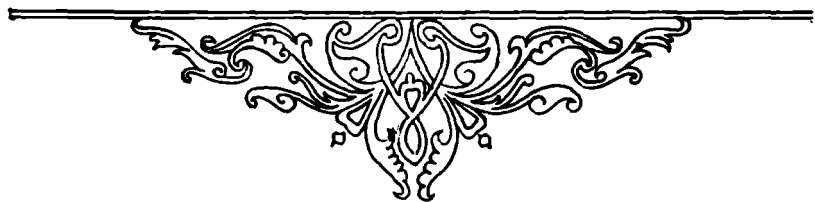
- Книга побед Тимура («Зафарномаи Тимурий») 143
Книга почета государя («Шарафномаи шохий») 381
Книга света 283
Книга рождения 44
Коран 9, 63, 101, 122, 125, 126, 170, 196, 326, 404
Краткое изложение алгебры противоположностей («Ал-мухтасар фил-ал-жабр вал мукобала») 58
Критика нусуса («Накд ун-нусус») 226
Кровное слово 180, 189
- Латойифут тавоиф 372
Латофатноме 127, 128, 132, 133
Лейли и Меджнун (Низами) 90, 91, 222, 226, 227, 240, 282, 303, 304, 347, 396, 398
Литературно-критические взгляды Навои («Навоийнинг адабий-танкидий карашлари») 156
Летопись о походе на Индию («Рузномаи газоввоти Хиндустон») 143
Лук и стрела («Ук ва ёй») 151
Лутфи и Навои 156
- Малая Авеста («Хурда Авеста») 47
Между Памиром и Каспием 37
Место восхода двух счастливых созвездий и место слияния двух морей («Матла су-саъдайн ва мажда ус-бахрайин») 143
Миф идей и образов Алишера Навои 63, 82, 110, 113, 156
Мир-Али-Шир 212
Мир Алишер и политическая жизнь 212
Минералогия 60
Миф о Каюмарсе 23
Монгольские завоевания в Азербайджане и сопредельных странах 104
Море тайн («Луджат ал-асрор») 345
Мубайян 407
Мусульманская династия 164
Мысли птиц («Мантик ут-тайр») 329, 331
Мыслители эпохи восточного Возрождения («Шарк уйғониш давринг мутафаккирлари»)
- Навои 157
Навои и Джами 82, 156, 161, 227
Нанизанные жемчужины («Назмул-жавохир») 259, 260
Новолуние («Хилолия») 238, 265, 267
Ночи мышлений («Шабистони хаел») 237
- Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии 224
Отношение Алишера Навои к сарбадарам 237
Огузнаме 132, 201, 202
Определение конечных границ мест для проверки расстояний населенных пунктов 59
Оташкаде 421
- 31—91

- Отблески сияния («Ашъият ул-ламоат») 347
Откровения юности («Фатихат уш-шабоб») 346
- Памятники древнетюркской письменности 74
Памятники минувших поколений («Ал-осор-ул бокия ан-ал-карун ул-холия») 24, 44, 59
Первый художественный дастан («Илк бадий дoston») 92
Персидская поэзия в Бухаре X в. 92
Письмовник («Муншаот») 217, 222, 243, 335, 336, 357, 361, 376
Поведение достойных («Ахлокул ашраф») 338
Повести пророков 122
Подарок размышлений («Тухфат ул-афкор») 344, 345
По следам древнехорезмийской цивилизации 24, 30
Повести Рабгузи («Киссан Рабгузий») 70, 114, 121, 122, 124, 126, 169
Повесть о пророках 121
Повесть о Юсуфе 170
Полезные советы старости («Фавоид ул-кибар») 347
Полная история («Тарихи комил») 33
По следам древнехорезмийской цивилизации 24, 30
Пособие по медицине («Дастур-илож») 388
Поэзия тюрков VI, VIII вв. 52
Поэма Алишера Навои «Лейли и Меджнун» (Алишер Навоийнинг «Лайли ва Мажнун» дostonи) 310
Поэма о Сайфулмулуке 401
Поэтика 61
Привлекательные истории («Таворихи гузида-нусратнома») 381, 384, 393, 428
Проблемы творческого метода в восточной литературе («Шарк адабиётида ижодий метод масалалари») 66
Путь рая («Нахжул-фародис») 113
Пятерница («Хамса») 3, 90, 222, 227, 240, 241, 245, 247, 250, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 287, 303, 319, 327, 328, 348, 361, 442, 457
Пятерница изумленных («Хамсат ул-мутахайирин») 217, 231, 242, 335, 341, 348, 455, 456
- Райское блаженство («Равзат ус-сафо») 218
Разговор птиц 233
Райский сад возлюбленных («Равзат ул-ашъор») 193
Редифы стихов («Радойиф ул-ашъор») 193
Рассказы попугая («Тутинома») 259
Рассыпанные жемчужины («Насрул-лаолий») 259
Рашахот 142
Редкая жемчужина времени о достойных людях своего века («Иатимат ад-дахр фи махасин ахл ал-аср») 92, 93, 99, 100
Редкие концы («Наводирун-нихоя») 240
Редкости начала («Бадоеъ ул-бидоя») 240
Редкости юности («Наводир уш-шабоб») 271, 347
Река праведных («Дарёйн аброр») 268, 345
Рисола (Трактат Хусайна Байкары) 223
Родоначальник узбекской литературы 225
Русские писатели о литературном труде 281

- Сад истин 283
Сад лучей 283
Саламон и Абсал 61
Сборник избранных («Мажмаул-хавос») 352
Сборник летописей 200, 202
Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде 104
Сборник поэтов («Мажмуат ут-шуаро» Фазлий) 352
Сборник поэтов Ферузшаха («Мажмуат ут-шуарои» Ферузшохи) 352
Свеча собрания («Шамъи анжуман») 352
Сельджукнаме 127
Семантика газелей Бабура
Семь красавиц («Хафт пайкар») 90
Семь престолов («Хафт авранг») 281
Семь странников («Сабъаи сайёр») 240, 277, 311, 319, 327
Сердцевина сердец («Лубоб ул-албоб») 335, 349
Сиявуш 35
Сияние («Ламоат») 347
Сиятсатнаме 65, 127, 450
Синдбанднаме 127
Сказание о Сейфульмулуке («Киссаи Сайфульмулук») 430, 431, 433, 434, 440
Сливки летописей («Зубдат ут-таворих») 143, 218, 361, 362
Смятение праведных («Хайрат ул-аброр») 234, 240, 257, 278, 280, 282, 283, 286, 290, 291, 292, 293, 294, 328, 347, 442
Собрание желанных («Мажма ул-хавас») 381, 396
Собрание избранных («Мажолис ун-нафайс») 12, 130, 145, 146, 147, 148, 151, 155, 160, 179, 186, 216, 217, 229, 271, 335, 347, 351, 353, 372, 375, 376, 391, 396, 419
Собрание литераторов («Мужъжамул-удабо») 60
Собрание летописей («Жамеъ ут-таворих») 104, 111, 419
Современники Навои 179
Сокровищница мыслей («Хазойин ул-маоний») 227, 233, 242, 271, 347, 456
Сокровищница тайн («Махзанул-асрор») 14, 90, 146, 147, 277, 283
Соломон и Абсал 226
Сорок хадисов («Арбаин») 129, 194
Спор Вина и Опиума («Чогир ва Банг мунозараси») 129, 194
Спор Зумы и Лета («Ез ва киш мунозараси») 151
Спор между Стрелой и Луком 194
Спор музыкальных инструментов («Созлар мунозараси») 194, 219
Спор птиц («Кушмар мунозараси») 333
Средняя жемчужина в ожерелье («Васитат ул-икд») 22, 226, 346
Среднеазиатский тавсир 70
Средство достижения цели («Муиннул-мурод») 113
Стабейшая тюркская версия поэмы «Хосров и Ширин» Кутба 117
Стена Искандера («Садди Искандарий») 237, 240, 276, 294, 319, 326, 328
Стихотворное послание Сайиду Хасану Ардашеру 270
Стихотворный трактат о муамма («Рисолаи муаммон манзум») 356
Страницы Ибрагима («Сухуфи Иброхим») 352
Стриангея и Зариня 40

- Суфизм и суфийская литература 63
 Суждение о двух языках («Мухокаматул-луготайн») 90, 151, 185, 188, 217, 244, 335, 347, 355, 361, 368
 Суфизм и суфийская литература 63
 Сухейл и Гулдурсун 115, 119
 Тахир и Зухра
 Трактат о муамма («Рисолаи муаммо») 226, 335, 356
 Трактат о письме («Рисолаи хат») 58
 Трактат о разуме 58
 Трактат об арузе («Рисолаи аруз») 163, 226, 388, 406
 Тридцать книг («Синаме») 127
 Труды Ютакэ 10
 Туркестан 104
 Тысяча и одна ночь 432, 434
 Удивительные события («Бадое ул-вакре») 381, 391, 392, 419, 421
 Удивительные события из жизни Тимура («Ажойиб ул-макдур фи ахбори Темур») 143
 Украшение драгоценностей («Накш фусус») 226
 Узбекская литература 18, 155, 228, 430
 Узбекский народный героический эпос 166
 Узбекская поэзия в первой половине XV века 156, 165, 193, 230
 Улуг узбек шоири 142
 Упоминания о друзьях («Музаккир ул-ахбоб») 352, 381, 390, 391, 393, 396, 421, 430, 431, 443
 Урджуза 61
 Усердие ученых («Риез ул-орифин») 353
 Фани и Хафиз 82
 Фармакогнозия («Сайдана») 59
 Фархад и Ширин ~~83, 240~~, 295, 303, 309, 347, 368
 Хай ибн Якзан 61
 Харобот 353
 Хосров и Ширин 90, 116, 117, 118, 456
 Хумаюннаме 127
 Цветник («Гулзор») 399, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 452
 Цветник весны 335
 Цветник Навои («Навоий гулшани») 282
 Цветник тайн («Гулшани асрор») 445
 Цель поведения («Максуд ул-атвор») 442
 Черты общественной жизни 212
 Четки праведных («Сабхат ул-аброр») 226, 347
 Четыре времени года («Фусули арбаа») 267
 Чистота сердец («Нузхатул-кулуб») 111
 Чудеса детства («Гаройиб ус-сигар») 233, 347
 Шахнаме 23, 25, 27, 28, 35, 41, 57, 83, 90, 91, 163, 277, 288, 320, 386, 457
 Шейбанинаме 127, 381, 393, 397, 398, 401, 419, 422, 423, 425, 427, 429, 430, 432, 456
 Шесть необходимостей («Ситтаи зарурия») 267
 Энциклопедия имен («Комус ул-альом») 24
 Эпилог жизни («Хотимат ул-хаёт») 226
 Юсуф и Зулейха 151, 169, 170, 171, 172, 226, 347, 455
 Язык птиц 233, 244, 294

Содержание

От Института	5
Введение	7
Тюркские памятники с древнейших времен до X века	21
Древние повести	36
Письменные памятники	44
Орхоно-енисейские письменные памятники	50
Общественно-политическая мысль и культура Средней Азии	
X—XII вв.	53
Литература на тюркском языке	62
Юсуф Хас Хаджиб	73
Литература на персидском языке	81
Литература на арабском языке	92
Общественно-политическая, культурная и литературная жизнь Средней Азии в XIII—XIV вв.	103
Рабгузи	121
Жанр «наме» в узбекской литературе	126
Хорезми	132
Культурная и литературная жизнь первой половины XV века	139
Лутфи	154
Дурбек	169
Атон	178
Гадон	186
Мунозаре в узбекской литературе	193
Культурная и литературная жизнь Хорасана и Мавераннах-ра во второй половине XV века	207
Жизненный путь Алишера Навои	230
Лирическое наследие Навои	250
«Пятерица» Алишера Навои	276
Поэма «Язык птиц» Навои	328
Прозаическое наследие Навои	334
Культурная и литературная жизнь XVI в.	379
Захириддин Мухаммад Бабур	401
Мухаммад Салих	419
Маджлиси	430
Ходжа	441
Послесловие	453
Указатели	459

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. В 2-Х ТОМАХ. Т. I

(С древнейших времен до XVI в.)

*Утверждено к печати Ученым советом Института языка
и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, Бюро Отделения
истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор Э. Р. Торсян
Художник Н. Н. Пирогов
Художественный редактор Б. А. Хайбуллин
Технический редактор Л. П. Тюрина
Корректор А. А. Ковалева

ИБ № 3897

Сдано в набор 29.04.87. Подписано к печати 27.05.87. P03613. Формат
84×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 23,79. Уч.-изд. л. 24,2. Тираж 1800. Заказ 91.
Цена 4 р.

Адрес Издательства «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

